СЛОВА И РѢЧИ

СѴНОДАЛЬНАГО ЧЛЕНА

ФИЛАРЕТА,

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ. *Матѳ. XXVIII.* 20.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СЕМЕНА.
1844.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Генваря 13-го дня, 1844 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ, Виѳанской Семинаріи Ректоръ
Архимандритъ Филоѳей.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

212247

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРАГО ТОМА.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

СЛОВА

НА ДНИ СВЯТЫХЪ.

Стран.

1. СЛОВО въ день Алексія Митрополита и въ недѣлю Сыропустную, говоренное въ Каѳедральномъ Чудовѣ Монастырѣ, Февраля 12 дня, 1822 года. *Объ отношеніяхъ между Пастырями и пасомыми.* 3
2. СЛОВО въ тотъ же день, говоренное во вторникъ Сырныя недѣли. *О покаяніи.* 15
3. СЛОВО въ тотъ же день, говоренное въ субботу первыя недѣли Великаго Поста 1844 г. 26
4. СЛОВО въ день Святителя Николая, говоренное въ Николаевскомъ Перервинскомъ Монастырѣ, Маія 9 дня, 1822 года. *О ревности.* 36
5. СЛОВО въ день Св. Мученика Димитрія Царевича. *О неповинномъ страданіи.* 46
6. СЛОВО въ тотъ же день. *О жертвѣ Христіанина.* . 56
7. СЛОВО въ день обрѣтенія мощей Св. Алексія Митрополита, говоренное въ Каѳедральномъ Чудовѣ Монастырѣ, 20 Маія, 1822 г. *Объ ожиданіи пришествія Христова.* 65

II.

Стран.

8. СЛОВО въ тотъ же день. Изъ словъ: *поминайте наставники ваша.* 76
9. СЛОВО въ тотъ же день. *О поученіи въ Словѣ Христовомъ.* 84
10. СЛОВО въ день Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла. 95
11. СЛОВО въ день обрѣтенія мощей Преподобнаго Сергія, говоренное въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ, Іюля 5 дня, 1822. *О духѣ монашества.* 104
12. СЛОВО въ тотъ же день. *О судѣ Святыхъ.* . . . 115
13. СЛОВО въ тотъ же день. *Ученіе о благословеніи.* . 127
14. СЛОВО въ тотъ же день. *Ученіе объ искушеніяхъ.* . 138
15. СЛОВО въ тотъ же день. *О вѣрѣ и о вѣрности въ маломъ.* 147
16. СЛОВО въ тотъ же день. *О молитвѣ во имя Господа Іисуса.* 156
17. СЛОВО въ день Св. Пророка Иліи, говоренное въ церкви Св. Пророка Иліи на Воронцовскомъ полѣ, 1830 года. *О крестномъ ходѣ.* 166
18. СЛОВО на память Преподобнаго Сергія, Радонежскаго Чудотворца, говоренное въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ, Сентября 25 дня 1821 года. *О нетлѣніи мощей.* 174
19. СЛОВО въ тотъ же день. *О скорбяхъ на пути въ царствіе Божіе.* 187
20. СЛОВО въ тотъ же день. *О молитвѣ преимущественно Церковной.* 196
21. СЛОВО въ тотъ же день. *О подражаніи Святымъ.* . 205
22. СЛОВО въ день Собора Архистратига Михаила. *О бытіи Ангеловъ, и дѣйствованіи на человѣковъ.* 215
23. СЛОВО въ тотъ же день. *Объ отношеніяхъ между Ангелами, видимымъ міромъ и человѣками.* . 225
24. СЛОВО въ день Преподобнаго Никона. 233

ОТДѢЛЕНІЕ V.

СЛОВА

ПРИ ОСВЯЩЕНІИ ХРАМОВЪ

Стран.

1. СЛОВО по освященіи храма Св. Мученицы Татіаны, при Московскомъ Университетѣ, Сентября 12 дня 1837 года. 245
2. СЛОВО по освященіи храма Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, въ домѣ воспитанія бѣдныхъ дѣтей и призрѣнія престарѣлыхъ и немощныхъ, Сентября 28 дня, 1839 года. . . . 257
3. СЛОВО по освященіи храма Святаго Великомученика Димитрія, въ домѣ призрѣнія для вѣдомства Духовнаго Попечительства, устроенномъ Гвардіи Капитаномъ Дмитріемъ Петровичемъ Горихвостовымъ, Октября 2 дня 1832 года. . . . 268
4. СЛОВО при освященіи храма Святыя Живоначальныя Троицы, созданнаго тщаніемъ Княгини Евдокіи Николаевны Мещерской, и при открытіи основаннаго сю, Высочайше утвержденнаго Борисоглѣбскаго женскаго общежитія, Маія 4 дня 1822 года. 175
5. СЛОВО при освященіи храма Святыя Великомученицы Екатерины, при Екатерининскомъ Институтѣ, Сентября 14 дня, 1830 года 286

IV.

Стран.

6 СЛОВО по освященіи храма Святаго Духа, на Московскомъ Даниловскомъ кладбищѣ, Сентября 25 дня, 1832 года *О молитвѣ за усопшихъ* . 294

7. СЛОВО по освященіи храма Святителя Митрофана въ Хотьковѣ Монастырѣ, Іюня 29 дня 1833 года. 307

8 СЛОВО по освященіи храма Святыя Равноапостольныя Маріи Магдалины, въ Градской больницѣ, Іюля 22 дня 1833 года . . . . . , . 316

9. СЛОВО по освященіи храма Святыя Великомученицы Екатерины при Московской Екатерининской больницѣ, Августа 20 дня 1833 года. . . . 226

10 СЛОВО по освященіи храма Святителя Николая, что въ Толмачахъ, Ноября 25 дня 1834 года. *О пребываніи благодати Божіей въ Церкви до скончанія вѣка* 335

11. СЛОВО по освященіи придѣльнаго храма Святителя Николая, болѣе извѣстнаго по другому олтарю, во имя Преподобнаго Сергія, что въ Рогожской слободѣ, Декабря 16 дня 1834 года. . . 346

12. СЛОВО по освященіи Градо-Клинскаго Соборнаго храма Пресвятыя Троицы, Мая 24 дня 1836 года. 355

13. СЛОВО по освященіи храма Святителя Іакова, въ первоклассномъ Ставропигіальномъ Іаковлевскомъ Монастырѣ, Іюня 14 дня 1836 года. . 367

14. СЛОВО по освященіи храма Преображенія Господня, что на Ордынкѣ, Сентября 20 дня 1836 года 377

15 СЛОВО въ день Обновленія храма Воскресенія Христова, что въ Барашахъ, Сентября 13 дня 1837 года. 387

16 СЛОВО по освященіи храма Святыя Живоначальныя Троицы, въ Московскомъ Даниловѣ Монастырѣ, Сентября 13 дня 1838 года. *Ученіе о преданіяхъ.* 396

17. СЛОВО по освященіи храма Святаго Праведнаго Филарета въ Спасоборфдинскомъ Монастырѣ, и

Стран.

при обновленіи сей новоучрежденной обители, Іюля 23 дня 1839 года. 406

18. СЛОВО по освященіи храма Воскресенія Христова въ селѣ Гуслицахъ, Сентября 22 дня 1840 года. 415

19. СЛОВО въ день Сошествія Святаго Духа, по освященіи храма Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, что въ Шубинѣ, Іюня 8 дня 1842 года. . 426

20 СЛОВО по освященіи храма явленія Божіей Матери Преподобному Сергію, устроеннаго надъ мощами Преподобнаго Михея въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ, Сентября 27 дня 1842 года. 436

21 СЛОВО по освященіи храма Св. Іоанна Богослова, что въ Бронной, Октября 14 дня 1842 года. . . 448

22. СЛОВО по освященіи Богородице-Рождественскаго храма, что въ Столечникахъ, Ноября 29 дня 1842 года 456

23. СЛОВО по освященіи храма Пресвятыя Богородицы, Взыскательницы погибшихъ, устроеннаго при замкѣ пересыльныхъ арестантовъ, Декабря 23 дня 1843 года. 470

24. СЛОВО по освященіи храма Святителя Николая, въ Перервинскомъ Монастырѣ. 479

25. СЛОВО по освященіи храма. Изъ словъ: *покажи дому Израилеву храмъ*. 490

26. СЛОВО по освященіи храма на кладбищѣ. *Изъясненіе обычая погребать усопшихъ при церкви*. . 499

27. СЛОВО по освященіи древняго храма Успенія Пресвятыя Богородицы, Сентября 28 дня 1844 года. 507

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

СЛОВА

ВО ВРЕМЯ ГУБИТЕЛЬНОЙ БОЛѢЗНИ.

Стран.

1. СЛОВО по освященіи храма и по принесеніи Господу Богу молитвъ о предохраненіи отъ губительныя болѣзни, говоренное Сентября 18 дня 1830 года 517

2. СЛОВО въ день Святыхъ трехъ Святителей Московскихъ, при продолженіи молитвъ о избавленіи отъ губительныя болѣзни, говоренное въ Моск. Большомъ Успенскомъ Соборѣ, Октября 5 дня 1830 года. 523

3 СЛОВО въ недѣлю двадесятую по Пятьдесятницѣ, при воспоминаніи освобожденія Москвы отъ Галловъ, и при продолженіи молитвъ о избавленіи отъ губительныя болѣзни, говоренное въ Моск. Большомъ Успенскомъ Соборѣ, Октября 12 дня 1830 года. 529

4 СЛОВО въ недѣлю двадесять вторую по Пятьдесятницѣ, при продолженіи молитвъ о избавленіи отъ губительныя болѣзни, говоренное въ Троицкой Церкви Страннопріемнаго Графа Шереметева Дома, по случаю возобновленія оныя, Октября 26 дня 1830 года. 535

Стран.

5. СЛОВО въ день Восшествія на Всероссійскій Престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, говоренное въ Каѳедральной Церкви Чудова Монастыря, Ноября 20 дня 1830 года. 544

6. СЛОВО въ день Тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, по полученіи Высочайшаго повелѣнія о возстановленіи сообщеній Москвы, прерванныхъ по предосторожности противъ губительныя болѣзни, говоренное въ Каѳедральной Церкви Чудова Монастыря, Декабря 6 дня 1830 года. 554

Аще бо благовѣствую, нѣсть мн҃ похвалы, нѹ́жда бо мн҃ належи́тъ: го́ре же мн҃ѣ е҃сть, а҃ще не благовѣствую. а҃. Кор. ѳ҃. ѕ҃і.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

СЛОВА

НА ДНИ СВЯТЫХЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

СЛОВА

НА ДНИ СВЯТЫХЪ.

1. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ АЛЕКСІЯ МИТРОПОЛИТА, И ВЪ НЕДѢЛЮ СЫРОПУСТНУЮ, ГОВОРЕННОЕ ВЪ КАѲЕДРАЛЬНОМЪ ЧУДОВѢ МОНАСТЫРѢ, ФЕВРАЛЯ 12 ДНЯ, 1822 ГОДА.

Овцы Мои гласа Моего слушаютъ, и Азъ знаю ихъ: и по Мнѣ грядутъ, и Азъ живота вѣчный даю имъ. Іоан. X. 27. 28.

Въ сихъ словахъ Іисусъ Христосъ, истинный Пастырь и Посѣтитель душъ, и Образъ всѣхъ духовныхъ пастырей, изображая Себя и Своихъ овецъ, даетъ наставленіе всѣмъ намъ, каковъ долженъ быть Пастырь для своихъ овецъ, и въ какомъ союзѣ должны быть овцы съ своимъ Пастыремъ. *Овцы*

Моя гласа Моего слушаютъ, и Азъ знаю ихъ: и по Мнѣ грядутъ, и Азъ животъ вѣчный даю имъ.

Какъ радостно видѣть теперь,—и Пастыря по сему образу, и овецъ въ семъ союзѣ съ Пастыремъ! Хрістоподобный Пастырь, Святитель Алексій, конечно, зналъ и знаетъ овецъ сего словеснаго стада, и его духовную потребность, и вѣрность его послушанія, когда предоставилъ и предоставляетъ ему донынѣ сей безцѣнный залогъ, — свои священные останки; конечно желалъ и желаетъ намъ жизни вѣчной, когда въ самомъ гробѣ своемъ открылъ и не престаетъ открывать источникъ благодатныхъ исцѣленій и надежду вѣчной жизни Се, и новыя овцы древняго стада его, сколь ни давно уже онъ безмолвствуетъ, еще слушаютъ гласа его; хотя онъ здѣсь—покоится на ложѣ своемъ, а тамъ — далеко шествуетъ въ небесахъ, еще приходятъ лобызать слѣды его. О, если бы всѣ овцы сего великаго стада таковы были къ Пастырю своему, каковы предстоящія теперь въ сей священной оградѣ! О, если бы предстоящіе здѣсь, каковы въ сей торжественный часъ, таковы были во всю жизнь свою, во-первыхъ къ Пастыреначальнику Іисусу Хрісту, а по Немъ и ко всякому отъ Него поставленному Пастырю!

Можетъ быть на сіе скажутъ: *врачу, исцѣлися самъ* (Лук. IV. 23)! Пріемлю совѣтъ; признаю немощь; желаю увраченія; ищу врачества во врачебномъ хранилищѣ слова Хрістова, и, какъ извѣстно, что и поставленные врачевать другихъ не могутъ врачевать сами себя, избираю врачемъ Бого-

носнаго Алексія, дабы его рукою, то есть, посредствомъ его предстательства и его примѣра, почерпнуть изъ слова Христова духъ и силу Пастыря.

Азъ знаю ихъ, говоритъ Іисусъ Христосъ объ овцахъ Своихъ. И такъ свойство истиннаго Пастыря есть знать своихъ овецъ; или, если совершенное знаніе принадлежитъ токмо испытующему сердца Іисусу, (Который потому и есть *единый Пастырь* (Іоан. X. 16), коего пастырства отчасти причащаются всѣ пастыри), по крайней мѣрѣ истинный Пастырь, по образу Христову, долженъ употреблять всѣ возможныя усилія, чтобы знать своихъ овецъ и внутреннее ихъ состояніе. Подлинно, сіе необходимо. Если Пастырь не знаетъ своихъ овецъ: онъ, можетъ быть, вздумаетъ преслѣдовать чужихъ — суетный трудъ, и оставитъ своихъ — погибель! Если онъ не знаетъ особеннаго состоянія нѣкоторыхъ изъ нихъ: статься можетъ, что новорожденнымъ, вмѣсто *словеснаго нелестнаго млека, отъ котораго бы онъ расли во спасеніе* (1 Пет. II. 2), онъ предложитъ *твердую пищу* (Евр. V. 14.), а крѣпкихъ захочетъ питать млекомъ; удалитъ отъ воды жаждущихъ; простретъ жезлъ на немощныхъ; не дастъ покоя имѣющимъ во чревѣ. Кажется, притча ясна истина очевидна; не нужно изъясняться о семъ болѣе, для тѣхъ, которымъ должно разумѣть всѣ притчи.

Пастырю Алексіе! Какъ ты зналъ овецъ дарованныхъ, и даже издалеча проразумѣвалъ даруемыхъ тебѣ отъ Пастыреначальника, особенно дивнымъ образомъ открылось въ совершившемся тобою исцѣле-

нія Агарянскія царицы. Предпріемля для сего путь въ страну, омраченную зловѣріемъ, воистинну ты былъ Евангельскій Пастырь, оставившій девятьдесять и девять овецъ, и шедшій искать заблуждшія Кто могъ думать, что исканіе сіе будетъ не тщетно? Кто, кромѣ живущаго въ тебѣ Духа Божія, могъ предвозвѣстить тебѣ, что сія новая Сирофиникіянка, по вѣрѣ, отъ пея пожиданной, способна получить отъ Христа, еже хощетъ? Онъ вѣрно предвозвѣстилъ тебѣ сіе; и мы можемъ думать, что отверзши ей чудеснымъ образомъ очи тѣлесныя, ты бросилъ сй въ сердце и нѣкія искры свѣта духовнаго, и превратилъ козпище въ агпицу.

Но мы, пасущіе тамъ, гдѣ ты послѣ пастырскаго подвига почивасш, какъ мало ревнуемъ о духовномъ дарованіи прозорливости! Такъ мало, что нѣкоторые изъ насъ, можетъ быть, и не почитаютъ ея потребностію своего звапія. Нѣкоторые изъ пасъ, къ сожалѣнію, не имѣютъ, и, къ осужденію своему, не стараются имѣть даже обыкновеннаго познанія о внутреннемъ состояніи овецъ, имъ ввѣренныхъ. По слабому понятію о своемъ званіи, нѣкоторые почти все дѣло пастыря ограничиваютъ свиряніемъ на свирѣли, предками пастроенной; другіе превозносятъ искусство гласа и слова; иные полагаются на крѣпость жезла: или, сказать безъ притчи, одни думаютъ, что все дѣло священника состоитъ въ священослуженіи по древнему чиноположенію; другіе выше всего поставляютъ искусственную проповѣдь; иные надѣются спасти духовное стадо свое одною властію вязать и рѣшить, какъ бы ни была она упо-

требляема. Необходимо и спасительно все, и священнослуженіе, и проповѣдь, и власть вязать и рѣшить: но все сіе требуетъ мудрыхъ рукъ и разсудительнаго употребленія, и не то или другое по случаю, но все совокупно и въ порядкѣ приводитъ ко спасенію. Что, если мы только свиряемъ, а овцы требуютъ пищи; если мы хотимъ дать имъ пищу въ словѣ нашемъ, но съ трапезы нашей сыплются только сухія плевы, или цвѣты, увеселяющіе, но не питающіе; если мы угрожаемъ жезломъ, гдѣ надлежало бы утѣшать, или разрѣшаемъ, гдѣ надлежало бы устрашить вѣчными узами?—Пастырю истинный! пріими сіе исповѣданіе недостатковъ нашихъ; научи насъ примѣромъ Твоимъ *разумѣть разумѣвать души стада нашего* (Прит. XXVII. 23.), и ходатайствуй о насъ предъ Пастыреначальникомъ, да даруетъ намъ и ревность и искусство, знать овецъ, отъ Него намъ ввѣренныхъ, дабы мы умѣли и *изнемогшее подъять, и болящее уврачевать, и сокрушенное обязать, и заблуждающее обратить, и погибшее взыскать* (Езек. XXXIV. 4.), Его спасительною благодатію.

Азъ животъ вѣчный дамъ имъ, говоритъ еще Пастыреначальникъ объ овцахъ Своихъ. Очевидно, что сего не можетъ сказать никто, кромѣ Его: ибо единъ Онъ *имѣетъ ключи ада и смерти* (Апок. I. 18.). Но какъ Онъ во всякомъ дѣлѣ, которое совершилъ, и во всякомъ словѣ, которое произнесъ на земли, *даетъ намъ образъ, да якоже Онъ сотворилъ, и мы творимъ* (Іоан. XII. 15.), по мѣрѣ даруемой отъ Него благодати и ввѣряемаго намъ

служенія: то и въ семъ случаѣ, когда Онъ открываетъ въ Себѣ свойство добраго Пастыря, дающаго вѣчную жизнь овцамъ Своимъ, чрезъ сіе самое Онъ поучаетъ насъ, и заповѣдуетъ намъ, для ввѣренныхъ отъ Него словесныхъ овецъ не имѣть инаго намѣренія, какъ пріобрѣтеніе имъ вѣчной жизни. Сія мысль должна воспламенять наши молитвы, одушевлять слова, управлять поступками. Сію цѣль должно намъ имѣть въ виду, во всѣхъ отношеніяхъ нашихъ къ словеснымъ овцамъ, учимъ ли во храмѣ, бесѣдуемъ ли въ домѣ, утѣшаемъ ли въ скорби, разрѣшаемъ ли отъ грѣховъ, даже связуемъ ли,—и въ семъ послѣднемъ случаѣ, угрожая вѣчною смертію, мы должны имѣть въ намѣреніи вѣчную жизнь, дабы и стоящихъ на краю погибели *страхомъ спасти отъ огня восхищающе* (Іуд. I. 23,).

Такъ ли ходимъ мы въ служеніи пастырскомъ? Сюда ли точно устремлены всѣ наши мысли и желанія? *Приставили ль* мы, по изреченію Соломона, *сердце наше ко стаду нашему* (Прит. XXVII. 33)? Стараемся ли непрестанно умножать силу духа, дабы отъ себя и другихъ отрѣвать прахъ суеты, возметаемый вихремъ легкомыслія, и разгонять облако житейскихъ попеченій, коими закрывается отъ очей міра свѣтъ жизни духовной и вѣчной? Не случается ли напротивъ, что нѣкоторые изъ насъ, занимаясь менѣе важными дѣлами пастырскаго служенія, и то не съ довольнымъ вниманіемъ, теряютъ изъ вида великую послѣднюю цѣль онаго? Обезпечивая себя мыслію, что Датель жизни вѣчной есть единый Пастыреначальникъ, равнодушно смот-

рятъ на то, живутъ ли ввѣренныя имъ овцы жизнію благодати, заражены ли болѣзнію грѣха, или совсѣмъ духовно умираютъ. Были нѣкогда и такіе пастыри, которыхъ въ исканіи одной собственной корысти, вмѣсто спасенія овецъ, обличилъ Самъ Пастыреначальникъ: *се млеко ядите, и волною одѣваетеся, и тучное закалаете, а овецъ Моихъ не пасете. Пасоша пастыри самихъ себе, а овецъ Моихъ не пасоша. Се Азъ на пастыри* (Іез. XXXIV. 3. 8. 10.)! О, если бы мы могли быть увѣрены, что не встрѣтимъ болѣе столь невѣрныхъ пастырей, *непщующихъ пріобрѣтеніе быти благочестіе* (1 Тим. VI. 5.), осужденныхъ Пастыреначальникомъ!

Добрый и вѣрный Пастырю Алексіе! Сохрани насъ молитвами твоими отъ опаснаго небреженія и пагубной невѣрности предъ Пастыреначальникомъ. *Да подвизаемся*, по Апостолу, *добрымъ подвигомъ вѣры, да емлемся за вѣчную жизнь, въ нюже и званы есмы* (1 Тим. VI. 12.). *Никтоже*, и наипаче никто изъ пастырей, *своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо* (1 Кор. X. 24). *Да сокровиществуемъ себѣ*, и другимъ, *основаніе добро въ будущее, да вси пріимемъ вѣчную жизнь* (1 Тим. VI. 19.).

Но тогда, какъ я врачую себя, когда у ногъ Богоноснаго Пастыря поучаюсь обязанности Пастыря, — въ сей самый часъ я останусь виновнымъ противъ сей обязанности, если и для сего словеснаго стада не поищу слова исцѣленія и жизни. Благослови, Пастырю нашъ, и для овецъ твоихъ воспріять слово

Пастыреначальника; чрезъ тебя же да изыдетъ въ нихъ сила благовѣстія.

Овцы Моя гласа Моего слушаютъ, говоритъ Іисусъ Христосъ. И такъ свойство истинныхъ овецъ есть слушать своего Пастыря. Подлинно, если овцы не будутъ слушать Пастыря, сіе будетъ тоже, какъ бы совсѣмъ не было надъ ними Пастыря. Оглашаетъ ли онъ звукомъ свирѣли, взываетъ ли гласомъ устъ, возноситъ ли жезлъ, все сіе не принесетъ пользы и спасенія овцамъ, если онѣ, удалясь, не видятъ и не слышатъ, или упорствуя, не слушаютъ, или не бывъ пріучены, не внимаютъ. Овца, не слушающая Пастыря, есть вѣрная добыча хищнаго звѣря. Разрѣшимъ притчу. Христіане суть овцы пажити Христовой; Пастырь, котораго должны они слушать, первоначально и существенно есть Самъ Іисусъ Христосъ, а по Немъ и тѣ, кто бы ни были они, которые видимо представляютъ Его невидимое пастырство, и дѣйствуютъ ввѣренною отъ Него властію; ибо *Онъ*, какъ говоритъ Апостолъ, *далъ есть* Церкви *пастыри и учители, къ совершенію святыхъ въ дѣло служенія* (Ефес. IV. 11. 12.); и чтобы узнавали данныхъ отъ Него, Онъ поставилъ признакъ: *входяй дверьми, пастырь есть овцамъ* (Іоан. X. 2.), то есть, вступающій въ сіе служеніе посредствомъ благодатнаго избранія; и чтобы сихъ служебныхъ пастырей слушали, какъ-бы Самого верховнаго, Онъ провозгласилъ, что слушать ихъ и Его есть одно: *слушаяй васъ Мене слушаетъ* (Лук. X. 16.). Дворъ овчій и духовная пажить, гдѣ слышимъ гласъ Пастыря, гдѣ пища и спасеніе овецъ,

есть Церковь. Гласъ Пастыря есть молитва, ученіе, тайнодѣйствіе, управленіе, совѣтъ душеполезный. Если люди, называющіе себя Христіанами, оставивъ Церковь, блуждаютъ по дебрямъ расколовъ; *влающеся и скитающеся всякимъ вѣтромъ ученія, во лжи человѣчестѣй, въ коварствѣ козней льщенія* (Ефес. IV. 14.); если вмѣсто истиннаго Пастыря, входящаго дверьми, слушаютъ *прелазящихъ инуды* (Іоан. X. 1.), которые по суду Пастыреначальника, *татіе суть и разбойницы;* или если, и не отлучаясь отъ Церкви явно, не прилѣпляются однакоже къ ней искреннимъ, послушнымъ сердцемъ; не радятъ слушать Пастыря молящагося, учащаго, тайнодѣйствующаго; не ищутъ духовнаго совѣта; мечтаютъ, по невѣжеству и гордости, что они сами себя могутъ пасти и спасти: таковые, и подобные имъ, поелику не слушаютъ истиннаго Пастыря, то и не суть истинныя овцы; уклоняясь отъ послушанія спасительному гласу Пастыреначальника, они непримѣтно идутъ на встрѣчу льву, который *рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. V. 8.).

Сего ради, вы, предстоящіе здѣсь, въ священной оградѣ Пастыреначальника Христа, и избраннаго Пастыря Его Алексія! если, какъ самое присутствіе ваше свидѣтельствуетъ, сохраняете себя отъ болѣзни невниманія и непослушанія; какъ предохранительное врачебное средство, пріимите слово Пастыреначальника: *овцы Моя гласа Моего слушаютъ*, дабы воспоминаніемъ о семъ словѣ всегда возобновлялось и успливалось ваше къ Нему сердечное вниманіе и послушаніе, и дабы шумъ и соблазны

міра не увлекли инуды вашего сердца и помышленій. А тѣмъ, которыхъ душевное вниманіе отвлечено отъ Христа соблазнами, заглушено шумомъ суетъ, удалено заблужденіями, разсѣяно по прелестямъ міра и плоти, понесите отсюда, какъ врачевство противъ сей болѣзни духа, сіе слово Христово: *овцы Моя гласа Моего слушаютъ*. Да познаютъ они гласъ истиннаго Пастыря своего, и да возвратятся къ Нему раскаяніемъ и твердымъ намѣреніемъ слушать Его неуклонно.

Слушать неуклонно! Ибо, глаголетъ Пастыреначальникъ, *овцы Моя* не только *слушаютъ гласа Моего*, но и по *Мнѣ грядутъ*. Для чего иначе и слушать овцамъ пастыря, если не для того, чтобы неуклонно послѣдовать его водительству? Слушать Пастыря есть начало послушанія, но и то не всегда; ибо иногда слышатъ пастыря и хищные звѣри, но сіе не дѣлаетъ ихъ овцами: совершенное же послушаніе есть вѣрно послѣдовать слышанному. Спасительный гласъ указуетъ спасеніе; услышавъ его, мы еще не спасены: только тогда, когда твердыми стопами пойдемъ на сей гласъ, мы достигаемъ спасенія. И потому, слышишь ли Пастыря молящагося: не слушай только, но молись и ты; изъ дома молитвы приноси духъ молитвы и въ твой домъ и освящай имъ тайную храмину твою. Слышишь ли Пастыря учащаго: не слушай только, но и слагай глаголы его въ сердцѣ твоемъ; и какъ овцы, послѣ того, какъ примутъ пищу свою, отрыгаютъ ее изнутри, и повтореннымъ жваніемъ совершеннѣе приготовляютъ ее, дабы она превратилась въ ихъ плоть

и кровь; такъ и ты, послѣ того, какъ пріемлешь пищу слышимаго слова, отрыгни ее паки отъ сердца твоего, и прилѣжнымъ размышленіемъ о слышанномъ преврати оное себѣ въ плоть и кровь, или лучше сказать, въ духъ и жизнь, и, въ крѣпости духовной яди сей, твори дѣла не мертвыя и плотскія, но живыя и духовныя. Сіе заповѣдывалъ и древній строгій законъ, которымъ пасомъ былъ Израиль, когда пресвозглашалъ о заповѣдяхъ: *сотворивый та человѣкъ живъ будетъ въ нихъ* (Левит. XVIII. 5.). Къ сему призываетъ и свободный законъ Евангельскій: *приникій въ законъ совершенъ свободы, и пребывъ, сей не слышатель забытливъ бывъ, но творецъ дѣла, сей блаженъ въ дѣланіи своемъ будетъ* (Іак. I. 25.).

И въ семъ-то, слушатели, нужно и намъ, которые мнимся быть послушными, прилѣжно себя испытывать, не забытливые ли мы слушатели, по выраженію Апостола, *прельщающіе себя самихъ* (Іак. I. 22). Чего въ семъ случаѣ не можемъ опасаться мы, недостойные служители слова, когда, непосредственно Богомъ руководимый въ словѣ, Пророкъ испыталъ сіе непостоянство слушателей? Израильтяне говорили о Іезекіилѣ у забралъ и во вратахъ домовъ: *соберемся, и услышимъ исходящая изъ устъ Господнихъ* (Іез. XXXIII. 30.). Но въ сіе самое время Сердцевѣдецъ открылъ Пророку, что его слушать будутъ, какъ слушаютъ искуснаго пѣвца, изъ любопытства, безъ пользы: *и будеши имъ, яко гласъ пѣснивца сладкогласнаго благозвучнаго, и услышатъ глаголы твоя, и не сотворятъ ихъ*

(32). Подумайте и вы, не для того ли только собираетесь слушать исходящая изъ устъ Господнихъ, чтобъ слышать и судить, какъ мы говоримъ, не заботясь о исполненіи того, что мы предлагаемъ? — Увы намъ, Слове Божій! то, чѣмъ Ты Себя именуешь, что Ты еси, чѣмъ сотворилъ Ты вселенную, чѣмъ возвеличилъ человѣка, чѣмъ является мудрость, чѣмъ подается жизнь, — слово, священное, Божественное слово, мы сдѣлали зрѣлищнымъ игралищемъ!

Повторяю: прилѣжно испытывать должно намъ, не любопытные ли только, не забытливые ли мы слушатели слова, прельщающіе себя самихъ. И чтобы дать вамъ краткій способъ сего испытанія на сей самый день, присовокуплю краткое слово: въ сей день, священный самъ по себѣ, и достойный особеннаго вниманія, по пріуготовленію ко днямъ воздержанія и покаянія, внимайте Христу, а не суетѣ міра, послѣдуйте Христу, а не обуявшимъ рабамъ плоти. Кто нынѣ сохранитъ себя вѣрнымъ сему слову: о томъ и надѣемся, и съ надеждою молимъ, да и впредь будетъ *не слышатель забытливъ*, но творецъ дѣла, и наконецъ совершенно *блаженъ въ дѣланіи своемъ будетъ*. Аминь.

2. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СВЯТИТЕЛЯ АЛЕКСІЯ, ГОВОРЕННОЕ ВО ВТОРНИКЪ СЫРНЫЯ НЕДѢЛИ, ФЕВРАЛЯ 12 ДНЯ 1835 ГОДА, ВЪ КАѲЕДРАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ.

Яко ни въ чесомъ отъ полезныхъ обинухся, еже сказати вамъ, и научити васъ предъ людьми и по домомъ, засвидѣтельствуя Іудеемъ же и Еллиномъ, еже къ Богу покаяніе, и вѣру, яже въ Господа нашего Іисуса Христа. Дѣян. XX. 20. 21.

Въ сей день Церковь собрала насъ для благочестивой радости. Но въ сію недѣлю она приготовляетъ насъ къ благочестивой печали. Которому изъ сихъ противоположныхъ направленій теперь намъ преимущественно слѣдовать, или какъ согласить оныя между собою?

Праведна благочестивая радость о праведникѣ, совершившемся, прославленномъ, который былъ свѣтильникомъ сея церкви во время жизни на землѣ, и по смерти продолжаетъ быть для нея свѣтиломъ небеснымъ. Нужна благочестивая печаль, для

пашихъ неправдъ и грѣховъ, омрачающихъ жизнь, закрывающихъ свѣтъ благодати, преграждающихъ путь къ совершенству и блаженству. *Печаль бо, яже по Бозѣ, покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ* (2 Кор. VII. 10.).

Святый Апостолъ Павелъ собственнымъ примѣромъ показываетъ намъ возможность согласить и соединить противоположныя, по видимому, чувствованія духовной радости и духовной печали. *Нынѣ радуюся*, пишетъ онъ къ Коринѳскимъ Христіанамъ, *не яко скорбни бысте, но яко оскорбистеся въ покаяніе: оскорбѣсте бо по Бозѣ* (ст. 9.).

Мудрствованіе человѣковъ Божіихъ одинаково. Посему, думаю, что и Святый Алексій, не только не почтетъ радость дня своего нарушенною, но и возрадуется нынѣ о насъ, если усмотритъ насъ входящими въ спасительную печаль покаянія.

Итакъ побесѣдуемъ о покаяніи, и во-первыхъ, о потребности онаго, а потомъ, по требованію настоящихъ дней, о приготовленіи къ оному.

Бесѣдуя къ православнымъ Христіанамъ, я могу принять за основаніе разсужденія, что потребность какого либо дѣла будетъ доказана, какъ скоро показано будетъ, что сіе дѣло требуется истиннымъ Христіанствомъ, и существенно соединено съ онымъ. Посему надобно посмотрѣть, въ какомъ отношеніи находится покаяніе къ Христіанству.

Взойдемъ къ началу Христіанства. Іоаннъ Крститель былъ утреннею звѣздою предъ восхожденіемъ Солнца Христа. Ученіе Іоанново было зарею ученія Христова. Чему же училъ Іоаннъ? – Покаянію.

Бысть Іоаннъ крестяй въ пустыни, и проповѣдуя крещеніе покаянія во отпущеніе грѣховъ (Марк. I. 4.). *Крещеніе покаянія,* какъ бы вы ни толковали сіе выраженіе, даетъ разумѣть, что покаяніе въ ученіи Іоанна составляло главную черту, необходимую потребность, какъ и объясняетъ Евангеліе само себя, когда всю проповѣдь Іоанна заключаетъ въ слѣдующихъ словахъ: *покайтеся, приближибося царствіе небесное* (Мато. III. 2.).

Взошло Солнце правды. Насталъ день пришествія Христова. Просвѣтивъ Собою крещеніе во Іорданѣ, освятивъ Своимъ примѣромъ великую четыредесятницу поста въ пустынѣ, Іисусъ является въ Галилеѣ, дабы, какъ замѣчаетъ Евангелистъ, исполнить пророчество. *людіе сѣдящіи во тьмѣ видѣша свѣтъ велій, и сѣдящимъ въ странѣ и сѣни смертнѣй, свѣтъ созсія имъ* (Мат. IV. 16.). Что это за свѣтъ? — Слѣдующія за приведеннымъ пророчествомъ слова Евангелиста показываютъ, что онъ указуетъ на свѣтъ Божественной проповѣди Христовой: *отнолѣ начатъ Іисусъ проповѣдати.* О чемъ была сія Божественная и Свѣтоносная проповѣдь? — О покаяніи: *отнолѣ начатъ Іисусъ проповѣдати, и глаголати: покайтеся, приближися бо царство небесное* (ст. 17.).

Свѣтъ Христовъ долженъ распространяться. Лучами его содѣялись двѣнадцать Апостоловъ. Они посланы распространять свѣтъ: *посла ихъ проповѣдати царствіе Божіе* (Лук. IX. 2.). Какой же приносятъ они людямъ свѣтъ? Въ чемъ состоитъ

проповѣдь царствія Божія?—Это все тотъ же свѣтъ; все таже проповѣдь:—покаяніе. *Изшедше,* сказуетъ Святый Маркъ, *проповѣдаху, да покаются* (Марк. VI. 12.).

Послѣдуемъ за движеніемъ Солнца правды, чрезъ грозный часъ, когда силы тьмы думали на вѣки затьмить оное крестною смертію; но злоба, обманутая Провидѣніемъ, сдѣлалась слѣпымъ орудіемъ къ открытію новаго, могущественнѣйшаго свѣта воскресенія Хрістова, къ которому, безъ сомнѣнія, относится сіе видѣніе и предреченіе Пророка: *свѣтъ солнечный будетъ седмерицею въ той день* (Иса. XXX. 26.). Послѣ того, какъ вновь просвѣтила Апостоловъ новая четыредесятница, когда воскресшій Хрістосъ *деньми четыредесятьми являлся имъ, и глаголалъ, яже о царствіи Божіи* (Дѣян. I, 3.), тогда, какъ озарили ихъ огненные языки Святаго Духа, Который, по обѣщанію Хрістову, долженъ былъ *научить ихъ всему* (Іоан XIV. 26.), *наставить ихъ на всякую истину* (XVI. 13.);—тогда какъ множество народа, пораженное чудомъ сошествія Святаго Духа, Петровымъ обличеніемъ въ Хрістоубійствѣ и свидѣтельствомъ о воскресеніи Хрістовомъ, готовое къ принятію Христіанства, вопросило Петра и прочихъ Апостоловъ: *что сотворимъ, мужіе братіе?*—Какой, думаете, новый свѣтъ возблистаетъ изъ устъ Петра? Какое пролется ученіе? Какая возгремитъ проповѣдь?—всегда тотъ же свѣтъ, тоже всегда спасительное ученіе, таже всегда необходимая проповѣдь — покаянія. *Петръ же рече къ нимъ: покайтеся, и да крестится кійждо*

васъ во имя Іисуса Христа во оставленіе грѣховъ (Дѣян. II. 37. 38.).

Если бы кому пришло на мысль, что Петръ имѣлъ въ сіе время особенную причину проповѣдывать покаяніе; послику проповѣдывалъ тѣмъ, которыхъ въ тоже время обличалъ въ убіеніи Христа руками беззаконныхъ: для исправленія сего односторонняго взгляда на сей случай надлежитъ замѣтить, что слушателями Петра были, безъ сомнѣнія, всѣ удивленные свидѣтели сошествія Святаго Духа, и открывшагося въ Апостолахъ дарованія языковъ, а въ числѣ ихъ были многіе разнонародные пришельцы,—Парѳяне, Мидяне, Египтяне, Римляне, и прочіе, которымъ не было повода участвовать ни въ злоумышленіи Фарисеевъ, ни въ мятежныхъ вопляхъ Іерусалимлянъ, обманутыхъ ложною заботою о безопасности города и земли своей, но и тѣмъ Апостолъ не предложилъ иной проповѣди, кромѣ общей для всѣхъ проповѣди покаянія. Подобно и Апостолъ Павелъ представляетъ проповѣдь покаянія всеобщею потребностію и главнымъ дѣломъ Апостольскимъ, когда говоритъ о себѣ: *не быхъ противенъ небесному видѣнію* (то есть, призвавшему въ Апостольство), *но сущимъ въ Дамаскѣ прежде и во Іерусалимѣ, и во всякой странѣ Іудейстѣй, и языкомъ проповѣдую покаятися, и обратитися къ Богу, достойна покаянію дѣла творяще* (Дѣян. XXVI. 19. 20.).

Можетъ еще кто либо сказать, что Іоаннъ Креститель, Самъ Христосъ, Апостолы проповѣдывали покаяніе людямъ приготовляемымъ и призываемымъ

къ Христіанству; а мы, по благодати Божіей, отъ самаго младенчества уже Христіане; и потому это особенный вопросъ, какимъ образомъ и на насъ простирается обязанность покаянія. И подлинно. Апостолъ Павелъ относитъ *покаяніе отъ мертвыхъ дѣлъ* не къ *совершенію* Христіанства, но къ *основанію*, или начальному руководству и ученію онаго (Евр. VI. 1.). Впрочемъ онъ же показываетъ намъ и то, что сіе руководство и ученіе имѣетъ мѣсто и употребленіе не только въ преддверіи Христіанства, но и по вступленіи въ оное. Ибо кому изъявлялъ онъ свое удовольствіе о усмотрѣнномъ покаяніи, когда писалъ въ посланіи: *нынѣ радуюся, не яко скорбни бысте, но яко оскорбистеся въ покаяніе?* Кому?—*Церкви Божіей, сущей въ Коринѳѣ*, какъ означено въ началѣ посланія (2 Кор. 1. 1. 7. 9.). Итакъ видите не только нѣкоторыхъ Христіанъ, но цѣлую Церковь Христіанскую, входящую въ покаяніе, и Апостола, радующагося о ея вступленіи въ покаяніе. Не дѣйствительнымъ ли уже Христіанамъ писалъ и Апостолъ Іаковъ: *исповѣдайте убо другъ другу согрѣшенія, и молитеся другъ за друга, яко да исцѣлѣете* (Іак. V. 16.)? Не получившимъ ли отпущеніе грѣховъ своихъ въ крещеніи, новое въ покаяніи отпущеніе грѣховъ возвѣщаетъ и Апостолъ Іоаннъ, когда говоритъ: *аще исповѣдаемъ грѣхи наша, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша, и очиститъ насъ отъ всякія неправды* (1 Іоан. I. 9.)? И если у тѣхъ, которые, въ первыя времена Христіанства, въ полномъ возрастѣ, при свободномъ

употребленіи разсудка, по внутреннему убѣжденію, первымъ и рѣшительнымъ покаяніемъ отрекшись отъ всякія скверны плоти и духа, прошли сквозь всеочистительную баню крещенія,—если у нихъ послѣ, по времени, оказывались на ризѣ души болѣе или менѣе мрачныя пятна, требовавшія новой очистительной силы покаянія: то что сказать о насъ, которыхъ благодать крещенія посѣтила, безъ нашего вѣдома, не встрѣченная покаяніемъ, не сопровожденная благодарностію? Важное преимущество—быть ограждену святынею крещенія прежде, нежели прирожденное сѣмя грѣха развилось и разраслось въ грѣхахъ произвольныхъ: но довольно ли вѣрно воспользовались для насъ симъ преимуществомъ наши родители, воспріемники, воспитатели, наконецъ мы сами для себя? Не жили ль мы долго, совсѣмъ не думая о важности того, что носимъ въ себѣ святыню крещенія? Не тѣмъ ли болѣе имѣемъ мы нужду въ покаяніи по крещеніи, чѣмъ менѣе совершилось въ насъ покаяніе предъ крещеніемъ?

Но чтобы рѣшить дѣло короче, довольно сдѣлать одинъ вопросъ: имѣемъ ли мы на себѣ грѣхъ?— Если, паче чаянія, кто скажетъ: нѣтъ; таковому не обинуясь говорю: нѣтъ, ты обманываешь самъ себя, въ тебѣ нѣтъ истины; или лучше сказать, это не я, святый Іоаннъ Богословъ говоритъ: *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ, и истины нѣсть въ насъ* (1 Іоан. I. 8.). Но если, хочешь, или не хочешь, а надобно признаться, что грѣхъ на насъ есть: то чего ты хочешь далѣе? Умереть ли во грѣхѣ? Ибо *грѣхъ содѣянъ раждаетъ смерть*

(Iак. I. 15). Если сего не хочешь: то избери покаяние, ибо нѣтъ инаго пути изъ области грѣха и смерти.

Довольно о потребности покаянія. Скажемъ нѣчто, по требованію настоящихъ дней, о порядкѣ приготовленія къ оному.

Аще беззаконія назриши Господи, Господи, кто постоитъ (Псал. CXXIX. 3.)? — Если сіе изреченіе Псалмопѣвца, со времени перваго грѣха перваго человѣка, справедливо для всѣхъ и всегда: то какъ нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ нужды въ покаяніи, такъ и нѣтъ времени, въ которое было бы оно излишно. Такъ мыслитъ Церковь, которая ежедневно проситъ намъ у Господа *прочее время житія нашего въ мирѣ и покаяніи скончати.* Но хотя посему все житіе Христіанина должно быть провождаемо въ духѣ покаянія: однако исповѣданіе грѣховъ предъ служителемъ таинства, и принятіе благодатнаго разрѣшенія въ оныхъ, и духовнаго наставленія къ охраненію себя отъ оныхъ, можетъ быть только по временамъ. Если бы предоставить употребленіе таинства покаянія только частному ощущенію потребности и произволу каждаго, то не только нерадивый не имѣлъ бы поощренія, но и внимательный не имѣлъ бы довольной помощи. Посему надобно было установить нѣкоторый порядокъ, и опредѣлить времена.

Попеченіе, которое употребляетъ Церковь о чистотѣ одѣянія души твоей, можно уподобить попеченію, которое ты употребляешь о чистотѣ одежды твоего тѣла. Если бы тебѣ случилось упасть въ

грязь: то не поспѣшилъ ли бы ты омыть твою одежду? Такъ если бы впалъ ты въ тяжкій грѣхъ: то чѣмъ скорѣе очистилъ бы совѣсть твою покаяніемъ, тѣмъ лучше; Церковь готова принять тебя во всякое время. Но если бѣлизна твоей срачицы только не' много измѣняется отъ пота и пыли: ты продолжаешь носить ее нѣсколько времени, и уже предъ какимъ либо срочнымъ днемъ, на примѣръ, праздничнымъ, замѣняешь ее совершенно чистою Въ семъ случаѣ примѣръ порядка и неопрятнаго побуждаетъ подражать опрятному. Подобно сему Церковь, по временамъ, предъ праздниками, наипаче же предъ великимъ воспоминаніемъ спасительныхъ страданій, крестной смерти и воскресенія Христова, чтобы въ большей чистотѣ праздновать, какъ-бы срочнымъ образомъ приглашаетъ васъ убѣлять одѣяніе душъ вашихъ покаяніемъ и таинственною кровію Агнца, вземлющаго грѣхи міра, побуждая такимъ образомъ внимательнаго и малый прахъ грѣховъ невѣдѣнія, забвенія, разсѣянности, внезапности, отъ души отрясать,—а невнимательныхъ, привлекая къ очищенію примѣромъ внимательныхъ. На помощь покаянію призываетъ она постъ; приспособляетъ Богослуженіе къ возбужденію покаянныхъ чувствованій; и до того простираетъ матернюю о насъ заботливость, что, дабы легче ввести насъ въ подвиги поста, сдѣлала настоящую недѣлю преддверіемъ онаго, предписавъ для нея нѣчто среднее между постомъ и мясоястіемъ, и первые, не частые опыты постныхъ колѣнопреклоненій.

При видѣ столь снисходительнаго материнскаго

попеченія святыя Церкви о чадахъ своихъ, какъ болѣзненно, братія, видѣть въ тоже время столь далеко простирасмую невнимательность къ намѣренію чадолюбивыя матери, и даже превращеніе мудрыхъ и благодѣтельныхъ ея распоряженій! Церковь хочетъ приготовлять насъ къ воздержанію а у насъ въ сіе самое время больше обыкновеннаго владычествуетъ невоздержаніе въ пищѣ и питіи. Церковь думаетъ пріучать насъ къ труду колѣнопреклоненій: а у насъ многіе бросаютъ свой обыкновенный трудъ, не принимаясь за трудъ церковный, или больше, нежели работою, обременяютъ и утомляютъ себя безвременнымъ яденіемъ и питіемъ, непрерывными забавами и увеселеніями. Церковь помышляетъ, какъ бы вѣрнѣе, по очищеніи чувствъ воздержаніемъ, возвести насъ къ духовному высокими умы созерцанію странствія Владычня, безсмертныя трапезы, спасительныхъ язвъ Господнихъ, животнаго гроба, свѣтозарнаго воскресенія: а мы усиленно разсѣваемъ себя и отягчаемъ чувства изысканнымъ разнообразіемъ излишествъ, какъ будто намъ нужно заградить, а не открыть себѣ входъ въ область чистаго духовнаго созерцанія предметовъ спасительныхъ и Божественныхъ. Чѣмъ болѣе приближается постъ; тѣмъ болѣе умножаются сіи безпорядки: и дни, которые должны быть особенно тихи, какъ ближайшіе къ безмолвію поста и покаянія, едва ли не бываютъ самыми шумными въ году, и наименѣе охраняемыми отъ грѣха и суеты. Это ли повиновеніе Церкви? Это ли преддверіе поста? Это ли приготовленіе къ покаянію? Какой большой

сталъ бы нарочно усиливать свою болѣзнь сего дня, потому что намѣренъ лечиться завтра?

Чада Церкви! Вспомните, что истинныя чада ея суть, по Апостолу, *чада послушанія* (1 Петр. I. 14.). Послушайтесь же искренно ея материнскаго приглашенія къ покаянію. Послѣдуйте ея направленію въ приготовленіи къ покаянію. Если не вдругъ укрѣпитесь исполнить все, чего она отъ васъ требуетъ: по крайней мѣрѣ не покаряйтесь съ такимъ раболѣпствомъ суетѣ, излишествамъ и безпорядкамъ. Да охраняютъ васъ, да подкрѣпляютъ, да руководствуютъ на пути очищенія Силы небесныя, и молитвы Святителя Алексія, васъ нынѣ собравшаго, и при семъ смиренномъ словѣ предсѣдательствующаго. Аминь.

5. СЛОВО

НА ПАМЯТЬ СВЯТИТЕЛЯ АЛЕКСІЯ, ВЪ СУББОТУ ПЕРВЫЯ НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА

И рече къ нимъ: желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами. Лук. XXII. 15.

Одною изъ принадлежностей праздника обычай полагаетъ праздничную трапезу. Празднику духовному духовная и трапеза, безъ сомнѣнія, преимущественно приличествуетъ. Но и тѣлесной праздничной трапезы не отвергаетъ праздникъ, даже духовный: потому что мы не безтѣлесны; потому что насъ учатъ *прославлять Бога*, не только *въ душахъ*, но *и въ тѣлесѣхъ* нашихъ, и, *аще ямы, аще піемъ*, и сіе *въ славу Божію творити* (1 Кор. VI. 20. X. 31.). Была нѣкогда, и нынѣ есть, торжественная трапеза, тѣлесная, только не просто тѣлесная, которой желалъ вкусить, и не стыдился изъявить сіе желаніе даже Неимѣющій нужды ни въ какой трапезѣ, потому что Самъ *даетъ пищу всякой плоти* (Псал. CXXXV. 25.).

Желаніемъ, говоритъ, *возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами.*

Нынѣ мы празднуемъ блаженную память Святителя и Чудотворца Алексія. Какою же трапезою почтимъ сей праздникъ? Попеченію о трапезѣ тѣлесной не противорѣчитъ ли постное время? Трапезѣ духовной не воспрепятствуетъ ли наша духовная скудость? — Затрудненіе прекращаетъ сей же самый чинъ церковныхъ временъ, который нынѣ преимущественно вамъ открываетъ торжественную, не только духовную, но и Божественную трапезу, и конечно нѣтъ другаго дня въ году, въ который бы столь многіе, присные Богу, наслаждались Божественною трапезою, какъ въ нынѣшній.

По увѣщанію Евангельскому не станемъ *пещися и молвити о многъ* (Лук. X. 41.): но, какъ добродушно угощенные весело бесѣдуютъ, обращаясь наипаче къ угостителю; такъ и мы со всѣми пріобщившимися нынѣ трапезы Господней, и радостною мыслію, и благодарнымъ сердцемъ, и прославляющимъ словомъ, да обращаемся къ Великому Угостителю, Который воистинну *сотвори вечерю велію, и зва многи* (Лук. XIV. 16.). И тѣ, которые не послѣдовали еще сему зову, да слышатъ наше радостное исповѣданіе, и да поревнуютъ нашему благополучію: да пріидутъ, и *вкусятъ, и видятъ, яко благъ Господь* (Псал. XXXIII. 9.).

Если бы человѣкъ, высшій тебя званіемъ, тобою и всѣми чтимый по достоинству и добродѣтели, къ которому войти въ близость и знакомство ты и

самъ себя не удостоилъ бы, сверхъ чаянія, взыскалъ тебя, принялъ дружелюбно, и пригласилъ къ своему столу: какъ охотно ты поспѣшилъ бы на сей зовъ, съ какою радостію возвратился бы, съ какимъ удовольствіемъ говорилъ бы въ кругу искреннихъ твоихъ о угостителѣ и угощеніи. Что сказать, если бы такъ поступилъ Царь, и притомъ не съ какимъ нибудь избраннымъ служителемъ своего царствія, но съ рабомъ, и еще съ виновнымъ, и достойнымъ осужденія смертнаго? Но какъ еще малы сіи примѣры для уподобленія тому, что происходитъ между Хрістомъ и Христіаниномъ! Царь небесный, Сынъ Божій и Богъ, не только посылаетъ Своихъ рабовъ и служителей, но и Самъ сходитъ на землю, для тебя и для меня, — ибо какъ для всѣхъ человѣковъ безъ изъятія, то конечно и для тебя и для меня, и все равно, какъ если бы именно и единственно для тебя и для меня, — для насъ, рабовъ низшей и малой области безмѣрнаго царствія Его, и притомъ для рабовъ грѣха, для потомковъ преступника Адама, которые въ беззаконіяхъ зачинаемся, во грѣхахъ раждаемся, живемъ естественно не лучше своего рожденія, потому что жизнь наша еще въ прародителяхъ, не хотѣвшихъ довольствоваться благословенною райскою пищею, отравлена хищнымъ вкушеніемъ запрещеннаго плода, — для насъ приходитъ Небесный Угоститель, и не только питающую и услаждающую, но и врачующую и животворящую трапезу Самъ учреждаетъ, Самъ призываетъ къ ней, и Самъ преподастъ намъ то, что уготовалъ намъ въ пищу и питіе. *Пріими-*

те, глаголетъ, *ядите. Пійте отъ нея вси.* Глаголетъ, и нынѣ, и для насъ, то, что нѣкогда изрекъ Апостоламъ: потому что слово Его безсмертно, и всегда дѣйственно. — Здѣсь можно спросить, что достойнѣе удивленія, счастіе ли тѣхъ, которые вняли сему гласу Его, или невниманіе тѣхъ, которые сами себя лишаютъ сего счастія?

И что предлагаетъ намъ на Своей трапезѣ Небесный Угоститель! — Все, что нашли бы вы на самой великолѣпной трапезѣ царя земнаго, избранныя произведенія земной природы, многодѣльнымъ искусствомъ устроенныя въ пищу и питіе, которыя однако изящны только до употребленія, а послѣ употребленія идутъ въ тлѣніе, наравнѣ съ черствымъ хлѣбомъ нищаго, — все сіе было бы недостойно *Царя вѣковъ нетлѣннаго* (1 Тим. I. 17.), Который и трапезою Своею нетлѣніе распространять желаетъ. Что жъ? Не соберетъ ли Онъ всего, что, еще прежде тлѣнія грѣховнаго, Самъ, какъ Творецъ, положилъ въ природѣ вещей, способнѣйшаго къ питанію и услажденію? Не извлечетъ ли изъ глубины ея всѣхъ сокровищъ благотворной и врачебной силы, которыхъ такъ малые виды, вѣками, съ трудомъ, на угадъ, отыскиваютъ врачи земные? — И сіе было бы недостаточно, и для щедрости Учредителя таинственной трапезы, и для потребности причастниковъ ея. потому что Божественная только пища можетъ истинно питать, и только Божественное врачевство врачевать болящую душу человѣка, которая по началу своему есть дыханіе жизни отъ устъ Божіихъ. Но какъ

Божественное, по существу своему, не можетъ не быть сокровеннымъ для человѣка: то надлежало еще изобрѣсти средство содѣлать Божественную пищу и врачевство удобообрѣтаемыми и удобопріемлемыми для человѣка въ простотѣ вѣры. И такимъ образомъ Сынъ Божій предлагаетъ намъ въ таинственную пищу и питіе, и во всецѣлебное врачевство, подъ видами хлѣба и вина, Свое Божественное тѣло и Свою Божественную кровь. *Ядите*, глаголетъ, *сіе есть тѣло Мое. Пійте отъ нея вси, сія есть кровь Моя.*

Можетъ быть, вамъ представится нѣчто подобное сей трапезѣ въ томъ, когда мать питаетъ младенца млекомъ своимъ, которое только на время сего питанія отдѣляется изъ ея тѣла и крови. Но какъ мало и сіе подобіе предъ великимъ таинствомъ! Мать преподаетъ младенцу только избытокъ своего тѣла, приготовленный для сего природою, — преподаетъ безъ труда, и даже къ облегченію своему отъ избытка, который могъ бы обременить ее. Нашъ Божественный Питатель преподаетъ намъ самое тѣло Свое, — всецѣлое тѣло Свое, — преподаетъ со сладостію любви, безъ сравненія превышающей материнскую, но притомъ преподаетъ намъ тѣло Свое, горькимъ и смертнымъ страданіемъ уготованное намъ въ пищу. *Сіе есть*, глаголетъ, *тѣло Мое, еже за вы ломимое. Сія есть кровь Моя, яже за вы и за многія изливаемая.* Какъ пшеница страждетъ въ жерновахъ, и подъ рукою хлѣбодѣлателя, и въ разженной пещи, да будетъ хлѣбъ, укрѣпляющій сердце человѣка; какъ кровь

гроздова страждетъ въ утѣсненіи точила, да будетъ вино, веселящее сѣрдце человѣка: такъ благоволилъ воплощенный Сынъ Божій предать тѣло Свое на разнообразныя страданія Елеонскія, Іерусалимскія и Голгоѳскія, допустилъ многострадально источить кровь Свою въ предкрестныхъ и крестныхъ мученіяхъ, дабы въ нихъ уготовать намъ пищу и питіе жизни и врачеванія, безсмертія и блаженства.

Таинство тѣла и крови Христовы такъ дивно и непостижимо, что Богомудрые отцы наши, какъ бы опасаясь за простоту и твердость нашея вѣры, желаютъ, какъ-бы нѣкими подпорами, подкрѣпить ее своими Богомудрыми разсужденіями. *Понеже*, разсуждаетъ Св. Іоаннъ Дамаскинъ, *Адамъ сей*, то есть, вторый Адамъ, Іисусъ Христосъ, *духовенъ есть; подобаше и рожденію быти духовному, и пищи таковой же: обаче, поелику сугуби и сложни есмы, то подобаетъ и рожденію быти сугубому, и пищи сложной. Сего ради рожденіе убо намъ водою и духомъ, си есть святымъ крещеніемъ, дадеся; пища же есть самый хлѣбъ животный, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, съ небесе сшедый.* И далѣе: *како будетъ Мнѣ сіе, глаголетъ Святая Дѣва, понеже мужа не знаю? И отвѣщаа Ей Гавріилъ Архангелъ: Духъ Святый найдетъ на Тя, и сила Вышняго осѣнитъ Тя. И ты такожде вопрошаеши нынѣ: како хлѣбъ бываетъ тѣло Христово, и вино и вода кровь Христова? И азъ же тебѣ глаголю: Духъ Святый сходитъ, и сія творитъ паче слова и*

разума. Подобно и Святый Іоаннъ Златоустъ увѣщаваетъ: *да повинуемся во всѣмъ Богу, и ничто же вопреки да глаголемъ, аще и сопротивно быти видится нашимъ помысломъ и зрѣніямъ глаголемое; но да будетъ и помысла и зрѣнія нашего истиннѣйшее Его слово. Тако и въ таинствахъ да творимъ, не на предлежащая токмо взирающе, но глаголы Его содержаще: слово бо Его непогрѣшительно, чувство же наше удобь прельщаемо есть; слово Его никогда же измѣнляется, чувство же наше часть соблазняется. Егда убо слово рече: сіе есть тѣло Мое; и да повинуемся, и да вѣруемъ, и мысленными то да зримъ очима. Ничто же бо чувственно предаде намъ Христосъ, но чувственными убо вещми, вся же мысленная.*

Послику назначеніе настоящей жизни нашей таково, что мы должны, какъ изъяснился Апостолъ, *вѣрою ходить, а не видѣніемъ* (2 Кор. V. 7.): то и благодатные дары, подаваемые намъ въ пріобщеніи трапезы Господней, благодатное питаніе, врачеваніе, укрѣпленіе, просвѣщеніе, отраженіе зла, нетлѣніе, также наиболѣе вѣрою постигаются и упованіемъ объемлются, превыше видѣнія и ощущенія, хотя впрочемъ, по мѣрѣ вѣры, по мѣрѣ потребности, по мѣрѣ вниманія, достоинства, чистоты, и въ ощущеніи опытномъ и въ явственномъ дѣйствіи познаются многими многообразно. По многоразличной силѣ Божественной пищи и питія, по многоразличной премудрости и благости Божественнаго Питателя, ощутительный плодъ вкушенія трапезы

Господней является вѣрующимъ — то неизреченною радостію въ сердцѣ, то сладкою тишиною въ душѣ, то свѣтлостію въ умѣ, то глубокимъ миромъ въ совѣсти, то утишеніемъ обуревавшихъ искушеній, то прекращеніемъ страданій душевныхъ и телѣсныхъ, а иногда и совершеннымъ исцѣленіемъ, то живѣйшимъ ощущеніемъ любви къ Господу, или умноженіемъ ревности и силы къ духовнымъ подвигамъ и добродѣтелямъ. Но каковы бы ни были наши собственные въ сей тайнѣ опыты: скажу паки со Святымъ Златоустомъ: *да будетъ и помысла и зрѣнія нашего истиннѣйшее слово Господа нашего.* Послѣ того, какъ Онъ рекъ: *ядый Мою плоть, и піяй Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ; ядый Мою плоть, и піяй Мою кровь, имать животъ вѣчный* (Іоан VI. 56. 54.); — какъ дерзнемъ мы, хотя и недостойные причастники Его плоти и крови, — какъ дерзнемъ отрицать то, что Онъ въ насъ, и мы въ Немъ, и что мы въ Немъ имѣемъ животъ вѣчный, если только сами не удалимся отъ Него, если только сами не повергнемъ себя паки въ смерть грѣховную?

Одно изъ пріятнѣйшихъ удостовѣреній, какъ о необходимости для насъ, такъ и о спасительной благотворности трапезы Господней, имѣемъ мы въ томъ, какъ сильно желалъ ея Самъ Господь нашъ. Ибо, что значатъ слова Его къ Апостоламъ: *желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами?* Ветхозавѣтной ли пасхи такъ сильно желаетъ Онъ? Но она до сихъ поръ была обыкновенна, какъ совершаемая ежегодно; а отнынѣ должна совершенно

прекратиться, когда прообразованіе должно уступить мѣсто пришедшей истинѣ. Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что Онъ пламенно желаетъ пасхи новозавѣтной, — той пасхи, въ которой Самъ Себя приноситъ въ жертву, Самъ Себя предлагаетъ въ пищу. *Желаніемъ*, говоритъ, *возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами, прежде даже не пріиму мукъ*, — послѣ прообразовательной истинную, не только осязаемую, но и созерцаемую, не только вещественную но и духовную, и Божественную, не только закланную, но и живую, и животворящую, начинаемую прежде мукъ, дабы она была всегдашнею свидѣтельницею предъувѣдѣнія и свободнаго пріятія мукъ, но уже заключающую въ себѣ спасительное дѣйствіе креста для всѣхъ временъ, какъ свойственно дѣйствовать вѣчному началу. *Желаніемъ* любви и милосердія *возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами*: потому что въ ней запѣчатлѣвается вся Моя къ вамъ любовь, и вся ваша истинная жизнь и блаженство

Братія, сопричастники трапезы Господней! Если Господь, по Своей неизреченной любви, такъ пламенно желалъ ея не ради Себя, но ради насъ: какъ пламенно должны желать ея мы, по любви и благодарности къ Нему, и для нашего собственнаго блага и блаженства! Да согрѣваемъ нашу хладность пламенемъ любви Хрістовой. *Да не разлѣнимся*, возбуждаетъ Святый Златоустъ, *толикія сподоблени бывше любве и чести. Не зрите ли отрочатъ, съ коликимъ усердіемъ емлются сосцу, съ коликимъ устремленіемъ водружа-*

ютъ тамо уста? Съ толикимъ и мы да приступаемъ къ трапезѣ сей, и къ сосцу чаши духовныя, паче же и со множайшимъ желаніемъ да привлечемъ, яко ссущіе младенцы, Духа благодать. Аминь.

4. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ, ГОВОРЕННОЕ ВЪ НИКОЛАЕВСКОМЪ ПЕРЕРВИНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ, МАІЯ 9 ДНЯ, 1822 ГОДА.

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ. Евр. XIII. 7.

Сіе пишетъ Апостолъ Павелъ къ Евреямъ, то есть, къ обратившимся въ Христіанство изъ Еврейскаго народа, и вѣроятно, къ тѣмъ, которые жили въ Іудеѣ. Посему догадываться можно, что наставники, которыхъ онъ имѣлъ въ мысляхъ, суть именно Апостолы Іаковъ, братъ Іоанна, и Іаковъ, братъ Господень. Первый изъ сихъ скончался отъ меча, подъятаго на Церковь Іерусалимскую Иродомъ; а вторый пострадалъ отъ Іудейскаго первосвященника Анны и его скопища. Естественно, что дѣти Церкви съ горестію воспоминали столь бѣдственную потерю столь великихъ наставниковъ. Сіе-то расположеніе духа исправляетъ и возвышаетъ Апостолъ,

поучая воспоминать кончину благочестивыхъ наставниковъ не съ печалію, но съ благоговѣніемъ, не для оплакиванія, но для подражанія. *Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ.*

Поелику Апостолы говорили то, что подаваемо было имъ отъ Духа Святаго: то послушныя дѣти Церкви наставленія ихъ принимали какъ законы, и слово ихъ обращали въ дѣло. Отсюда обыкновеніе торжественно воспоминать отшедшихъ къ Богу наставниковъ Христіанскихъ, и, когда уже не поучаютъ они словомъ, поучаться ихъ примѣромъ.

Иные наставники просіяли словомъ премудрости, иные иными дарованіями духовными, на пользу Церкви. Воспоминаемый нынѣ наставникъ, Святитель Николай, ознаменовалъ себя преимущественно сильною вѣрою и ревностію по вѣрѣ.

Воспоминайте же его такъ, чтобы при томъ поучаться, и самымъ дѣломъ подражать его *ревности по вѣрѣ.*

Ревность есть духовный огнь. Какъ мудрость свѣтитъ въ умѣ, какъ любовь согрѣваетъ сердце: такъ ревность, сложное дѣйствіе оныхъ двухъ силъ, воспламеняетъ все существо, въ которомъ она есть. Она является въ немъ напряженною дѣятельностію, которая все, что можетъ ей покориться, могущественно направляетъ къ своей цѣли,—способное къ очищенію очищаетъ и возвышаетъ, смѣшенное раздѣляетъ, нечистое и тлѣнное разрушаетъ, противоборствующее отражаетъ и разсыпаетъ. Такъ рев-

ность Самого Бога изображаетъ Апостолъ, когда называетъ ее *ревностію огня, поясти хотящаго сопротивныя* (Евр. X. 27.).

По сему образу, ревность человѣка въ отношеніи къ вѣрѣ есть такое качество и расположеніе духа, по которому человѣкъ съ пламеннымъ желаніемъ и живѣйшею дѣятельностію старается, истинную вѣру, которую онъ позналъ и возлюбилъ, сохранить, распространить, очистить отъ примѣшенія суевѣрій и соблазновъ, и враговъ ея или умягчить и обратить, или довести до невозможности вредить ей.

Ревность по вѣрѣ есть *алчба и жажда правды* въ вѣрѣ, которая поколику обрѣтаетъ вѣру правую, потолику насыщается и блаженствуетъ; а когда или не обрѣтаетъ правыя вѣры, или видитъ ее ослабляему нерадѣніемъ ложныхъ Христіанъ, колеблему раздорами, угрожаему бѣдами, тогда *снѣдаетъ* (Іоан. II. 17.) самого ревнителя. Соломонъ, изображая сію огненную или снѣдающую силу ревности, говоритъ: *жестока, яко адъ, ревность* (Пѣсн. VIII. 6.). Аду ее уподобляетъ не потому, чтобы она хотѣла кого либо низринуть во адъ, — ибо сего не можетъ быть отъ истинной ревности, поелику въ составѣ ея есть любовь; — но или потому, что она, видя возлюбленныя творенія Божія на пути ко аду, и съ живѣйшимъ состраданіемъ представляя себѣ погибель, имъ предстоящую, сама въ себѣ чувствуетъ ихъ адъ; или потому, что ревность, съ избыткомъ растворенная любовію, готова бываетъ раздѣлить даже адскую участь съ тѣми, по которыхъ ревнуетъ, дабы облегчить участь сію для нихъ, и

своею опасностію исхитить ихъ отъ опасности. Такъ Апостолъ Павелъ, ревнуя по Израильтянахъ *ревностію Божіею*, побужденъ былъ сказать, что онъ *молилбыхся самъ отлученъ быти отъ Христа по Сратіи своей* (Рим. IX. 3.), то есть, дабы они во Христа увѣровали.

По сему и подобнымъ примѣрамъ, нѣкоторые, можетъ быть, думаютъ, что сія святая ревность не есть общая и всегдашняя обязанность, но даръ, низносылаемый благодатію не многимъ, на нѣкоторые особенные случаи, когда необыкновенныя опасности вѣры требуютъ необыкновенныхъ усилій для ея сохраненія и утвержденія. Подозрѣніемъ въ семъ образѣ разсужденія не касаемся мы тѣхъ, которые охладѣли въ вѣрѣ до такой степени, что не исполняютъ и обыкновенныхъ, всѣми признанныхъ, ея обязанностей: какъ искать ревности по вѣрѣ у тѣхъ, у которыхъ и самой вѣры въ дѣлахъ найти не можно? Нѣтъ ли такихъ, которые чтятъ вѣру, желаютъ, и употребляютъ нѣкоторыя усилія исполнять ея обязанности, поколику знаютъ ихъ, но у которыхъ ни въ исчисленіи должностей, ни въ спискѣ добродѣтелей не найдешь имени ревности? Не думаютъ ли, что намъ нѣтъ нужды въ ревности Павла, когда мы не назначены сражаться съ упорствомъ Іудеевъ, ни въ ревности Моисея, или Финееса, или Иліи, когда мы не живемъ среди мерзостей язычества?

Конечно, не всякому быть Моисеемъ или Финеесомъ, Иліею или Павломъ; когда и Моисей въ извѣстное время не могъ быть Финеесомъ, ни Финеесъ

Моисеемъ. Но если Моисей въ одномъ, а Финеесъ въ другомъ случаѣ, спасли цѣлый народъ Божій своею ревностію: не лучше ли было бы еще, когда бы такихъ ревнителей было болѣе? А изъ сего уже и видно, что если святая ревность не есть необходимая обязанность, по крайней мѣрѣ она есть желательная добродѣтель.

Но осмотримся внимательнѣе, не найдемъ ли мы ревности и между необходимыми нашими обязанностями. Что можетъ быть необходимѣе и повсемственнѣе обязанностей, которыя Самъ Богъ возложилъ на насъ десятію заповѣдями? Здѣсь ищу я закона ревности, и сіе искание нѣтъ нужды простирать далѣе первой заповѣди. *Азъ есмь Господь Богъ твой; да не будутъ тебѣ бози инии:* слышите ли вы въ сихъ словахъ, вмѣстѣ съ заповѣдію вѣры и любви, заповѣдь ревности? Вслушайтесь разборчиво. Когда небесный Законодатель провозглашаетъ Себя *Господомъ* и *Богомъ:* Онъ возвѣщаетъ Свою власть, и требуетъ нашей покорности; возвѣщаетъ Свое величіе, и поставляетъ насъ въ благоговѣніе предъ Нимъ. Когда же *не стыдится,* какъ выражается въ семъ самомъ предметѣ Апостолъ (Евр. XI. 16.), *нарицаться* Господомъ и *Богомъ нашимъ:* что являетъ Онъ намъ въ Себѣ, какъ не любовь, и что возбуждаетъ въ насъ къ Себѣ, какъ не любовь? Ибо что можетъ быть понѣе любовію отъ лица говорящаго, что любезнѣе для слышащаго, какъ сказать, какъ услышать говорящаго: *Я есмь твой.* И такъ вотъ заповѣдь любви. Но что далѣе? *Да не будутъ тебѣ бози инии,* развѣ

Мене. Что сіе значитъ, какъ не то, что Богъ, постановивъ между Собою и человѣкомъ союзъ любви, желаетъ укрѣпить его и возвысить до такого совершенства, чтобы любовь сія исключала всякую другую любовь, которая съ нею не согласна, и ей не подчинена, или, что тоже, открываетъ Свою ревность, и ревность намъ заповѣдуетъ? И такъ вотъ заповѣдь ревности. Изъясненіе сіе не вымышлено, а дано Самимъ Творцемъ закона, въ продолженіи десятословія: *Азъ бо есмь Господь Богъ твой, Богъ ревнитель* (Исх. XX. 5.).

Изъ сего не трудно усмотрѣть, какъ то, что обязанность, быть ревностнымъ по Богѣ и по вѣрѣ въ Него, лежитъ на каждомъ человѣкѣ, такъ и то, что обязанность сія простирается на всѣ времена и случаи: поелику заповѣдь ревности неразрывно связана Высочайшимъ Законоположникомъ съ заповѣдію любви къ Богу, которая никогда никакому исключенію подвержена быть не можетъ.

Но дабы ближе въ самомъ дѣйствіи усмотрѣть, какъ далеко можетъ и должна простираться святая ревность, вопрошаю: должно ли быть ревнительну по такомъ Богослуженіи, которое хотя и было правильное и Богомъ установленное, но, по Его же судьбамъ, уже начало терять свое достоинство и значеніе, и вскорѣ совершенно должно быть разрушено? Какъ многія души, не воспламененныя Божественнымъ огнемъ, подумали бы, что онѣ, не нарушая своихъ обязанностей, съ хладнымъ равнодушіемъ смотрѣть могутъ на какое бы то ни было уничиженіе такого Богослуженія! Не подумаютъ

ли нѣкоторые, что въ такомъ случаѣ ревность была бы даже неумѣстна и неразсудительна, усиливаясь подкрѣплять то, что непремѣнно должно быть разрушено? Примѣчайте же здѣсь, какъ много можетъ обмануть насъ мнимое благоразуміе, лишенное живаго чувствованія сердечнаго, или лучше сказать, нерадѣніе, прикрытое видомъ благоразумія. Не такъ мыслилъ, не такъ поступалъ Тотъ, Который есть самая Премудрость, и вмѣстѣ самая Любовь, и потому, чистѣйшій образецъ ревности. Іерусалимское Богослуженіе, состоявшее изъ тѣней и гаданій, должно было прекратиться, когда явился Іисусъ Христосъ, Свѣтъ тѣней и разрѣшеніе гаданій; и самому храму вскорѣ надлежало быть предану язычникамъ для конечнаго разрушенія. Но что въ сіе время чувствовалъ, что сказалъ, что сдѣлалъ Іисусъ Христосъ, когда увидѣлъ во храмѣ недостойное храма? Онъ чувствовалъ то, что изображено у Пророка: *ревность по домѣ Твоемъ снѣдаетъ Меня. Не творите*, говорилъ Онъ, *дома Отца Моего домомъ торговли.* И самымъ дѣломъ *изгналъ* продающихъ изъ храма (Іоан. II. 14—17.).

Видите, Христіане, примѣръ святыя ревности въ такомъ случаѣ, по которому должно заключить, что и каждому изъ насъ не будетъ недостатка въ случаяхъ къ подвигамъ ревности. И сей образъ ревности показанъ точно всѣмъ: ибо Іисусъ Христосъ поступилъ въ семъ случаѣ, не яко принадлежащій храму, по особенной къ нему обязанности, поелику извѣстно, что Онъ никогда не поставлялъ Себя въ такое положеніе, но во всѣхъ случаяхъ,

для исполненія обязанностей установленнаго Богослуженія, даже очудодѣйствованныхъ Имъ, отсылалъ къ Священникамъ; Онъ дѣйствовалъ здѣсь по свободной, всеобщей ревности.

И такъ, Христіанинъ, если ты вѣруешь, и желаешь быть вѣренъ твоей вѣрѣ: то надлежитъ тебѣ быть и ревнителемъ по вѣрѣ. Не отрицайся отъ сего тѣмъ, что ты не видишь враговъ вѣры, и не встрѣчаешь предметовъ ревности. Іисусъ Христосъ нашелъ предметъ ревности въ самомъ храмѣ истиннаго Бога. Встрѣчается и въ истинной Церкви Христіанской то, что ревностнаго Христіанина снѣдаетъ ревностію.

Можно ли равнодушно видѣть многихъ изъ чадъ вѣры, живущихъ въ такомъ невѣдѣніи о томъ, во что они вѣруютъ, что имъ точно можно сказать сказанное Самарянамъ: *вы кланяетеся, Егоже не вѣсте* (Іоан. IV. 22.)? Если Богъ даровалъ тебѣ истинный свѣтъ вѣры и разумѣніе тайны Христовы: то возревнуй по таковыхъ со Апостоломъ *Божіею ревностію* (2 Кор. XI. 2.), и *болѣзнуй* спасительною болѣзнію, *дондеже вообразится въ нихъ Христосъ* (Гал. IV. 19.).

Не встрѣчаемъ ли Христіанъ, которые право такъ именовать себя основываютъ токмо на исполненіи нѣкоторыхъ наружныхъ, по легкости предпочтительно воспріемлемыхъ, обязанностей, безъ внутренняго исправленія сердца, безъ очищенія совѣсти, безъ возвышенія духа къ общенію съ Богомъ? Если ты Христіанинъ не по одному имени, но по духу и силѣ; скажи хотя одному изъ таковыхъ,

кому можешь: почто ты, Христіанинъ сый, Іудейски, или даже язычески, живеши?

Трудно было бы окончить, если бы мы захотѣли продолжать исчисленіе подобныхъ случаевъ къ святой ревности, которые внимательный Христіанинъ ежедневно можетъ встрѣчать, обращаясь съ подобными себѣ Христіанами. Но еще не далеко ли мы оныхъ ищемъ, когда ищемъ далѣе самихъ себя?

Обратись, Христіанинъ, въ собственную твою храмину, войди въ себя самого: не найдешь ли и здѣсь того, что должно снѣдать тебя ревностію?

Если умъ твой *прилагается въ ученія странна и различна* (Евр. XIII. 9.), и не хочетъ отдать себя въ свободный плѣнъ и блаженное послушаніе вѣрѣ: то не нужна ли тебѣ противъ тебя самого ревность святыхъ Отцевъ, которые силою вѣры *низлагали взимавшіяся на разумъ Божій возношенія* (2. Кор. X. 5.) гордаго разума ересеначальниковъ?

Если корысть или суета наполняетъ сердце твое предметами міра, и оно занимается ими болѣе, нежели Богомъ, для Котораго сотворено: то не нужна ли тебѣ противъ тебя самого ревность Моисея и Иліи, обличавшихъ и истреблявшихъ идолослуженіе?

Если чувства твои отверсты къ удовольствіямъ растлѣвающимъ и оскверняющимъ душу: то не нужна ли тебѣ противъ тебя самого ревность Финееса, дабы, если можно, рѣшительнымъ ударомъ *умертвить уды сущія на земли, страсть и похоть злую* (Кол. III. 5.)?

Ревнуя поревнуй по Господѣ Богѣ твоемъ (3 Цар. XIX. 10.). Не одному Финеесу ревность принесла завѣтъ священства вѣчнаго. И намъ, если будемъ чистыми и неизмѣнными ревнителями и поборниками по царствіи Божіемъ въ насъ и въ ближнихъ нашихъ, сія ревность принесетъ обѣтъ, или лучше, самое исполненіе обѣта, да *сотворитъ насъ* Хрістосъ *цари и іереи Богу Отцу Своему. Тому слава и держава во вѣки вѣковъ, Аминь.* (Апок. I. 6.).

5. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА ДИМИТРІЯ ЦАРЕВИЧА, ГОВОРЕННОЕ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ СОБОРѢ, МАІЯ 15 ДНЯ, 1822 ГОДА

Тѣмже и страждущіи по волѝ Божіей, яко вѣрну Зиждителю да предадятъ души своя во благотвореніи. 1 Петр. IV. 19.

Для чего такъ часто Церковь возобновляетъ предъ нами зрѣлища неповиннаго страданія, торжественно возобновляя память невинно пострадавшихъ? Для чего само Провидѣніе споспѣшествуетъ въ семъ Церкви, — для чего и оно такъ долго и непрерывно представляетъ намъ зрѣлища неповиннаго страданія, чудесно сохраняя, и являя предъ нами, нетлѣнные останки невинно пострадавшихъ?

Для чего, святое Отроча, багрянородное въ жизни земной, по крови Царской, багрянородное и въ жизни небесной, по крови мученической, — для чего еще оставляешь между нами твои разсѣченные члены, и такимъ образомъ содѣлываешь потомковъ

очевидцами того, какъ ты пострадалъ, безъ сомнѣнія, не безъ воли Божіей, хотя то было по волѣ и дѣйствіемъ забывшихъ Бога человѣковъ? — Домышляюсь. Губители принесли тебя въ печальную жертву законопреступному властолюбію, на погибель законной власти Царской; и дивный въ судьбахъ Своихъ Богъ попустилъ быть сему, дабы беззаконіемъ вельможи обличить и наказать грѣхи народа: но дабы не вотще пролита была чистая кровь твоя, Онъ сберегъ ее ко времени; повелѣлъ ей, какъ Авелевой, вопіять противъ мятежниковъ и похитителей Царскаго вѣнца; и такимъ образомъ содѣлалъ тебя священною жертвою, агнцемъ, закланнымъ за спасеніе законной власти Царской.

Только сіе нужно было на время. Для чего же и теперь еще призываемся мы быть свидѣтелями, болѣе, нежели за два вѣка предъ симъ совершившагося неповиннаго страданія? Для чего такъ открыто, по изреченію Церкви, *сѣются мощи мучениковъ по всей вселенной*? Для того, какъ она же говоритъ, чтобы отъ нихъ *прозябалъ плодъ исцѣленій?* — Правда. Но для чего и даръ исцѣленій дается невинно пострадавшимъ, и притомъ иногда такимъ, которые не совершили великихъ подвиговъ добродѣтели, какъ сіе, впрочемъ благословенное, Отроча? Для чего, повторяю, даръ исцѣленій? Для тѣла ли только, когда самое тѣло не для себя, но для души?

Какъ однимъ концемъ нити разрѣшается многосплетенный узелъ: такъ всѣ сіи вопросы разрѣшаются одною простою мыслію, что Богъ сохраняетъ

и украшаетъ дарованіями чудесъ останки невинно пострадавшихъ, а Церковь, таинница путей и намѣреній Божіихъ, возобновляетъ и прославляетъ память ихъ, на тотъ конецъ, чтобы пріучить насъ къ мысли о неповинномъ страданіи, и содѣлать насъ готовыми предать на сіе души наши, если на то будетъ воля Божія. Мнѣ кажется, на каждомъ гробѣ мучениковъ написано то, что написалъ Апостолъ Петръ при мысли о Стефанѣ, Апостолѣ Іаковѣ и другихъ мученикахъ первенствующей Христіанской Церкви: *и такъ страждущіе по волѣ Божіей*, Ему, *какъ вѣрному Создателю, да предаютъ души свои, дѣлая добро.*

Должно признаться, что не легко привыкнуть къ мысли о неповинномъ страданіи. Противъ нея возстаетъ нѣкоторымъ образомъ вся природа, какъ человѣческая, такъ и прочихъ тварей Божіихъ. Поелику все сотворилъ единый, премудрый и всеблагій Богъ: то все сотворено въ единствѣ, расположено по закону порядка, и направлено къ блаженству; *смерти же Богъ не сотворилъ* (Прем. I. 13.). И такъ естественно, что никакая вещь не расположена къ тому, чѣмъ разсѣкается единство, чѣмъ нарушается порядокъ, что уклоняетъ отъ блаженства. Такимъ образомъ всякая жизнь любитъ жить, и не хочетъ смерти, всякое орудіе познанія или ощущенія желаетъ находить свою пищу и радость въ предметахъ, сообразныхъ съ его устроеніемъ, а не страдать отъ тѣхъ, которые несообразны съ его свойствами, и разрушительны для его состава.

Въ человѣкѣ, кромѣ естественнаго отвращенія отъ страданія, противъ мысли о неповинномъ страданіи возстаетъ чувство справедливости, свойственное высшей его природѣ. Если чувственная природа, по началу своего устроенія, требуетъ, чтобы жизнь пользовалась безопасностію: то нравственная природа, по началу свободы и правды Божіей, въ ней впечатлѣнному, еще сильнѣе требуетъ, чтобы невинный былъ безопасенъ. И потому какъ видъ разрушенія приводитъ въ содроганіе чувственную природу: такъ нравственную природу приводитъ въ сугубый трепетъ и смятеніе видъ незаслуженнаго страданія.

Но вотъ странность и противорѣчіе природы самой себѣ, которое должно погрузить размышляющаго въ безутѣшное уныніе и отчаянную скорбь, если онъ не откроетъ источника утѣшенія и надежды выше природы! Таже природа, которая внушаетъ отвращеніе и ужасъ отъ страданія, особенно неповиннаго, таже самая природа возвѣщаетъ, что страданіе, даже и неповинное, неизбѣжно. Пройдите по всѣмъ степенямъ видимыхъ тварей, пройдите по всѣмъ областямъ земной природы: гдѣ нѣтъ страданія? Что не страждетъ? И не болѣе ли страждетъ то, въ чемъ болѣе видны черты невинности? Агнецъ трепещетъ отъ волка, кроткая птица отъ хищной; сильнѣйшія животныя, то по естественному побужденію и необходимости, то по случаю, истребляютъ слабѣйшихъ, а иногда и сильнѣйшихъ хитрѣйшія; то, что есть лучшаго въ растеніяхъ, терзается и разрушается животными, составляя

ихъ пищу. Всякое благо, всякая радость, всякое удовольствіе въ природѣ, болѣе или менѣе дорого, покупается страданіемъ. Зерно должно расторгнуться, и совсѣмъ погибнуть, чтобы родилось растеніе и плодъ; чувство чадолюбія, источникъ живѣйшей радости въ животной природѣ, очевидно растворено и въ безсловесныхъ тоскою и заботами; пріятность питанія и насыщенія почти соразмѣрна бываетъ съ предшествовавшимъ изнуреніемъ глада, и сладость сна,— съ утомленіемъ бдѣнія. Во всѣхъ, и самыхъ благодѣтельныхъ силахъ природы открыты источники страданія и разрушенія. Солнце согрѣваетъ, но и палитъ зносмъ; хладъ укрѣпляетъ, но и убиваетъ; вода орошаетъ, но и потопляетъ; вѣтръ освѣжаетъ, но и наноситъ болѣзни; земля приноситъ человѣку хлѣбъ, но требуетъ у него пота. Человѣкъ родится, живетъ и умираетъ также подъ закономъ страданія, и еще болѣе прочихъ тварей покоренъ сему закону. Раждающая мучится, раждаемое плачетъ; умирающій страдаетъ, плачутъ оставшіеся послѣ умершаго. Съ начала жизни человѣкъ страждетъ отъ недостатка силъ, отъ несовершеннаго развитія способностей; подъ конецъ жизни, отъ утраты силъ и способностей: если между сими крайностями есть какая средина, она черезъ-край наполняется страданіями отъ того, что человѣкъ никогда не находитъ способностей и желаній своихъ удовлетворенными. А сколько разнообразныхъ случайностей! Болѣзни, страсти, оскорбленія отъ людей, безпомощная бѣдность, обременительное богатство, тяжкая подчиненность, разстроенное управле-

ніе,—сколько стрѣлъ, или точнѣе, сколько туловъ, наполненныхъ стрѣлами, на уязвленіе сердца человѣческаго!

Какая участь! Страдать не хочется; но страдать надобно! Несносно; а неизбѣжно!

Что же дѣлать? «Тяжело, говоритъ одинъ размышляющій язычникъ, но терпѣніемъ облегчается то, чего перемѣнить не можно.» Сей примѣръ показываетъ, что и язычники признавали необходимость пріучать себя къ мысли о страданіи, и даже къ готовности на страданіе неповинное. Но *языцы, не имущіе упованія* (Ефес. II. 12.), не знали *терпѣнія*, которое *упованіе содѣловаетъ* (Рим. V. 4.), и учили терпѣнію отчаянному. «Терпи охотно, говорили они; иначе невольно терпѣть будешь.» Или: «погибай великодушно; потому что все погибаетъ; пріятно пасть подъ огромными развалинами.» Горькія утѣшенія! какъ будто горькая чаша можетъ сдѣлаться сладкою отъ соединенія съ моремъ той же горечи, и отъ той мысли, что она менѣе горька быть не можетъ! Такъ мало можетъ человѣкъ усладить чашу судьбы своей безъ познанія Того, Который есть *утѣха Израилева* и *чаяніе языковъ* (Лук. II. 25. Быт. XLIX. 10.)!

Только въ истинномъ благочестіи, однимъ словомъ, только въ Христіанствѣ можно найти чудесный камень, превращающій мрачное желѣзо въ чистое золото, горечь въ сладость, зло въ добро, смерть въ жизнь, страданіе въ блаженство. *И такъ страждущіе по волѣ Божіей, Ему, какъ вѣрному Создателю, да предаютъ души свои.*

И отъ сей мысли, что мы *страждемъ по волѣ Божіей*, невѣрующій ужаснулся бы, и возроптал бы на вѣрнаго Создателя. Но вѣрующій, углубляясь въ сію мысль, обрѣтаетъ въ ней обильный источникъ утѣшенія, который растворяетъ сладостію всякую горесть. Одобряющая и обнадеживающая мысль о *волѣ Божіей*, о волѣ *вѣрнаго Создателя*, мирит вѣрующаго съ угрожающею мыслію о неповинномъ *страданіи*.

Мы страждемъ по волѣ Божіей, по волѣ Того, отъ Котораго *всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ сходитъ свыше* (Іак. I. 17.); по волѣ Того, Который питаетъ птицу, не стоющую ассарія, Который траву сельную одѣваетъ великолѣпнѣе, нежели Соломонъ облачался въ славѣ своей, и Который чрезъ Единороднаго Сына Своего увѣряетъ насъ, что мы, даже мы маловѣры, дороже у Него какого нибудь крина или врабія; по волѣ Того, Который *солнце Свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и неправедныя* (Матѳ. V. 45.), и заповѣдуетъ намъ подражать совершенству Своего милосердія. Какъ же можно, чтобы Тотъ, Который есть, и отъ Котораго происходитъ, сдиное благо, имѣлъ волю поставить насъ въ такое состояніе, въ которомъ нѣтъ ничего кромѣ зла? Какъ можно, чтобы Тотъ, Который бережетъ врабія и травное быліе, не хранилъ человѣка, хотя бы проводилъ его сквозь огнь и воду, когда то находитъ нужнымъ? Какъ можно, чтобы Тотъ, Который являетъ милосердіе Свое даже злымъ, не явилъ даже правосудія Своего невинно страждущимъ? Если

Благій посылаетъ страданіе: то конечно и въ страданіи есть нѣкоторое благо. Если Милователь и Питатель нашъ *питаетъ насъ хлѣбомъ слезнымъ, и напаяетъ слезами* (Псал. LXXIX. 6.): то конечно есть нужда и польза приготовить намъ такую пищу, подобно какъ находятъ нужнымъ, съ тукомъ или сладостію обыкновенной пищи соединять остроту соли, кислоту, или горечь. Если безконечно Милосердый безконечнымъ милосердіемъ не удерживается отъ того, чтобы *показать людемъ Своимъ жестокая* (Псал. LIX. 5.): то конечно не можетъ статься, чтобъ Онъ допустилъ сіе вопреки правосудію. Скажутъ: посему и не было бы неправеднаго и неповиннаго страданія? И не знаю, есть ли въ отношеніи къ Богу неповинное страданіе, кромѣ страданія Того, Который *язвенъ бысть за грѣхи наша, и мученъ бысть за беззакопія наша* (Иса. LIII. 5.). Кромѣ Его *вси согрѣшиша* (Римл. V. 5.): и потому всѣ повинны страданію; а вмѣстѣ съ виновными человѣками и покоренная имъ тварь покорена суетѣ неволею, и отъ того вмѣстѣ съ ними совоздыхаетъ и сболѣзнуетъ, въ надеждѣ очищенія и освобожденія вмѣстѣ съ ними. Если же и есть страждущіе неповинно въ отношеніи къ себѣ и своимъ дѣламъ: правосудіе и благость Божія съ избыткомъ являются надъ ними въ дѣлахъ Божіихъ чудесныхъ и спасительныхъ, совершаемыхъ въ воздаяніе за неповинное страданіе. Осязательный образъ сего представленъ намъ въ Евангельскомъ слѣпорожденномъ: если слѣпота его была темною загадкою въ отношеніи къ понятію о правосудіи наказатель-

нимъ: *сей согрѣши, или родителя его, да слѣпъ родился* (Іоан. IX. 2.)? то загадка сія совершенно разрѣшена правосудіемъ воздаятельнымъ: *ни сей согрѣши, ни родителя его, но да явятся дѣла Божія на немъ* (3.). Тяжко ли, не видѣть нѣсколько лѣтъ свѣта тѣлеснаго, чтобы въ награду за сіе узрѣть свѣтъ духовный, Божественный, просвѣщающій всякаго человѣка къ жизни вѣчной?

Но если мысль о Богѣ, яко *вѣрномъ Создателѣ*, можетъ облегчить для насъ неповинное страданіе: то мысль о Іисусѣ Христѣ, яко возлюбленномъ Спасителѣ, можетъ сдѣлать страданіе любезнымъ, сладостнымъ, блаженнымъ. Кто имѣетъ сердце: тотъ знаетъ, что есть страданіе изъ любви и благодарности, и какъ сладостно сіе страданіе. Христіанинъ! Кто можетъ такъ любить тебя, и кто такъ достоинъ любви твоей и благодарности, какъ Тотъ, Который изъ любви къ тебѣ оставилъ славу небесную, вкусилъ всѣ скорби и горести земныя, пострадалъ на крестѣ, прошелъ даже сквозь адскія мученія, дабы исхитить тебя изъ ада и возвратить въ славу Божественную? Можешь ли ты отречься, если нужно, изъ любви къ Нему, вкусить нѣсколько капель изъ чаши, которую Онъ для тебя испилъ безъ остатка? Что я говорю? Не чувствуешь ли ты неизъяснимой сладости сей чаши, которая такъ обильно растворена Божественною любовію, что горечь страданія составляетъ въ ней едва примѣтную пряность? Ахъ! если ты сего не чувствуешь; то духовный вкусъ твой тупъ и мертвъ: болѣзнь, для

уврачеванія которой опять не иное что нужно, какъ умножить горечь въ чашѣ твоей участи!

И такъ, ученики Пострадавшаго, въ наказаніе ли, въ залогъ ли милости, въ наслажденіе ли, или во исцѣленіе, только непремѣнно нужно намъ пріобщиться страданія. *Христу пострадавшу за ны плотію, и вы въ туже мысль вооружитеся: зане пострадавый плотію, преста отъ грѣха* (1 Петр. IV. 1.). *Возлюбленніи, не дивитеся еже въ васъ раждеженію ко искушенію вамъ бываему, яко чужду вамъ случающуся: по понеже пріобщаетеся Христовымъ страстемъ, радуйтеся, да и въ явленіе славы Его возрадуетеся веселящеся* (12). *Аще укоряеми бываете о имени Христовѣ, блажени есте: яко славы и Божій Духъ на васъ почиваетъ. Да не кто отъ васъ постраждетъ, яко убійца, или яко тать, или яко злодѣй, или яко чуждопосѣститель: аще ли же яко Христіанинъ, да не стыдится, да прославляетъ же Бога въ части сей* (14. 15. 16.). **Аминь.**

6. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СВ. МУЧЕНИКА ДИМИТРІЯ ЦАРЕВИЧА.

Молю убо васъ, братіе, щедротами Божіими, представите тѣлеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служеніе ваше. Римл. XII. 1.

Указаніемъ на щедроты Божіи Святый Апостолъ возбуждаетъ въ Христіанахъ усердіе приносить Богу нескудные и достойные Его дары благодарности. Долгъ праведный, и очевидно для всѣхъ и каждаго обязательный. потому что и всѣ мы вообще, и каждый въ особенности, пользуемся щедротами Божіими.

Имѣя предъ очами Царственнаго Мученика, жертву нѣкогда оплаканную, но и нынѣ еще живую, Царству и людямъ благотворную, помыслимъ, братія, о должной и отъ насъ Богу жертвѣ, руководствуясь Апостольскимъ увѣщаніемъ: *молю васъ, братіе, щедротами Божіими, представите тѣлеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служеніе ваше.*

Говоря о жертвѣ, первоначально братіямъ церкви Римской,—людямъ, недавно вступившимъ въ Христіанство изъ Іудейства и язычества, Святый Павелъ, со свойственною Богомудрому наставнику мудростію, примѣняется къ понятіямъ о Богослуженіи, какія имѣли они до Христіанства, дабы легкимъ образомъ ихъ возвести отъ образнаго, несовершеннаго, или даже сустнаго, къ истинному и совершенному, отъ наружнаго ко внутреннему, отъ чувственнаго къ духовному. Прежде,—какъ-бы такъ говоритъ онъ имъ,—вы приносили въ жертву земные плоды и плоть безсловесныхъ животныхъ: теперь вы знаете, что Богъ *не пріиметъ отъ дому твоего тельцовъ, ниже отъ стадъ твоихъ козловъ* (Псал. XLIX. 9.); *ни отъ рукъ человѣческихъ угожденія пріемлетъ*, какъ-бы *требуя что, Самъ дая всѣмъ животъ, и дыханіе, и вся* (Дѣян. XVII. 9.): принесите же Ему лучшую жертву—ваше тѣло, или лучше сказать, самихъ себя: *представите тѣлеса ваша жертву*. Прежде для жертвы вашей вы убивали живущее и разрушали бездушное: нынѣ научитесь служить Богу не разрушеніемъ твари Его, но сохраненіемъ ея, или даже возрожденіемъ въ лучшую жизнь: *представите тѣлеса ваша жертву живу*. Прежде вы наблюдали, чтобы ваша жертва была изъ рода чистыхъ животныхъ, и не имѣла на себѣ никакого тѣлеснаго порока. отнынѣ наблюдайте, чтобы тѣло ваше, какъ жертва Всесвятому, не было повреждаемо или оскверняемо душевными пороками и страстями нечистыми: *представите тѣлеса ваша жертву святу*. Какъ преж-

нія жертвоприношенія ваши вы учреждали, въ самомъ язычествѣ не по своему одному произволу, а въ Іудействѣ точно по установленію Божественному: такъ и жертвоприношеніе тѣла вашего совершайте по волѣ Божіей, дабы во всемъ благоугождать Единому Богу: *представите тѣлеса ваша жертву благоугодну Богови.* Какъ посредствомъ жертвоприношенія безсловесныхъ животныхъ и вещей безчувственныхъ совершалось чувственное, наружное Богослуженіе, у Іудеевъ несовершенное и только предуготовительное, а у язычниковъ совсѣмъ суетное и безплодное: такъ напротивъ посредствомъ непрестаннаго жертвоприношенія разумнаго существа вашего, вы, Христіане, совершайте духовное Богослуженіе, приличествующее Богу Духу, внутреннее, достойное Испытующаго сердца и утробы, дѣятельно словесное, открытое Богомъ Словомъ, прямо къ Нему ведущее, и съ Нимъ соединяющее: *представите тѣлеса ваша жертву Богови, словесное служеніе ваше.*

Братія Церкви Христовы, въ ней рожденные, воспитанные и наставленные! Не напрасно ли мы расточаемъ слова, думая объяснить вамъ изреченіе, которое Апостолъ къ нововступившимъ въ Церковь написалъ, какъ само по себѣ ясное и вразумительное? Или напротивъ,- пусть кождый по сему примѣчаетъ за собою,—довольно ли углубленъ разумъ его въ тайнѣ Христовой;—или само по себѣ ясное ученіе Апостольское, и послѣ нѣкотораго успѣлія объяснить оное, для нѣкоторыхъ изъ насъ еще кажется темною загадкою? — Что подлинно

значитъ принести тѣло свое въ жертву? Не значитъ ли сіе претерпѣть мученичество: такъ какъ въ семъ точно разумѣ тотъ же Апостолъ въ другомъ посланіи написалъ о себѣ: *азъ уже жрень бываю* (2 Тим. IV. 6.)? Но мученичество видимое не есть общій жребій всѣхъ Христіанъ, во всякое время: а заповѣдь о жертвѣ даетъ Апостолъ всѣмъ Христіанамъ, не изъемля никого, и не ограничивая времени. Мученичествомъ умерщвляется тѣло: а заповѣдь Апостольская требуетъ его въ жертву живую. На мученичество должно быть предану отъ другихъ, какъ и Апостолъ говоритъ о себѣ, что онъ *жрень бываетъ*, а не самъ себя приноситъ *въ жертву:* напротивъ того въ заповѣди своей онъ требуетъ, чтобы вы сами себя приносили въ жертву: *представите тѣлеса ваша жертву.* — Что значитъ притомъ, что онъ повелѣваетъ принести въ жертву *тѣлеса* наши, когда *Духъ есть Богъ, и иже кланяется Ему, духомъ достоитъ кланятися* (Іоан. IV. 24.)? Сей послѣдній вопросъ несомнительно, думаю, разрѣшится для каждаго, если вспомнимъ, какъ тотъ же Апостолъ въ другомъ мѣстѣ подобнымъ образомъ говоритъ: *или не вѣсте, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа суть* (1 Кор. VI. 19.)? А еще въ другомъ мѣстѣ о семъ самомъ предметѣ объясняется такъ: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ* (1 Кор. III. 16.)? Изъ сличенія сихъ изреченій ясно усматривается, что когда Святый Павелъ храмомъ ли Духа Святаго, жертвою ли, называетъ *тѣлеса* наши, тогда онъ раз-

умѣетъ не одно тѣло, но всего человѣка въ цѣломъ его составѣ; и слѣдственно предметомъ Христіанскаго жертвоприношенія полагаетъ и душу и тѣло вмѣстѣ.—Какъ же должны мы содѣлать жертвою и душу и тѣло наше?—

Жертва существуетъ прежде, нежели становится жертвою: жертвою дѣлаетъ ее назначеніе. Агнецъ на пажити не есть жертва: тотъ же агнецъ, когда приведенъ ко олтарю, становится жертвою. Посему и человѣкъ доколѣ ходитъ въ мірѣ, поникши къ землѣ, собирая и поглощая пажить земныхъ благъ и чувственныхъ удовольствій: дотолѣ онъ, и тѣло его, не есть жертва Богу; въ семъ случаѣ онъ или бываетъ жертвою тварей, работая, вмѣсто Бога, богатству, боготворя чрево, или напротивъ поставляетъ себя идоломъ, и требуетъ себѣ въ жертву всего, что земля производитъ. Такимъ образомъ, Христіане, однимъ именемъ не превозноситеся, и не обольщайтесь наружностію.—Кто не живетъ истинно по-Христіански: тотъ находится въ состояніи нравственнаго идолослуженія. Но когда духъ Хрістовъ, духъ покаянія и благодати, беретъ человѣка съ пажити міра, обращаетъ и влечетъ къ Богу, а человѣкъ, вѣруя, повинуется сему влеченію; вмѣняетъ за уметы, и оставляетъ позади себя все, что привлекало его въ мірѣ; всецѣло посвящаетъ Богу и душу, и тѣло, и дѣла, и желанія, и помышленія; рѣшается, съ безропотностію агнца, ведомаго на заклапіе, и дѣйствовать и страдать, и жить и умереть для Іисуса Хріста: съ сего времени онъ, пользуясь духовною силою священнодѣйствій и таинствъ

видимаго, изобразительнаго храма, невидимо входитъ, и самъ таинственно зиждется, въ храмъ духовенъ, и вступаетъ въ чинъ живой жертвы Божіей. Хотя разныя жертвы скиніи Моисеевой или храма Соломонова, въ своихъ образахъ, въ тѣни, въ гаданіи, представляли первоначально единую, существенную, всеспасительную крестную жертву Господа нашего Іисуса Христа: впрочемъ, по причастію и подражанію сей всеобщей жертвѣ, и надъ каждою живою жертвою Христіанскою въ нѣкоторомъ степени, и съ примѣненіемъ къ особенному ея состоянію, можетъ и должно совершаться то, что нѣкогда представлялось жертвами прообразовательными. Ты закалаешь твою жертву, когда духомъ умерщвляешь плоть со страстями и похотями; омываешь ее, когда оплакиваешь прежніе грѣхи твои; возжигаешь ее, когда огнь любви Божіей объемлетъ и наполняетъ сердце твое такъ, что силою онаго темныя стихіи ветхой плотской жизни разрѣшаются и очищаются, и сквозь нихъ проникаетъ новая, свѣтоносная, горѣ идущая жизнь духа. Ты приносишь ѳиміамъ, — одну изъ самыхъ внутреннихъ жертвъ, проникающую во Святая Святыхъ, и усовершающую многія другія жертвы, — когда приносишь молитву: такъ еще во дни тѣней и гаданій разрѣшалъ сіе священное гаданіе тотъ, который воспѣвалъ: *да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою*, Господи! Приносишь въ жертву главу, когда *плѣняешь разумъ* твой *въ послушаніе вѣры*, и умомъ твоимъ предаешься Богомыслію. Приносишь рамо, когда благодарственно приписываешь Богу силу,

тебѣ дарованную. Приносишь тукъ, когда посвящаешь Богу твою радость и веселіе. Приносишь агнца, когда ходишь въ незлобіи. Приносишь птенца голубинаго, когда хранишь чистоту. Приносишь работнаго тельца или юницу, когда ревностно подвизаешься для Бога, или благодушно трудишься въ пользу ближняго.

Но будь внимателенъ, чтобы жертва твоя была истинно *живая, святая, благоугодная Богу.* Если *вѣра твоя остается безъ дѣлъ,* и потому *мертва есть;* если велерѣчиво мудрствуешь о возрожденіи, о созерцаніи, о таинственности, но не радишь о исполненіи заповѣдей Божіихъ, не поступаешь по установленіямъ матери-Церкви, какъ свойственно сыну послушанія: то жертва духа твоего не есть живая; ты думаешь покланяться Богу духомъ, но не покланяешься Ему истиною. Если дѣла твои не одушевляются вѣрою, и потому кровь Хрістова не *очищаетъ совѣсти твоей отъ мертвыхъ* или умерщвляющихъ беззаконныхъ *дѣлъ* (Евр. IX. 14); если и въ тонкихъ, чистыхъ, и наиболѣе свойственныхъ духовному Богопоклоненію образахъ, коими облекается оно въ Христіанствѣ, ты не почерпаешь для себя духа и силы; приносишь ѳиміамъ, но не приносишь молитвы; возжигаешь свѣщу, но не горишь духомъ, слышишь премудрость Божественную въ церковномъ чтеніи и пѣніи, но не воспѣваешь въ сердцѣ твоемъ Господеви; покланяешься тѣломъ, но не сокрушаешься духомъ: то жертва тѣла твоего не есть живая. Ты *имѣешь* одинъ *образъ благочестія,* за что отвержены Іудеи, а не *силу* (2 Тим.

III. 5.) онаго, которою спасаются Христіане. Кто приноситъ во святый храмъ Божій сердце, отягченное объяденіемъ и піянствомъ, плоть съ неукрощенными похотями, уста лживыя и языкъ уязвляющій: тотъ вмѣсто агнца или голубя, животное нечистое или змію хочетъ принести въ жертву. Кто храмлетъ на оба колѣна, преклоняется то къ Богу, то къ міру, въ одной добродѣтели стоитъ, а въ другой колеблется или безпечно падаетъ: тотъ приноситъ въ жертву хромое. Кто не старается успѣвать въ познаніи Сына Божія и Его спасительнаго ученія, и думаетъ угодить Богу, какъ случится: тотъ приноситъ въ жертву слѣпое. Кто мнится служить Богу, но тайно ищетъ въ томъ своей выгоды, или славы человѣческой: тотъ святотатственно служитъ себѣ и людямъ, а не Богу жертву приноситъ. Всѣ таковыя жертвы какъ не могутъ назваться святыми, такъ не могутъ и быть благоугодны Богу.

Христіане! Еще съ той минуты, какъ мы крещены во имя Отца и Сына и Святаго Духа, симъ самымъ дѣйствіемъ обречены мы въ жертву Богу Тріипостасному. Сочтемся съ собою, сколько разъ потомъ сія непокорная жертва отторгалась отъ своего жертвенника и убѣгала изъ храма; сколько разъ вновь уловляема была благодатію Божіею, возвращаема покаяніемъ, и опять рвалась и убѣгала! Можетъ быть, столько разъ, что мы не найдемъ тому и счета. Долго ли же такъ будетъ? Когда наконецъ рѣшительно, невозвратно и совершенно *представимъ мы тѣлеса наши жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служеніе наше?*

Молилъ бы я васъ о семъ страхомъ суда Божія; молилъ бы чаяніемъ собственнаго вашего блаженства; но, повинуясь Апостолу, наипаче *молю васъ, братіе, щедротами Божіими.* Молю щедротами Бога, отъ не сущихъ сотворшаго насъ, и образомъ Своимъ почтившаго, покорившаго намъ тварь, и даже предавшаго ее въ повиновеніе суетѣ нашей, дабы мы не имѣли никакого предлога отказать Ему въ чемъ либо. Молю щедротами Бога, *тако возлюбившаго міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть* въ жертву, *да всякъ вѣруяй въ Онь,* взаимно представивъ себя въ жертву Ему, *не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. III. 16.). Молю щедротами *помазавшаго насъ Бога, Иже и запечатлѣ насъ* Себѣ, *и даде обрученіе Духа въ сердца наша* (2 Кор. I. 21. 22.). Молю щедротами Господа нашего Іисуса Христа, давшаго намъ плоть Свою и кровь Свою,—высочайшую, животворящую жертву спасенія. Богъ вседовольный предаетъ все, и Самого Себя, въ жертву для человѣка: человѣкъ ли ничтожный не представитъ всего себя единожды на-всегда въ жертву Богу?

Господь же да *помянетъ всякую* духовную *жертву* вашу, братія Христіане, и внутреннее *всесожженіе* ваше *тучно* предъ Нимъ *да будетъ* (Псал. XIX. 4.). Аминь.

7. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ОБРѢТЕНІЯ МОЩЕЙ, СВЯТИТЕЛЯ АЛЕКСІЯ, ГОВОРЕННОЕ ВЪ ЧУДОВЪ МОНАСТЫРѢ, МАІЯ 20 ДНЯ, 1822 ГОДА.

Прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный Судія, не токмо же мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его. 2 Тим. IV. 8.

Необыкновенно смѣлыя слова! Можно бы подумать, что этотъ человѣкъ забывается и мечтаетъ, когда прежде суда Божія предъ Богомъ себя оправдываетъ, и самъ себѣ назначаетъ вѣнецъ отъ Бога. Но такъ думать не позволяетъ извѣстная его скромность и глубоко смиренное о себѣ мнѣніе. Ибо сей самый человѣкъ въ другое время называлъ себя *наименьшимъ изъ Апостоловъ, недостойнымъ имени Апостола* (1 Кор. XV. 9.), *гонителемъ* Церкви, *хульникомъ* и *досадителемъ*, единственно по благодати *помилованнымъ*, *первымъ изъ грѣшниковъ* (1 Тим. I. 13. 15.).

Какъ же случилось, что человѣкъ, который такъ любитъ уничижать себя, съ такимъ дерзновеніемъ

себя возвеличиваетъ? — Безъ сомнѣнія, вѣра дала ему предчувствовать то, что уготовано ему: а открыть сіе предчувствіе, думаю, любовь его побудила. *Злопостражди*, написалъ онъ предъ симъ возлюбленному чаду своему Тимоѳею: и тотчасъ, дабы сію горькую заповѣдь растворить утѣшеніемъ, указуетъ ему на примѣръ своего злострадапія: *азъ уже жрепъ бываю*; и на свою несомнѣнную награду: *прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже создастъ мнѣ Господь въ день онъ, праведный Судія*. Но едва любовь къ ученику исторгла изъ сердца учителя тайну высокой надежды; немедленно приходитъ смиреніе, и поставляетъ высокаго учителя на ряду съ послѣдними ученикамп: *не токмо же мнѣ вѣнецъ правды, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его*.

И всѣ человѣки Божіи не любятъ быть въ славѣ между человѣками: а если являются между ими въ славѣ, или являютъ въ себѣ чаяніе славы; то для того, чтобы, показуя имъ вѣнецъ правды, привлечь ихъ на путь правды. И ты, Духоносный преемникъ и подражатель Апостоловъ, *дѣло сотворившій благовѣстника, подвигомъ добрымъ подвизавшійся*, когда нѣкоторыми лучами твоего небеснаго вѣнца и здѣсь на земли сіяешь, — и ты, Алексіе, по кончинѣ своей, какъ Павелъ предъ кончиною своею, проповѣдуешь намъ надежду вѣнца небеснаго, и поощряешь насъ искать его. *Не токмо мнѣ вѣнецъ правды, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его*.

Достойно примѣчанія, Христіане, что Апостолъ

обѣщаетъ вѣнецъ правды *всѣмъ возлюбившимъ явленіе Господне*. Чрезъ сіе научаетъ онъ насъ, что, между прочими спасительными подвигами, для достиженія вѣнца отъ Господа, потребно то, чтобы мы *возлюбили явленіе Его*, то есть, прилѣжно размышляли о пришествіи Христовомъ, ожидали его непрестанно, желали сердечно, готовились къ нему дѣятельно.

Когда Іисусъ Христосъ возносился на небо и Апостолы, хотя уже и предваренные о Его восхожденіи ко Отцу Своему, стояли съ устремленными въ слѣдъ Его взорами, въ изумленіи ли отъ дивнаго событія, въ недоумѣніи ли о Его послѣдствіяхъ, въ сѣтованіи ли о разлученіи съ Божественнымъ Спасителемъ: тогда успокоить ихъ волнуемыя мысли и чувствованія, посланы были Ангелы. Что же они дѣлаютъ? Какое употребляютъ врачевство? — Какъ крѣпкое врачевство, употребляютъ они мысль о будущемъ явленіи сокрывшагося отъ взоровъ Іисуса. *Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имже образомъ видисте Его идуща на небо* (Дѣян. I. 11.). И какъ вѣрно помогло сіе духовное врачевство! *Возвратишася*, повѣствуетъ Евангелистъ о Апостолахъ, по вознесеніи Господнемъ, *возвратишася во Іерусалимъ съ радостію великою* (Лук. XXIV. 52.).

Видно, что, принявъ поданное Ангелами врачевство, Апостолы дѣйствительно и обильно вкусили въ немъ силы грядущаго вѣка. Отъ того такъ часто подаютъ они тоже врачевство и другимъ человѣкамъ, то есть, даютъ вкушать надежду будущаго

явленія Хрістова, нужно ли очистить зараженныхъ, или укрѣпить слабыхъ, или облегчить страждущихъ. *Хрістосъ*, пишетъ Апостолъ Павелъ ко Евреямъ, *единою принесеся, во еже возвести многихъ грѣхи, второе безъ грѣха явится, ждущимъ Его со спасеніе* (Евр. IX. 28.). Наставляя Тита преподавать ученіе спасительной благодати, онъ говоритъ, что сія благодать *научаетъ насъ, да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ:* но какъ возможемъ исполнить столь великія требованія благодати? — Въ отвѣтъ на сіе онъ присовокупляетъ: *ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Хріста* (Тит. II. 11—13.) Поощряя Тимоѳея *успѣвать въ правдѣ, благочестіи, вѣрѣ, любви, терпѣніи, кротости, подвизаться добрымъ подвигомъ вѣры,* онъ *завѣщаваетъ ему соблюдать сію заповѣдь чисто и неукоризненно,* — долго ли? спросилъ бы, можетъ быть, иногда изнуренный подвижникъ; и прозорливый наставникъ, предупреждая сіе, указуетъ радостный предѣлъ подвиговъ: *даже до явленія Господа нашего Іисуса Хріста* (1 Тим. VI. 11—14.). Подобно и Апостолъ Петръ, воззывая пастырей къ истинному пастырскому подвигу: — *образи бывайте стаду,* — возбуждаетъ въ нихъ ревность къ подвигу не инымъ чѣмъ, какъ мыслію о явленіи Вѣнцедателя Пастыреначальника: *и явльшуся Пастыреначальнику, пріимете неувядаемый славы вѣнецъ* (1 Петр. I. 3. 4.) Сею надеждою растворяетъ онъ и

горькую чашу страждущихъ: *понеже пріобщаетеся Христовымъ страстемъ; радуйтеся, яко да и въ явленіе славы Его возрадуетеся, веселящеся* (1 Петр. IV. 13.). Апостолъ Іоаннъ требуетъ отъ Христіанина высочайшаго *очищенія себе, якоже* Самъ Христосъ *чистъ есть.* Какимъ же не разрушающимъ огнемъ, или какою огненною водою думаетъ онъ произвесть сіе коренное очищеніе? Надеждою явленія Христова. *Вѣмы*, говоритъ, *яко, егда явится, подобни Ему будемъ: ибо узримъ Его, якоже есть: и всякъ имѣяй надежду сію нань, очищаетъ себе, якоже Онъ чистъ есть* (1 Іоан. III. 2. 3.).

Можно сказать, что мысль объ ожидаемомъ явленіи Христовомъ была въ первоначальномъ Христіанствѣ всеобщимъ основаніемъ, которымъ поддерживалось все зданіе, всеобщею силою, которою одушевлялось все тѣло, всеобщимъ двигательнымъ орудіемъ, которымъ производились дѣйствія великія и чистыя. Но для чего я сказалъ: въ первоначальномъ Христіанствѣ? Когда и какое Христіанство можетъ стоять безъ сего основанія, жить безъ сея силы, дѣйствовать безъ сего орудія? *Упованіемъ спасохомся* (Рим. VIII. 24.), говоритъ Апостолъ; мы спасены въ надеждѣ, а не въ полномъ совершеніи спасенія. Что значитъ *спасеніе въ надеждѣ? — Ожиданіе,* какъ опредѣляетъ тотъ же Апостолъ, *блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа* (Тит. II. 13.). И такъ, гдѣ нѣтъ сего ожиданія, тамъ нѣтъ надежды; гдѣ нѣтъ надежды, тамъ нѣтъ

спасенія; гдѣ нѣтъ спасенія, тамъ нѣтъ Христіанства.

Если кому сіи заключенія кажутся не довольно ясны потому, что выведены изъ свидѣтельства наставника въ Христіанствѣ, а не изъ простыхъ и очевидныхъ началъ разума; — хотя въ дѣлахъ вѣры гораздо надежнѣе полагаться на свидѣтельства знающихъ, нежели на собственныя изысканія естественнаго разума, кичливаго и суетнаго, который въ такихъ случаяхъ, со всѣми своими вопросами и недоумѣніями, не заслуживаетъ иного отвѣта, какъ обличительный отвѣтъ Христовъ Никодиму: *еже вѣмы, глаголемъ; и еже видѣхомъ, свидѣтельствуемъ; и свидѣтельства нашего не пріемлете* (Іоан. III. 11.)! — если, говорю, не смотря на сіе, желаетъ кто собственнымъ разсужденіемъ изслѣдовать, до какого степени надежда и непрестанное ожиданіе явленія Христова входитъ въ существо Христіанства: пусть совѣтуется съ лучшимъ своимъ разумѣніемъ и совѣстію. Кто чувствуетъ въ себѣ грѣхъ: тому не существенно ли потребна твердая надежда совершеннаго прощенія и очищенія? Безъ сего не угрожало ли бы ему отчаяніе, которое есть адъ въ душѣ, прежде нежели низведетъ во адъ душу? Кто страждетъ: тому не существенно ли нужна отрадная надежда лучшаго состоянія? Кто испытываетъ, или хотя видитъ, несправедливость: тотъ, для успокоенія сердца и совѣсти, не имѣетъ ли также нужды въ надеждѣ правосудія? Кто подвизается до изнуренія: не имѣетъ ли нужды въ ободряющей надеждѣ воздаянія?

Христіанинъ знаетъ, что прощеніе и очищеніе грѣховъ пріобрѣтено ему кровію и смертію Христовою: однако чувствуетъ и то, что корень грѣха еще не исторгнутъ изъ него, какъ признавался и Апостолъ, что онъ чувствуетъ *живущій въ себѣ грѣхъ*, и что *не живетъ во плоти его доброе* (Рим. VII. 17. 18). Можно даже сказать, что святый болѣе грѣшника чувствуетъ въ себѣ грѣхъ, потому что сіе внутреннее чувство не заглушается въ немъ ни внѣшними чувственными удовольствіями, ни усыпленіемъ совѣсти: посему, что было бы съ Христіаниномъ, если бы онъ не надѣялся и не ожидалъ непрестанно явленія Христова, которое во всѣхъ частяхъ, даже до тѣла смиренія, должно преобразить его въ славный образъ Христовъ, при чемъ безъ сомнѣнія и малѣйшіе остатки нечистоты грѣховной исчезнутъ, и всякая брань грѣха, всякое искушеніе на вѣки прекратится?

Христіанинъ страждетъ, и страждетъ едва ли не болѣе прочихъ человѣковъ; ибо ему, сверхъ общихъ, для растленнаго естества человѣческаго неизбѣжныхъ страданій, въ особенный жребій данъ крестъ, подобный тому, на которомъ пострадалъ Христосъ: сколь же несчастенъ былъ бы Христіанинъ, если бы не думалъ, если бы не чувствовалъ въ своемъ страданіи, что *страданіемъ Вошедшій во славу* (Лук. XXIV. 26.) ежеминутно приближается, чтобы осіять славою страдальцевъ?

Христіанинъ и видитъ надъ другими, и надъ собою испытываетъ несправедливость міра, по предреченію Истины: *якоже отъ міра пьсте, сего*

ради ненавидитъ васъ міръ (Іоан. XV. 19.); и чѣмъ яснѣе разумѣваетъ онъ правду Божію, тѣмъ пламеннѣе *ревнуетъ*, тѣмъ болѣзненнѣе снѣдается ревностію, *зря міръ грѣшниковъ* (Псал. LXXII. 3.) и бѣдствія праведныхъ: истаялъ бы онъ отъ собственной ревности, если бы, какъ гласъ хлада тонка, не дышала на него прохладная надежда правосудія: *се гряду скоро, и мзда Моя со Мною воздати комуждо по дѣломъ его* (Апок. XXII. 12.).

Наконецъ Христіанинъ подвизается; ибо съ тѣхъ поръ, какъ грѣхъ воцарилъ въ мірѣ зло, никакое добро не пріобрѣтается въ немъ иначе, какъ подвигомъ, браною и побѣдою; и долженъ подвизаться, по примѣру Подвигоположника, иногда и до кроваваго пота, и до истощенія всѣхъ силъ: что же необходимѣе для ободренія его въ подвигѣ, и для обновленія силъ его, какъ то, чтобы окомъ надежды усматривать въ концѣ поприща Самого Подвигоположника, являющагося уже Вѣнцедавцемъ; — не потому, чтобы въ истинномъ подвижникѣ была корысть или тщеславіе, алкающее вѣнца, но потому, что душа его жаждетъ Самого Возлюбленнаго Подвигоположника и Вѣнцедавца, за Котораго истинный подвижникъ *во всѣхъ препобѣждаетъ*, яко *за возлюбльшаго ны* (Рим. VIII. 37.)? Если бы истинный Христіанинъ не имѣлъ сей единственной надежды: то всякая другая надежда могла бы привести его въ отчаяніе. *Аще въ животѣ семъ точію уповающе есмы во Христа: окаяннѣйши всѣхъ человѣкъ есмы* (1 Кор. XV. 19.)

Все показываетъ, что съ истиннымъ Христіан-

ствомъ существенно должно быть соединено упованіе и ожиданіе явленія Хрістова. Что же посему должно сказать о тѣхъ, въ которыхъ или совсѣмъ нѣтъ сего упованія и ожиданія, или оно слабо и по большой части покрыто забвеніемъ? — То, что или въ нихъ нѣтъ истиннаго Христіанства, или Христіанство ихъ слабо, и они забываютъ, чѣмъ обязаны сему имени. — *Еда азъ есмь?* — можетъ быть, помыслитъ при семъ истинный ученикъ, страшась преступленія. — *Еда азъ есмь?* скажетъ и ложный, убѣгая обличенія. Не можемъ никому подать обличительнаго знака: но, для имѣющихъ очи, дѣла все обличаютъ. *Отъ плодъ ихъ познаете ихъ* (Матѳ. VII. 16.).

Коснитъ Господинъ мой притти, говоритъ упоминаемый въ притчѣ злый рабъ, *и начинаетъ бити клевреты своя, ясти же и пити съ піяницами* (Матѳ. XXIV. 48. 49.). *Коснитъ женихъ* (Матѳ. XXV. 5.), думаютъ юродивыя дѣвы, и спятъ безпечно, между тѣмъ какъ послѣднія капли елея догораютъ въ лампадахъ ихъ. Такъ въ слабыхъ или ложныхъ Христіанахъ забвеніе о предстоящемъ пришествіи Господа и праведномъ судѣ Его влечетъ за собою всѣ дѣла, противныя духу Христіанства, и до конца истощаетъ всѣ добродѣтели Христіанскія. Коснитъ *Князь царей земныхъ* (Апок. I. 5.), говоритъ сильный земли, прельщенный властолюбіемъ, и начинаетъ попирать слабыхъ. Коснитъ, вопіютъ, мятежные народы, и замышляютъ безначаліе. Коснитъ Царь терноваго вѣнца, говоритъ сынъ чувственныхъ утѣхъ, и, увѣнчавъ

себя цвѣтами, засыпаетъ на цвѣтахъ, которые вскорѣ должны увянуть, и оставитъ по себѣ одно будущее терніе. Коснитъ Царь Заимодавецъ, говоритъ рабъ сребролюбія или лѣности, и глубже зарываетъ въ землю талантъ, котораго лихвою могло быть царствіе. Коснитъ Женихъ, говоритъ душа, обрекшая себя небесному Жениху, и дремлетъ, не примѣчая, что въ ея духовномъ сосудѣ елей умиленія и любви Божественной оскудѣваетъ; а потому и свѣтъ разумѣнія вскорѣ угаснуть можетъ. Коснитъ, кричатъ ругатели: *гдѣ есть обѣтованіе пришествія Его? отнеліже бо отцы успоша, вся тако пребываютъ отъ начала созданія*; и въ надеждѣ на сіе коснѣніе, или лучше сказать, въ отчаяніи, *ходятъ по своихъ похотѣхъ* (2 Петр. III. 3. 4.).

Нѣтъ, лукавые рабы и рабыни легкомысленныя, *не коснитъ Господь обѣтованія, якоже нѣціи коснѣніе мнятъ, но долготерпитъ на насъ, не хотя да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе приидутъ* (2 Петр. III. 9.). И кто знаетъ, не наполнилась ли уже мѣра Его долготерпѣнія? — Примѣчайте, Христіане, какъ со дня на день умножаются знаменія Его пришествія, Имъ Самимъ предназначенныя: туга языковъ, глады и пагубы и трусы по мѣстомъ, множество соблазновъ, предательство другъ друга, умноженіе беззаконія, изсякновеніе любви, — и то уже знаменіе, что такъ многіе дремлютъ, не обращая вниманія на поразительныя знаменія времени; ибо, по преждерече́нными глаголамъ отъ святыхъ Пророковъ и Апостолъ ва-

шихъ, *прiидетъ день Господень, яко тать въ нощи* (10).

Се грядетъ со облаки, и узритъ Его всяко око (Апок. I. 7.)! Блажетъ, кто можетъ отъ всего сердца сказать: *ей, гряди, Господи Iисусе* (Апок. XXII. 20.)! *Вѣнецъ возлюбльшимъ явленiе Его!* Аминь.

8. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ОБРѢТЕНІЯ МОЩЕЙ СВЯТИТЕЛЯ АЛЕКСІЯ.

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ. Евр. XIII. 7.

Настоящій день есть одинъ изъ тѣхъ, въ которые Церковь съ особенною торжественностію призываетъ насъ къ исполненію Апостольскаго завѣщанія, мною теперь прочитаннаго. По ея установленію мы воспоминаемъ нынѣ Богомудраго наставника нашего, Святителя Алексія, который какъ во все время Святительства своего съ благодатною силою глаголалъ слово Божіе въ назиданіе словеснаго стада Христова, такъ особенно потрудился въ чистомъ изглаголаніи слова Божія, когда Славенское преложеніе святаго Евангелія съ Греческимъ подлинникомъ повѣрилъ, и отъ несовершенствъ стараго нарѣчія, и отъ описокъ невнимательныхъ переписчиковъ, очистилъ и исправилъ. Сей подвигъ важенъ, между прочимъ, потому, что чрезъ него Святитель,

Богомъ просвѣщаемый, предварительно обличилъ неправое мнѣніе людей, явившихся послѣ него, которые даже донынѣ утверждаютъ, будто въ священныхъ и церковныхъ книгахъ, и описку переписчика исправить, и непонятное слово перевода замѣнить понятнымъ, непозволительно и противно Православію. Они говорятъ: по старымъ неисправленнымъ книгамъ спасались и спаслись извѣстные Святые; такія книги поправлять, значитъ, портить. Если бы такъ разсуждалъ святый Алексій: то конечно не сталъ бы онъ ни повѣрять переводъ, ни поправлять рукопись Евангелія; а долженъ былъ взять книгу Евангелія, какая въ его время находилась въ Успенскомъ Соборѣ, и сказать: по сей книгѣ спасался и спасся Святитель Петръ; нечего здѣсь повѣрять и исправлять. Но онъ повѣрялъ и исправлялъ: и потому очевидно не такъ разсуждалъ, какъ новые ревнители не очень старой старины, а точно также, какъ и древле и нынѣ разсуждаетъ православная Церковь, то есть, что спасительная истина Христова и въ неисправленныхъ и исправленныхъ священныхъ и церковныхъ книгахъ одна; но что, для сохраненія и распространенія сей самой истины, исправная книга лучше неисправной. Какъ предначинаніе и оправданіе церковнаго изслѣдованія и исправленія книгъ въ послѣдовавшія времена, Провидѣніе Божіе сохранило намъ изслѣдованную и исправленную Святителемъ Алексіемъ книгу святаго Евангелія: и она являлась очамъ вашимъ въ самое сіе священнослуженіе, бывъ несена діакономъ во святый олтарь.

Видите, братія, благодѣтельность Апостольскаго завѣщанія. Мы воспомянули наставника нашего: и отъ сего воспоминанія тотчасъ получили полезное для всей Церкви наставленіе. Но углубимся нѣсколько въ завѣщаніе святаго Апостола Павла о благоговѣйномъ воспоминаніи наставниковъ нашихъ.

Помнящите наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе. Въ сихъ словахъ есть нѣчто печальное. Помнятъ то, чего уже нѣтъ. И такъ когда Апостолъ завѣщаваетъ помнить наставниковъ Богоглаголивыхъ: то симъ самымъ сказываетъ, что ихъ нѣтъ уже, и едва ли не предсказываетъ, что подобныхъ имъ не будетъ. Ибо какъ тѣмъ, что имѣемъ и видимъ, легче пользоваться, нежели тѣмъ, чего не видимъ, и что уже миновало. то не очень нужно было бы заботиться о воспоминаніи прежнихъ наставниковъ, если бы подобные имъ непрерывно процвѣтали въ Церкви. Но Апостолъ заботится о воспоминаніи наставниковъ прежде бывшихъ. видно не надѣется, чтобы въ ихъ преемникахъ наставляемые вполнѣ обрѣли тотъ же духъ и силу, тѣ же подвиги и добродѣтели, то же слово и тотъ же примѣръ. Что сіе предусмотрѣніе вѣрно, къ сожалѣнію свидѣтельствуютъ опыты многихъ вѣковъ Не случается ли слышать и нынѣ сѣтованія: гдѣ нынѣ Святые? Гдѣ прозорливцы или чудотворцы? Гдѣ наставники, которые бы глаголали слово Божіе съ такою силою, руководствовали ко спасенію съ такою вѣрностію, какъ Петръ или Павелъ, или хотя какъ нѣкоторые изъ Духоносцевъ, бывшихъ послѣ Апостоловъ?

На печальный подлинно видъ навело насъ Апостольское завѣщаніе, поминать наставниковъ нашихъ. Но смотрите, какъ оно же можетъ подать намъ и утѣшеніе

Сѣтуютъ, что нѣтъ нынѣ Святыхъ. Мимоходомъ замѣчу, что не должно преувеличивать сего мнѣнія. Многіе, или немногіе, только должны быть и нынѣ Святые; и не можетъ быть, чтобы ихъ совсѣмъ небыло: ибо безъ Святыхъ міръ не былъ бы достоинъ храненія Божія, и не могъ бы стоять. *Съмя свято стояніе его* (Иса. VI. 13). Мы можемъ говорить, что нѣтъ нынѣ въ мірѣ Святыхъ, подобно какъ отецъ Алексія человѣка Божія сказалъ бы, что у него въ домѣ нѣтъ сына, и нѣтъ Святаго, тогда какъ сынъ его жилъ у него въ домѣ, и былъ мужъ Святый, но закрытъ былъ, и отъ отца, и отъ другихъ, образомъ нищаго. Справедливѣе можно скорбѣть, что Богопросвѣщенные наставники и Святые нынѣ слишкомъ рѣдки; что ихъ не видно, что въ людяхъ духовныхъ примѣчается незрѣлость духа. Что жъ? Какъ утѣшиться намъ въ сей скорби? Какъ восполнить примѣчаемый недостатокъ?—Возьмите въ прошедшемъ то, чего не находите въ настоящемъ: *поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе* прежде. Правда, поминать наставниковъ скончавшихся, не то, что пользоваться живущими: но слишкомъ ли велика сія разность, и не стоитъ ли одно другаго? Наставленіе отъ наставника живущаго близко и удобопріемлемо, когда его видимъ и слышимъ; слово и примѣръ его въ семъ случаѣ для насъ такъ же живы, какъ и онъ самъ:

преимущество немаловажное! Но живя въ тѣлѣ, подобно намъ, кто бы онъ ни былъ, онъ еще подверженъ искушеніямъ, и не избавленъ отъ возможности преткнуться, и, можетъ быть еще, въ своемъ паденіи, увлечь съ собою наставляемыхъ. Напротивъ того наставникъ скончавшійся, котораго житіе и скончаніе жительства ознаменовано присутствіемъ въ немъ благодати Божіей, котораго чистое ученіе оправдано святою жизнію, и святость жизни подтверждена святою и блаженною кончиною, есть руководитель ко спасенію рѣшительно достовѣрный и непоползновенный, есть притомъ помощникъ тѣмъ болѣе сильный и непзнемогающій, что, отложивъ тлѣнность и немощь земной жизни, живетъ въ безпрепятственномъ причастіи свѣта и силы Божіей: преимущество высокое и несравненное! Что касается до близости и удобопріемлемости наставленія и помощи духовной: близость въ духѣ не измѣряется областями жизни и разстояніями мѣста и времени, но мыслію, желаніемъ и любовію, созерцаніемъ, молитвою и вѣрою. Вѣра можетъ сблизить васъ съ наставникомъ благоговѣйно воспоминаемымъ, почти также, какъ съ присутствующимъ: ибо и съ симъ душеполезно сближаетъ она же, а не просто видѣніе лица и слышаніе слова. Вѣра посредствомъ писанія или преданія, оживитъ предъ вами ученіе и примѣръ отшедшаго къ Богу наставника, а посредствомъ молитвы пріобрѣтетъ вамъ его дѣйственную за васъ молитву къ Богу, и дѣйствительную помощь. Симъ образомъ *поминайте наставники ваша*: и безъ сомнѣнія, вы будете удовлетворены въ потреб-

ностяхъ духа вашего такъ, что не будетъ нужды сѣтовать на несовершенство или скудость наставленія современнаго.

Чудное, братія, устроеніе Царствія Хрістова! Наши немощи, наши недостатки угрожаютъ лишить васъ потребнаго вамъ духовнаго наставленія. Что же творитъ многомилостивый и благопромыслительный Господь? Дополняя недостатокъ наставниковъ живущихъ, Онъ прежде общаго воскресенія воскрешаетъ нѣкоторымъ образомъ наставниковъ умершихъ, и, еще прежде полнаго открытія царствія небеснаго, на земли въ небесномъ царствіи Своемъ, то есть, въ Церкви Своей, особеннымъ образомъ *творитъ ихъ*, по изъясненію Тайновидца Іоанна, *Цари и Іереи*, небеснаго вкупѣ и земнаго священноначалія, — *Іереи*, возносящіе за васъ дѣйственную молитву непосредственно въ пренебесный жертвенникъ, — *Цари*, имѣющіе власть чудодѣйственною помощію благоуправлять васъ къ миру и спасенію. Вы боитесь не найти ни одного духовнаго наставника близъ себя, въ свое время. Онъ даетъ вамъ всѣхъ духовныхъ наставниковъ, изъ всѣхъ временъ всея Вселенскія Церкви, и въ нихъ дѣлаетъ для васъ доступными всѣ духовныя познанія и опыты, всѣ дарованія и силы благодатныя.

При семъ не безъ сожалѣнія и не безъ удивленія воспоминаю, что нѣкоторые изъ Христіанъ не хотятъ угодившихъ Богу наставниковъ воспоминать воспоминаніемъ благочестія и вѣры, и особенно прибѣгать къ ихъ помощи въ молитвахъ. Не нужно, говорятъ, никакого ходатайства предъ Богомъ,

кромѣ ходатайства Хрістова; и ходатайствомъ простыхъ человѣковъ было бы оскорблено ходатайство Богочеловѣка. Сіе мудрованіе подобно тому, какъ если бы кто вздумалъ утверждать, что въ царствѣ, ни въ самыхъ даже и малыхъ дѣлахъ, ни къ кому не должно прибѣгать, какъ только къ царю, и не чрезъ кого инаго, какъ только чрезъ сына царева; и что прибѣгающій къ посредству подчиненныхъ властей, и рабовъ царевыхъ, имѣющихъ доступъ къ его престолу, оскорбляетъ верховное достоинство царя и высокое предстательство сына его. Не царь ли своею властію дѣйствуетъ чрезъ подчиненныя власти? Не къ его ли милосердію прибѣгаютъ чрезъ посредство вѣрныхъ ему рабовъ? Не Богъ ли и Хрістосъ дѣйствуетъ и славится чрезъ Святыхъ Своихъ? Не къ Его ли благодати прибѣгаютъ чрезъ ихъ посредство смиренные молитвенники, почитающіе себя недостойными непосредственно приступать къ Богу и Хрісту? Не совершенно ли согласно съ крайнею чистотою Божества и съ крайнимъ также Его снисхожденіемъ и милосердіемъ то, что наши молитвы несовершенныя и неочищенныя, вспомоществующею молитвою Святыхъ очищаются и дѣлаются способными къ пріятію на пренебесный мысленный жертвенникъ.

Но возвратимся еще разъ къ завѣщанію Апостола. Заповѣдавъ намъ помнить Святыхъ наставниковъ нашихъ, онъ указуетъ цѣль сего воспоминанія, чтобы мы, *взирающе на скончаніе жительства* ихъ, *подражали вѣрѣ ихъ*. Что мы, по благодати Божіей, сохраняемъ Апостольскую заповѣдь, о семъ

свидѣтельствуетъ самое сіе собраніе, ради памяти Богомудраго наставника нашего, Святителя Алексія. Остается намъ помыслить и попещись о томъ, идемъ ли мы точно къ цѣли, указуемой Апостольскою заповѣдію. Иныхъ ударяющій громъ заставляетъ перекреститься; несчастіе, болѣзнь, печаль, приводитъ имъ на память Святыхъ, какъ утѣшителей, цѣлителей, помощниковъ, и побуждаетъ призывать ихъ. Хорошо и то, что въ бѣдахъ прибѣгаемъ къ предстательству и помощи Святыхъ; конечно это лучше, нежели совсѣмъ забывать ихъ: но не довольно воспоминать ихъ только по случаямъ и по нуждамъ временнымъ. Всѣхъ нуждъ важнѣе то, чтобъ воспоминать ихъ для подражанія вѣрѣ ихъ, и, неразлучному послѣдствію истинной вѣры, богоугодному житію ихъ. Та только память Святыхъ угодна имъ и Богу, и спасительна совершающимъ оную, которая совершается съ искреннимъ желаніемъ подражать имъ, и достигнуть полнаго съ ними во свѣтѣ Божіемъ общенія чрезъ освященіе и насъ самихъ. Аминь.

9. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ОБРѢТЕНІЯ МОЩЕЙ СВЯТИТЕЛЯ АЛЕКСІЯ.

Слово Христово да вселяется въ васъ богатно, во всякой премудрости учаще и вразумляюще себе самѣхъ, во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ, во благодати поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви. Кол. III. 16.

Если нуженъ опытъ и примѣръ, до какого успѣха въ духовной жизни довести можетъ простое поученіе во псалмѣхъ, и пѣніихъ, и пѣснехъ духовныхъ, по руководству Христовы Церкви: то для сего мы можемъ указать на многихъ прославленныхъ въ Церкви Святыхъ, и въ числѣ ихъ на прославляемаго нынѣ Свѣтильника церкви Россійскія.

Ибо какія средства имѣлъ онъ для своего наставленія? Училища? Они въ его время не процвѣтали: и не въ училищѣ искалъ онъ образованія, но въ обители монашествующихъ. Отъ поученія во псалмѣхъ и пѣніихъ, и пѣснехъ духовныхъ, по чину церковному, возсіялъ въ немъ духовный свѣтъ, ко-

торый, возрастая, вознесъ его на высокій свѣщникъ, озарилъ церковь его мудростію и святынею, и еще озаряетъ благодатію чудодѣйственною.

Какой же простый путь—упражненіемъ въ словѣ псалмопѣнія, дойти до чистаго состоянія духовнаго, до спасенія души, до славы чадъ Божіихъ! и притомъ путь конечно вѣрный: потому что его указалъ Апостолъ Павелъ; потому что имъ прошелъ Святитель Алексій.

А если такъ: то и удивленія, и сожалѣнія, и заботливаго размышленія достойно то, что многіе долго симъ путемъ идутъ, и не далеко достигаютъ;—долго упражняются въ церковномъ и домашнемъ Богослуженіи, но, и послѣ столь обильнаго сѣянія духовнаго сѣмени въ ихъ чувства и мысли, не только сторичнаго, ниже тридесятичнаго плода духовнаго въ нихъ не видно.

По устроенію и чину Хрістовой Церкви, мы всѣ ученики слова Хрістова: соотвѣтствуютъ ли же наши успѣхи цѣли и продолженію нашего ученія?—Дабы вы могли въ семъ испытывать сами себя, повторяемъ одинъ изъ начальныхъ уроковъ вашего ученія.

Слово Хрістово да вселяется въ васъ богатно, во всякой премудрости учаще и вразумляюще себе самѣхъ, во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ, во благодати поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви.

Подъ именемъ *слова Хрістова*, въ наставленіи Апостола, по руководству другихъ его изреченій, надлежитъ разумѣть, во-первыхъ, *начала Хрісто-*

ва слова (Евр. VI. 1.), или первоначальное Христіанское ученіе, о покаяніи отъ мертвыхъ, то есть, грѣховныхъ дѣлъ, о вѣрѣ въ Бога, о воскресеніи мертвыхъ и судѣ вѣчномъ; во-вторыхъ, *слово крестное* (1 Кор. I. 18.), или ученіе о спасеніи человѣка грѣшника крестнымъ страданіемъ и смертію Богочеловѣка Іисуса Христа; въ-третьихъ, *премудрость Божію въ тайнѣ сокровенную* (1 Кор. II. 7.), открытіе высокихъ таинъ Божества Духомъ Святымъ, *испытаніе духомъ глубинъ Божіихъ* (ст. 10.), многое, о чемъ знающіе говорить большею частію не смѣютъ и не умѣютъ, и о чемъ не знающіе мы напрасно усиливались бы плодить нѣмыя рѣчи.

Великое и необъятное слово Христово! И чего же въ отношеніи къ сему слову требуетъ Апостолъ отъ учениковъ своихъ? *Слово Христово*, говоритъ онъ, *да вселяется въ васъ*. Это не то, что слушать по временамъ сіе слово изъ устъ другаго, или своими устами произносить, или умѣть иногда приводить оное на память. Требуется, чтобы оно въ насъ *вселялось*, и слѣдственно жило въ насъ — Какимъ образомъ? — Такъ, чтобы другія мысли въ умъ, другія желанія въ сердце были принимаемы, какъ гости, допускаемы, какъ пришельцы, на время, по нуждѣ; а слово Христово было постоянною мыслію въ умѣ, господствующимъ желаніемъ въ сердцѣ, душею во всей дѣятельности. Не скудный наставникъ дополняетъ: *да вселяется въ васъ богатно, во всякой премудрости*: то есть, надобно, чтобы вы не оставались при скудныхъ дѣтскихъ начаткахъ ученія Христова, но постепенно пріобрѣтали въ

ономъ новые, болѣе обильные успѣхи; чтобы никакую, даже въ тайнѣ сокровенную, премудрость не почитали для васъ чуждою, и до васъ не принадлежащею, но со смиреніемъ устрояли умъ вашъ къ Божественному созерцанію, и сердце ваше къ небеснымъ ощущеніямъ.

Но какъ все сіе сдѣлать?—Искусный наставникъ для великаго дѣла предлагаетъ довольно простый способъ, или,—чтобы намъ понять его раздѣльнѣе,—въ одномъ способѣ заключаетъ два.

Апостолъ предлагаетъ, во-первыхъ, псалмопѣніемъ упражнять умъ: *учаще и вразумляюще себе самыхъ, во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ.* Какой удобный способъ образованія духовнаго! Не посылаютъ васъ въ училища, на продолжительные и трудные уроки, для чего у многихъ не достало бы, или времени, или способности; не заставляютъ далеко искать превосходныхъ наставниковъ, если такихъ нѣтъ въ виду: вамъ предлагается родъ самообученія и взаимнаго обученія въ Христіанствѣ. Упражняйтесь, говорятъ вамъ, во псалмѣхъ и пѣснехъ духовныхъ; это не столько трудъ, сколько увеселеніе духовное; только дѣлайте сіе не просто и безъ вниманія, но съ симъ вмѣстѣ учите и вразумляйте сами себя и другъ друга. Когда слышишь, или произносишь слова псалма, или другаго духовнаго пѣснопѣнія, или церковнаго чтенія: собирай въ нихъ мыслящую силу твою, углубляй вниманіе твое, примѣчай, какая въ оныхъ заключается истина, или какая открывается тайна, или какое преподается правило жизни. Если не

сномами, какъ богатые, то, хотя по подобію бѣдныхъ, малыми класами и зернами собирай на великой нивѣ церкви сѣмя жизни: довольно и симъ образомъ соберешь, чтобы засѣять твою малую духовную ниву. Если встрѣчаешь не вразумительное для тебя; и если притомъ не любопытство побуждаетъ тебя искать уразумѣнія: обратись къ другому внимательному и опытному, и преимущественно къ поставленному церковію наставнику, да послѣдуетъ одному отъ другаго вразумленіе въ томъ, что кому открылось. Случится ли, что и ближній твой такъ же, какъ ты, не доразумѣваетъ: обратись опять къ тѣмъ же псалмамъ, и они подадутъ тебѣ помощь противъ сего затрудненія, научая тебя взывать въ молитвѣ къ Богу: *открый очи мои, и уразумѣю чудеса отъ закона твоего* (Псал. CXVIII. 18.). Тихая молитва, какъ безмолвная Марія, при ногахъ Христовыхъ, несравненно болѣе научается, нежели самодѣятельный суетливый, какъ Марѳа, разумъ, молвящій о многѣ, съ своими мудрованіями и внѣшними пособіями знанія. Посмотрите, какъ Архангелъ Гавріилъ преподаетъ Даніилу откровеніе таинъ, и вмѣстѣ изъясняетъ способъ, какимъ достигъ Пророкъ до сего высокаго познанія. *Еще глаголющу ми въ молитвѣ*, сказуетъ о себѣ Пророкъ, *и се мужъ Гавріилъ, парящъ: и вразуми мя, и рече: Даніиле, нынѣ изыдохъ устроити тебѣ разумъ. Въ началѣ молитвы твоея изыде слово, и азъ придохъ созвѣстити тебѣ, яко мужъ желаній еси ты* (Дан. IX. 21—23.). Чудное училище Божественное! Ученикъ на земли; учитель на небеси: не у-

спѣлъ ученикъ изъявить желаніе небеснаго наставленія, какъ молнія откровенія блистаетъ на небесахъ, и слово Божественное нисходитъ на землю въ устахъ вѣстника небеснаго. Ты долженъ получить вѣдѣніе, говоритъ Архангелъ Пророку; потому что ты человѣкъ молящійся: *яко мужъ желаній еси ты.* Да не подумаетъ слушающій сіе: до меня сей примѣръ не касается; ибо я не Пророкъ. Что нужды, что ты не Пророкъ? Изъ сего можно заключить только, что къ тебѣ, вѣроятно, не Архангелъ пошлется, и не откровеніе судебъ тебѣ преподастся; но по крайней мѣрѣ единъ отъ меньшихъ Ангеловъ, тѣмъ не менѣе, по выраженію Церкви, *вѣрный наставникъ*, можетъ вразумить тебя о томъ, что тебѣ нужно уразумѣть для твоего спасенія: только дай ему доступъ до тебя путемъ твоей молитвы: *яко мужъ желаній еси ты.*

Во-вторыхъ, Апостолъ предлагаетъ псалмопѣніемъ питать сердце: *во благодати поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви.* Если надобно, какъ то уже нѣсколько изъяснено, чтобы слово Хрістово жило въ Христіанинѣ: то, безъ сомнѣнія, недостаточно было бы стараться образовать онымъ умъ, безъ особеннаго попеченія о сердцѣ. То, что въ мірѣ обыкновенно называютъ просвѣщеніемъ, есть не болѣе; какъ лунное мерцаніе свѣта и жизни, а не полный свѣтъ и жизнь духа. Истинное начало жизни духовной, подобно солнцу, изливаетъ теплотворный свѣтъ, просіявающій въ умѣ истиною, и согрѣвающій сердце любовію къ добру. Даже преимущественно въ сердцѣ открывается духовная жизнь, по крайней

мѣрѣ, ближайшая степень ея, на которую восходимъ изъ плотской жизни падшаго Адама. Такъ учитъ древній царственный мудрецъ: *всяцѣмъ храненіемъ блюди твое сердце : отъ сихъ бо исходища живота* (Прит. IV. 23.). *Сердце отверзаетъ Господь*, дабы человѣкъ *внималъ* (Дѣя. XVI. 14.) слову Христову, и оно вселилось въ немъ. *Въ сердца изливается любовь Божія Духомъ Святымъ даннымъ намъ* (Рим. V. 5.). *Въ сердца посылаетъ Богъ Духа Сына своего, вопіюща: Авва Отче* (Гал. IV. 6.). Таковымъ благодатнымъ дѣйствіямъ Божества на сердце человѣка взаимнымъ сердечнымъ дѣйствіемъ соотвѣтствовать, и къ принятію оныхъ себя располагать учитъ Апостолъ, когда увѣщеваетъ *во благодати пѣть въ сердцахъ нашихъ Господеви.* Совершая священное пѣснопѣніе, или участвуя въ ономъ, берегись, чтобы не одними устами участвовать въ ономъ; поелику Господь со гнѣвомъ жалуется на тѣхъ людей, которые къ нему *приближаются усты своими* только, и которыхъ *сердце далече отстоитъ* (Ис. XXIX. 13.) отъ Него;—также не однимъ слухомъ, хотя бы то было и не безъ разумѣнія; потому что *не пользуетъ слово слуха, не растворенное вѣрою слышащихъ* (Евр. IV. 2.). Но возбуждай сердце твое, чтобы оно изнутри отвѣтствовало на внѣшній псаломъ, въ духовномъ созвучіи; чтобы оно, при вопляхъ покаянія сокрушалось и умилялось, предъ глаголами вѣры и таинъ благоговѣло и смирялось, при гласахъ славословій восхищалось на небо, когда воспѣвается любовь къ Богу и надежда на него, вселилось и радовалось, при пѣсняхъ ду-

ховныхъ, изображающихъ духовную, Богоугодную жизнь, всѣми своими желаніями воскрилялось къ сей вожделѣнной жизни; наконецъ, чтобъ и тогда, когда въ устахъ пѣніе умолкаетъ, оно еще отзывалось въ сердцѣ, и возобновлялось воспоминаніемъ и повтореніемъ благодатныхъ ощущеній.

Если кому представится недоумѣніе въ томъ, что Апостолъ заповѣдуетъ пѣть въ сердцахъ *во благодати*, которая отъ насъ не зависитъ; а потому, кажется, и заповѣди не подлежитъ: то, для отвѣта на сіе, можно указать на достойныхъ подражанія пѣвцовъ, *имущихъ гусли Божіи, стоящихъ на морѣ стекляномъ, смѣшенномъ со огнемъ* (Апок. XV. 2.). Благодать подобна сему морю: такъ она безпредѣльна; такъ водоогненна; ибо и орошаетъ жаждущее сердце, и воспламеняетъ охладѣвшее. Ты стоишь, можетъ быть, еще не на семъ морѣ, а на землѣ, потому что къ землѣ привязанъ помыслами, желаніями, пристрастіями: но сдѣлай шагъ, и стань на морѣ стекляномъ, чистомъ и свѣтломъ; отвергни земныя пристрастія, желанія, помыслы, и ты очутишься во благодати; и тогда познаешь, какъ удобно исполняется Апостольская заповѣдь, *пѣть въ сердцахъ во благодати.*

Таковъ, возлюбленные соученики, Апостольскій урокъ о вселеніи въ насъ слова Христова. Нужно ли напоминать, что сдѣлано Церковію, къ большему облегченію нашего духовнаго ученія? Псалмы, пѣнія, пѣсни духовныя, назидательныя чтенія, избраны изъ священныхъ книгъ, дополнены чистыми изліяніями Духа чрезъ уста Богоносныхъ Отцевъ, рас-

положены по днямъ и часамъ; небесное училище, вмѣстѣ и святилище, всякому отверсто. Что жъ? Довольно ли учимъ мы самихъ себя? Довольно ли вразумляемъ другъ друга? Каковы наши духовные успѣхи въ ученіи, въ житіи? Трижды въ день мы слышимъ въ церкви символъ святыя вѣры: но въ чемъ существенно состоитъ спасительная истина вѣры, какъ мало иные знаютъ! Годы проводятъ среди псалмовъ и пѣсней духовныхъ: но слова Христова, въ себѣ вселившагося, не являютъ; *плода духовнаго,* каковый *есть любы, радость, миръ, долготерпѣніе, вѣра, кротость, воздержаніе,* въ зрѣлости и обиліи не приносятъ. Ежедневно слышатъ въ церкви возбуждающій гласъ: *горѣ имѣимъ сердца:* но возвысить сердца свои не подвизаются, безъ заботы оставляютъ ихъ долу, наполненныя суетою, одебелѣвшія, ожесточающіяся, окаменѣвающія. Что же будетъ далѣе?—по господствующей привычкѣ и многочисленнымъ примѣрамъ, вѣроятно, все тоже. Что же наконецъ?—Сіе учебное время, сія учебная жизнь кончится, не какъ во внѣшнихъ училищахъ въ извѣстный срокъ, но совсѣмъ не ожиданно, и мы призовемся на открытое предъ цѣлымъ свѣтомъ испытаніе, еже на страшнѣмъ судѣ Божіемъ. Чѣмъ извинимъ тогда духовную малоуспѣшность нашу?

Знаю выдуманныя на сей случай извиненія. Не всѣмъ, говорятъ, быть учителями и Богословами; не всѣмъ быть Святыми.

То правда, что не всѣмъ предназначенъ даръ и долгъ учительства, что и Апостолъ не желаетъ *многихъ учителей* (Іак. III. 1.); и Церковь не многихъ

удостоила имени Богослововъ. Однако жъ никому не позволено въ Христіанствѣ быть вовсе не ученымъ, и оставаться невѣждою. Самъ Господь не нарекъ ли Себя учителемъ, и Своихъ послѣдователей учениками? Прежде нежели Христіане начали называться Христіанами, они всѣ до одного назывались учениками. Не уже ли это праздныя имена, ничего не значащія? И за чѣмъ послалъ Господь въ міръ Апостоловъ?—первѣе всего учить всѣ народы: *шедше научите вся языки.* Если ты не хочешь учить и вразумлять себя въ Христіанствѣ: то ты не ученикъ и не послѣдователь Христа; не для тебя посланы Апостолы; ты не то, чѣмъ были всѣ Христіане съ самаго начала Христіанства; я не знаю, что ты такое, и что съ тобою будетъ.

Что касается до тѣхъ, которые хотятъ основать себѣ надежду спасенія на семъ, конечно не святомъ, догматѣ: не всѣмъ быть святыми; довольно сказать противъ нихъ одно святое слово: *миръ имѣйте*, пишетъ Апостолъ, *со всѣми, и святыню, ихже кромѣ*, то есть, безъ мира и святыни, *никтоже узритъ Господа* (Евр. XII. 14.). Сбудется приговоръ, произносимый міромъ противъ себя, что не всѣмъ быть святыми: но что будетъ съ тѣми, которые не потщатся покаяніемъ, вѣрою, духовнымъ ученіемъ, благоговѣйнымъ житіемъ очиститься, просвѣтиться, и, рано или поздно, *имѣти святыню?* Апостолъ уже рѣшилъ ихъ участь: *не узрятъ Господа.*

Братія! да не разлучитъ насъ отъ Господа нерадѣніе наше и невнимательность. Перестанемъ ду-

мать, если кто думалъ до сихъ поръ, будто можемъ угодить Ему, исполняя только нѣкоторыя обязанности, только наружно, и какъ случится. *Богъ разумовъ Господь* (1 Цар. II. 3.). *Богъ зритъ на сердце* (1 Цар. XVI. 7.). *Царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. XVII. 21.). И такъ непремѣнно нужно внутренно приготовлять и устроять для царствія Божія нашъ разумъ и наше сердце. Воспользуемся для сего средствами, кои столь щедро подаетъ намъ Церковь, непрерывно насъ учащая и вразумляющая, если только желаемъ учиться и вразумляться. Примемъ себѣ въ дѣятельное руководство Апостольское слово, написанное нѣкогда для Христіанъ Колосскихъ, но точно не мимо и каждаго изъ насъ изреченное Духомъ Святымъ: *слово Христово да вселяется въ васъ богатно, учаще и вразумляюще себе самыхъ, во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ, во благодати поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви.* Аминь.

10. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ПЕРВОВЕРХОВНЫХЪ АПОСТОЛОВЪ ПЕТРА И ПАВЛА.

Первоверховнымъ Апостоламъ празднуемъ: вникнемъ въ духъ и силу настоящаго празднованія.

Подъ именемъ *первоверховныхъ Апостоловъ* Церковь соединяетъ Петра и Павла.

Что сіе отличительное наименованіе приличествуетъ Святому Петру, въ томъ не трудно убѣдиться изъ Евангельской исторіи. Во всякомъ собраніи, даже равныхъ между собою людей, обыкновенно кто нибудь имѣетъ нѣкоторое первенство, или по избранію и назначенію, для порядка, или по превосходству своихъ способностей и особенному присутствію духа: и во многихъ случаяхъ, когда Евангельская исторія представляетъ Петра въ собраніи Апостоловъ, имя его первенствуетъ въ порядкѣ именъ Апостольскихъ, и лице его первенствуетъ между Апостолами, то въ словѣ, то въ дѣйствіи. Когда, на примѣръ, Святый Матѳей хочетъ составить списокъ избранныхъ въ званіе Апостольское;

онъ пишетъ: *Двападесятихъ же Апостоловъ имена суть сія: первый Симонъ, иже нарицается Петръ* (Матѳ. X. 2.);—и потомъ именуетъ прочихъ Апостоловъ. Когда Самъ Божественный Учитель, по нѣкоторомъ времени ученія, испытываетъ избранныхъ учениковъ Своихъ въ главномъ предметѣ Своего ученія, и вопрошаетъ: *кого Мя глаголете быти?* — Петръ предупреждаетъ всѣхъ Богомудрыхъ отвѣтомъ: *Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго;* и за то первый не только похваляется, но и ублажается: *блаженъ еси Симоне;* ему первому сказуется: *на семъ камени созижду церковь Мою,* хотя впрочемъ не исключительно ему, потому что Церковь *назидается на основаніи Апостолъ и Пророкъ сущу краеугольну самому Іисусу Христу* (Еф. II. 20.); онъ первый получаетъ ключи Царства Небеснаго и власть вязать и рѣшить (Матѳ XVI. 16—19.), хотя впрочемъ въ слѣдъ за симъ и всѣмъ Апостоламъ таже власть дарована (Матѳ. XVIII. 18.). И въ то бѣдственное время, когда, при пораженіи Пастыря, разсѣялись овцы стада, когда самые столпы ея поколебались, самые камни основанія подвиглись отъ мѣстъ своихъ, потому что сатана просилъ, дабы сѣять ихъ, яко пшеницу; — что тогда камень Петръ? — Правда, не устоялъ и онъ, даже бѣдственнѣе другихъ былъ низринутъ: но съ тѣмъ вмѣстѣ имѣлъ преимущество особенною молитвою Христовою быть воздвигнутъ на прежнее мѣсто свое, и ему предоставлено утвердить братію. *Азъ,* сказано ему, *молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя; и ты нѣкогда обращся, утверди братію твою* (Лук.

XXII. 32.). Подлинно, когда воскресеніе Господа прежде всѣхъ открылось Мироносицамъ; сіе не утвердило Апостоловъ въ вѣрованіи оному: *и явишася предъ ними яко лжа глаголы ихъ* (Лук. XXIV. 11.). Но когда Воскресшій явился Петру: то и прочіе Апостолы, прежде общаго всѣмъ имъ явленія, уже съ твердостію говорили: *воистинну воста Господь, и явися Симону* (Лук. XXIV. 34.). Наконецъ должно ли наполнить пустоту, оставленную въ ликѣ Апостольскомъ чрезъ отпаденіе Іуды? — Первый примѣчаетъ сіе Петръ, и первый печется о семъ. Должно ли, непосредственно, по сошествіи Святаго Духа, торжественно начать проповѣдь Евангельскую?—*Ставъ Петръ со единонадесятьми*, первый изъ нихъ *воздвиже гласъ свой* (Дѣян. II. 14.). Должно ли положить основаніе Церкви Христіанской между язычниками, также какъ между Іудеями? — Петръ креститъ Корнилія; и уже не въ первый разъ просто изъясняется событіями, много затрудняемое толкованіями слово Христово: *ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою.*

Но тѣмъ яснѣе такимъ образомъ первенство Святаго Петра между Апостолами: тѣмъ болѣе требуетъ изслѣдованія то, что Церковь и Святаго Павла присоединяетъ къ нему подъ общимъ для обоихъ наименованіемъ Первоверховныхъ Апостоловъ,--Павла, очень мало, по видимому, соединеннаго съ Петромъ въ Апостольствѣ. Извѣстно, что Господь избралъ сперва двѣнадцать Апостоловъ, а потомъ другихъ семьдесять. Двѣнадцать, въ сравненіе съ семидесятью, всѣ могутъ быть названы верховными Апо-

столами. Но извѣстно также, что Святый Павелъ не былъ въ числѣ сихъ. Когда они въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ учились наукѣ Апостольства у Божественнаго Учителя: тогда, вѣроятно, Павелъ продолжалъ еще учиться у законоучителя Іудейскаго Гамаліила. Когда они воплощенною Премудростію Божіею торжественно произведены въ учители всѣхъ народовъ: *шедше научите вся языки:* Павелъ все еще оставался только ученикомъ Гамаліила. Когда они единодушно ждали, и всѣ совокупно получили Духа Святаго, и содѣлались Его непосредственными орудіями и верховными на земли раздаятелями даровъ Его: и тогда Павла между ими не было. Когда они начали созидать и распространять Церковь Хрістову: Павелъ еще былъ ея гонителемъ и разрушителемъ. Какъ же случилось, что столь далеко, по видимому, отставшій отъ сонма верховныхъ Апостоловъ, пріемлетъ нынѣ отъ Церкви честь, не только равную съ верховными, но и преимущественную, вмѣстѣ съ первоверховнымъ изъ нихъ?

Посмотримъ, нѣтъ ли способа сблизить сихъ двухъ мужей, и уразумѣть помышленіе Церкви, которая соединяетъ ихъ въ настоящемъ празднованіи.

Нѣтъ нужды пространно изъяснять, или доказывать, что Апостольство Павла столь же величественно и Божественно по своему началу, какъ Апостольство Петра и прочихъ Апостоловъ. Довольно для сего сказать, что Призвавшій Петра и прочихъ къ Апостольству во время пребыванія Своего на земли,—Самъ призвалъ къ тому же Павла, прекло-

пясь къ нему изъ отверстыхъ небесъ. *Павелъ Апостолъ, ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ, но Іисусъ Христомъ и Богомъ Отцемъ*, или какъ еще онъ изъясняется, *явленіемъ Іисусъ Христовымъ* (Гал. I. 1. 12.).

Если великъ тотъ, кто изъ глубокаго невѣдѣнія въ краткое время восходитъ къ высокой и Божественной мудрости: менѣе ли великъ и тотъ, кто изъ смертельной вражды противъ Божественной истины вдругъ прелагается въ любовь къ ней, также, яко смерть, крѣпкую? Вчера рыбарь; а нынѣ первый и единственный Богословъ: *Ты еси*, говоритъ, *Христосъ Сынъ Бога живаго:* — вотъ величіе Петра! Вчера гонитель Христовъ, а нынѣ Апостолъ Христовъ; — *гоняй насъ иногда*, говорятъ вѣрные, *нынѣ проповѣдуетъ вѣру, юже иногда разрушаше* (Гал. I. 23.): — вотъ величіе Павла! Если верховность духа Петрова надъ прочими Апостолами видна въ томъ, что онъ нѣкогда утвердилъ братію свою, поколебавшуюся въ вѣрѣ: не также ли видна верховность духа Павлова надъ самимъ Петромъ, когда Павелъ примѣтилъ непримѣченный Петромъ соблазнъ, предстоящій Церкви, по причинѣ его устраненія отъ вѣрующихъ изъ язычниковъ, въ угожденіе вѣрующимъ изъ Іудеевъ, и исправилъ въ семъ случаѣ дѣйствія Петровы? *Егда*, говоритъ, *пріиде Петръ во Антіохію, въ лице ему противу стахъ, яко зазренъ бѣ* (Гал. II. 11.). Если Апостольское дѣйствованіе Петра является преимущественно великимъ въ томъ, что какъ между Іудеями, такъ и между язычниками, онъ полагаетъ первыя основанія

Церкви Христовы; что чрезъ него наипаче, какъ чрезъ сильнѣйшее орудіе благодати, соборъ Апостольскій дѣйствуетъ изъ Іерусалима не только на всѣ Церкви Палестинскія, но и на многія другія: не обширнѣе ли еще область Апостольства Павлова, простирающаяся отъ Іерусалима и Сиріи до Македоніи, до Греціи, до Иллирика, отъ Антіохіи до Рима, и, можетъ быть, до Испаніи, при томъ такъ, что и онъ большею частію *не на чужемъ основаніи созидалъ* (Рим. XV. 20.), но проповѣдывалъ тамъ, гдѣ до него не было произносимо имя Христово? Посмотрите, какъ сіи, безъ войска и безъ оружія всемірные завоеватели, дѣлятъ между собою народы, не уступая другъ другу, не въ томъ, кому болѣе владѣть вселенною, но кому болѣе страдать за спасеніе вселенныя: *увѣрено ми бысть*, сказуетъ Павелъ, *благовѣстіе необрѣзанія*, то есть язычниковъ, *якоже Петру обрѣзанія* (Гал. II. 7.), то есть Іудеевъ. Поелику же во время сего, не раздѣляющаго, но соединяющаго раздѣла, во вселенной не было ничего, кромѣ *обрѣзанія* и *необрѣзанія*, кромѣ Іудеевъ и язычниковъ: то Петръ и Павелъ раздѣлили ее между собою безъ остатка, и потому въ цѣломъ мірѣ некому оспоривать у нихъ достоинства первоверховныхъ.

Впрочемъ, и тогда, какъ дѣйствительно есть нѣкоторая первоверховность Апостольская въ превосходствѣ даровъ, высотѣ добродѣтелей и обширности подвиговъ, можно еще спросить: для чего такъ торжественно возвѣщается первоверховность проповѣдниковъ вѣры, которые полагали, и другихъ научa-

ли полагать свое торжество не въ верховности, но въ смиреніи, и первенство въ служеніи другимъ?— Дабы на сіе отвѣтствовать, вспомнимъ притчу Христову: *не можетъ градъ укрытися верху горы стоя* (Матѳ. V. 14.). Градъ на верху горы, здѣсь означаетъ душу возвышенную, наполненную и украшенную совершенствами и добродѣтелями: подобно какъ въ другихъ случаяхъ Слово Божіе душу Боголюбивую и благочестивую называетъ обителію Божіею, или домомъ Божіимъ. Какъ градъ на вершинѣ горы стоящій, сколь ни скромны его зданія, тѣмъ не менѣе виденъ издалека такъ душа, отвергшая міръ и плоть со страстями и похотями, долу влекущими, приближенная къ небеснымъ Сіямъ, вознесенная на гору Закона Божія, чистотою, вѣрою и любовію въ Богѣ обитающая, и содѣлавшаяся обителію благодати Божіей, сколь ни скромно ея слово, сколь ни смиренны ея дѣйствія, и въ смиреніи своемъ открываетъ свою возвышенность, и скромностію не можетъ скрыть своей внутренней славы отъ очей сколько нибудь очищенныхъ. И какъ путешествующіе, усматривая градъ на горѣ, останавливаются и сами на нѣкоторомъ возвышеніи, откуда удобнѣе видѣть его, указуютъ его другъ другу, замѣчаютъ особенныя возвышенности его, бесѣдуютъ о красотахъ его, наслаждаясь величественнымъ зрѣлищемъ, а иногда и управляя имъ путь свой, и поощряясь достигнуть видимаго вдали: такъ Богомудрые Отцы и руководители наши въ пути спасенія, останавливаютъ насъ на извѣстномъ поприщѣ времени, чтобы, какъ два величественные града, указать намъ вели-

кія души Петра и Павла; замѣчаютъ намъ преимущественную возвышенность ихъ совершенствъ и добродѣтелей; даютъ случай чистымъ душамъ насладиться созерцаніемъ двухъ высокихъ обителей Святаго Духа, или единой высокой благодати Апостольства, обитающей въ двухъ тѣлесныхъ обителяхъ; побуждаютъ очищаемыхъ, по возможности, хотя издалека, разсматривать сіе духовное зрѣлище, и по нему направлять и ускорять путь свой ко спасенію ревностнымъ подражаніемъ усматриваемымъ подвигамъ и добродѣтелямъ; а дабы и неочищенныхъ отъ праха мірскихъ суетъ очистить нѣкоторымъ предварительнымъ очищеніемъ, и отъ бренія плоти возвысить, для удобнѣйшаго умнымъ окомъ разсматриванія духовныхъ высотъ, они старались какъ-бы на нѣкое духовное возвышеніе возвести насъ стезею поста, настоящій день предварившаго.

Ничего не скажу чистымъ и возвышеннымъ созерцателямъ, чтобы не препятствовать имъ наслаждаться тѣмъ, что нынѣ видятъ они на горѣ Божіей, на высотѣ Церкви Христовы. Станемъ добрѣ и мы, едва, можетъ быть, возникающіе духомъ отъ плоти и міра; воспользуемся высокимъ духовнымъ зрѣлищемъ, которое Церковь нынѣ намъ представляетъ и указуетъ. — Если ты еще привязанъ къ міру, къ мірскимъ стяжаніямъ или удовольствіямъ, къ мірскимъ знаніямъ, къ мірской чести: воззри на Петра, который оставилъ все, чтобы слѣдовать за Христомъ; воззри на Павла, который, по видимому, и не совсѣмъ мірскія знанія Іудейскаго законника и Фарисея, и славу сихъ знаній, вмѣнилъ за уметы, что-

бы пріобрѣсть спасительное буйство и поношеніе Хрістово. Если не можешь оставить имѣнія. оставь по крайней мѣрѣ любостяжаніе и скупость. Если не можешь еще возлюбить поношеніе: отвергни по крайней мѣрѣ любочестіе. Иначе какой ты ученикъ Апостоловъ? Какой сынъ Апостольской Церкви? — Если ты грѣшникъ, знающій свое беззаконіе; и грѣхъ твой, будучи предъ тобою выну, не даетъ покоя твоей совѣсти: хотя и низко въ семъ случаѣ ты стоишь, но и ты воззри на высокихъ Апостоловъ. И первоверховный Петръ не былъ ли на время отрекшимся отъ Хріста? И первоверховный Павелъ не былъ ли нѣкогда гонителемъ Церкви? Но слезы покаянія и глубоко падшаго Петра возставили въ верховное Апостольство: а покаяніе Павла, еще и не начатое, но провидѣнное, принято простертыми съ небесъ объятіями Спасителя грѣшниковъ. Что же ты унываешь, грѣшникъ, и отягчаешь себя отчаяніемъ? Возьми крила покаянія и надежды, и лети на высоту благодати.

Довольно сего для примѣра, какъ можемъ и мы униженные въ Церкви, разсматривать высокія совершенства Апостоловъ, и размышленіемъ о нихъ питать душу свою, и одушевлять жизнь свою. Въ семъ состоитъ истинный праздникъ Апостоламъ. Благословеніе Святыхъ Апостоловъ и Святыя Церкви Апостольскія почіетъ на празднующихъ симъ образомъ. Аминь.

11. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ОБРѢТЕНІЯ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ, ГОВОРЕННОЕ ВЪ ЛАВРѢ ЕГО, ІЮЛЯ 5 ДНЯ, 1822 ГОДА.

Проидоша въ милотехъ, и въ козіихъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, ихже не бѣ достоинъ весь міръ, въ пустыняхъ скитающеся, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастехъ земныхъ. Евр. XI. 37. 38.

Что это за люди, которыхъ столь несообразными, по видимому, чертами описываетъ Апостолъ? Онъ цѣнитъ ихъ дороже цѣлаго міра: *ихже не бѣ достоинъ весь міръ;* но въ тоже время показываетъ, что они брошены такъ, какъ-бы ничего не стоили, потому что не имѣютъ ни порядочной одежды, ни пищи, ни безопасности, ни жилища: *проидоша въ милотехъ, и въ козіихъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, въ пустыняхъ скитающеся, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастехъ земныхъ.*

Можетъ быть, міръ не узнаетъ, или на захочетъ узнать сихъ добровольныхъ изгнанниковъ міра:

но вамъ не должно быть трудно узнать ихъ, обитатели священной пустыни! Это наши предшественники, хотя, можетъ быть, большая часть изъ насъ отстали отъ нихъ такъ далеко, что мы оскорбляемъ ихъ, называясь ихъ послѣдователями. Если нужно указать на лица: таковъ былъ Илія Θесвитянинъ, котораго, какъ примѣтно, Апостолъ особенно имѣлъ предъ очами, когда писалъ свое изображеніе великихъ странниковъ міра;—Илія, который затворялъ и отверзалъ небо, низводилъ дождь и огнь, призывалъ гладъ и плодородіе, а самъ едва находилъ пропитаніе, иногда чрезъ пустыннаго врана, иногда чрезъ убогую вдовицу; словомъ истреблялъ живыхъ, дуновеніемъ воскрешалъ мертвыхъ, но самъ убѣгалъ въ *пустыню души ради своея*, то есть, по причинѣ опасности жизни, и, утомленный преслѣдованіями враговъ, *просилъ души своей смерти* (3 Царст. XIX. 3. 4.). Таковъ былъ Іоаннъ Крестителъ, котораго *болій не воста въ рожденныхъ женами* (Матѳ. XI. 11.), по свидѣтельству самой Истины, но который жилъ въ дикой пустынѣ, носилъ грубую одежду, питался акридами, окончилъ свое поприще темницею и мечемъ. Таковы были послѣ Павелъ Θивейскій, Антоній Великій, Макарій Египетскій, Ефремъ Сирійскій, и множество другихъ, которые изъ мрака пустынь, какъ звѣзды, просіяли свѣтомъ духовнымъ, и озарили вселенную.

Но на что, для очевидцевъ самаго дѣла, собирать многихъ посторонниихъ свидѣтелей? Таковъ и сей дивный мужъ, который пришелъ сюда въ безлюдную и непроходимую пустыню; долго жилъ здѣсь

во всякомъ лишеніи, одинъ съ единымъ Богомъ; потомъ, когда нашлись люди, которые, узнавъ цѣну его, предпочли міру его пустыню, и предали ему самихъ себя въ послушаніе и управленіе, былъ первый въ трудахъ и подвигахъ, и послѣдній въ успокоеніи, носилъ одежду, которую отвергали другіе; ѣлъ гнилой хлѣбъ; вмѣсто изгнанія непокоривыхъ, изгонялъ отъ нихъ самъ себя; и что же наконецъ?— По слову Пророка, *создались пустыни его вѣчныя; содѣлались основанія его вѣчныя родомъ родовъ, и прозвался онъ зиатель оградъ* (Иса. LVIII. 12.). Не только немощные и сильные земли приходили въ пустыню его просить отъ него благословенія, совѣтовъ, чудесныхъ исцѣленій и побѣдъ на преобладавшихъ враговъ, но и Царица небесъ, ближними Царя царствующихъ сопровождаемая, нисходила въ его святое уединеніе, чтобы утвердить въ его пустынѣ благословеніе неба, которое въ послѣдствіи времени враждебныя силы міра, при всемъ видимомъ ихъ могуществѣ, тщетно покушались разрушить.

Кто бросаетъ драгоцѣнности?—Почему же люди, *ихже не бѣ достоинъ весь міръ*, которые, при высокомъ внутреннемъ достоинствѣ, собственно для міра должны быть драгоцѣнны по многимъ благотворнымъ для него дѣйствіямъ,—почему они, въ такомъ, по видимому, небреженіи, разсыпаны *по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущеліямъ земли?* Міръ ли, не давъ имъ цѣны, отвергнулъ ихъ; или они, узнавъ его цѣну, не захотѣли принадлежать ему?

Гордость міра не позволяетъ ему признаться, что онъ оставленъ, какъ недостойный: и потому онъ старается увѣрить тѣхъ, которые легковѣрно его слушаютъ, что онъ самъ, какъ ни къ чему неспособныхъ, отвергаетъ тѣхъ, которые оставляютъ его; или что они, оставляя его добровольно, оставляютъ безразсудно. Но истина и опытъ говорятъ вопреки ему, что не столько онъ ихъ отвергаетъ, сколько они оставляютъ его; и что онъ безразсуденъ и несправедливъ, поколику отвергаетъ ихъ, а не они, поколику отъ него удаляются.

Думаютъ упрекнуть насъ, когда говорятъ, что нѣкоторые изъ древнихъ благочестивыхъ пустынножителей приведены были къ сему образу жизни страхомъ гоненій. Но противъ чего возставали гонители?—Противъ благочестія. Для чего убѣгали въ пустыни гонимые?—Для сохраненія благочестія. Кто же здѣсь заслуживаетъ укоризну? Воинъ, который, увидѣвъ себя одного въ непріятельскомъ станѣ, умѣлъ безопасно удалиться, и невредимо сохранить знамя, ему ввѣренное, не ужели есть безчестный бѣглецъ? Не есть ли онъ нѣкоторымъ образомъ побѣдитель? Если міръ хочетъ уничижить насъ, называя послѣдователями такихъ бѣглецовъ: то пусть осмотрится, не поставляетъ ли онъ тѣмъ самого себя въ достоинство—послѣдователя гонителей?

Справедливо ли ненавидѣть тѣхъ, которые всегда вамъ добра желаютъ? И такъ справедливъ ли міръ, когда онъ ненавидитъ людей, которые, оставляя его на всю жизнь, въ тоже время на всю жизнь обреклись желать ему истиннаго добра въ непре-

станныхъ молитвахъ? Не совершенно ли безразсудно, отвергать тѣхъ, которые не только желаютъ намъ добра, но и могутъ самымъ дѣломъ доставить намъ то, чего желаютъ? Но не сіе ли самое дѣлаетъ міръ, когда отвергаетъ тѣхъ, которые подвигами благочестія и чистыми молитвами отводятъ отъ него громы раздраженнаго неба, и низводятъ на него могущественныя и дѣйственныя благословенія? Если онъ не постигаетъ тайны духовныхъ благословеній: укажемъ ему на благословенія видимыя и чувственныя. Смотрите, дикая пустыня превращается въ цвѣтущую, вѣковую обитель; безлюдная пустыня даетъ бытіе многолюдному селенію; пустынная обитель стоитъ непоколебимо противъ устремленія враговъ, уже низложившихъ столицу, становится щитомъ уже уязвленнаго царства, и сокровищницею его спасенія; и все сіе—отъ одного пустынножителя! Дадимъ послѣ сего міру судить о семъ родѣ людей хотя по однимъ временнымъ выгодамъ. Если онъ все еще отвергаетъ ихъ: онъ отвергаетъ свою пользу. Если онъ еще почитаетъ ихъ ни къ чему не полезными: онъ не знаетъ собственныхъ выгодъ.

Сколь несправедливо поступаетъ міръ въ томъ, что унижаетъ и отвергаетъ сихъ людей: столь же напрасно льститъ онъ себѣ тѣмъ, будто отчаяніе въ его благоволеніи заставляетъ ихъ отъ него удалиться. Тщетно Фараонъ сталъ бы хвалиться, что онъ изгналъ Израильтянъ въ пустыню; хотя подлинно *нуждаху Египтяне людей со тщаніемъ изгнати ихъ отъ земли* (Исход. XII. 33.). Не

отчаяніе, но надежда вывела Израильтянъ изъ Египта; они воспользовались своимъ изгнаніемъ, какъ средствомъ своего избавленія, и за свое бѣгство воспѣли Богу побѣдную пѣснь. Истинно отрекающіеся отъ міра, если испытываютъ его неблаговоленіе, пользуются тѣмъ, какъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы тѣмъ безпрепятственнѣе удалиться отъ него; а часто, и не испытавъ отъ него никакой видимой непріязни, оставляютъ его совсѣмъ не потому, чтобъ онъ отвергалъ ихъ, но потому, что пустыня ихъ призываетъ, и тихій, частію даже печальный, гласъ ея для нихъ стократно вожделѣннѣе, нежели шумныя радости міра. Кто гналъ изъ міра сіе чудное отроча, которое оставило его прежде, нежели имѣло случай узнать его? *Отроча растяше, и крѣпляшеся духомъ, и бѣ въ пустыняхъ* (Лук. 1. 80.). Зналъ ли міръ и сего Варѳоломея, прежде нежели содѣлала его извѣстнымъ пустыня; и могъ ли отвергнуть его, прежде нежели онъ самъ отвергся міра? Міръ узналъ уже оставившаго міръ Сергія, по его подвигамъ и чудодѣйствіямъ; и не столько отвергалъ, сколько привлекалъ его: но даже и тогда, когда былъ онъ привлекаемъ въ такое состояніе, которое хотя и въ мірѣ, но не отъ міра, и не для міра,—самое послушаніе, столь свято хранимое Сергіемъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, не могло привести его къ тому, чтобы разстаться съ сладкою пустынею.

Какая же тайная сила влекла сихъ людей изъ міра, и заставляла ихъ, оставя все въ немъ пріятное, скитаться по пустынямъ въ лишеніи, въ скор-

бяхъ, въ озлобленіи? Узнаемъ сію тайну отъ Апостола, который изобразилъ сихъ непостижимыхъ для міра людей. Сія тайна есть *вѣра*. *Вѣрою,* говоритъ онъ, *побѣдиша царствія, содѣяша правду,* — и далѣе: *проидоша въ милотехъ, — въ пустыняхъ скитающеся;* и паки заключаетъ: *вси сіи послушествовани вѣрою* (Евр. XI. 33—39.). Вѣра представила имъ, что они *странніи и пришельцы суть на земли* (13), мысль, которую знаютъ и невѣрующіе, но и слыша пропускаютъ мимо ушей, или, лучше сказать, мимо сердца, и потому, хотя ежедневно, видятъ подобныхъ себѣ умирающихъ, однако живутъ въ такой безпечности о будущемъ, съ такою привязанностію къ земному, какъ-бы имъ жить здѣсь вѣчно! — Вѣра вдохнула вѣрнымъ своимъ послѣдователямъ глубокое чувство тлѣнности міра и краткости жизни, а въ слѣдствіе сего и пламенное желаніе отечества небеснаго; научила ихъ *невидимому* Богу *предстоять, какъ бы видя Его* (27.), *взирать на Начальника вѣры и совершителя Іисуса, Иже вмѣсто предлежащія Ему радости претерпѣ крестъ, о срамотѣ нерадивъ, одесную же Престола Божія сѣде* (XII. 2.); указала имъ на *мздовоздаяніе* (XI. 26.), и для нихъ уготованное. При сихъ несродныхъ міру чувствованіяхъ, при сихъ высокихъ видахъ, красоты міра для нихъ померкли, сладости чувственныя преогорчились, земныя сокровища превратились въ уметы, міръ явился для нихъ пустынею, а пустыня раемъ, — и они побѣжали. Побѣжали, какъ Израильтяне изъ Египта, какъ Лотъ изъ Содома, какъ плѣнники изъ

Вавилона. Побѣжали отъ міра, гдѣ сообщество съ мірскими человѣками, и тварь, суетою и злоупотребленіемъ искаженная, непрестанно разсѣвали ихъ мысль, порабощали желанія, возмущали душу и совѣсть. Побѣжали въ пустыню, гдѣ поколику болѣе устранялись отъ тварей, потолику ближе могли ощущать Бога; отреклись отъ земнаго брака, дабы вмѣсто того, тѣмъ свободнѣе, уготовлять себя къ единому небесному *браку Агнца* (Апок. XIX. 7.); облеклись мрачною одеждою, дабы желаніе украшенія не имѣло инаго предмета, какъ *виссонъ оправданія святыхъ* (8.); осудили себя на гладъ и жажду, дабы чувственное насыщеніе не притупило глада и вкуса къ духовной *вечери* (9.) Царствія Божія; удалились, такъ сказать, на самую границу видимаго и невидимаго міра, и, въ сообразность съ назначеніемъ къ невидимому, добровольно и благовременно перенесли туда и мысль и сердце; и если принуждены оставить здѣсь бренное тѣло, то по крайней мѣрѣ стараются, постомъ, бдѣніемъ и другими подвигами, очищать и утончать его такъ, чтобы не столько оно *отягощало душу* (Прем. IX. 15.), сколько душа облегчала его и воскриляла, чтобы оно, сколько можно, менѣе препятствовало имъ подражать жизни безплотныхъ, и принимать благодатныя посѣщенія Святаго Духа.

Вотъ, братія и сообитатели пустыни, краткій, но истинный чертежъ пути, которымъ истинные предшественники наши удалились отъ міра, и не на случай скитались по пустынямъ, но на вѣрное странствовали *ко граду, основанія имущему, егоже*

художникъ и содѣтель Богъ (Евр. XI. 10.). Входить о семъ въ подробности не время теперь, и не нужно, можетъ быть, для тѣхъ, которые сами дѣятельно идутъ путемъ симъ. Но дабы намъ, нерадѣніемъ или прельщеніемъ духа заблужденія, не совратиться съ истиннаго пути во слѣдъ тѣхъ, которые блуждаютъ *по непроходимѣй, а не по пути* (Псал. CVI. 40.), нужно намъ прилѣжно всматриваться въ слѣды нашихъ предшественниковъ, и повѣрять шествіе наше. Очень нужно намъ испытывать себя, точно ли потому мы удалились отъ міра, что возжелали благоугождать единому Богу, а не потому, что міръ намъ не благопріятствовалъ? Въ самомъ удаленіи отъ міра, не унесли ли мы съ собою, какъ Рахиль изъ дома Лаванова, боговъ, которымъ служатъ въ мірѣ, – идоловъ гордости, корыстолюбія и плотоугодія? Или въ самой пустынѣ, подобно Израильтянамъ, не сліяли ль себѣ новыхъ идоловъ, вмѣсто тѣхъ, которыхъ оставили въ Египтѣ? Чувствуемъ ли мы себя ближе къ Богу внутренно, съ тѣхъ поръ, какъ наружно стали далѣе отъ міра? Отрекшись отъ преимуществъ и обладанія въ мірѣ, не искушаемся ли желаніемъ преимуществъ и старѣйшинства между собратіями? Жизнь, предназначенную исключительно для подвиговъ духовныхъ, не обращаемъ ли въ одно успокоеніе плоти? Благословенъ мирный сынъ пустыни, которому при таковомъ испытаніи *не зазираетъ сердце его: онъ будетъ имѣть дерзновеніе къ Богу* (1 Іоан. III. 21.). Благо и тому, коему, при сознаніи нѣкоторыхъ претыканій и паденій, покаянная

мысль и сокрушенное сердце обѣщаютъ надежду прощенія и утѣшенія. Горе сѣятелю соблазновъ, который, въ самую пустыню пришедши съ собою міръ и его скверны, нарушаетъ ея духовную святыню! Троякій судъ падетъ на главу его: судъ грѣха, судъ нарушенія обѣтовъ, и судъ ядовитаго соблазна.

Должно сказать нѣчто и къ благонамѣреннымъ посѣтителямъ священной пустыни. Когда мы, послѣдуя Апостолу, говоримъ о пустынножителяхъ, что вѣра увлекла ихъ изъ міра: не подумайте, будто вамъ, оставшимся въ мірѣ, мы уже не оставляемъ вѣры и надежды спасенія. Нѣтъ! *Вѣра есть побѣда, побѣдившая* и побѣждающая *міръ* (1 Іоан. V. 4 5.). Можно и жить *въ мірѣ*, но не быть *отъ міра* (Іоан. XV. 10.). Не всѣмъ заповѣдалъ Іисусъ Христосъ то, что совѣтовалъ нѣкоему юношѣ: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и имѣти имаши сокровище на небеси, и гряди въ слѣдъ Мене* (Матѳ. XIX. 21.), то есть, для послѣдованія Христу, не только оставь беззаконія и страсти міра, но и всякій съ живущими въ мірѣ союзъ расторгни. Напротивъ того всѣмъ проповѣдывалъ Онъ покаяніе, вѣру въ Евангеліе и надежду Царствія небеснаго. Онъ Самъ жилъ и въ мірѣ и въ пустынѣ: училъ въ мірѣ, а для молитвы удалялся въ пустыню.

Яже вамъ глаголю, всѣмъ глаголю (Марк. XIII. 37.). Какъ никого не спасаетъ одно внѣшнее пребываніе въ пустынѣ: такъ и не погубляетъ никого внѣшнее жительство въ мірѣ. Пустая пустыня, когда во внѣшней нѣтъ врутренней пустыни; для

внутренней же пустыни есть, хотя не столь свободное, мѣсто и въ мірѣ, если кто найти его потрудится. *Егда молишися, вниди въ клеть твою,* то есть, въ уединенную храмину души твоей, *и затворивъ двери твоя*, то есть, удержавъ отъ разсѣянія твои мысли и чувства, *помолися Отцу твоему, иже въ тайнѣ* (Матѳ. VI. 6.).— *Не любите міра, ни яже въ мірѣ* (1 Іоан. II. 15.). Содѣлайте сердце ваше пустынею, въ коей бы не было ни богатствъ, ни красотъ міра, ни нечистыхъ плотскихъ желаній, ни страстныхъ помышленій. Вотъ и для пустынножителей, и для живущихъ въ мірѣ, общая священная пустыня, въ которую *приходитъ*, и въ которой *творитъ обитель* (Іоан. XIV. 23.) Себѣ возлюбленный Господь нашъ Іисусъ Христосъ, со Единосущнымъ Своимъ Отцемъ и Святымъ Духомъ, къ истинному блаженству нашему, во славу имени Своего Трисвятаго. Аминь.

12. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ, О СУДѢ СВЯТЫХЪ.

Не вѣсте ли, яко святіи мірови имутъ судити? 1 Кор. VI. 2.

Мірови имутъ судити! — Слово Апостольское весь міръ предаетъ суду Святыхъ: кто же и куда можетъ уклониться отъ суда сего? Весь человѣческій родъ представляется раздѣленнымъ на двѣ части: на судей, которые суть *Святые*, и на подсудимыхъ, которые суть всѣ прочіе человѣки, подъ именемъ *міра*. Некуда уклониться изъ числа подсудимыхъ, какъ развѣ въ число судей. Если не поставимъ себя самопроизвольно въ санъ судей, что было бы весьма дерзновенно, и безъ дальнѣйшаго суда достойно осужденія: то по необходимости мы должны увидѣть себя во множествѣ подсудимыхъ.

Святіи судити имутъ! — Что же о судѣ семъ должны подумать мы грѣшные? О судѣ человѣческомъ, обыкновенномъ говорятъ, что не должно бояться суда, но судьи бояться должно; потому что судъ, по существу своему, какъ дѣйствіе правосу-

дія, угрожаетъ только нѣкоторымъ изъ подсудимыхъ, то есть, виновнымъ, а судья, по невѣжеству, по лицепріятію, по мздоимству, и невинныхъ, не менѣе виновныхъ, опасности подвергаетъ: о судѣ Святыхъ—не знаю что и сказать, судей ли болѣе, или самаго суда страшиться должно. Чѣмъ менѣе могли бы невинные опасаться сихъ судей, въ которыхъ не льзя предполагать ни невѣдѣнія, ни пристрастія, превращающихъ судъ: тѣмъ болѣе грѣшные должны страшиться сихъ судей; ибо въ нихъ не льзя предполагать ни непроницательности, которая бы не примѣтила грѣха, ни лицепріятія, которое бы покрыло грѣшника. Если они не страшны потому, что благи и милосерды: то страшны по тому самому, что суть Святые, а потому совершенною ненавистію ненавидятъ грѣхъ, и конечно съ совершенною правдою осудятъ его. Если же сіи судіи міра строги въ правдѣ; а *міръ весь во злѣ лежитъ* (1 Іоан. V. 19.); и *никтоже чистъ отъ скверны* грѣха и неправды, *аще и единъ день житіе его на земли* (Іов. XIV. 4. 5.): то какъ страшенъ долженъ быть по необходимости судъ Святыхъ надъ міромъ!

И Ты, у котораго мы нынѣ витаемъ и покоимся, какъ птенцы подъ крилами кокоши, къ которому прибѣгаемъ, какъ врачу немощей, какъ утѣшителю въ скорбяхъ, какъ сокровищехранителю милосердія, какъ раздаятелю щедротъ, какъ предстателю за насъ предъ Всевышнимъ Судіею, — и Ты наконецъ долженъ быть однимъ изъ сихъ грозныхъ судей надъ нами!

О ищущіе милости! Устрашимся суда, котораго избѣжать не можемъ, и предъ которымъ устоять не имѣемъ силы. Устрашимся же не страхомъ малодушія, ведущимъ къ отчаянію, но страхомъ благоразумія, внушающимъ осторожность. Уранимъ поставить себя мысленно предъ симъ судомъ, чтобы не опоздать намъ оправданіемъ предъ нимъ, когда онъ откроется внезапно и торжественно. Не вѣсте ли, *яко святіи мірови имутъ судити?*

Апостолъ Павелъ Христіанамъ своего времени кратко напоминаетъ о судѣ Святыхъ, какъ о дѣлѣ, въ которомъ онъ полагается на ихъ собственное знаніе. *Не вѣсте ли?* Не ужели вы не знаете? Безъ сомнѣнія вы сіе знаете. Спрашиваю: можно ли и Христіанамъ настоящаго времени повторить напоминаніе Апостольское съ такою же благонадежностію? Можемъ ли мы на сіе отвѣтствовать: да, мы знаемъ судъ Святыхъ? Или, посовѣтуясь съ своею совѣстію, не большая ли часть изъ насъ должны признаться, что мы почти ничего не знаемъ объ опомъ? Въ семъ случаѣ, опять спрашиваю: что значитъ сіе незнаніе? Незнаніе о судѣ означаетъ или простоту невиннаго человѣка, которому нѣтъ дѣла до суда; — но сіе не есть наше состояніе въ отношеніи къ суду Святыхъ, какъ уже изъ вышесказаннаго разумѣть можно; — или нерадѣніе и закоснѣніе грѣшника, который избѣгаетъ мысли о неизбѣжномъ судѣ потому, что всегда занимается помыслами и дѣлами грѣховными. О судъ, котораго познаніе устрашаетъ, и котораго незнаніе обличаетъ и посрамляетъ насъ; о которомъ размышленіе угро-

жаетъ осужденіемъ, и о которомъ забвеніе ведетъ прямо къ осужденію! Откройся намъ со страхомъ твоимъ, прежде нежели откроешься съ неизбѣжнымъ осужденіемъ нашимъ.

Не вьсте ли, говоритъ Святый Апостолъ вѣдающимъ о судѣ Святыхъ. Мы съ невѣдущими обратимся къ источнику вѣдѣнія. Первое и главное свѣдѣніе о судѣ Святыхъ почерпаемъ изъ словъ Самого Сына Божія, Которому Богъ Отецъ *весь судъ даде, да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца* (Іоан. V. 22. 23.), и Который въ Свою чреду раздѣляетъ судъ Свой съ Апостолами: *аминь глаголю вамъ, яко вы шедшіи по Мнѣ, въ пакибытіе, егда сядетъ Сынъ человѣческій на престолъ славы Своея, сядете и вы на двоюнадесяти престолу, судяще обѣма надесяте колѣномa Израилевома* (Матѳ. XIX. 28.). Въ семъ изреченіи должно замѣтить, во-первыхъ, что судъ Святыхъ откроется торжественно *въ пакибытіе*, во вторичное бытіе человѣковъ, то есть, по воскресеніи мертвыхъ, и слѣдственно, судъ сей будетъ всемірный не только въ отношеніи къ человѣкамъ послѣднихъ временъ, но и въ отношеніи къ роду человѣческому отъ начала временъ до конца ихъ. Во-вторыхъ, что судъ сей откроется торжественно, *егда сядетъ Сынъ человѣческій на престолѣ славы Своея:* но какъ сіе будетъ, по другому изреченію Его, тогда, *егда пріидетъ Сынъ человѣческій въ славѣ Своей, и вси святіи Ангели съ Нимъ* (Матѳ. XXV. 31.); слѣдственно судъ Святыхъ произведенъ будетъ не только предъ родомъ человѣческимъ, но и предъ Анге-

лами Божіими. Въ-третьихъ, что послѣдователи Хрістовы *сядутъ на престолахъ* для суда въ тоже время, *егда сядетъ Сынъ человѣческій на престолѣ Славы Своея:* слѣдственно судъ ихъ будетъ соединенъ съ Его судомъ; они порознь будутъ орудіями, или подчиненными, частными дѣйствователями Его единаго, всеобщаго и верховнаго суда. Въ-четвертыхъ, что Апостолы *сядутъ на двоюнадесяте престолу, судяще обѣманадесяте колѣно на Израилевома:* но какъ за симъ остается еще множество народовъ и племенъ, которые предстанутъ всемірному суду; то можно изъ сего заключать, что кромѣ сихъ дванадѣсяти судей, и еще многіе судіи должны будутъ явиться. Сіе догадочное заключеніе оказывается ясною и утвержденною истиною въ изреченіи Апостола, который говоритъ, что не одни Апостолы, но вообще *святіи мірови имутъ судити.* Пророкъ еще съ большею опредѣленностію сказуетъ, что всѣ Святые Божіи безъ изъятія возведены будутъ въ достоинство судей, дабы произвесть судъ надъ языками и людьми, надъ царями и славными ихъ: *сотворити въ нихъ судъ написанъ: слава сія*, то есть, слава быть судіями въ семъ судѣ, *будетъ всѣмъ преподобнымъ Его.* Присовокупимъ къ сему свидѣтельство очевидца сего суда: ибо Святый Іоаннъ уже видѣлъ оный въ откровеніи. *Видѣхъ*, пишетъ онъ, *престолы и сѣдящія на нихъ, и судъ данъ бысть имъ* (Апок. XX. 4.).

Трудно вообразить, какъ произведется одинъ, согласный и неподверженный никакому прекаанію судъ толикаго множества судей, надъ еще боль-

шимъ множествомъ подсудимыхъ, по столь многимъ разнообразнымъ и тонкимъ предметамъ суда, каковы суть всѣ явныя и тайныя дѣла, слова, желанія, и помышленія каждаго человѣка въ продолженіи всей его жизни. Въ изъясненіе сего находимъ нѣчто у Псалмопѣвца, который говоритъ, что преподобные сотворятъ *судъ написанный,* и у Тайновидца, который пишетъ такъ: *и видѣхъ мертвецы малыя и великія стоящя предъ Богомъ, и книги разгнушася; и ина книга отверзеся, яже есть животная; и судъ пріяша мертвецы отъ написанныхъ въ книгахъ по дѣломъ ихъ* (Апок. XX. 12.). Какъ обыкновенно между человѣками употребляется написанный судъ, частію для удобности въ отношеніи къ высшимъ судіямъ, поелику онъ не только слова и дѣйствія подсудимыхъ, со всѣми ихъ обстоятельствами и подробностями, но и множество въ разныхъ мѣстахъ находящихся свидѣтелей и другихъ доводовъ суднаго дѣла представляетъ въ нѣсколькихъ написанныхъ листахъ; частію для вѣрности, поелику слово сказанное мгновенно скрывается, и можетъ быть пересказано иначе, а слово написанное остается видимымъ и непремѣннымъ: такъ и судъ Святыхъ представляется написаннымъ въ книгахъ, и особенно въ книгѣ жизни, въ ознаменованіе того, что имъ данъ будетъ отъ Верховнаго Судіи способъ такъ же удобно и вѣрно, или лучше сказать, несравненно удобнѣе и вѣрнѣе, видѣть всю внѣшнюю и внутреннюю жизнь каждаго судимаго ими, нежели какъ обыкновенный судія видитъ поступки подсудимаго въ написанномъ полномъ судномъ дѣлѣ; и

что потому судимымъ гѣршникамъ не останется никакого способа не признаться въ томъ, въ чемъ обличатъ и осудятъ ихъ Святые. Но кто, и когда пишетъ книгу нашей жизни для будущаго суда Святыхъ? — Думаю, что пишемъ ее мы сами, и пишемъ непрерывно, въ то самое время, когда что дѣлаемъ или говоримъ, желаемъ или помышляемъ: такъ должно быть для того, чтобы мы не имѣли предлога отрицаться отъ нея на судѣ, и говорить, что въ ней кѣмъ-то, когда-то написано, чего мы не знаемъ, и чего отъ насъ не было. Но гдѣ лежитъ сія книга? — Кто знаетъ, въ какомъ мѣстѣ хранитъ Судія написанный судъ, доколѣ придетъ время открыть его всенародно? Впрочемъ надѣюсь, не погрѣшимъ, если скажемъ, что въ сердцѣ каждаго изъ насъ лежитъ книга жизни для будущаго суда нашего, — тамъ, гдѣ не только знающіе Бога, и законъ Его, и благодать Его, но и язычники *являютъ дѣло законное написано, сосвидѣтельствующей имъ совѣсти, и помысломъ другъ друга осуждающимъ или оправдывающимъ* (Рим. II. 15.), ибо сіе внутреннее явленіе не иное что есть, какъ большее или меньшее открытіе книги жизни, которая наконецъ вся, отъ начала до конца, откроется, и изъ нашей же внутренности освѣтится или тихимъ свѣтомъ, или пожирающимъ огнемъ, *въ день, егда судитъ Богъ тайная человѣкомъ*. Можно еще сказать, что и въ самомъ тѣлѣ нашемъ, которое подъ покровомъ тлѣннаго уготовляется къ воскресенію, какъ-бы въ нѣкоей книгѣ, мы пишемъ жизнь нашу непримѣтными нынѣ, но явственными для будущаго суда нашего чертами:

каковая бо нынѣ, говоритъ Святый Макарій, *сокрозища внутрь себе стяжала душа, таковая откроются и явятся тогда на тѣлѣ* (Бесѣд. V. 8.), можетъ быть, также и на другихъ созданіяхъ Божіихъ; — ибо у Тайновидца сказано, что кромѣ особенной книги животной, есть еще книги, которыя должны разгнуться для суда по написанному въ нихъ, — можетъ быть, говорю, и на другихъ созданіяхъ Божіихъ, нами беззаконно употребляемыхъ, оскверняемыхъ, повреждаемыхъ, окажется по частямъ написанный судъ настоящей жизни нашей, на примѣръ, наши грубыя нечистоты на землѣ и водѣ, наши праздныя слова на воздухѣ, слѣды злобы нашей въ томъ, что было предметомъ или орудіемъ злобныхъ дѣйствій, улики соблазновъ нашихъ въ тѣхъ, которыхъ мы соблазнили. Такъ необличенное живыми свидѣтелями братоубійство Каиново написано на землѣ кровію Авеля: и небесный Судія точно сими кровавыми, не только явственными для прочтенія, но даже говорящими письменами, уличилъ непризнававшагося преступника: *глась крове брата твоего вопіетъ ко мнѣ отъ земли* (Быт. IV. 10.). Такъ одинъ изъ будущихъ судей Божіихъ ржу золота и сребра предварительно принимаетъ въ качествѣ свидѣтеля противъ сребролюбцевъ: *ржа ихъ*, говоритъ, *въ послушество на васъ будетъ* (Іак. V. 3.). Наконецъ самая благодать, вселившаяся во Святыхъ, которой мы не приняли не по чему другому, какъ по самопроизвольному нерадѣнію или упорству, ихъ вѣра, ихъ подвиги, ихъ добродѣтели, которыя мы долго имѣли предъ очами въ

сихъ подобострастныхъ намъ людяхъ, но которымъ не подражали, явясь въ день суда въ полномъ свѣтѣ, произведутъ то, что дѣйствіе суда Святыхъ само собою окажется надъ нами, посредствомъ совѣсти нашей: подобно какъ Ной, не поставляя судилища, не производя судебнаго изслѣдованія, тою самою вѣрою, которою самъ спасся отъ погибели въ потопѣ, осудилъ невѣровавшій первый міръ: *вѣрою*, говоритъ Апостолъ, *отвѣтъ пріемъ Ное, о сихъ, яже не у видѣ, убоявся, сотвори ковчегъ во спасеніе дому своего: ею же*, то есть, вѣрою, *осуди весь міръ*.

Вотъ нѣкіе малые, какіе съ глубокимъ невѣдѣніемъ нашимъ совмѣстны, начатки познанія о великомъ судѣ Божіемъ и Святыхъ Божіихъ надъ всѣми нами: малые для того, чтобы ввести насъ въ тайны будущаго, но можетъ быть, уже не малые для того, чтобы возбудить насъ къ спасительному страху будущаго. Если мы страшимся обнаруженія нѣкоторыхъ, не совсѣмъ уже тайныхъ, грѣховъ нашихъ, предъ нѣкоторыми человѣками, подобно намъ грѣшными; если смущаемся предъ тайнымъ свидѣтелемъ и судіею нашей совѣсти, котораго Церковь даетъ намъ не столько для осужденія, сколько для изглажденія грѣховъ нашихъ: то какъ снесемъ мы обнаруженіе всѣхъ, даже въ самой глубинѣ души нашей сокровенныхъ грѣховъ, предъ вселенскимъ по истинѣ Соборомъ Святыхъ, при всѣхъ знаемыхъ и незнаемыхъ человѣкахъ, предъ чистѣйшими взорами Ангеловъ, въ открытомъ присутствіи сѣдящаго на престолѣ славы Своея, тогда какъ обнаруженія грѣховъ

нашихъ требовать будутъ не покаяніе и прощеніе, но адъ и огнь вѣчный? Если одинъ лучь строгой истины, освѣтившій одно слово беззаконія въ книгѣ совѣсти нашей, какъ стрѣла, пронзаетъ нашу внутренность: то каковы должны быть наши ощущенія, когда вся книга жизни нашей отверзется, всѣ, по видимому, изгладившіяся черты грѣха въ ней сдѣлаются явственными, все, что есть въ существѣ нашемъ, представитъ написанный судъ нашей прошедшей жизни, а все, насъ окружающее, явится полчищемъ свидѣтелей противъ насъ? О судъ, о которомъ помышленіе колеблетъ и потрясаетъ меня! Какъ устою я, когда ты въ самомъ дѣйствіи откроешься? — *Что сотворимъ, мужіе братіе?*

Если толико страшенъ судъ: устрашимся грѣха, который одинъ виною того, что судъ толико страшенъ. А поколику мы уже виновны во грѣхѣ: то какъ угрожаемые явнымъ и торжественнымъ судомъ человѣческимъ предварительно иногда прибѣгаютъ къ имѣющему власть судить, и, чтобы избѣжать явнаго и строгаго суда и наказанія, добровольно подвергаютъ себя тайному и снисходительному суду и исправленію, такъ и мы ускоримъ прибѣгнуть къ имѣющимъ судити міру, и къ Самому Верховному Судіи, взыскуя себѣ суда тайнаго прежде явнаго, суда милосердія прежде суда правосудія, суда исправленія прежде суда наказанія. Подлинно, есть предварительный судъ Святыхъ, судъ милосердія и исправленія, чрезъ который предупреждается и отвращается страхъ послѣдняго суда ихъ, суда правосудія и наказанія. *Что убо есть,* вопрошаетъ

Святый Макарій, *еже Господь рекъ: сядете на двоюнадесяте престолахъ, судяще обѣмнадесяте колѣнома Израилевома?* И отвѣтствуетъ: *сіе находимъ исполнившееся уже на земли, по вознесеніи Господнемъ на небеса: снизпославъ бы Отъ Духа Утѣшителя на обанадесять Апостоловъ и святую силу, яже пришедши вселилася въ нихъ, и возсѣла на престолахъ разумовъ ихъ. Но зане предстоящи глаголаху быти ихъ піяныхъ; сего ради нача Петръ судити ихъ, глаголя о Іисусѣ, яко мужа сильна въ словесѣхъ и знаменіихъ вы распясте, повѣсивши на древѣ* (Дѣян. II.).— *Чего ради*, продолжаетъ Святый Макарій, *покаялися многіе, научившеся отъ Петра, дабы быти имъ новымъ и Богу избраннымъ міромъ. Видиши ли, како явилось начало суда? Тамо бо показася новый миръ. И хотя и еще будутъ сидѣти и творити судъ въ пришествіе Господне, въ воскресеніе мертвыхъ: обаче и здѣ сіе сбысться, Духу Святому возсѣдшу на престолахъ разумовъ ихъ* (Бес. VI.).

Какъ Петръ, одинъ изъ Судей Божіихъ надъ колѣнами Израилевыми, повинный Богу родъ Израильскій, исполненнымъ духовной силы словомъ судилъ не къ осужденію и погибели, но къ покаянію и спасенію: такъ Ты, Судія Божій въ языцѣ нашемъ, Преподобне Сергіе, исполненнымъ благодати примѣромъ житія твоего суди исполненную грѣхами жизнь нашу къ очищенію, исправленію и обновленію. Твоимъ воздержаніемъ и умерщвленіемъ плоти суди нашу роскошь и нѣгу, и исправи насъ по

крайней мѣрѣ въ здравую умѣренность и простоту въ удовлетвореніи потребностямъ тѣлеснымъ. Твоимъ неусыпнымъ трудолюбіемъ суди нашу лѣность и праздность, и возбуди насъ къ полезной дѣятельности и къ безропотному исполненію нашихъ обязанностей. Твоею кротостію и смиреніемъ суди нашу гордость и презорчивость, и научи насъ не мудрствовати о себѣ паче, еже подобаетъ мудрствовати. Твоею вольною нищетою суди нашу любостяжательность, и наставь насъ быть довольными тѣмъ, что кому даруетъ Промыслъ Божій, и не прилагать сердца къ богатству, аще и течетъ оно. Наипаче, живущимъ въ тебѣ духомъ Благодати суди и осуди плотское наше мудрованіе, и мудрованіемъ симъ угашаемый духъ благодати возжги въ насъ неугасимо. Предстательствуй о насъ предъ престоломъ Верховнаго Судіи, Господа нашего Іисуса Христа, да пріимемъ участіе въ искупленіи отъ суда смертнаго животворящею Его кровію, и, если не можетъ прейти насъ судъ и наказаніе, пусть нынѣ *судими отъ Господа наказуемся* временно, *да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. XI. 32.) на вѣки. Аминь.

13. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ОБРѢТЕНІЯ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ.

Въ благословеніи правыхъ возвысится градъ; усты же нечестивыхъ раскопается. Прит. XI. 11.

Вотъ необыкновенный родъ строительнаго искусства, который, вѣроятно, не всѣмъ извѣстенъ, а инымъ покажется вовсе несбыточнымъ. Городъ созидается: чѣмъ, думаете? Богатствомъ? художествомъ? властію? многолюдствомъ? — По мнѣнію Соломона, не тѣмъ, а добрыми словами добрыхъ людей: *въ благословеніи правыхъ.* И напротивъ, городъ разрушается: чѣмъ? оружіемъ враговъ? огнемъ? водою? землетясеніемъ? — Опять не тѣмъ, а злыми словами злыхъ людей: *усты нечестивыхъ раскопается.* Какъ могущественно и благотворно, по мнѣнію Соломона, благословеніе! И какъ разрушительны слова злобныя.

Но если бы Соломонъ не открылъ сей тайны

слова, въ Палестинѣ: то мы могли бы домыслиться о ней, при внимательномъ разсмотрѣніи мѣста, гдѣ теперь находимся. Была здѣсь безлюдная, ни руками человѣческими не воздѣланная, ниже слѣдами человѣческими не ознаменованная, пустыня. Но явилось здѣсь благословеніе одного праведника, или еще немногихъ съ нимъ: и совершилось то, что праведному и Богоугодному мужу предсказано Пророкомъ: *созиждутся пустыни твоя вѣчныя и будутъ основанія твоя вѣчная родомъ родовъ; и прозовешися здатель оградъ, и стези твоя посреди упокоиши* (Исх. LVIII. 12.) Пустыня уподобилась градамъ, благоустроеніемъ и многолюдствомъ, создалась крѣпче градовъ, потому что не падала и во время неоднократнаго паденія царствующаго града; воздвигалась выше градовъ, потому что подъ сѣнь ея приходятъ обитатели градовъ и весей, приносятъ здѣсь Праведнику дары, которыхъ онъ никогда не искалъ, и честь, отъ которой всегда убѣгалъ; и все сіе дѣлаютъ потому, что видятъ на ближнихъ, испытываютъ на себѣ, какъ могущественно и благотворно благословеніе сего Праведника.

Сіе располагаетъ меня къ нѣкоторымъ размышленіямъ *о благословеніи*, которыя, можетъ быть, и для другихъ окажутся неизлишними.

Благословеніе, по своему имени, происходитъ отъ благаго слова. Если же хотите доискиваться, откуда происходитъ благое слово, гдѣ первоначальный его источникъ, и глубочайшій корень его силы: то найдете, по указанію Божественнаго мудреца

Іоанна, что *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово: — въ Томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ* (Іоан. I. 1. 4.). Поелику человѣкъ сотворенъ по образу Божію: то изъ сего самаго заключить можно, что и въ дарѣ слова онъ получилъ нѣчто по образу творческаго Слова Божія. Святый Іоаннъ доводитъ сію мысль до высочайшей степени знаменательности, когда говоритъ, что та самая жизнь, или сила, которая есть въ Богѣ Словѣ, содѣлалась свѣтомъ человѣковъ. Внутренній свѣтъ человѣка проявляетъ себя въ словѣ. Итакъ, поелику Богъ Слово *рече, и быша,* и притомъ *вся добра зѣло:* то неудивительно, что и человѣкъ, когда онъ находится въ возвышенномъ состояніи образа Божія, изъ полноты вѣры въ Бога Слова, Котораго *животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ,* изъ глубины благости сердечной, изрекаетъ слово, и оно дѣйствуетъ, оказывается могущественнымъ, творитъ благо.

Предложенное теперь размышленіе должно быть достовѣрно: поелику основано на непреложной истинѣ Священнаго Писанія. Но дабы кто не усомнился въ томъ, вѣрно ли изъ истины Божественной извлечено наше заключеніе: представляемъ вамъ свидѣтельство святаго Мужа, который изъ одного съ нами начала вывелъ одинаковое съ нами заключеніе. Глубокій, при всей простотѣ слова, созерцатель вещей Божественныхъ и человѣческихъ, Макарій Египетскій, о состояніи человѣка, *когда онъ еще небеснаго образа былъ причастникъ,* пишетъ слѣдующее: *доколѣ Слово Божіе было съ нимъ, и*

хранилъ заповѣдь, все имѣлъ. И далѣе: *самое Слово въ немъ сущее, было ему вся, то есть, оно было ему и разумъ, и чувство, и наслѣдіе, и ученіе. Что бо Іоаннъ глаголетъ о Словѣ? Въ началѣ бѣ Слово. Видиши, что Слово было вся.* И еще: *Вся ему было Слово и доколѣ пребывалъ хранящій заповѣдь, другъ былъ Богу* (Бесѣд. XII. §§ 6. 7. 8.). Слово Божіе было человѣку все; въ Словѣ Божіемъ имѣлъ онъ все, говоритъ Святый Макарій. Я только договариваю: Слово Божіе было человѣку и могуществомъ его собственнаго человѣческаго слова; въ Словѣ Божіемъ имѣлъ онъ и силу благословенія. Не удивительно, если сила сія была велика: сіе напротивъ очень естественно, когда она такъ близко происходила отъ Божественнаго начала. Гораздо страннѣе было бы представлять ее столь же ограниченною въ человѣкѣ совершенномъ, какъ и въ человѣкахъ, отчужденныхъ отъ жизни Божіей.

Обыкновенный разумъ человѣческій не знаетъ духовнаго могущества слова, и даже боится догадокъ объ ономъ. Сему почти такъ и надлежитъ быть: поелику онъ беретъ образы своихъ познаній уже не съ того человѣка, который сотворенъ по образу Божію, но съ того, который, ниспадши съ сей высоты грѣхомъ, *приложися*, какъ говоритъ Псалмопѣвецъ, *скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Пс. XLVIII. 13.). И сему-то человѣку принадлежитъ и самый сей разумъ, который теперь разсуждаетъ о способностяхъ и силахъ человѣка. Какой же мудрости ожидать отъ такого разума? Онъ,

какъ слѣпой, осязаетъ глазъ, и не могши ощупать въ немъ свѣта, заключаетъ, что солнца точно такъ нѣтъ на небѣ, какъ нѣтъ у него въ глазахъ, и что вѣрить бытію и дѣйствію солнца и свѣта было бы суевѣріе и мечтательство. Сему слѣпцу нуженъ, да для него именно и написанъ, сей врачебный совѣтъ тайновидца: *коллуріемъ помажи очи твои, да видиши* (Апок. III. 18.), вылечись отъ ослѣпленія грубою чувственностію; помажь око разумѣнія тонкою мазью вѣры въ духовное и Божественное: тогда будешь истинно видѣть. Притомъ, если хотимъ видѣть или познавать силу и дѣйствіе духовное: то надобно и предметомъ наблюденія избирать не людей плотскихъ, хотя они всегда въ глазахъ, но людей духовныхъ, хотя сіи не часто встрѣчаются; — людей, которые нравственнымъ очищеніемъ и самоотверженіемъ уменьшили тяжесть вещества, подавляющаго духъ человѣческій, а постояннымъ обращеніемъ ума и сердца къ Богу, приближились къ Нему, возвратились къ причастію образа небеснаго, возобновили внутреннее общеніе съ Словомъ и Духомъ Божіимъ.

Если вы, какъ должно, расположены къ сему роду наблюденія: то мнѣ не трудно показать вамъ въ опытахъ, какъ много заключается въ выраженіи Клеопы: *мужъ силенъ словомъ* (Лук. XXIV. 19.). Словомъ Іисусъ Навинъ остановилъ солнце. *Отъ устъ словесе* (3 Цар. XVII. 1.) Иліи зависѣли роса и дождь, въ продолженіи трехъ лѣтъ съ половиною. *По глаголу Господню, егоже глагола рукою Иліиною*, горсти муки въ водоносѣ, и столь

же малаго количества елея въ чванцѣ, достало на все время голода. Трикратнымъ дхновеніемъ и словомъ Иліи воскрешенъ сынъ вдовы Сарептской. Елисей исправилъ злокачественные источники Іерихонскіе, всыпавъ въ нихъ соль: но какъ всякой знаетъ, что соль не имѣетъ такой силы, то по необходимости должно заключить, что сила сего дѣйствія заключалась въ семъ словѣ Пророка: *сице глаголетъ Господь: исцѣлихъ воды сія* (4 Цар. II. 21.). Словомъ Апостолъ Петръ исцѣлилъ хромаго, и воскресилъ Тавиѳу. Не собирая болѣе примѣровъ, замѣчу въ особенности, какъ ясно въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ теперь, дѣйствіе Слова Божія въ словѣ человѣческомъ, какъ-то: въ словахъ Елисея: *сице глаголетъ Господь*, и въ словахъ Апостола Петра къ хромому: *во имя Іисуса Христа Назорея, востани и ходи.* Въ другихъ случаяхъ, повидимому, иначе, какъ-то: Тавиѳѣ тотъ же Апостолъ говоритъ какъ будто своимъ только словомъ: *Тавиѳо, востани.* Но предыдущій случай не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и здѣсь, хотя не проявляется именемъ и звуками, но дѣйствуетъ силою тоже самое Слово Божіе, обитающее въ святомъ Апостолѣ.

Если же такимъ образомъ дознано, что Слово Божіе, являясь ли открыто въ устахъ человѣковъ, приближенныхъ къ Богу, или дѣйствуя сокровенно изъ сердецъ ихъ, творитъ дѣла чудесныя, нѣкоторымъ образомъ подражательныя творческимъ дѣйствіямъ Божества: то не менѣе должно быть понятно и достовѣрно, что тоже Слово Божіе, чрезъ

тѣхъ же людей, тѣми же способами, изрекаетъ и преподаетъ благословенія, нѣкоторымъ образомъ подражательныя дѣйствіямъ Божескаго Провидѣнія.

Итакъ благословлять, въ сильнѣйшемъ значеніи сего слова, значитъ простирать дѣйствіе Божія Слова на творенія Божіи. Благословляющій есть благою волею посредствующій между Словомъ Божіимъ и твореніемъ Божіимъ.

По сему понятію, верховный и всеобщій раздаятель благословеній, есть Іисусъ Христосъ, Ходатай Бога и человѣковъ, Богочеловѣкъ, въ которомъ *Слово плоть бысть.* Вотъ почему благословеніе было древнѣйшею чертою, которою Онъ означенъ былъ еще Патріархамъ, на примѣръ, Аврааму: *благословятся о сѣмени твоемъ вси языцы земніи* (Быт. XXII. 18.). Вотъ почему и Апостолъ, желая изобразить благодѣянія Христовы роду человѣческому, сказалъ, что Богъ Отецъ *благословилъ насъ всѣмъ благословеніемъ духовнымъ въ небесныхъ о Христѣ* (Еф. I. 3.). Вотъ почему и мы, преподавая наше заимственное благословеніе, обыкновенно употребляемъ имя Іисуса Христа, въ особенности, или въ составѣ имени Пресвятыя Троицы, и крестное знаменіе Христово!

Изъ преподавателей заимственнаго благословенія, родители суть нѣкоторымъ образомъ естественные посредники между творческимъ Словомъ и своими дѣтьми: поелику нѣкоторымъ образомъ довершили надъ ними дѣло созданія, произведя ихъ на свѣтъ. Вотъ почему естественно важно и сильно благосло-

веніе родительское, особенно же, если благочестіемъ возвышается до силы благодатной. Въ семъ родѣ удивительны благословенія Патріарховъ. На примѣръ, благословеніе Сима Іафету: *да распространитъ Богъ Іафѳа* (Быт. IX. 27.), теперь, послѣ нѣсколькихъ тысячь лѣтъ, какъ сильно еще дѣйствуетъ въ потомкахъ Іафета, Европейцахъ, которые не престаютъ распространять во всѣ страны свѣта свои поселенія, торговлю, власть, религію, нравы!

Священникъ есть раздаятель благословенія, по чину благодатнаго тайноводства. Еще въ первоначальномъ постановленіи о законномъ священствѣ, Богъ сказалъ священникамъ: *благословите сыны Израилевы* (Числ. VI. 23.). И паки о нихъ же: *да возложатъ имя Мое на сыны Израилевы, и Азъ Господь благословлю я* (27). И въ Новомъ Завѣтѣ, когда Господь повелѣлъ Апостоламъ, и преемникамъ ихъ служенія до скончанія вѣка, учить, крестить, вообще, тайнодѣйствовать, *во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матѳ. XXVIII. 19.), Онъ положилъ чрезъ сіе въ нихъ силу Своего благословенія, и далъ имъ власть преподавать оное. По сему судите, достойно ли вниманія благословеніе священства. Не о томъ думайте, какою рукою, или въ какомъ сосудѣ, но, какой Божественной Лозы духовное вино подается вамъ, чрезъ благословеніе служителя Христова.

Впрочемъ и то справедливо, что *аще кто очиститъ себе, будетъ сосудъ въ честь освященъ и благопотребенъ Владыцѣ, на всякое благое дѣло*

уготованъ (2 Тим. II. 21.). По сему Святые, какъ сосуды вѣрою и духовными подвигами очищенные, благодатію исполненные, любовію отверзаемые и преливающіеся, суть не столько почерпатели и раздаятели благословенія, на время, по должности, по нуждѣ, сколько живые потоки благословеній, неистощимо текущіе и орошающіе. Благословеніе Христово непрестанно лѣется въ нихъ, и преливается чрезъ нихъ, *яко миро на главѣ, сходящее на браду, браду Аароню, сходящее на ометы одежды его: яко роса Аермонская, сходящая на горы Сіонскія: яко тамо заповѣда Господь благословеніе и животъ до вѣка* (Псал. CXXXII. 2. 3.). Оно изливаетъ свѣтъ и миръ въ души, цѣльбу въ тѣла, благопоспѣшество въ начинанія и дѣла, благоустройство въ мѣста, невидимую, но богато и разнообразно плодотворную небесную росу на землю.

Іудеевъ посылали за благословеніемъ въ Іерусалимъ, на горы Сіонскія: *яко тамо заповѣда Господь благословеніе* (Псал. CXXXII. 3.). Колико благополучнѣе мы, Христіане! Для насъ оно и болѣе открылось, и болѣе приблизилось. И тамо и здѣсь, заповѣда Господь благословеніе. Уразумѣемъ же благословеніе.

Какъ вожделѣнно должно быть то, чего самъ вседовольный Богъ желаетъ! А Онъ желаетъ, Онъ требуетъ Себѣ отъ насъ, и отъ всѣхъ Своихъ твореній, благословенія: *благословите Господа вси раби Господни* (Псал. CXXXIII. 1.). *Благослови-*

те Господа вси Ангели Его; благословите Господа вся дпла Его (Псал. CII. 20. 22.). Возлюбимъ же и мы благословеніе, и во-первыхъ, собственно Хрістово благословеніе.

Преклонимъ сердце и предъ всякимъ благословеніемъ святыни, по той же причинѣ, что въ ономъ исходитъ благословеніе Бога Слова.

Родители! не забывайте благословлять дѣтей своихъ любящимъ сердцемъ, и старайтесь возвысить силу вашего естественнаго благословенія, привлекая благочестіемъ и вѣрою силу благодатную.

Дѣти! дорожите благословеніемъ родителей тысячекратно болѣе, нежели прочимъ наслѣдствомъ: ибо чрезъ оное, по вѣрѣ, можете получить благословеніе Отца, *изъ Негоже всяко отечество на небесѣхъ и на земли именуется* (Ефес. III. 15.). *Дѣломъ и словомъ чти отца твоего и матерь, да найдетъ ти благословение отъ нихъ. Благословение бо отчее утверждаетъ домы чадъ* (Сир. III. 8. 9.).

Поелику во всякомъ неложномъ благословеніи чрезъ благословляющаго человѣка сокровенно течетъ благотворное Слово Божіе: то помыслимъ, братія, какую духовную выгоду имѣемъ мы, когда благословляемъ. Тогда, какъ мы отверзаемъ сердце наше человѣку, подавая благословеніе, Богъ Слово изнутри отверзаетъ входъ въ сердце наше Своему благословенію. Подавая человѣку, мы пріобрѣтаемъ отъ Бога. Посему примемъ, какъ духовное благодѣяніе, и будемъ искренно исполнять,

и сію Христіанскую заповѣдь: *благословляйте гонящія вы; благословите, а не клените* (Рим. XII. 14.). Вѣрное исполненіе сего вѣрно содѣлаетъ насъ благословенными Отца небеснаго, которыхъ Іисусъ Хрістосъ призоветъ наслѣдовать уготованное таковымъ царствіе отъ сложенія міра. Аминь.

14. СЛОВО

въ день обрѣтенія мощей преподобнаго сергія.

Чадо, аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушеніе: управи сердце твое, и потерпи, и не скоръ буди во время наведенія: прилѣпися ему, и не отступи, да возрастеши напослѣдокъ твой. Сир. II. 1—3.

Собравшіеся здѣсь къ Мужу, который прилѣжно поработалъ Господеви Богу во время свое, и пріялъ отъ Него вѣчное воздаяніе, столь обильное, что вотъ уже нѣсколько вѣковъ отъ избытка онаго неистощимо удѣляетъ всякому, истинно нуждающемуся и непритворно просящему,—собрались, безъ сомнѣнія, для того, чтобы найти себѣ у него помощь и наставленіе въ работаніи Господеви Богу, дабы получить воздаяніе спасенія и блаженства.

Тѣхъ, которые успѣшно прошедъ начальные подвиги служенія Богу, *ведутся* уже *на совершеніе*, мы предоставляемъ непосредственному тайному на-

ставленію и руководству сего Богомудраго Наставника, глаголющаго духомъ къ духу, *и показанію* общаго для него и для нихъ Духа Божія, которое *учитъ* ихъ *о всемъ* (1 Іоан. II. 27.). Послику же и на нашу немощь возложенъ долгъ служенія слову истины: то, принявъ благословеніе отъ сего Сильнаго дѣломъ и словомъ, сообразно съ нашею мѣрою, обратимъ мы малую бесѣду къ тѣмъ, которые, подобно намъ, коснятъ еще въ *словѣ начала Христова* (Евр. VI. 1.); не столько *работать* Богу, сколько *приступаютъ* къ сему; давно, можетъ быть, начинаютъ, но все не находятъ себя *уготованными* къ спасительному дѣланію. И симъ предложимъ не нашего мудрствованія ненадежное изобрѣтеніе, но готовое поученіе опытнаго мудреца.

Чадо, аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушеніе.

Поученіе для иныхъ недовольно ожиданное, и еще менѣе пріятное! Я думалъ, скажетъ иной, что приступающій работать Богу долженъ готовиться къ подвигамъ, хотя не малымъ, но не труднымъ, болѣе же—къ утѣшенію, къ радости, къ блаженству. потому что Богъ всемогущій и всеблагій не только видитъ работающихъ Ему, но и приближается къ нимъ, помогаетъ имъ, утѣшаетъ ихъ, награждаетъ. — Да, это все такъ; надежда сія вѣрна; и должно держаться ея: но надлежитъ знать и то, что на пути къ наградѣ и блаженству, среди поприща подвиговъ, и при самомъ вступленіи въ оное, нерѣдко, и притомъ иногда немнимо, встрѣчается

искушеніе; а потому надобно готову быть и къ сей встрѣчѣ. *Аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушеніе.*

Что такое *искушеніе?*—Испытаніе, какое, въ чемъ, или въ комъ, свойство, какая сила, какое превосходство, или напротивъ, какое несовершенство, находятся, по наружности недостовѣрно узнаваемыя, или совсѣмъ скрытыя во внутренности. Такъ слово Божіе изъясняетъ о семъ предметѣ само себя: *якоже искушается въ пещи сребро и злато: тако избранныя сердца у Господа* (Прит. XVII. 3.). Вещь, кажущаяся золотою, можетъ быть или изъ чистаго золота, или изъ нечистаго, или вовсе не изъ золота во внутренности: въ огнѣ золото ставовится чище, примѣсь отдѣляется, поддѣльное вещество обличается. Такъ добродѣтель человѣка можетъ быть чистая и твердая, о Бозѣ содѣланная, и въ силѣ Божіей неизмѣнная, или нечистая, по причинѣ примѣшенія помысловъ тщеславія, своекорыстія и самоугодія, или наконецъ вовсе лицемѣрная: въ огнѣ искушенія чистота ея возвышается, нечистота отдѣляется, лицемѣріе обличается.

При семъ можетъ кто нибудь подумать: мы дѣлаемъ испытаніе вещей, потому что не всегда узнаемъ по наружности, что скрывается въ ихъ внутренности: но Богу, Котораго взоръ, какъ все объемлетъ, такъ и сквозь все проницаетъ, на что испытывать сердца человѣковъ? Недоумѣвающій о семъ пусть примѣтитъ, что и художникъ полагаетъ золото или серебро въ огнь не для того только, чтобы узнать подлинность и чистоту или нечистоту ме-

талла, но и для того, чтобы нечистое и поддѣльное отдѣлить и отбросить, и получить чистый, свѣтлый, прочный и болѣе прежняго цѣнный металлъ. Для первой изъ сихъ двухъ цѣлей какими нибудь особенными опытами искушать сердца не нужно Богу всевѣдущему: но для другой попускать на человѣковъ, и даже, можетъ быть, иногда наводить искушенія, полезно для самихъ человѣковъ. Полезно посредствомъ искушенія обличеніе ложной и лицемѣрной добродѣтели, дабы освободить человѣка отъ пагубнаго самопрельщенія, и поставить на путь истиннаго покаянія и исправленія. Полезно посредствомъ искушенія и неложную добродѣтель возводить къ высшей чистотѣ, крѣпости и совершенству, по реченному: *святый да святится еще* (Апок. XXII. 11.), да, по обѣтованію Христову, *чистіи сердцемъ Бога узрятъ* (Мат. V. 8.), да вся *побѣждаяй наслѣдитъ вся* (Апок. XXI. 7.), да совершенный, безъ препоны, по закону подобія и единства, приступитъ и пріобщится *къ церкви первородныхъ на небесѣхъ написанныхъ, и духомъ праведникъ совершенныхъ* (Евр. XII. 23.). Наконецъ полезно и очищенную уже вѣру, и усовершенствованную добродѣтель, и Божественную по истинѣ любовь, обитающую въ сердцѣ человѣка, скромностію и смиреніемъ покрываемую, посредствомъ искушенія открывать, дабы ее познали, возлюбили, возжелали перенять, и сугубо прославили Бога, и за образецъ, и посредствомъ подражанія.

Не входя теперь въ разсужденіе объ особенномъ, высшемъ родѣ искушенія душъ совершенныхъ или

приближающихся къ совершенству, какъ, напримѣръ, нѣкогда *Богъ искушаше Авраама* (Быт. XXII. 1.), требованіемъ въ жертву единственнаго сына обѣтованія, а сообразно взятому нами въ основаніе настоящей бесѣды слову Писанія, ограничивая взоръ болѣе общимъ, низшимъ, начальнымъ родомъ искушеній, къ которымъ долженъ готовиться каждый, приступающій работати Господеви Богу, не скроемъ, что встрѣча съ искушеніемъ, которая, по направленію Провидѣнія, должна быть полезна, хотя и трудна, можетъ быть напротивъ опасна, хотя притомъ иногда и пріятна. Есть злохудожное и насильственное направленіе искушенія, которое усиливается ослабить и подавить добро, и поднять зло въ человѣкѣ, ввести нечистоту сперва въ помыслы, потомъ въ желанія, и наконецъ въ дѣла, возмутить и разстроить душу. Не пренебрегши сего, желающій работати Богу; будь предусмотрителенъ; приготовляй силу противъ насилія, благоискусство противъ злохудожности. *Уготови душу.*

Для сего нужно знать, откуда происходитъ сей родъ и сіе направленіе искушенія. О семъ говоритъ святый Апостолъ Іаковъ: *никто же искушаемь да глаголетъ, яко отъ Бога искушаемь есть; Богъ бо нѣсть искушаемь злыми, не искушаетъ же Той никогоже* (Іак. I 13.). Иной во время искушенія говоритъ: Богъ послалъ на меня искушеніе; и не заботится, когда оно производитъ въ душѣ его движенія неправильныя, немирныя, нечистыя; не примѣчаетъ, какъ отворяетъ оно дверь грѣху. Нѣтъ, возражаетъ ему святый Іаковъ, не усыпляй

себя тщеславною мыслію, что ты на пути Божіемъ, потому что неблагопріятному состоянію твоему ты далъ невинное и даже почетное названіе искушенія; Богъ, какъ Самъ не искушается зломъ, которому совсѣмъ недоступно естество Его; такъ и не искушаетъ никого злымъ направленіемъ искушенія, что было бы противно Его благости. Откуда же сей родъ и сіе направленіе искушенія? — *Кійждо*, продолжаетъ тотъ же Апостолъ, *искушается отъ своея похоти влекомь и прельщаемь; таже похоть зачевши раждаетъ грѣхъ* (ст. 14—15.). Если же таковое самоискушеніе — отъ похоти, иногда еще не рѣшительно грѣховной, впрочемъ способной зачать грѣхъ: то не трудно усмотрѣть многочисленные источники искушеній, по слѣдующему указанію другаго Апостола: *все, еже въ мірѣ, похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская, нѣсть отъ Отца*, присовокупляетъ и Іоаннъ согласно съ Іаковомъ, *отъ міра сего есть* (1 Іоан. II. 16.). Дополнимъ еще, что и міръ, какъ твореніе Божіе, не есть самъ по себѣ гнѣздо похоти, или работная храмина искушеній; не къ сему назначилъ его премудрый Художникъ и Содѣтель Богъ; но къ сему сплится обратить его, чрезъ преслушаніе перваго человѣка вошедшій въ него, злохудожникъ и разрушитель діаволъ, который и есть *искуситель* по преимуществу, какъ и называется въ священномъ Писаніи (Мат. IV. 3.). Если онъ нагло дерзнулъ приступать въ семъ качествѣ къ самому Іисусу Христу, въ Которомъ *не имѣлъ ничесоже* (Іоан. XIV. 30.), въ Которомъ, то есть, не было ничего грѣхов-

наго, или поврежденнаго, или нечистаго, и слѣдственно никакой внутренней пищи искушенію: то не должно ли заключить, что сей адскій вѣтръ всегда, до предсказаннаго рѣшительнаго запечатлѣнія бездны (Апок. XX. 3.), примѣтными или непримѣтными, прямыми или косвенными исходами дышетъ въ міръ, и силится раздуть всякую искру похоти въ человѣкѣ, и *все еже въ мірѣ*, превратить въ дрова огню сему нечистому?

Какъ же много причинъ, какъ много случаевъ къ искушенію; какъ иногда прикрыта, и между тѣмъ какъ велика должна быть опасность! Не годится быть безпечну; не льзя пускаться на удачу; надобна осторожность, бдительность; надобно изыскивать средства къ безопасности; надобно имѣть въ готовности оружіе для отраженія нападеній; надобно присутствіе духа, мужество, твердость, непреклонная рѣшимость, долго, можетъ быть, стоять въ искушеніи, которымъ испытуется въ насъ доброе, и ни на минуту не уступать искушенію, которое клонитъ къ злу. Все сіе не приходитъ само собою: если ты подлинно желаешь работати Господеви Богу; то подумай о семъ не поверхностно, не разсѣянно, съ глубокимъ вниманіемъ, съ дѣятельнымъ попеченіемъ; устрой умъ твой, расположи сердце твое. *Уготови душу твою во искушеніе.*

Спросишь ли, какъ сіе сдѣлать? – Предлагаю тебѣ дальнѣйшія наставленія избраннаго мною наставника.

Первое. *Управи сердце твое.* Не попускай твоимъ помысламъ и желаніямъ носиться безъ управ-

ленія, какъ корабль безъ кормчаго, какъ конь безъ узды. Дай имъ управленіе. Направляй непрестанно мысли къ истинѣ, желанія къ добру. Обуздывай помыслы и желанія сустныя, чтобы не возмечтовились похоти злыя, и не повергли колесницу души въ пропасть беззаконія.

Второе. *Потерпи, и не скоръ буди со время наведенія.* Опрометчивость и непостоянство суть равно вредные домашніе враги добрыхъ намѣреній, и переметчики на враждебную сторону искушенія. Непостоянство разрушаетъ начатое устроеніе души; опрометчивость, начиная безъ основанія, также готовитъ не иное что, какъ разрушеніе. Кто *не скоръ во время наведенія*, то есть, во время приближенія искушенія не поступаетъ опрометчиво, тотъ сберегаетъ себя отъ шага, который, по всей вѣроятности, оказался бы не на прямомъ пути, и выигрываетъ время собраться съ силами, и получить помощь. *Претерпѣвый же до конца*, по непреложному обѣтованію, *той спасенъ будетъ* (Мат. X. 22.).

Третіе. *Прилѣпися ему, и не отступи, да возрастеши напослѣдокъ твой.* Вспомнимъ слышанное отъ Апостола. *Богъ нѣсть искушаемъ злыми, не искушаетъ же Той никогоже.* Итакъ чѣмъ крѣпче прилѣпляешься къ Нему, чѣмъ постояннѣе въ Немъ утверждаешь сердце твое: тѣмъ ты безопаснѣе отъ искушенія, которое не можетъ проникнуть въ Бога, слѣдственно и тебя въ Немъ поколебать не можетъ.

Если искушеніе, происходящее не отъ Бога, *искушаетъ* тебя *злыми*, тревожитъ, поднимаетъ печи-

стое дрождіе со дна чувственности, приводитъ въ броженіе злыя склонности: прибѣгай къ Богу, и молись молитвою, преданною отъ Господа: Отче Небесный! *Не введи насъ во искушеніе.*

А если искушеніе, управляемое Провидѣніемъ Божіимъ, даетъ тебѣ средства усмотрѣть въ себѣ недостатки, которыхъ ты до того не примѣчалъ, немощи, отъ которыхъ почиталъ себя избавленнымъ; увеличиваетъ твою опытность и ревность о своемъ исправленіи; погружаетъ тебя въ смиреніе: прибѣгай также къ Богу, и молись молитвою Псалмопѣвца: *искуси мя, Боже, и увѣждь сердце мое; истяжи мя, и разумный стези моя; и виждь, аще путь беззакония во мнѣ, и настави мя на путь вѣченъ* (Пс. CXXXVIII. 23. 24.).

Заключимъ утѣшительнымъ для искушаемыхъ словомъ Апостольскимъ. *блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе: зане искусенъ бывъ пріиметъ вѣнецъ жизни, егоже обѣщалъ Богъ любящимъ Его* (Іак. 1. 12.). Аминь.

15. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ОБРѢТЕНІЯ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ.

Рече же ему Господь его: добрѣ, рабе благій и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю. Матѳ. XXV. 21.

Сіе сказано въ притчѣ о царствіи небесномъ. Слѣдственно въ сихъ словахъ представляется законъ царствія небеснаго: кто на дѣлѣ оказывается вѣрнымъ въ маломъ, тому дается полномочіе на многое.

Хотите ли видѣть въ дѣйствительномъ бытіи то, что слышите въ иносказаніи притчи? Можете еще на землѣ усматривать, какъ дѣйствуетъ законъ царствія небеснаго въ людяхъ, которыхъ Царь Небесный особенно избралъ, испыталъ въ вѣрности, обрѣлъ *вѣрными въ маломъ*, и потому *поставилъ надъ многимъ*, и прославилъ, какъ высокія и сильныя орудія своего царствія.

Укажемъ на то, что ближе. Многое ли имѣлъ Преподобный Отецъ нашъ Сергій, когда избралъ

для себя сіе мѣсто, или лучше, когда Богъ избралъ его, чтобы благословить чрезъ него и сіе мѣсто?— Удобнѣе сказать, чего онъ не имѣлъ, и что оставилъ, нежели, что имѣлъ. Онъ оставилъ званіе, родительскій домъ, наслѣдство; нашелъ здѣсь пустыню безлюдную, непроходимую, не совсѣмъ безводную для одного, но для жительства многихъ даже водою скудную; построилъ хижину и малый храмъ, но не имѣлъ въ немъ Священнодѣйствующаго; иногда не имѣлъ въ хижинѣ хлѣба, а въ храмѣ обычнаго свѣтильника для нощныхъ молитвословій. Одинъ можно было примѣчать рано данный ему талантъ:— это желаніе служить Богу; но только время открыть могло, чистаго ли золота сей талантъ, и до какого степени обогатитъ онъ дѣлателя. И что же открыло время? Смотрите, сколь *надъ многими поставленъ* сей *вѣрный о малѣ*. Какъ во многомъ небеспомъ былъ онъ уполномоченъ, когда еще жилъ на землѣ! Какъ на многое земное простираетъ свое полномочіе и теперь съ неба! Не высокимъ ли небеснымъ полномочіемъ дѣйствовалъ онъ, когда, на примѣръ, жизнь умершему призвалъ, или когда избавленію отечества отъ ига невѣрныхъ не просто совѣтомъ и молитвою, но прозрѣніемъ и предсказаніемъ споспѣшествовалъ? Что можетъ быть сильнѣе и обширнѣе сего полномочія, которое возмогло дикую пустыню превратить въ вѣковую обитель, и которое благотворныя вліянія и дѣйствія,—благословеніе, охраненіе, утѣшеніе, исцѣленіе, помощь въ добрѣ, помощь противу зла, распростираетъ по вѣкамъ, по мѣстамъ, по людямъ, такъ что, по благодати дивнаго во свя-

тыхъ Бога, не льзя указать сему ни конца, ни предѣла?

Вотъ удивительный, очевидный опытъ, какъ въ царствіи Божіемъ *вѣрный о малѣ поставляется надъ многими!* Но я говорю о семъ не для того, чтобы только удивляться, а чтобы учиться. И потому, показавъ вамъ въ частномъ опытѣ дѣйствіе общаго закона, поспѣшаю возвратить вниманіе ваше къ самому сему закону, который, какъ общій законъ царствія Божія, долженъ касаться до всѣхъ, и до каждаго изъ насъ, если желаемъ принадлежать царствію Божію.

Кто бы ты ни былъ, желающій себѣ царствія небеснаго, притча о царствіи небесномъ сказана и къ тебѣ. Итакъ, если хочешь достигнуть желаемаго; то надобно и тебѣ достигнуть того, чтобы тебѣ сказано было сіе одобрительное слово: *добрѣ, рабе блигій и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ.* Ибо, если сего не достигнешь; то, по необходимости, случится противное сему; тебѣ сказано будетъ: *лукавый рабе и лѣнивый;* а въ слѣдъ за симъ: — *неключимаго раба вверзите во тьму кромѣшнюю* (Матѳ. XXV. 26. 30.). Если сего ужасаешься: то позаботься о *вѣрности.* Не почитай маловажнымъ и того, чтобы *о малѣ быть вѣрнымъ.*

Какъ Христіане, мы охотно называемъ себя *вѣрными*, и въ семъ наименованіи полагаемъ надежду спасенія, такъ какъ напротивъ наименованіе *невѣрнаго* представляемъ себѣ и ненавистнымъ и погибельнымъ. И справедливо. Сей образъ мыслей есть

Евангельскій и Апостольскій. *Кая часть вѣрну съ невѣрнымъ?* говоритъ Апостолъ (2 Кор. VI. 15.). И какъ часть вѣрнаго есть спасеніе, по слову самого Іисуса Христа: *иже вѣру имѣтъ и крестится, спасенъ будетъ* (Мар. XVI. 16): то противоположная часть невѣрнаго должна быть погибель.

Но, чтобы намъ не обмануть самихъ себя, нужно со вниманіемъ разсмотрѣть вопросъ: кто имѣетъ полное право называться вѣрнымъ, и потому имѣемъ ли мы сіе право?

Скажетъ ли кто: я имѣю полное право называться вѣрнымъ, потому что вѣрю Христіанскому ученію о Богѣ? — Боюсь, чтобы такому не сдѣлалъ сильнаго возраженія Апостолъ: *ты вѣруеши, яко Богъ единъ есть, добрѣ твориши; и бѣси вѣруютъ и трепещутъ* (Іак. II. 19.). Однако ихъ никто не называетъ вѣрными.

Видите, что вопросъ, по видимому, простой, становится труднѣе, при углубленіи въ его изслѣдованіе. Усильте же вниманіе, чтобы побѣдить затрудненіе.

Примѣняя свойство нашего языка къ духу Евангельскаго ученія, кажется, безъ опасенія погрѣшности, можемъ мы въ полномъ понятіи *вѣры* признать три подчиненныя и составительныя понятія: *увѣренность, довѣренность* и *вѣрность*. Когда Апостолъ говоритъ, что безъ *вѣры не возможно угодити Богу; вѣровати же подобаетъ приходящему къ Богу, яко есть, и взыскающимъ его Мздовоздатель бываетъ* (Евр. XI. 6.): онъ указываетъ симъ особенно на

начальную часть вѣры, на *увѣренность* въ истинахъ Богопознанія, на вѣру ума. Но когда тотъ же Апостолъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ о Авраамѣ, что онъ *вѣрова* Богу, *животворящему мертвыя, и нарицающу не сущая, яко сущая*; что Онъ *паче упованія во упованіе вѣрова* (Рим. IV. 17. 18.): здѣсь представляется уже не простая вѣра ума, но болѣе глубокая и болѣе сильная вѣра сердца; это безусловная преданность человѣка Богу, неограниченная *довѣренность* къ обѣтованіямъ благодати, не имѣющая нужды ни въ какомъ ручательствѣ доводовъ и удостовѣреній; это рѣшительное направленіе души къ Божественному, какъ-бы естественно встрѣчающееся съ благодатію Божіею. Сюда принадлежитъ вѣра пріемлющая спасительную силу таинствъ, и, въ особенныхъ случаяхъ, ознаменуемая дарами чудодѣйственными. Но что и сего рода вѣра, даже чудодѣйственная, можетъ иногда быть неполною, неоправдательною и неспасительною, въ томъ не позволяетъ сомнѣваться грозное, поистинѣ, изреченіе Христово: *многи рекутъ Мнѣ въ онъ день: не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, и Твоимъ именемъ бѣсы изгнахомъ, и Твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ; и тогда исповѣмъ имъ, яко николиже знахъ васъ; отыидите отъ Мене дѣлающіи беззаконіе* (Матѳ. VII. 22. 23.). Итакъ необходимымъ дополненіемъ вѣры, чтобы она была оправдывающею и спасительною, должна быть *вѣрность*. На сіе дополненіе вѣры указуетъ Апостолъ, когда говоритъ: *праведный отъ вѣры живъ будетъ; и аще обинется, не благоволитъ душа*

Моя о немъ. Мы же, братія, нѣсмы обиновенія въ погибель, но вѣры въ спасѣніе души (Евр. X. 38. 39.). *Вѣра* противоположная погибельному *обиновенію*, колеблемости, отступленію вспять, непостоянству, измѣнѣ, есть *вѣрность*,—вѣрность Богу и Христу въ неизмѣнномъ исповѣданіи православныя вѣры, вѣрность въ отношеніи къ заповѣдямъ Божіимъ, состоящая въ нелѣпостномъ ихъ исполненіи, вѣрность въ отношеніи къ таинствамъ, дарованіямъ, служеніямъ, въ тщательномъ употребленіи опыхъ по намѣренію Божію, во славу Божію.

Теперь, кажется, открылось, что полное право на спасительное наименованіе *вѣрныхъ* не такъ легко пріобрѣсть, какъ легко мы присвояемъ себѣ сіе наименованіе, не думая о правѣ. Если хочешь дѣйствительно принадлежать къ числу *вѣрныхъ*, надъ которыми должно исполниться предуставленіе Христово: *иже вѣру имѣтъ и крестится, спасенъ будетъ*: то не только мысленно вѣруй, что Богъ есть, что Онъ ищущихъ Его награждаетъ, что, по неизреченному человѣколюбію, Онъ послалъ Единороднаго Сына Своего на землю, дабы открыть намъ путь спасенія, и Духа Своего Святаго, чтобы насъ облагодатствовать и освятить; не только безъ пытливости разума, съ довѣренностію принимай непзъяснимыя таинства вѣры, но предайся вѣрѣ всею душею твоею, и всею жизнію твоею, такъ, чтобы вѣра была главною мыслію твоей жизни, и вся твоя жизнь выраженіемъ вѣры; наконецъ, будь вѣренъ Царю небесному, которому, кромѣ того, что принадлежишь по праву естественному, какъ

Творцу и Господу всего, сверхъ того добровольно вписался ты въ службу, когда вступилъ въ Христіанство; будь же неизмѣнно и постоянно вѣренъ Его имени, Его повелѣніямъ, Его службѣ, Его дарованіямъ и талантамъ, которые Онъ ввѣряетъ намъ *комуждо противу силы его* (Матѳ. XXV. 15).

Вѣроятно, многіе изъ насъ не довольно опасаются сдѣлаться невѣрными предъ Богомъ, потому, что представляютъ себѣ невѣрность только въ большомъ видѣ, а не обращаютъ вниманія на невѣрность въ маломъ. Если бы кто сказалъ намъ: *идемъ, да послужимъ Богомъ инымъ* (Втор. XIII. 2.): кто не ужаснулся бы одной мысли о толикой невѣрности? Въ семъ случаѣ самая великость зла уменьшаетъ опасность подвергнуться оному. Сдѣлаться невѣрнымъ *о малѣ* не такъ страшно: и опасность, по виду маловажности пренебрегаемая, тѣмъ удобнѣе постигаетъ неосторожныхъ.

Иной успокоиваетъ себя мыслями: я не то, что лукавый рабъ, который зарылъ данный ему талантъ въ землю, и ничего добраго не сдѣлалъ; я нѣчто дѣлаю; то еще не бѣда, если нѣкоторыя лепты моего таланта остались безъ прибыли, или вовсе потеряны; что нѣкоторыя заповѣди или обѣты не исполнены; что нѣкоторые дни года или часы дня не посвящены Богу, какъ бы надлежало; что нѣкоторыя средства добра употреблены небрежно, или обращены только къ удовольствію собственному. Ахъ, клеветъ мой! Ты не такъ разсуждаешь, какъ судитъ праведный Господь нашъ. Только *вѣрному*

о малѣ Онъ даруетъ многое: слѣдственно, попуская себѣ умышленно невѣрность въ маломъ, ты самъ себя лишаешь права на многое. И если за невѣрность въ маломъ ты не получишь отъ Господа многаго, да и малое утратишь невѣрностію: то съ чѣмъ ты наконецъ останешься?

Лукавое самооправданіе дерзаетъ иногда говорить и то, что быть вѣрнымъ *о малѣ* не стоитъ труда; и что можно было бы больше быть вѣрнымъ, если бы больше было ввѣрено. Заградимъ и сіи безстыдныя уста словомъ Господнимъ: *вѣрный въ малѣ, и во многѣ вѣренъ есть, и неправедный въ малѣ, и во многѣ неправеденъ есть* (Лук. XVI. 10). Кто изъ рубля крадетъ или расточаетъ: не тоже ли сдѣлаетъ изъ тысячи? Такъ и въ духовномъ: невѣрному въ маломъ дары большіе были бы только случаемъ къ большей невѣрности. Не щедрости не достаетъ у Бога, чтобы дать человѣку вдругъ многіе и высокіе дары благодати: но чтобы предохранить отъ крайняго осужденія за невѣрность въ великомъ, Онъ испытываетъ его въ меньшихъ служеніяхъ, и тѣмъ приготовляетъ къ большимъ дарованіямъ.

Сими и подобными размышленіями, потщимся, братія, часто возбуждать себя къ вѣрному во всемъ хожденію предъ Богомъ. Потщимся быть вѣрными предъ Нимъ въ употребленіи даровъ природы, да ниспошлетъ намъ высшіе природы дары благодати; вѣрно сохранимъ начатки благодати, да сподобимся дарованій большихъ; какъ же скоро усмотримъ

въ чемъ нашу невѣрность, будемъ по крайней мѣрѣ вѣрны въ признаніи и исповѣданіи грѣховъ нашихъ, и — Богъ *вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша, и очиститъ насъ отъ всякія неправды* (1 Іоан. I. 9.); и за сію вѣрность въ маломъ, въ покаяніи, воздастъ намъ обиліемъ душевнаго мира и вѣчнаго спасенія. Аминь.

16. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ОБРѢТЕНІЯ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ.

Аминь, аминь глаголю вамъ, яко елика аще чѣсо просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ. Доселѣ не просисте ничесоже во имя Мое : просите, и пріимете, да радость ваша исполнена будетъ. Іоан. XVI. 23. 24.

Молитва есть одна изъ высшихъ потребностей души человѣческой, одна изъ существенныхъ принадлежностей Богопочтенія. Душа, погруженная въ чувственность, разсѣянная въ мірѣ, омраченная грѣхомъ, не чувствуетъ, что, по своему началу, она есть дыханіе изъ устъ Божіихъ: но сила сего чувства, безъ ея вѣдома, возникаетъ изъ ея глубины, и движетъ сердце къ Богу, хотя бы то было къ невѣдомому, или только погрѣшительно знаемому. Потому во всякомъ Богослуженіи, отъ духовнаго до чувственнаго, отъ просвѣщеннаго до невѣжественнаго, сущность и душу обыкновенно составляетъ призываніе Божества, и слѣдственно молитва.

Хотя въ учрежденіяхъ ветхозавѣтныхъ важнѣйшую торжественность Богослуженія составляли жертвы: но жертва была всегда или посредницею, или представительницею молитвы, и восходящій дымъ сожигаемой жертвы представлялся колесницею, на которой молитва хотѣла достигнуть до неба.

Но дѣло молитвы, для всѣхъ временъ всегдашнее, для всѣхъ человѣковъ общее, научились ли наконецъ человѣки дѣлать, всегда въ совершенствѣ, всегда съ полнымъ успѣхомъ? — Кто не знаетъ, что нѣтъ!

Съ утѣшеніемъ вижу себя среди собора приносящихъ молитвы истинному, въ Троицѣ Единому Богу, по Богопреданному церковному чину, при предстательствѣ совершеннаго молитвенника, Преподобнаго Отца нашего Сергія. *Просилъ* онъ, *и пріялъ* вожделѣнное для души своей, и *радость исполненную* небесную: и еще *проситъ*, *и пріемлетъ* полезное для притекающихъ съ вѣрою къ его предстательству. Какъ-бы лѣствицу здѣсь утвердилъ онъ и для неокрыленныхъ молитвъ нашихъ, которыя полагаемъ здѣсь при святыхъ мощахъ его, и которыя онъ своими молитвами подъемлетъ, подкрѣпляетъ, очищаетъ и возводитъ въ пренебесный мысленный жертвенникъ Господень. И конечно нѣтъ здѣсь недостатка въ опытныхъ свидѣтеляхъ исполненныхъ молитвъ. Но при всемъ томъ, не льзя не признаться, что и здѣсь не всѣ *просятъ, и пріемлютъ*, и потому не всѣхъ *радость исполнена*.

Что же въ семъ случаѣ дѣлается съ обѣщаніемъ, которое такъ увѣрительно изрекъ Господь и Спаситель нашъ: *аминь, аминь глаголю вамъ, яко*

елика аще чесо просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ; — просите, и пріимете, да радость ваша исполнена будетъ? Не ужели сіе обѣщаніе остается безъ исполненія? Или оно не къ намъ относится?

Не должно, братія, сомнѣваться въ томъ, что и къ намъ относится обѣтованіе Господа о благоуспѣшности молитвы. Онъ далъ оное въ числѣ Своихъ послѣднихъ завѣщаній, когда оставлялъ міръ, и, путемъ креста и смерти, отходилъ къ Отцу Своему; и Онъ Самъ изъяснился, что блага, тогда имъ завѣщанныя первопачально Апостоламъ, должны принадлежать не имъ однимъ, но и всѣмъ въ Него *вѣрующимъ словесе ихъ ради.* Всѣ Христіане суть наслѣдники оныхъ. Но должно замѣтить, что съ обѣщаніемъ Господа о благоуспѣшности молитвы соединено ученіе о способѣ молитвы, и поощреніе къ упражненію въ ней. Кто вѣрно слѣдуетъ ученію, и возбуждается поощреніемъ къ молитвѣ: въ томъ вѣрно исполнится и обѣтованіе о молитвѣ.

Важное для благоуспѣшности молитвы ученіе заключается въ томъ, чтобы она приносима была во имя Господа Іисуса. *Елика аще чесо просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ.*

Уже Апостолы не одинъ годъ были учениками Господа Іисуса, уже были отъ Него научены молитвѣ Господней, и намъ отъ нихъ извѣстной, когда Онъ открылъ имъ, чего еще имъ не доставало, чтобы молитва ихъ была рѣшительно успѣшна: *доселѣ не просисте ничесоже во имя Мое.* Такъ съ ними случилось, можетъ быть, потому, что до сихъ

норъ они видѣли въ Немъ болѣе учителя и благодѣтеля человѣчества, нежели Ходатая Бога и человѣковъ: ибо въ семъ послѣднемъ качествѣ открылся Онъ наипаче Своими страданіями, смертію и воскресеніемъ. Но какъ бы то ни было, если Апостолы не вдругъ научились приносить молитву во имя Господа Іисуса: поспѣшимъ ли мы похвалиться, что довольно успѣли въ семъ ученіи? Въ незнаменательномъ, по видимому, молчаніи, которымъ столь обыкновенно встрѣчаетъ Небо наши стужающія ему прошенія, не скрывается ли чаще, нежели мы думаемъ, кроткое обличеніе Сердцевѣдца Іисуса: *доселѣ не просисте ничесоже во имя Мое?*

Что такое—*просить во имя Господа Іисуса?* — Просто сіе для простыхъ, искреннихъ и смиренныхъ сердецъ, и, безъ изслѣдовательнаго изъясненія, или понятно для нихъ, или ощутительно. *Миро изліянное имя Твое* (Пѣсн. I. 2.), Господи Іисусе! Когда изливается муро: его благоуханіе распространяется, и непритупленное или неподавленное обоняніе, безъ искусства и усилія, получаетъ ощущеніе услаждающее и ободряющее. Когда имя Господа Іисуса изливается въ молитвѣ: отъ него распространяется благоуханіе Святаго Духа; и не отягченное земными пристрастіями сердце, не заглушенное страстями чувство внутреннее, легко и просто пріемлетъ ощущеніе благодати, услаждающее и возвышающее. Такъ вѣрующая душа, во имени Господа Іисуса, и чрезъ то во благодати Духа Святаго, приближается къ Отцу Небесному, и со дерзновеніемъ вопіетъ Ему: *Авва Отче;* и съ дѣтскою

простотою сказуетъ Ему свои прошенія; и Онъ благопріемлетъ ея прошенія, сопутствуемыя ходатайствомъ Его Единороднаго Сына и Единосущнаго Духа.

Такъ можетъ, и должно быть со всѣми, по силѣ имени Господа Іисуса, которая для всѣхъ одна и та же: но не такъ бываетъ со многими, по ихъ собственнымъ расположеніямъ, поколику сердце ихъ одебедѣло, поколику душа ихъ возмущена, и внутреннее чувство заглушено страстями, поколику ихъ собственное мудрованіе не повержено предъ благодатію Божіею. Для такихъ людей сила Іисусова имени есть, какъ благоуханіе мура предъ поврежденнымъ чувствомъ, въ заключенномъ сосудѣ. Потребно искусство, потребно усиліе, чтобы очистить чувство, чтобы открыть сосудъ Божественнаго мура,—искусство благоговѣйнаго размышленія;—усиліе вниманія въ молитвѣ.

Помысли, бѣдная душа, что безъ общенія съ Богомъ блаженна быть ты не можешь; но и доступъ имѣть къ Богу сама собою также не можешь. Рай, въ которомъ нѣкогда ходилъ Богъ, и бесѣдовалъ съ человѣкомъ, грѣхомъ утраченъ, и правосудіемъ Божіимъ отъ тебя затворенъ. Можно было и въ раю сдѣлаться грѣшникомъ, и за то быть изгнану изъ него: но войти въ него грѣшникомъ не можно. Пламенное оружіе Херувима заграждаетъ отъ тебя входъ его; проклятіе гремитъ противъ тебя; законъ осуждаетъ тебя. Съ другой стороны ты не имѣешь силы сама собою исторгнуться изъ области тьмы: потому что наслѣдственнымъ и произвольнымъ

поползновеніемъ продана подъ грѣхъ; а какъ область грѣха принадлежитъ къ владычеству имущаго державу смерти, то ты ли, порабощенная, преодолѣешь своихъ поработителей? Ты ли, проданная, искупишь себя отъ рабства? *Что дастъ человѣкъ измѣну за душу свою* (Матѳ. XVI. 26.)?

Но послѣ сего, помысли, бѣдная прежде, и уже почти блаженная душа, что сдѣлалъ для тебя Единородный Сынъ Божій Іисусъ Христосъ. Онъ сошелъ съ небесъ, чтобы къ тебѣ приближить Божество, къ которому безъ сего ты не могла бы приближиться. Дивно и непостижимо пріобщился Онъ твоего сотвореннаго естества, твоей плоти и крови, кромѣ грѣха, дабы Своимъ крайнимъ снисхожденіемъ положить основаніе твоему восхожденію, да возможешь благодатно и спасительно быть причастницею Его Божественнаго естества, Его животворящей плоти и крови. Будучи безгрѣшенъ, Онъ взялъ на Себя твои грѣхи, со грѣхами всего міра, чтобы тяжесть ихъ не подавила тебя и всего міра. Понесъ на Себѣ заслуженную тобою клятву, осужденіе, смерть, мученіе, и тѣмъ заслужилъ и приговорилъ тебѣ благословеніе, оправданіе, жизнь, блаженство. Чрезъ смерть и чрезъ самый адъ прошелъ Онъ для тебя, чтобы отвсюду тебѣ открыть новый и живый путь, и Своимъ воскресеніемъ и вознесеніемъ отверзъ тебѣ не только райскія, но и небесныя двери, ниспославъ также и свѣтъ, и силу свыше, для твоего восхожденія по стопамъ Его. Какъ сокращеніе Своихъ для тебя дѣлъ, какъ залогъ Своихъ даровъ, какъ ключь къ сокровищамъ благодати, далъ

Онъ твоей вѣрѣ, любви и надеждѣ Свое Божественное имя и сказалъ: *елика аще чесо просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ.*

Сими и подобными помышленіями вразумляй себя, Христіанская душа, какія для тебя блага заключаетъ въ себѣ имя Господа Іисуса, и отверзай чувство твоего сердца, чтобы оно могло усладиться Божественнымъ благоуханіемъ сего *мира изліянаго.* Уразумѣй, что истинно молиться Отцу Небесному во имя Господа Іисуса, значитъ, не устами только произносить звуки сего имени, но наипаче къ Самому именуемому возводить вниманіе ума, объимать Его вѣрою, и любовію пріимать Его въ свое сердце. Молиться Богу Отцу во имя Іисуса Христа, значитъ вѣрою и желаніемъ облекаться во Христа, то есть, въ Его послушаніе Отцу Своему, въ Его страданія, для насъ очистительныя, въ Его животворящую смерть, въ Его оправданіе и освященіе, въ Его Божественную за насъ заслугу, въ Его силу, свойства и примѣръ, сими святыми и освящающими облаченіями покрывать и преобразовывать наше недостоинство, и такимъ образомъ съ упованіемъ приступать къ Вѣчному Отцу, не могущему ни въ чемъ отказать добродѣтелямъ и заслугамъ Своего Единороднаго Сына, въ Которомъ почиваетъ Его вѣчное благословеніе. Такимъ собственно молитвенникамъ принадлежитъ, и, по мѣрѣ ихъ вѣры и вѣрности, вѣрно въ нихъ исполняется непреложное обѣтованіе Господа Іисуса: *аминь, аминь глаголю вамъ, яко елика аще чесо просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ.*

Обѣщаніе успѣха въ молитвѣ, столь великолѣпное, отъ Обѣщателя, столь могущественнаго, столь вѣрнаго, Который не только ручается за исполненіе обѣщанія, но и дѣятельно ходатайствуетъ объ исполненіи онаго,—такое обѣщаніе не есть ли вмѣстѣ и поощреніе къ молитвѣ, столь сильное, что не нужно никакое дальнѣйшее о семъ напоминаніе, или настояніе? Такъ бы, кажется, надлежало быть: но, видно, не то провидитъ Обѣщатель; и, не довольствуясь обѣщаніемъ, какъ-бы опасаясь, чтобы оно не осталось безъ вниманія и употребленія, еще поощряетъ къ молитвѣ прямымъ повелѣніемъ и настоятельнымъ увѣщаніемъ: *просите, и пріимете, да радость ваша исполнена будетъ.*

Подлинно, есть въ природѣ человѣческой странная двоякость и противорѣчіе направленій: съ одной стороны, чувство нужды въ Божественномъ и желаніе общенія съ Богомъ, съ другой, какая-то тайная неохота заниматься Божественнымъ, и наклонность убѣгать отъ собесѣдованія съ Богомъ. И не трудно понять, отъ чего это такъ. Первое изъ сихъ направленій принадлежитъ природѣ первозданной, а послѣднее природѣ, поврежденной грѣхомъ. Это есть продолженіе донынѣ того движенія, которое оказалось въ Прародителяхъ по первомъ нарушеніи заповѣди Божіей. *Услышаста глась Господа Бога ходяща въ раи по полудни, и скрыстася Адамъ же и жена его отъ лица Господа Бога.*

О чада, уже не столько Адамовы, сколько Божіи во Христѣ! Мы слышимъ гласъ Господа, уже не

обличеніемъ грѣха смущающій, хотя впрочемъ и сіе не столько тяжко, сколько благодѣтельно, не проклятіемъ гремящій, хотя впрочемъ и страхъ у Него есть средство спасенія, но кротко и любезно призывающій насъ, идти и брать у Отца Небеснаго блага, которыя мы грѣхомъ утратили. Не ужели не послѣдуемъ гласу Господню?

Если бы царь земный повелѣлъ провозгласить, что кто придетъ, и произнесетъ предъ нимъ имя возлюбленнаго сына его, тотъ получитъ изъ его сокровищъ богатый даръ: думаете ли, что нужно было бы уговаривать рабовъ его, дабы они симъ воспользовались? Какъ побѣжали бы всѣ! Какъ старались бы упредить другъ друга, пока неистощились царскія сокровища! Но вотъ Царь Небесный, чрезъ Единороднаго Сына Своего, провозгласилъ, что всякъ просящій во имя сего Сына, властенъ получить изъ Его неистощимыхъ и нетлѣнныхъ сокровищъ все, чего желаетъ, все, чѣмъ безсмертная душа можетъ обогатиться и сдѣлаться блаженною на вѣки. Что жъ? Всѣ ли бѣгутъ къ Нему? Всѣ ли возносятъ имя Сына Его, и вмѣстѣ съ симъ свои прошенія и молитвы? Нѣтъ! Вотъ Онъ подтверждаетъ Свое обѣтованіе, повелѣваетъ, убѣждаетъ: *просите, и пріимете.* Что теперь? Всѣ ли одумались? Всѣ ли восчувствовали свою небрежность, безразсудность, неблагодарность? Все еще нѣтъ! — *Тебѣ, Господи, правда, намъ же стыдѣніе лица* (Дан. IX. 8.).

Почудимся, братія, Божіимъ щедротамъ и долготерпѣнію. Устыдимся нашей лѣности и невниманія. Воздвигнемъ себя къ духовному дѣланію, воз-

буждая умъ отъ невниманія, собирая отъ разсѣянія, очищая отъ помысловъ лукавыхъ и суетныхъ, и сердце отъ страстей и порочныхъ желаній. *Въ молитвѣ терпите, бодрствующе въ ней со благодареніемъ. И все, еже аще что творите словомъ или дѣломъ, вся во имя Господа Іисуса Хріста, благодаряще Бога и Отца тѣмъ* (Кол. IV. 2. III. 17.) Перестанемъ препятствовать, но потщимся содѣйствовать исполненію въ насъ Господня повелѣнія и обѣщанія: *просите, и пріимете, да радость ваша исполнена будетъ.* Аминь.

17. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СВ. ПРОРОКА ИЛІИ.

И иде въ крѣпости яди тоя четыредесять дней, и четыредесять нощей до горы Божія Хорива. И вниде тамо въ пещеру, и всели́ся въ ней, и се глаголъ Господень къ нему. 3 Цар. XIX. 8. 9.

Во многихъ церквахъ, какъ здѣсь, память Святаго Пророка Иліи совершается по особенному Церковному чину. Усердствующіе собираются въ первенствующій храмъ мѣста, и, съ предношеніемъ священныхъ знаменій вѣры, съ пѣніемъ духовныхъ пѣсней, путешествуютъ въ другой храмъ, особенно посвященный памяти Пророка, и здѣсь уже совершается торжественное Богослуженіе. Что была за мысль Богомудрыхъ Отцевъ нашихъ въ семъ учрежденіи, каковаго для многихъ другихъ Святыхъ, и даже для многихъ Господнихъ праздниковъ, не сдѣлано?

Чтобы съ основаніемъ отвѣчать на сей вопросъ, замѣтимъ общее правило Святыя Церкви: представлять видимые образы и подобія того, что вос-

поминается или созерцается духовно въ ея праздникахъ. Такъ, воспоминая Крещеніе Господа, она ведетъ васъ на рѣку, и совершаетъ молитвы надъ водою; торжествуя воскресеніе Господне, она пробуждаетъ васъ въ полночь, и преизобильнымъ свѣтомъ свѣтильниковъ во храмѣ изображаетъ день вѣчныя жизни въ горнемъ Іерусалимѣ, гдѣ свѣтильникъ Агнецъ, гдѣ солнце не нужно, гдѣ нощи не будетъ.

По сему правилу, по симъ примѣрамъ, догадываться можно, что наше крестное хожденіе въ день Иліи Пророка есть для назиданія нашего представленный, уменьшенный образъ многихъ его хожденій, по истинѣ крестныхъ, то есть, соединенныхъ съ подвигомъ и страданіемъ ради Бога и благочестія, и въ особенности, образъ великаго и чудеснаго путешествія его въ гору Хоривъ, гдѣ онъ сподобился созерцать торжественное явленіе Божества.

И такъ, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ приведемъ себѣ на память хожденіе Пророка Иліи во время бездождія и глада къ потоку Хораѳову, и здѣсь его чудесное препитаніе служеніемъ враповъ, потомъ его хожденіе въ Сарепту, и тамъ чудеса неоскудѣвающей горсти муки, неизсякающаго елея, воскресенія сына вдовицы; обратное хожденіе въ землю Израильскую, и чудеса низведенія дождя на землю, и огня небеснаго на жертву; бѣжаніе предъ Ахаавомъ во Іезраель, можетъ быть, съ желаніемъ и нечестивую Іезавель обратить къ Богу силою совершившихся чудесъ, и обратное отше-

ствіе души ради свося, не потому, чтобы подвизающійся для неба дорожилъ земною жизнію, но потому, что не хотѣлъ доставить торжества нечестію, въ предосужденіе благочестію; наконецъ великое, какъ я сказалъ, путешествіе, къ которому Ангелъ приготовлялъ Пророка двукратнымъ сряду обѣдомъ, безъ сомнѣнія, потому, что постникъ не хотѣлъ вкусить довольно, тогда какъ сіе нужно было для его укрѣпленія на долгій путь, — чудесно трудное путешествіе въ продолженіи четыредесяти дней и четыредесяти нощей безъ пищи, впрочемъ достаточно награжденное бесѣдою съ Богомъ, и непостижимымъ для насъ блаженнымъ ощущеніемъ: *тамо Господь*. Не буду говорить о послѣднемъ путешествіи Пророка изъ Галгалъ въ Веѳиль, изъ Веѳиля въ Іерихонъ, изъ Іерихона за Іорданъ, при чемъ Илія старался скрыть себя и славу своего вознесенія отъ Елисея. Съ нашими еще очень земными движеніями ума и сердца не догнать намъ путешественника, поспѣшающаго на небо.

Особенно меня останавливаетъ вопросъ о Хоривскомъ путешествіи Пророка, подобный вопросу о нынѣшнемъ нашемъ крестномъ хожденіи: что была за мысль послать его въ столь дальній и необыкновенный путь? Если бы спросили: за чѣмъ посланъ онъ былъ во время бездождія на потокъ Хораѳовъ; отвѣтъ не труденъ: тамъ еще сохранялось естественно хотя одно изъ средствъ жизни, вода. За чѣмъ въ Сарепту? — За тѣмъ, что въ Хораѳѣ воды не стало; а въ Сарептѣ нашлась вѣрующая женщи-

на, которая достойна была и сама быть сохранена отъ глада чудесно, и послужить сохраненію человѣка Божія. Но за чѣмъ въ Хориѳъ? Для бесѣды съ Богомъ? Для явленія Божія? Но не бесѣдовалъ ли Богъ съ Иліею и въ Хораѳѣ и въ Сарептѣ? Не равно ли для Вездѣсущаго явиться въ пустынѣ Іудейской, или Аравійской! Не обвините меня по симъ вопросамъ въ любопытствѣ или дерзости. Внимайте спокойно; я ищу наставленія.

Подлинно Богъ вездѣ можетъ бесѣдовать съ вѣрующимъ; вездѣ можетъ дать узрѣть Себя чистому сердцемъ. Однако изъ сего не можно заключить, что Иліи не нужно было идти въ Хоривъ: ибо идти туда повелѣлъ ему Богъ; а Богъ не можетъ повелѣть что-либо излишнее или безполезное. Благодатное общеніе всегда готово для человѣка со стороны Бога: но человѣкъ съ своей стороны не всегда готовъ для общенія съ Богомъ, и требуетъ большаго или меньшаго приготовленія, смотря по тому, въ какомъ состояніи обыкновенно находится, и къ чему приготовляется. *Очисти я днесь и утрп: и да иперутъ ризы: и да будутъ готовы въ день третій* (Исх. XIX. 10. 11.). Симъ повелѣніемъ самъ Богъ очевидно приготовлялъ Евреевъ къ великому откровенію на горѣ Синайской. *Уготовихся и не смутихся, сохранити заповѣди Твоя* (Пс. CXVIII. 60.), говоритъ къ Богу Псалмопѣвецъ и тѣмъ даетъ разумѣть, что если для исполненія заповѣдей Божіихъ въ порядкѣ, безъ смущенія, нужно приготовленіе, кольми паче для принятія благодатныхъ общеній и духовныхъ от-

кровеній. Чѣмъ особеннѣе общеніе, къ которому Богъ призывалъ Пророка Илію, тѣмъ особеннѣе требовалось къ оному приготовленіе, которое и заключалось въ его четыредесятидневномъ крестномъ ходѣ.

Ходъ Иліи былъ въ мірѣ, но отъ міра къ Богу; во плоти, но отъ плоти къ духу; по земли, но отъ земли къ небу.

Ходъ его былъ отъ міра: потому что часъ отъ часа далѣе оставлялъ опъ за собою и невразумимое безуміе Ахаава, и неукротимую злобу Іезавели, и мерзости лжепророковъ, и бѣдственное ослѣпленіе Израильскаго народа. Какъ луна отъ тумана и облаковъ, душа Пророка освободилась отъ темныхъ, печальныхъ и нечистыхъ воспоминаній мірской суеты, порока и нечестія; возвышалась въ свѣтлости, въ спокойствіи, въ чистотѣ, и силою уподобленія, болѣе и болѣе открывала себя Богу, Который есть свѣтъ и миръ.

Ходъ Иліи былъ отъ плоти къ духу: ибо хотя опъ и прежде сего не покорялся плоти, а предстоялъ Богу духомъ, почему и былъ способенъ слышать гласъ Его, и принимать Его повелѣнія; но когда надлежало ему вступить въ ближайшее, и послѣ сокровеннаго въ открытое нѣкоторымъ образомъ общеніе съ Богомъ, тогда потребовалось крайнее очищеніе и утонченіе внѣшняго человѣка, дабы сей бренный сосудъ не распался отъ прикосновенія высочайшей духовной силы. Больной глазъ не можетъ сносить обыкновеннаго свѣта, который пріятенъ оку здравому: но чтобы смотрѣть безопасно

на солнце, потребно зрѣніе орлиное. Такъ плотскій, грѣхомъ зараженный человѣкъ, не способенъ къ благодатнымъ ощущеніямъ даже низшей степени: но чтобы откровеннымъ лицемъ взирать на славу Божію, или хотя подъ покрываломъ предстоять ей вблизи, для сего и очистившійся отъ скверны плоти, и причастившійся духа, требуетъ новаго возведенія. Посему, какъ Синайскому съ Богомъ общенію Моисея сопутствовалъ четыредесятидневный постъ: такъ и Хоривскому съ Богомъ общенію Иліи предшествовало четыредесятидневное путешествіе, въ которомъ онъ не питался ничѣмъ другимъ, какъ только помышленіемъ о Богѣ и молитвою.

Ходъ Иліи былъ къ небу и къ Богу: ибо хотя онъ, вѣроятно, не зналъ предварительно, что будетъ съ нимъ въ Хоривѣ; но идучи на сію гору, которая сопредѣльна, и въ основаніи своемъ есть одна съ Синаемъ, почему и названа *горою Божіею*, безъ сомнѣнія, вспоминалъ славное Богоявленіе Синайское, и симъ благоговѣйнымъ воспоминаніемъ не только *приступалъ къ горѣ осязаемѣй, и разгорѣвшемуся огню, и облаку, и сумраку, и бурѣ, и трубному звуку, и гласу глаголъ* небесныхъ, но, какъ созерцатель, и къ самому Глаголателю *небесному, Егоже глась землю тогда поколеби* (Евр. XII. 12. 13. 26.), и такимъ образомъ, когда ноги Иліины текли всѣ по земли, духъ Иліинъ всѣ восходилъ къ небу, и приготовлялся къ высокому общенію съ Богомъ.

Таковъ, братія, великій крестный ходъ Иліи; таковъ его святый праздникъ, въ который онъ ни-

мало не работалъ плоти, нимало не занимался міромъ, точно праздновалъ единому Богу. По сему можно судить, каковъ долженъ быть и нашъ, хотя малый, крестный ходъ, и нашъ, хотя не столь совершенный, духовный праздникъ.

Когда въ священномъ шествіи ведутъ тебя отъ одного святаго мѣста въ другое для протяженнаго молебствія и торжественнаго Богослуженія: помышляй, что и тебя хотятъ приготовить къ общенію съ Богомъ, елико можно, чистому, елико можно, близкому. А если ты внимателенъ: то и всякій обыкновенный твой путь изъ дома во храмъ Господень совершай по возможности, какъ дѣятельное приготовленіе къ общенію съ Богомъ. Еще же лучше, да будетъ и вся жизнь твоя, по примѣру Святыхъ, не иное что, какъ непрерывный крестный, крестомъ Христовымъ предваряемый, управляемый и сохраняемый, кресту Христову послѣдовательный ходъ, отъ плоти къ духу, отъ земли къ небу, отъ міра къ Богу. Да будетъ твоимъ праздникомъ не только то, чтобы ты былъ празденъ отъ тяжкихъ рабскихъ дѣлъ, но то наипаче, чтобы ты былъ свободенъ отъ пріятной работы чреву, разсѣянію, тщеславію, суетамъ разнаго рода. Содѣлывай всемѣрно умъ твой, сердце твое, и самыя чувства твои праздными отъ всякой твари, прельщающей, озабочивающей, смущающей, да возможешь принять Бога въ умѣ, въ сердцѣ, во внутреннемъ чувствѣ, созерцаніемъ, желаніемъ, ощущеніемъ, чрезъ духовное ученіе, чрезъ чистую молитву, чрезъ дѣла благія и святыя.

Посѣ сего что сказать о тѣхъ, которые безъ благоговѣнія, безъ размышленія, безъ вниманія идутъ на праздникъ Церковный, какъ на мірское зрѣлище, на мѣсто святое, какъ на мѣсто увеселенія чувственнаго? Да сохранитъ ихъ Богъ, чтобы они не пріобщились къ праздникамъ Ахаава и Іезавели: но чтобы они участвовали въ праздникѣ Иліи Пророка, того конечно сказать о нихъ не можно.

Щедрый стяжатель даровъ духовныхъ, не отказавшій Елисею въ недовольно скромномъ домогательствѣ имѣть вдвое болѣе тебя! Не откажи и намъ дерзновенно просящимъ: ходатайствуй предъ Богомъ твоимъ и нашимъ о усугубленіи благодати празднующимъ день твой вмѣстѣ съ тобою молитвою и воздержаніемъ, или, съ препитавшею тебя вдовицею, дѣлами человѣколюбія и милосердія. Но и на тѣхъ, которые не постигаютъ еще высоты и чистоты твоего праздника, низведи отъ благопослушливаго тебѣ неба не огнь гнѣва пожирающій, но свѣтъ благодати просвѣщающій, да и сіи наконецъ путемъ истины и правды пріидутъ въ гору Божію святую, и вселятся въ ней во вѣки. Аминь.

18. СЛОВО

О НЕТЛѢНІИ СВЯТЫХЪ МОЩЕЙ, ГОВОРЕННОЕ НА ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ, РАДОНЕЖСКАГО ЧУДОТВОРЦА, ВЪ ЛАВРѢ ЕГО, ВЪ ТРОИЦКОМЪ СОБОРѢ, СЕНТЯБРЯ 25 ДНЯ, 1821 ГОДА.

И кости твои утучнѣютъ, и будутъ, яко вертоградъ напоенный, и яко источникъ, емуже не оскудѣ вода. Исаіи LVIII. 11.

Во дни Пророка Исаіи были люди, — какіе, вѣроятно, есть и нынѣ, — которые жаловались на Бога, для чего не награждаетъ Онъ ихъ благочестія. *Что яко постихомся, и не увидѣлъ еси?* Пророкъ отвѣтствуетъ на сіе, что и *постъ и суббота*, и благочестивый подвигъ, и духовное празднованіе, пріятны Богу, если люди *во дни пощеній своихъ не обрѣтаютъ волей своихъ, если не творятъ хотѣній своихъ въ день святый;* и, въ награду за сіе непритворное благочестіе, обѣщаетъ между прочимъ, что *и кости* таковыхъ людей *утучнѣютъ, яко вертоградъ напоенный, и яко источникъ, емуже*

не оскудѣ вода. — Неожиданное обѣщаніе! Кости сего тлѣннаго тѣла, кажется, не тучнѣютъ отъ подвиговъ поста, ниже отъ субботствованія духовнаго. — Подобно сему, другой Богопросвѣщенный мужъ, *восхваляя мужей славныхъ*, между прочимъ говоритъ: *и обоюнадесяте Пророковъ да процвѣтутъ кости отъ мѣстъ своихъ* (Сир. XLIX. 12.). Но кости сихъ Пророковъ давно уже почивали во гробахъ, когда сіе написалъ о нихъ сынъ Сираховъ. И такъ не ужели кости угодившихъ Богу, и въ умерщвленіи плоти *тучнѣютъ*, и во гробахъ *процвѣтаютъ?*

Воистинну *тучнѣютъ и процвѣтаютъ!* Тучнѣютъ и процвѣтаютъ кости благочестивыхъ во время житія ихъ, духовно, когда, *яко отъ тука и масти, исполняется душа ихъ радостію* (Псал. LXII. 6.) о Богѣ; когда *праведникъ, яко финикъ, процвѣтаетъ* (Псал. XCI. 13.) благими дѣлами, приносящими плодъ во святыню; — тучнѣютъ и процвѣтаютъ, не смотря на то, что плоть ихъ увядаетъ и изсыхаетъ отъ подвиговъ воздержанія; ибо, *аще и внѣшній ихъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор. IV. 16.). По смерти же тучнѣютъ и процвѣтаютъ кости благочестивыхъ славою ихъ добродѣтелей, такъ что они, бывъ нерѣдко умалены и забвенны въ жизни, являются великими и знаменитыми по смерти, такъ что гробы ихъ бываютъ великолѣпнѣе жилищъ, въ которыхъ они обитали.

Но кромѣ сего, въ предлежащихъ намъ священныхъ останкахъ Праведника мы усматриваемъ соб-

ственными очами еще образъ, какъ и во гробахъ *тучнѣютъ и процвѣтаютъ* кости праведныхъ. И всѣ тѣла человѣковъ, по смерти ихъ, подобно сѣменамъ, погребеннымъ въ землѣ, и растеніямъ во время зимы, медленнымъ, непримѣтнымъ для насъ прозябеніемъ, среди самаго истлѣнія, постепенно прозябаютъ и приготовляются къ животворной веснѣ общаго воскресенія. Но нѣкоторыя тѣлеса праведниковъ подобятся лавровымъ и нѣкоторымъ другимъ древамъ, во время самой зимы очевидно растущимъ и зеленѣющимъ; *хранимыя Господомъ кости ихъ* (Псал. XXXIII. 21.), и послѣ смерти, являютъ въ себѣ, *яко тукъ и масть*, духовную силу жизни, чудесно изливающуюся и на то, что ихъ окружаетъ; ихъ тѣлеса прежде общаго воскресенія *процвѣтаютъ* начатками истлѣнія.

Отъ чего сіе, и для чего? Отъ чего истлѣнны тѣлеса праведниковъ? Для чего Богъ даруетъ имъ сіе истлѣніе? Разсужденіе о сихъ вопросахъ можетъ объяснить одну изъ наградъ благочестія, и одно изъ побужденій къ благочестію.

Богъ, какъ говоритъ Премудрый, *созда человѣка въ нетлѣніе* (Прем. II. 23.). Духъ его жилъ словомъ Божіимъ, и потому наслаждался блаженнымъ безсмертіемъ; тѣло его питалось отъ древа жизни, и такимъ образомъ должно было сохраняться въ безболѣзненномъ истлѣніи. *Единѣмъ человѣкомъ*, — такъ изъясняетъ Апостолъ печальную перемѣну сего состоянія, — *единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человѣки вниде, въ немже вси согрѣшиша* (Рим.

V. 12.). И такъ причина, по которой человѣкъ смертенъ, и тѣло его тлѣнно, есть грѣхъ,—ядъ, который принялъ человѣкъ первоначально душею, но который, въ дальнѣйшемъ дѣйствіи своемъ, отравилъ и тѣло, медленною отчасти, но вообще смертоносною отравою. Изъ сего не трудно усмотрѣть, что возвращеніе человѣка *въ нетлѣніе* возможно только тогда, когда онъ перестанетъ отравлять себя *грѣхомъ*.

Но возможно ли сіе послѣ того, когда *грѣхъ со* весь *міръ внидe*, когда мы, *въ беззаконіяхъ зачинаемся, раждаемся со грѣхахъ* (Псал. L. 7.), и, какъ-бы по естественной необходимости, *піемъ неправды, якоже питіе* (Іов. XV. 16.)? Притомъ для исцѣленія зараженнаго ядомъ потребно нѣчто болѣе, нежели только прекратить употребленіе яда. Никто не можетъ быть творцемъ самого себя. смертно болящій или умершій не можетъ даровать себѣ здравія или жизни, которыхъ источникъ въ немъ затворился. Если и въ неповрежденномъ состояніи своемъ человѣкъ жилъ, какъ мы сказали, словомъ Божіимъ: кольми паче смертнаго возставить въ безсмертіе, и растлѣннаго въ нетлѣніе, не можетъ ничто, кромѣ Творческаго слова Божія.

Слово Творческое вновь изречено въ поврежденное грѣхомъ твореніе Божіе, для его возстановленія, и низведено въ немъ до такой глубины, до какой грѣхомъ низпали человѣки. *Слово плоть бысть* (Іоан. I. 14.). Теперь все падшее и отчужденное отъ жизни Божіей получаетъ новый, возвратный ходъ. Источникъ Божественный вновь открывается во

глубинѣ человѣческой природы, и внутренно изливаетъ въ нее благодатный свѣтъ и силу. Здѣсь обрѣтаетъ душа человѣческая врачевство, очищающее и исцѣляющее, которое истребляетъ въ ней смертоносный ядъ грѣха, и вмѣстѣ врачевство укрѣпляющее и предохраняющее, которое не допускаетъ сей заразѣ возобновляться и усиливаться новыми грѣхопаденіями. Животворное дѣйствіе благодати, такъ же какъ нѣкогда смертоносное дѣйствіе грѣха, простирается по всему существу человѣческому отъ духа до тѣла; и поелику сила Божія конечно могущественнѣе, нежели сила грѣха, которая собственно есть немощь, о не удивительно, что благодать, по выраженію Апостола (Рим. V. 20.), *преизбыточествуетъ*, паче *умножившагося грѣха*, что она дѣйствительнѣе исцѣляетъ и возстановляетъ, нежели грѣхъ заражаетъ и разрушаетъ. *Аще прегрѣшеніемъ единаго*, разсуждаетъ Апостолъ, *мнози умроша, множае паче благодать Божія и даръ благодатію единаго человѣка Іисуса Христа во многихъ преизлишествова* (Рим. V. 15.): *Да якоже царствова грѣхъ во смерть, такожде и благодать воцаритъся правдою въ жизнь вѣчную, Іисусомъ Христомъ Господемъ нашимъ* (21.). Такимъ образомъ Слово Божіе, нисходя до воплощенія, самой плоти открываетъ путь, восходить до тлѣнія и прославленія; Іисусъ Христосъ становится *воскрешеніемъ* нашимъ (Іоан. XI. 25.), и когда вселяется вѣрою въ сердца наши, тогда и въ самыхъ тѣлесахъ, вѣрою очищенныхъ и освященныхъ, скорѣе или медленнѣе просіяваетъ сила Его воскресенія.

Примѣчайте въ цѣломъ бытіи рода человѣческаго, какъ явленіе сея силы воскресенія всегда соразмѣрно было съ постепеннымъ откровеніемъ воплощеннаго Слова Божія. Въ первые вѣки, когда всю тайну Хрістову находимъ заключенною въ одномъ словѣ *о сѣмени жены, сокрушающемъ главу змія*, и силу воскресенія усматриваемъ во одномъ Эпохѣ, который, какъ уединенный орелъ въ обновленной юности, воспаряетъ въ нетлѣніи надъ цѣлымъ міромъ, чрезъ господствующее растлѣніе нравственное приближающимся ко всеобщему истлѣнію естественному. Во времена Пророковъ, когда обѣтованіе о Хрістѣ, какъ *о сѣмени, въ которомъ благословятся всѣ народы*, многократно повторенное, и болѣе объясненное, ощутительнѣе возбуждало вѣру, и потому обильнѣе вселяло въ сердца, хотя и глубоко еще сокровенную силу Хрістову, и сила воскресенія не только, по подобію Эноха, явилась въ Иліи, при взятіи его на небо, но кромѣ того, еще въ продолженіи земной жизни, открывалась въ Иліи же и Елисеѣ, воскрешеніемъ умершихъ; и даже,—что составляетъ единственный въ священныхъ сказаніяхъ примѣръ прежде пришествія Христова, но согласный со многочисленными сего рода явленіями по пришествіи Хрістовомъ,—сила воскресенія сверхъ чаянія воздѣйствовала нѣкогда чрезъ кости умершаго уже Пророка Елисея. *Бысть*, повѣствуетъ книга Царствъ (4 Цар. XIII. 21.), *бысть погрѣбающимъ мужа, и се видѣша воиновъ, и*—отъ страха—*повергоша мужа въ гробъ Елисеовъ: и впаде тѣло человѣка мертва, и прикоснуся костемъ*

Елисеовымъ, и оживе, и воста на ноги своя. Когда же, столь давно предреченное, и постепенно предуготовленное, воплощеніе Слова Божія наконецъ совершилось; тогда, кто не знаетъ, какими быстрыми потоками сила воскресенія потекла по сей, еще и необновленной, землѣ? Сообразно съ цѣлію настоящаго разсужденія, особенно должно указать здѣсь одинъ случай. Когда Іисусъ Христосъ вольнымъ страданіемъ нашего ради спасенія допустилъ низвести Себя въ область смерти для того, чтобы ввести туда собственную силу жизни, и такимъ образомъ разрушить царство смерти въ самыхъ основаніяхъ его: тогда сила Его немедленно проникла все, и въ томъ, что способно было принять ее, тотчасъ ознаменовала себя животворнымъ дѣйствіемъ. Вотъ изъясненіе того, что въ то время *и гроби отверзошася, и многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа* (Матѳ. XXVII. 52.).

Іисусъ Христосъ вчера и днесь, Тойже и во вѣки (Евр. XIII. 8.). Онъ яко Богъ *дѣйствуетъ вся во всѣхъ* (1 Кор. XII. 6.), дѣйствуетъ и нынѣ, подобно какъ дѣйствовалъ отъ начала, и дѣйствовать будетъ до конца; дѣйствуетъ въ маломъ, равно какъ въ великомъ, дѣйствуетъ какъ во всей Церкви, которая есть тѣло Его, такъ и во всѣхъ вѣрующихъ, которые суть члены Его. Онъ *воображается въ нихъ* (Гал. IV. 19.), *живетъ въ нихъ* (Гал. II. 20.), и какъ *въ Немъ* Самомъ *живетъ всяко исполненіе Божества тѣлесно* (Кол. II. 9.), такъ, по нѣкоему образу сего Божественнаго таинства, и Онъ благоволитъ жить въ избранныхъ Сво-

ихъ даже тѣлеснѣ, поколику обрѣтастъ ихъ способными ко внутреннему съ Нимъ общенію. Обрѣтаетъ ли Онъ умъ, постоянно къ Нему обращаемый благоговѣніемъ и молитвою? Онъ *воображается* въ умѣ, и исполняетъ его свѣтомъ Своимъ, истиною Своею, *безвѣстная и тайная премудрости Своея являетъ ему* (Псал. L. 8.). Обрѣтаетъ сердце, отверстое предъ Нимъ покаяніемъ, вѣрою и любовію къ Нему? Онъ *вселяется въ сердце* (Ефес. III. 17.), и съ Собою вноситъ въ него новую жизнь, вмѣсто плотской духовную, вмѣсто земной небесную, преображаетъ любовь человѣческую въ Божественную, и свойства человѣческія въ Ангельскія. Обрѣтаетъ ли наконецъ и тѣло, въ сообразность съ душею, непрестанно очищаемое воздержаніемъ и подвигами, и потому способное принимать и сохранять въ себѣ какъ-бы нѣкіе отпечатки и слѣды внутреннихъ движеній благодатныхъ? И оно, нѣкоторымъ образомъ, и даже въ земной еще жизни, начинаетъ быть Богоноснымъ. Сколь бы ни странною казалась для нѣкоторыхъ мысль о Богоносномъ тѣлѣ земнаго человѣка: я не раскаяваюсь, что произнесъ ее; ибо не догадкою и соображеніемъ составляю сей образъ, но обрѣтаю его на самомъ опытѣ, который представили еще Апостольскія времена, и о которомъ преданіе времена Святыхъ благоговѣйно сохранили. Святый Игнатій Богоносецъ такъ пріобыкъ питать сердце свое любительнымъ воспоминаніемъ сладкаго имени Іисуса Христа, что сіе глубокое душевное впечатлѣніе чувственнымъ образомъ отпечатлѣлось въ тѣлесномъ органѣ, и когда, послѣ мучени-

ческой кончины его, разсѣчено было его сердце, въ немъ усмотрѣли буквенно изображенное имя Іисуса Христа (Чет. Мин. Дек. 20.). Какъ сосудъ, въ которомъ долго хранится благовонная масть, заимствуетъ отъ нея силу благоуханія: такъ самое тѣло Христіанина, въ которомъ постоянно обитаетъ благодатная сила Христова, проницается ею во всемъ составѣ своемъ, и даже благоухаетъ ею для другихъ. И поелику *сила Христова* нетлѣтна: то естественно, что она, *вселяясь* (2 Кор. XII. 9.) въ человѣковъ, *иже Христовы суть* (Гал. V. 24.), и тѣлесамъ ихъ сообщаетъ нетлѣніе; поелику сила Христова всемогуща, то съ естествомъ ея согласно и то, что она чрезъ нихъ чудодѣйствуетъ, когда то благоугодно Господу, подобно какъ нѣкогда чудодѣйствовала, чрезъ *главотяжи и убрусцы*, которые были на *тѣлѣ* Святаго Апостола Павла, и приняли въ себя *потъ* его (Дѣян. XIX. 12.), и чрезъ одно *осѣненіе тѣнію* Святаго Апостола Петра (Дѣян. V. 15.).

Какое, братія, дивное воздаяніе за благочестіе, что имъ не только духъ человѣческій возводится къ благодатному общенію со Христомъ, но и самое тѣло, которымъ совершаемъ сіи малые подвиги пощенія, молитвеннаго колѣнопреклоненія, братолюбнаго служенія, содѣлывается чрезъ то причастнымъ благодатной силы Христовой, животворящей и чудодѣйственной! И если сіе на земли еще, то на небеси какая жизнь, какое могущество, какая слава ожидаетъ благочестивыхъ!

Между тѣмъ примѣчать можемъ, что не всѣ благочестивые, и даже не всѣ Святые участвуютъ въ семъ *первомъ*, такъ сказать, *воскресеніи* (Апок. XX. 6.), которое состоитъ въ чудесномъ на земли нетлѣніи освященныхъ тѣлесъ ихъ; подобно какъ и въ первоначальномъ явленіи сего перваго воскресенія, *многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа*, но не всѣ тѣлеса Святыхъ усопшихъ. Что значитъ сіе? Не ужели неправосуденъ Богъ ко Святымъ Своимъ, однимъ увеличивая мѣру благодати, а другимъ уменьшая, однихъ безсмертіе приближая, а другихъ отдаляя, однихъ прославляя, а другихъ сокрывая? Безъ сомнѣнія, никто, знающій Бога, не можетъ сего помыслить. И такъ, что значитъ видимое неравенство видимой награды, даруемой Святымъ? Можетъ быть, оно нѣкоторымъ образомъ соотвѣтствуетъ степенямъ внутренняго ихъ освященія, по которому, — скажемъ словами Апостола, — какъ *звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ; такожде и воскресеніе мертвыхъ* (1 Кор. XV. 41. 42.), и послѣднее, совершительное, и первое, начинательное: но съ большею основательностію изъ неравенства сей предварительной награды Святымъ заключить можемъ, что сія награда имъ даруется не столько въ воздаяніе собственно имъ, сколько для другой, съ премудростію и благостію Божіею сообразной, цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, для тѣхъ, которые, не ищутъ славы человѣческой, и которые увѣрены, что вѣчно будутъ царствовать во славѣ Божіей со Христомъ, велико ли то, чтобы имѣть, или не имѣть временныхъ начатковъ сея славы на земли? — Но какъ съ

воскресеніемъ Хрістовымъ *многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа* для того, чтобы, *по воскресеніи Его, внити во святый градъ, и явитися многѣмъ* живущимъ, для удостовѣренія ихъ объ открывшейся силѣ воскресенія: такъ и донынѣ тѣлеса усопшихъ Святыхъ являются въ нетлѣніи, съ силою чудодѣйственною и живоносною, для насъ живущихъ, для удостовѣренія, — если къ стыду времени есть и такіе между нами невѣрующіе, — для удостовѣренія въ воскресеніи Хрістовомъ и въ нашемъ будущемъ воскресеніи, для укрѣпленія немощныхъ въ подвигахъ противу грѣха и смерти, для возбужденія невнимательныхъ и нерадивыхъ къ подвигамъ благочестія.

Поминайте наставники ваша, учитъ Апостолъ Христіанъ своего времени, поминайте наставники ваша, *иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ* (Евр. XIII. 7.). Какъ-бы такъ разсуждалъ онъ: «мы не довольствуемся поучать васъ нашимъ словомъ; не всѣ души довольно отверсты «для него, и не всѣ сохраняютъ его, когда пріемлютъ. Для сего указуемъ вамъ еще на примѣръ «*наставниковъ вашихъ*, и въ семъ примѣрѣ на то, «что сильнѣе поражаетъ чувства, и тѣмъ глубже «проникаетъ въ душу, — на *скончаніе жительства* «ихъ, запечатлѣнное яснымъ знаменіями вѣры.» Зрѣлище подлинно назидательное, и въ молчаніи болѣе обильнаго слова говорящее духу! Но какъ слово наконецъ умолкаетъ; такъ и примѣръ наконецъ скрывается: и память скончавшихся наставниковъ

можетъ угаснуть. Что же творитъ Богъ, *хотящій всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истины прiити* (1 Тим. II. 4.)? Онъ, такъ сказать, увѣковѣчиваетъ назидательную кончину совершившихся во благочестiи наставниковъ. Проходитъ нѣсколько вѣковъ, и мы все еще видимъ ее собственными очами, взирая на нетлѣнные останки ихъ. Сiе нетлѣнiе, сiя цѣлебная и живоносная сила, отъ нихъ исходящая, внятнѣе и убѣдительнѣе слова поучаютъ насъ благочестiю, и побуждаютъ *подражать вѣрѣ ихъ*.

На что болѣе мое скудное слово? — Довольно и для насъ, братiя, того неумолкающаго поученiя, которое призноситъ сей безмолвный гробъ. Можно ли не слышать сего поученiя? Можно ли, слыша, не разумѣть его? «*Взирайте*, глаголетъ самъ скончавшiйся Наставникъ нашъ, *взирайте на скончанiе «моего жительства*, которое я столько вѣковъ предъ «ставляю предъ очи моихъ учениковъ, и всѣхъ требующихъ наставленiя. Вы всѣ признаете, что скончанiе жительства моего благословенно и блаженно; я слышу, въ Богѣ моемъ, какъ вы оное ублажаете; вижу, какъ стекаетесь торжествовать оное. «Для меня ли ублажаете вы кончину мою? Ваши «ублаженiя не умножатъ моего блаженства въ Богѣ «моемъ. Но если вы ублажаете кончину мою: то «ублажите и житiе, которое привело меня къ сей «кончинѣ, и ублажите оное для вашего собственнаго «блаженства. Сугубо неизвинителенъ тотъ, кто, ви«дя путь, уклоняется въ заблужденiе; видя благiй «примѣръ, во злѣ закоснѣваетъ. Сугубо бѣдственно, близъ пристанища претерпѣтъ кораблекруше-

« ніе и потопленіе, при видѣ награды заслужить на-
« казаніе, при видѣ блаженства погибнуть. Един-
« ственное приращеніе, какое вы можете доставить
« моему блаженству, есть то, чтобы доставить моей
« къ вамъ любви радость вашего спасенія. Ублажи-
« те самихъ себя, подражаніемъ вѣрѣ моей со всѣми
« плодами, которые произвела отъ нея благодать
« Христа моего и вашего. »

Что речемъ на сіе, братія? — Ей, Богоносный Отче нашъ и Наставниче! *Буди намъ по глаголу твоему.* Аминь.

19. СЛОВО

НА ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ.

Возвратишася въ Листру и Икопію и Антіохію, утверждающе души учениковъ, моляще пребыти въ вѣрѣ, и яко многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе. Дѣян. XIV. 21. 22.

Сіе сказаніе святаго Евангелиста Луки о проповѣди святыхъ Апостоловъ Павла и Варнавы представляетъ способъ наставленія, довольно необыкновенный. Цѣль наставленія, какъ вы видите изъ самаго сказанія, была та, чтобы утвердить души учениковъ въ вѣрѣ. Какое же средство употребляютъ для сего Богомудрые Наставники?—Они предсказываютъ вѣрующимъ скорби, и скорби необходимыя, потому что чрезъ нихъ надобно достигать царствія Божія. *Многими скорбми подобаетъ внити въ царствіе Божіе.* Не надлежало ли опасаться, что сія истина, грозная, поколеблетъ вѣру, а не утвердитъ? Не лучше ли было бы скрыть опасное предусмотрѣніе опасностей? Но нѣтъ! Апостолы не

скрываютъ ученія о скорбяхъ, предстоящихъ на пути къ царствію Божію: видно, нужно сіе ученіе. Они предлагаютъ сіе ученіе, желая утвердить души учениковъ въ вѣрѣ: видно, есть въ семъ ученіи сила для утвержденія вѣры.

Многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе. Апостолы не говорятъ: многими познаніями подобаетъ внити въ царствіе; хотя сіе, по видимому, было бы сообразно съ *сокровищами премудрости и разума* (Кол. II. 3.), сокровенными во Христѣ. Видно, многія познанія полезны, но не совсѣмъ необходимы для достиженія царствія Божія. Въ самомъ дѣлѣ, Мытарь достигъ оправданія, а слѣдственно и близкой надежды царствія Божія, не многими познаніями, но многимъ смиреніемъ, не высокими созерцаніями, но очень простою молитвою: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику* (Лук. XVIII. 13.).

Не говорятъ: многимъ временемъ подобаетъ внити въ царствіе Божіе: хотя и на земли многое достигается не скоро; а небо, кажется, далѣе земли. Видно, продолжительность времени не есть строгое условіе приближенія къ царствію небесному. Въ самомъ дѣлѣ, разбойникъ на крестѣ, въ нѣсколько часовъ, и даже, можетъ быть, въ нѣсколько минутъ совершилъ путь отъ вратъ адовыхъ до дверей рая.

Не говорятъ: многими трудами и подвигами подобаетъ внити въ царствіе Божіе: хотя то правда, по слову Самого Іисуса Христа, что *царствіе небесное нудится* (Матѳ. XI. 12.). Видно, успѣхъ усилій, которыми достаютъ царствіе небесное, не

всегда опредѣляется тягостію трудовъ и числомъ подвиговъ. Перстень сына царствія данъ блудному сыну скорѣе, нежели онъ окончилъ трудъ договорить покаянную рѣчь оскорбленному отцу. Онъ едва успѣлъ изобразить свое недостоинство: *отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою, и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой* (Лук. XV. 21.); а не успѣлъ еще принести просьбы: какъ ему даровано болѣе, нежели онъ смѣлъ желать и надѣяться.

Не многими познаніями, не многимъ временемъ, не многими трудами, но, — говорятъ Апостолы, — *многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе.* Видно, скорби, паче другихъ средствъ и пособій, нужны и полезны для достиженія царствія Божія.

Разумъ, не довольно покоренный вѣрѣ, не довольно ею просвѣщенный, не вдругъ усмотрѣть можетъ, подлинно ли, и почему путь къ царствію Божію долженъ лежать непремѣнно чрезъ скорби. Что, кажется, за необходимость заставлять человѣка страдать, чтобы потомъ сдѣлать его блаженнымъ? Отсюда можетъ родиться догадка, не относится ли ученіе о скорбяхъ ради царствія Божія только до первенствующихъ Христіанъ, которымъ надлежало вытерпѣть гоненія отъ Іудеевъ и язычниковъ, до утвержденія Христіанства во вселенной. Симъ подлинно Христіанамъ, и въ сихъ обстоятельствахъ, Апостолы Павелъ и Варнава говорили *о многихъ скорбяхъ* ради царствія Божія, и притомъ вскорѣ послѣ того, какъ Павелъ предъ ихъ глазами, въ Листрѣ, едва не до смерти побитъ былъ камнями,

за проповѣдываніе Христіанства. Но, что ученіе о скорбяхъ ради царствія небеснаго есть не временное только и частное, а всегдашнее и всеобщее въ Христіанствѣ, въ семъ не трудно удостовѣриться изъ наставленій Самого Іисуса Христа, не случайныхъ и примѣненыхъ къ особеннымъ обстоятельствамъ, но коренныхъ и всеобщихъ.—Чѣмъ началъ Онъ Свое ученіе о царствіи небесномъ?—*Блажени нищіи духомъ; блажени плачущіи* (Матѳ. V. 3. 4.). Ощущеніе нищеты, болѣе или менѣе, соединено съ ощущеніемъ скорби; и плачь, даже благочестивый, течетъ изъ источника скорби, хотя впрочемъ должно быть и такое время, когда, какъ Моусей древомъ горькія воды Мерры, Христосъ крестомъ услаждаетъ горесть благочестиваго плача. Чѣмъ оканчиваетъ Господь Свое ученіе о блаженствѣ?—*Блажени есте, егда поносятъ вамъ, и ижденутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, Мене ради* (Матѳ. V. 11.). Не видите ли, что ученіе Господне о блаженствѣ скорбію начато, и еще большею скорбію окончено?—Какое ученіе можетъ быть болѣе общимъ для Христіанъ, какъ ученіе о послѣдованіи Христу? Но въ чемъ состоитъ сіе ученіе?—*Аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ. Иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю; и иже аще погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю* (Матѳ. XVI. 24. 25.). Какъ ни уменьшайте силу, какъ ни смягчайте значеніе сихъ изреченій Господнихъ: во всякомъ случаѣ не льзя не признать, что ими предрекаются послѣдователю

Христову многія скорби. Если ты возмешь крестъ, и пойдешь за Христомъ: то куда ты придешь? — Очевидно, туда, куда шелъ, взявъ крестъ, Онъ Самъ; слѣдственно на Голгоѳу, на страданіе, на распятіе. *Погубить душу свою* ради Христа, значитъ ли пострадать за Него мученически (что впрочемъ не есть общій жребій, тогда какъ напротивъ изреченіе Господне о погубленіи души есть общее для всѣхъ спасаемыхъ); или сіе значитъ пресѣчь и умертвить въ душѣ страстныя движенія, составляющія жизнь ветхаго человѣка, изсушить похоть, угасить ярость, обуздать порывы собственной воли, отвергнуть пристрастіе къ собственному мудрованію?—Самое выраженіе: *погубить душу*, которымъ изображены сіи подвиги послѣдователя Христова, сіи душевныя преобразованія, даетъ разумѣть, что здѣсь имѣютъ мѣсто многія скорби, простирающіяся даже до смертнаго боренія и подвига.

Святый Апостолъ Петръ учитъ: *Христу пострадавшу за ны плотію, и вы въ ту же мысль вооружитеся* (1 Пет. IV. 1). Подлинно, мысль о страданіи Христовомъ за насъ одна можетъ быть достаточна для того, чтобы примирить насъ со всякою скорбію и страданіемъ ради Христа и Его царствія. Если Христосъ, не сотворившій грѣха, пострадалъ: можно ли намъ грѣшнымъ роптать на страданіе? Если Христосъ пострадалъ за насъ: какая была бы неблагодарность не хотѣть принять скорбь ради Его и Его заповѣди? Если возлюбленный Спаситель нашъ піетъ чашу страданій: любовь къ Нему не должна ли ощутить жажду причаститься отъ

чаши Возлюбленнаго? Если *подобаше*, должно было, сообразно было съ премудрою, праведною и благою судьбою Божіею, *пострадати Христу и внити въ славу свою* (Лук. XXIV. 26.); и сіе *подобаше* ради насъ: какъ не повѣрить, что и намъ *подобаетъ*, должно, прилично, сообразоваться съ примѣромъ и судьбою нашего Подвигоположника, — *многими скорбми внити въ царствіе Божіе?*

Но если кому не довольно, просто вѣрить, а нужно притомъ о потребности скорбей быть удостовѣрену разсужденіемъ: и сей способъ наставленія имѣемъ мы также въ словахъ святаго Апостола Петра: *зане пострадавый плотію преста отъ грѣха, во еже не ктому человѣческимъ похотемъ, но воли Божіей прочее во плоти жити время* (1 Пет. IV. 1. 2.). Чудно сіе разсужденіе Апостола. Оно подаетъ случай къ вопросу: не ужели человѣкъ не можетъ *престать отъ грѣха, не пострадавъ плотію,* тогда какъ онъ имѣетъ свободу избирать лучшее, и сверхъ того помощь къ добру отъ благодати Божіей? Я не буду довольно смѣлъ, чтобы рѣшительно отвѣтствовать на сей вопросъ, на который Апостолъ только намекнулъ. Но замѣчу, что дѣло, о которомъ говоритъ Апостолъ, конечно лучше насъ знаетъ онъ, и какъ Богопросвѣщенный Апостолъ, и какъ опытный подвижникъ, который уже не мало шелъ путемъ страданій, когда указывалъ сей путь Христіанамъ; и конечно его Божественное просвѣщеніе и его страдальческіе опыты показали ему причину, по которой Христіанинъ долженъ поставлять себя въ готовность къ страда-

піямъ: *зане пострадавый плотію престаетъ отъ грѣха.* Въ самомъ дѣлѣ, грѣхъ, который человѣкомъ допущенъ, пробилъ себѣ дорогу въ его сердце и въ его существо. Если вы, усиліемъ свободной воли, при помощи благодати, изгоняете его: но пробитой дорогѣ онъ силится возвратиться. По слѣдамъ прежнихъ грѣховныхъ впечатлѣній вновь идутъ страстныя и грѣховныя движенія, возбуждаемыя воспоминаніемъ или присутствіемъ искушающихъ предметовъ и привычкою. Что же надобно дѣлать, дабы рѣшительнѣе освободить себя отъ грѣха? — Не только изгнать его, но и пробитую имъ дорогу заградить, разрушить, истребить. Надобно глубоко взрыть землю сердца, чтобы уничтожить слѣды грѣховнаго услажденія, чтобъ исторгнуть глубоко проникшіе тонкіе корни грѣха. Надобно съ огнемъ пройти по стезямъ внутреннихъ чувствъ, чтобы очистить ихъ отъ остатковъ грѣховныхъ впечатлѣній. Слѣдственно надобны скорби и страданія, дабы *пострадавый плотію престалъ отъ грѣха.*

Найдя такимъ образомъ, что скорби въ рукѣ Провидѣнія суть очистительное орудіе для человѣка, уготовляемаго къ царствію Божію, мы не должны удивиться, если найдемъ въ опытахъ Святыхъ и то, что высшему очищенію нерѣдко соотвѣтствуютъ преимущественно многія скорби. *Многи скорби праведнымъ* (Псал. XXXIII. 20.), сказуетъ Псалмопѣвецъ по наблюденію; а также и по собственному опыту исповѣдуетъ предъ Богомъ: *по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшенія твоя возвеселиша душу мою* (Псал. XCIII 19.). *Лишени,*

скорбящe, озлоблени (Евр. XI. 37.):—сими чертами описалъ Апостолъ ветхозавѣтныхъ подвижниковъ вѣры, не заботясь называть ихъ по имени: такъ находилъ онъ черты сіи общими и обыкновенными! Если бы надлежало изобразить жизнь и новозавѣтныхъ подвижниковъ вѣры, Апостоловъ, Мучениковъ, Преподобныхъ: опять годились бы тѣже черты: *лишени, скорбящe, озлоблени.*

Не сими ли же чертами ознаменованъ образъ и твоей жизни, присный наставниче нашъ къ царствію Божію?—*Лишенъ, скорбящъ, озлобленъ.* Не только *лишенъ* всякаго земнаго стяжанія, что, можетъ быть, не трудно для лишившаго самого себя добровольно; не только *скорбящъ* въ заботахъ о мирѣ и спасеніи братіи; но и *озлобленъ*, то отъ малодушія облагодѣтельствованной тобою братіи, во время скудости потребностей, то отъ любоначалія роднаго брата:—*озлобленъ* даже до того, что сдѣлалъ было себя изгнанникомъ изъ обители, которая и существованіемъ, и всемъ тебѣ одному обязана. Итакъ и житіе твое тоже проповѣдуетъ намъ, что слово Апостольское: *яко многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе.*

Посмотримся, братія, въ два вѣрныя зеркала,—въ зеркало слова Божія, и въ зеркало житія Святыхъ,—такъ ли, какъ подобаетъ, идемъ мы къ царствію Божію.

Хвалимся въ скорбѣхъ (Рим. V. 3.), сказуетъ о себѣ Апостолъ. Отъ насъ, можетъ быть, еще рано сего требовать. Исполняется ли въ насъ хотя другое, меньшее слово Апостольское: *скорби терпяще,*

въ молитвѣ пребывающе (Рим. XII. 12.)? Скорби, которыми, по судьбамъ Божіимъ, посѣщаемся, пріемлемъ ли съ терпѣніемъ, и, когда изнемогаетъ терпѣніе, подкрѣпляемъ ли оное молитвою, чтобы не впасть въ нетерпѣніе или ропотъ? Не тяготимся ли напротивъ даже легкими и обыкновенными въ жизни скорбями, трудностію нѣкоторыхъ дѣлъ, неисполненіемъ нѣкоторыхъ желаній, лишеніемъ нѣкоторыхъ пріятностей жизни? — Малая скорбь оскорбительнаго слова не истощаетъ ли иногда всего терпѣнія нашего, такъ что вмѣсто пріобрѣтенія посредствомъ ея награды терпѣнія, мы мучимъ сами себя преувеличенною и вредною скорбію гнѣва и памятозлобія?

Апостолъ сказалъ Коринѳскимъ Христіанамъ: *нынѣ радуюся, не яко скорбни бысте, но яко оскорбистеся въ покаяніе, оскорбистеся бо по Бозѣ* (2 Кор. VII. 9). Скорбимъ ли и мы о грѣхахъ нашихъ, скорбію по Бозѣ, скорбію покаянія, такъ искренняго и глубокаго, чтобы о нашей скорби радовались Ангелы, какъ о залогѣ нашего исправленія и спасенія?

Кто не подвергаетъ себя добровольно очистительной работѣ внутренней скорби покаянія и самоукоренія, и внѣшнихъ скорбей не пріемлетъ съ терпѣніемъ и смиреніемъ: тотъ еще не на пути, который указываетъ Евангеліе къ царствію Божію. *Многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе.* Аминь.

20. СЛОВО

О МОЛИТВѢ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ЦЕРКОВНОЙ, ВЪ ДЕНЬ ПАМЯТИ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ.

Молитеся о насъ: уповаемъ бо, яко добру совѣсть имамы, во всѣхъ добрѣ хотяще жити (Евр. XIII. 18.). Пишетъ святый Апостолъ Павелъ ко Евреемъ, то есть, къ Христіанамъ изъ Евреевъ.

Молитеся о насъ: говоримъ иногда и мы людямъ, которыхъ почитаемъ сильными въ молитвѣ, или, по крайней мѣрѣ, упражняющимися въ ней съ примѣтнымъ вниманіемъ. И нынѣ, для чего множество людей собралось во храмѣ семъ, если не для того наипаче, чтобы сказать Преподобному Сергію, какъ могущественному молитвеннику: моли Бога о насъ?

Воспользуемся же словами Апостола, чтобъ извлечь изъ нихъ о взаимной молитвѣ нѣкоторыя мысли, для насъ полезныя.

Молится о насъ. Подумайте, кто это проситъ себѣ молитвы другихъ? — Павелъ, который нѣкогда, съ своимъ сотрудникомъ Силою, въ темницѣ Филиппійской, совершалъ молитвенное Богу славословіе, съ такою духовною силою, что *внезапу трусъ бысть велій, яко поколебатися основанію темничному, отверзошася же абіе двери вся, и всѣмъ узы ослабьша* (Дѣян. XVI. 25. 26.); — Павелъ, который объятіемъ сострадательной любви и молитвы воскресилъ Евтиха; — Павелъ, котораго молитвѣ даровалъ Богъ вдругъ двѣсти семдесятъ шесть душъ, сопутниковъ его въ плаваніи, готовыхъ погибнуть отъ кораблекрушенія; — Павелъ, котораго самъ Господь нарекъ *избраннымъ сосудомъ* благодати Своея, и который самъ о себѣ не обинулся исповѣдать. *вся мощу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ* (Фил. IV. 13.). И сей, вся могущій, проситъ себѣ помощи молитвенной; и отъ кого проситъ? — Не отъ какихъ либо избранныхъ, крѣпкихъ молитвенниковъ, но отъ всѣхъ Христіанъ-Евреевъ, безъ разбора, не исключая и послѣдняго мірянина. Что жъ такое дѣлаетъ святый Павелъ? Да, что онъ дѣлаетъ, то достойно глубокаго вниманія нашего, и, если будемъ внимательны, можетъ подать намъ немаловажныя наставленія.

Примѣръ Апостола долженъ вразумить насъ, Христіане, какъ настоятельна потребность взаимной другъ о другѣ молитвы, и наипаче общественной, когда и сей, толико крѣпкій подвижникъ духовный, признаетъ для себя нужду сей духовной помощи; какъ дерзко было бы опираться на

силу одной собственной молитвы, хотя бы кто въ ней уже имѣлъ нѣкоторые опыты, и достигъ нѣкоторыхъ успѣховъ, когда на собственную молитву не дерзаетъ положиться мужъ, облагодатствованный столь необыкновенно и чудесно; съ какимъ смиреніемъ и простотою надлежитъ намъ не отвергать, не пренебрегать молитвенной помощи немощнѣйшаго изъ вѣрующихъ, когда прозорливый духъ Павла не употребилъ въ семъ случаѣ разборчивости, которую трудно употребить безъ возношенія себя и безъ уничиженія ближняго, и которая была бы безъ цѣли, потому что *сила* Божія *въ немощехъ совершается*, слѣдственно можетъ иногда совершиться и въ немощнѣйшихъ, по видимому, молитвенникахъ.

Кстати замѣтимъ изъ примѣра святаго Павла, какъ вѣрно, даже до нынѣ, въ Церкви Божіей сохраняется тотъ же духъ и тотъ же чинъ, какой ученіемъ и примѣромъ ввели въ нее святые Апостолы. Въ каждомъ Богослуженіи слышите вы, какъ Церковь призываетъ всѣхъ вѣрующихъ, не исключая немощнѣйшаго и послѣдняго, молиться, какъ другъ за друга вообще и въ разныхъ отношеніяхъ, такъ въ особенности за тѣхъ, которые призваны въ преемственное Апостоламъ служеніе благодати.

Дабы, безъ трудныхъ разсужденій, ясно показать вамъ благотворное дѣйствіе молитвы другъ за друга, приведу примѣръ другаго Апостола. *Петра стрежаху въ темницѣ: молитва же бѣ прилѣжна бываемая отъ Церкве къ Богу о немъ. Егда же хотяше его извести Иродъ*, для суда, и, вѣроятно,

для убіенія, *въ нощи той бѣ Петръ спя между двѣма воиномa, связанъ желѣзномa ужемa двѣма, стражіе же предъ дверми стрежаху темницы.* Опасность крайняя; избавленіе кажется невозможнымъ; притомъ же самъ Петръ не молится о избавленіи: *бѣ Петръ спя.* Но какая нечаянность! *Се Ангелъ Господень предста.* Онъ разбудилъ Петра; оковы спали съ него сами собою; Ангелъ провелъ его сквозь запертыя двери, между стоящими при нихъ стражами, и оставилъ на свободѣ. Какимъ же образомъ Петръ не вымолилъ, а покоясь сномъ пріобрѣлъ себѣ избавленіе? Тѣмъ образомъ, что *молитва бѣ прилѣжна бываемая отъ Церкве къ Богу о немъ.* Она совершила избавленіе Петра безъ его усилія и безъ его вѣдома.

Мало свѣдущіе въ дѣлахъ духа могутъ спросить: почему посторонняго молитвеннаго содѣйствія, или даже полнаго дѣйствія, требуютъ и такіе люди, которые имѣютъ сами даръ молитвы, воздѣланный упражненіемъ, и приносящій даже чудесные плоды? Нѣкоторые, по недоумѣнію, въ простотѣ, могутъ сказать о Петрѣ или Павлѣ то, что нѣкогда Іудеи, въ ожесточеніи, въ укоризну говорили о Христѣ: *иныя спасе, себе ли не можешь спасти?* На сіе, для искренно вопрошающихъ, отвѣтствуемъ: Павелъ проситъ себѣ чужой молитвы, по смиренію; Петръ не спасаетъ себя изъ темницы, по отверженію своей воли, по преданности въ волю Провидѣнія Божія: между тѣмъ какъ того же Петра, и того же Павла, въ молитвѣ за другихъ гораздо болѣе свободными, и по вѣрѣ дерзновенными, дѣлаетъ человѣколюбіе

и состраданіе; и потому они подлинно иныя спасаютъ своей молитвою, и не стыдятся сами молитвою иныхъ быть спасаемы. Но для чего Богъ полагаетъ на избранныхъ Своихъ сей образъ духовной скудости и уничиженія, что они заимствуются пособіями молитвы отъ другихъ людей, менѣе облагодатствованныхъ? Для того же, чтобы лучше сберечь высоту ихъ достоинства въ глубинѣ ихъ смиренія. Или, пусть сіи люди сами изъяснятся о дивномъ въ нихъ смотрѣніи Божіемъ: *имамы* говорятъ, *сокровище сіе въ скудельныхъ сосудѣхъ, да премножество силы будетъ Божія, а не отъ насъ* (2 Кор. IV. 7.). Если бы Святые всегда были также чудесно могущественны для себя, какъ часто бываютъ для другихъ: то непроницательные люди удобно приписали бы имъ самимъ силу Божію, въ нихъ дѣйствующую; и слѣдственно похитили бы у Бога славу, Ему принадлежащую: но когда тѣ же люди въ одномъ случаѣ Богоподобны чудеснымъ могуществомъ, а въ другомъ подобострастны намъ общею человѣкамъ немощію; тогда и малопроницательные должны усмотрѣть, что тутъ является *премножество силы Божія, а не отъ насъ.*

Возвратимся къ словамъ Апостола, которыя мы взяли въ руководство настоящему размышленію *Молитеся о насъ: упосаемъ бо, яко добру совѣсть имамы, во всѣхъ добрѣ хотяще жити.* Не просто требуетъ онъ молитвъ о себѣ, но представляетъ нѣчто такое, по чему бы его требованіе признали справедливымъ, и не отказали въ требуемомъ: *упосаемъ бо, яко добру совѣсть имамы, во всѣхъ*

добрѣ хотящее жити. Въ сихъ словахъ можно видѣть слѣдующее размышленіе Апостола: если бы я признавалъ въ себѣ совѣсть недобрую, неочищенную отъ грѣховъ, по возможности человѣческой и по благодати Божіей; если бы не имѣлъ искренняго намѣренія вести добрую жизнь во всѣхъ отношеніяхъ: то не отважился бы просить себѣ отъ Церкви молитвенной помощи, которой нечистая совѣсть недостойна, и которая злому намѣренію споспѣшествовать не можетъ: но поелику, испытуя сердце свое предъ Богомъ, не нахожу, чтобы совѣсть обличила меня въ дѣлахъ, завѣдомо и по намѣренію злыхъ; а напротивъ того стараюсь во всѣхъ случаяхъ имѣть намѣренія Богу угодныя, ближнимъ полезныя, собственной душѣ моей спасительныя; то съ несмущеннымъ дерзновеніемъ прибѣгаю къ духу благодати и щедротъ, дышущему въ Церкви, испытующему сердца, и дающему всѣмъ по сердцу каждаго. И такъ, вотъ еще наставленіе, которое мы должны для себя извлечь изъ примѣра Апостола: кто желаетъ воспользоваться споспѣшествующею молитвою ближнихъ и всея Церкви; тотъ долженъ прилѣжно испытать свою совѣсть, отвергнуть всякое намѣреніе грѣховное, всякое хотѣніе нечистое, стараться нелицемѣрно, во всякомъ случаѣ, содѣлать такую долю добра и правды, какая возможна ему, по дару Божію естественному, и по предварительной благодати; и потомъ уже съ упованіемъ просить достойнѣйшей помощи духовной и благодатной отъ душъ, искренно молящихся.

Таковы суть, братія, законы общественнаго духа

молитвы; таковъ порядокъ его дѣйствованія. Кто не подчинятся симъ законамъ; кто не обращаетъ вниманія на сей порядокъ: тотъ напрасно вздумаетъ жаловаться на скудость плодовъ общественной и взаимной молитвы; онъ долженъ жаловаться на самого себя, на свое неразуміе, или, поелику для простаго добролюбиваго невѣдѣнія есть простыя внушенія духа и тайная помощь благодати, еще справедливѣе долженъ жаловаться на свое произвольное нерадѣніе или невѣрность.

Церковь непрестанно призываетъ насъ къ молитвѣ взаимности, то въ особенности за начальствующихъ и служащихъ Церкви, то за братій нашихъ, разнообразно бѣдствующихъ, то за всѣхъ единовѣрныхъ вообще. Учрежденный ликъ, то и дѣло, воніетъ за насъ ко Господу о помиловании насъ, и подаяніи намъ благодати. Что же ты предстоящій? Воніешь ли также въ сіе время въ сердцѣ твоемъ? Чувствуешь ли важность сего общенія, чтобы присоединить твой малый молитвенный гласъ къ великому молитвенному согласію Церкви? Помышляешь ли о твоей частной молитвѣ смиренно и униженно, а о соединенной молитвѣ Церкви — благоговѣйно и благонадежно? Или только слушаешь пробѣгающія слова чтеца, какъ шумъ вѣтра, и гласъ пѣвца, какъ звукъ свирѣли, и, между одушевленными духомъ молитвы, стоишь празденъ, холоденъ, безчувственъ? Если, по несчастію, такъ: то очувствуйся, полумертвая душа, возбуди сердце твое, воззови ко Господу изъ глубины твоей внутренней, да возможешь рѣяніемъ твоимъ кос-

путься глубинъ Духа Божія, исполняющаго Церковь Божію, и привлещи себѣ начатокъ духа благодати и щедротъ, въ обновленіе и благоуправленіе твоея жизни.

Иные, по видимому, обращаются къ молитвамъ Церкви, призываютъ молитвы Святыхъ, просятъ молитвъ отъ нѣкоторыхъ ближнихъ: но между тѣмъ не довольно обращаются къ своей совѣсти, не довольно вниманія обращаютъ на свою жизнь, не воспріемлютъ добрыхъ намѣреній, или, воспріявъ, не сохраняютъ. Говорятъ Святому: молися о насъ, а сами беззаботно стоятъ на пути грѣшныхъ. Подумали ль вы, чего требуете? Не ужели духъ молитвы для того данъ Церкви, чтобы онъ, какъ вихрь, могъ схватить некающагося грѣшника, и бросить въ рай? Какая въ семъ случаѣ была бъ правда у Бога? И что было бы съ самымъ раемъ, когда бы его наполнили неочищенные покаяніемъ и неисправленные въ житіи грѣшники? — Блаженное мѣсто не можетъ сдѣлать блаженнымъ грѣшника; но грѣшникъ и блаженное мѣсто оскверняетъ собою и повреждаетъ, какъ именно съ симъ блаженнымъ нѣкогда міромъ случилось чрезъ грѣхъ Адама. Нѣтъ! — Благодатный духъ молитвы дарованъ отъ Бога для помощи грѣшникамъ, восчувствовавшимъ и возненавидѣвшимъ свою грѣховность, рѣшительно возжелавшимъ очищенія и совершеннаго исправленія, у которыхъ не достаетъ только силы дѣлать добро, а не добраго намѣренія.

Желаю, братія, чтобы какъ можно менѣе нашлось между нами такихъ, для которыхъ въ настоящемъ

размышленіи нашемъ найдется обличеніе. — Кто же найдетъ здѣсь для себя обличеніе: тотъ да не гнѣвается на обличающаго по долгу, но да пріиметъ доброжелательное напоминаніе, и употребитъ оное къ своему исправленію, которое да подастся всѣмъ намъ благодатію Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, молитвами Преподобнаго Отца нашего Сергія и всѣхъ Святыхъ. Аминь.

21 СЛОВО.

ВЪ ДЕНЬ ПАМЯТИ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ.

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ. Евр. XIII. 7.

Вотъ заповѣдь Апостольская. Кажется, не забыта она у насъ, и не оставлена безъ исполненія. Ибо что значитъ настоящій день, и настоящее собраніе, какъ не то, что **мы наставника нашего**, Преподобнаго Сергія, *поминаемъ* **памятію торжественною**? Благоговѣйно *взираемъ на скончаніе жительства* его, когда празднуемъ дни, скончанія его жительства, и его по скончаніи вновь явленія между живущими, въ его нетлѣнныхъ и чудодѣйственныхъ останкахъ.

Можемъ ли, къ довершенію сего, похвалиться и тѣмъ, что *подражаемъ вѣрѣ* наставниковъ нашихъ, *иже глаголаша намъ слово Божіе?* О если бы! Но и Апостолъ не всѣмъ Христіанамъ Апостольскимъ приписывалъ сію похвалу. Высокое свидѣтельство

далъ онъ вѣрѣ Христіанъ Филиппійскихъ, когда написалъ имъ: *вамъ даровася, еже о Христѣ, не токмо еже въ Него вѣровати, но и еже по Немъ страдати* (Фил. I. 29.). А когда писалъ къ Христіанамъ Евреямъ: тогда нашелъ нужнымъ о томъ же предметѣ еще заповѣдывать и учить. *Подражайте,* говоритъ, *вѣрѣ ихъ.*

Признаемъ и мы, братія, что имѣемъ, не столько права на похвалу вѣры нашей, сколько нужды въ обученіи подражать вѣрѣ Святыхъ.

Подражаніе есть одно изъ самыхъ употребительныхъ орудій для образованія и направленія жизни и дѣятельности, во всѣхъ видахъ. Это есть средство не менѣе дѣйствующее, какъ слово ученія, иногда еще болѣе, а иногда почти единственное. Подражаніе старѣе слова ученія, и самое слово раскрывается и образуется посредствомъ подражанія. Можетъ ли мать искуственно истолковать младенцу, какими движеніями языка и устъ, какимъ направленіемъ дыханія долженъ онъ производить различные звуки, чтобы произносить слова? — Но дитя слышитъ слова, произносимыя матерью; и, раскрывающеюся жизнію побуждаясь къ дѣйствованію, однако не самоизобрѣтаемому и самоуправляемому, къ которому еще не способно, получаетъ направленіе дѣлать тоже, что мать, однимъ словомъ, подражаетъ ей, между прочимъ и въ произношеніи словесныхъ звуковъ, и, послѣ возобновляемыхъ покушеній и опытовъ, одинъ болѣе другаго удачныхъ,— дитя умѣетъ говорить.

Такова сила подражанія, всажденная въ самой природѣ человѣка. Съ возрастомъ, ее ограничиваютъ и подчиняютъ себѣ другія открывающіяся способности и возрастающія силы: свободная воля, ученіе, размышленіе, изобрѣтательность. Но все еще значительною остается сила подражанія, во-первыхъ, потому, что ранѣе другихъ раскрываясь, и объемля многіе предметы, она поддерживается и привычкою, и необходимостію; во-вторыхъ, потому, что къ возвышенному ученію, къ умственному изслѣдованію, къ изобрѣтенію, не многіе имѣютъ достаточныя дарованія, а подражать способенъ весь родъ человѣческій; въ-третьихъ, потому, что умственное изслѣдованіе слѣдитъ свой предметъ въ призрачной области воображенія и памяти, въ неокончательныхъ чертахъ общихъ понятій, а подражаніе смотритъ на предметъ существующій въ природѣ, въ опредѣленныхъ и оконченныхъ чергахъ дѣйствительности; и потому первое, переводя свои созерцанія въ дѣйствительность, не рѣдко затрудняется и запутывается, а послѣднее легче и надежнѣе дѣлаетъ то, что видитъ уже сдѣланнымъ.

Отсюда можно усматривать, какъ важно для жизни, чему, и какъ человѣкъ подражаетъ. Если бы онъ рѣшился не подражать ничему, а все изобрѣтать самъ, и дѣлать по своему изобрѣтенію: то въ какое бѣдственное состояніе поставилъ бы онъ себя, и какъ трудно было бы ему оттуда выйти! На примѣръ, скорѣе умеръ бы онъ отъ голода, нежели въ безчисленномъ разнообразіи царства растеній открылъ бы пшеницу или рожь, и устроилъ многослож-

ное искусство воздѣлать ее, собрать, отдѣлить, превратить въ муку, и наконецъ въ хлѣбъ. Если съ своею подражательностію попадаетъ онъ на недостойные и ложные образцы: то естественно дѣлается худымъ спискомъ съ худаго подлинника, и нерѣдко на долго. Кто въ малолѣтствѣ по худому образцу образовалъ свою способность писать буквы: тотъ обыкновенно во всю жизнь худо пишетъ. Бываетъ и хорошему образцу худое подражаніе, когда подражаніе не внимательно, не разсудительно, не постоянно. Если же избираемъ себѣ образцы дѣятельности достойные по предмету, совершенные или хотя приближающіеся къ совершенству по образу и степени дѣйствія; и если слѣдимъ ихъ внимательно, разсудительно, постоянно: то и мы на пути къ совершенству, открытомъ и вѣрномъ.

Но размышленія о вліяніи подражанія на естественную жизнь и ея дѣйствія не суть ли посторонія для ученія о подражаніи Святымъ въ жизни духовной? - Разсуждайте. Если уста младенца не иначе, какъ подражаніемъ образуются, чтобы нарещи отца и мать: думаете ли вы, что гораздо легче, безъ образца, безъ подражанія, какъ нибудь, научится сердце ваше, не движеніемъ воздуха производить словесные звуки, но движеніемъ Духа Святаго въ вѣрѣ, нарицать и призывать Господа Іисуса, взывать изъ глубины своей къ Отцу небесному: *Авва Отче?* Если безъ помощи подражанія вы затруднились бы приготовить и здравоносно употребить земный хлѣбъ для поддержанія тѣлесной жизни: думаете ли, что безъ подобнаго пособія не трудно

вамъ обрѣсти и спасительно вкушать устами вѣры хлѣбъ небесный, который даетъ новую жизнь душѣ, который, правда, сходитъ съ небесе безъ нашего искусства и труда, но котораго вкушеніе необычайно и недовѣдомо земной природѣ, и который знающіе не всѣ вкушаютъ въ жизнь вѣчную, но нѣкоторые въ судъ себѣ? Если только постояннымъ подражаніемъ образцу научились вы писать мертвыя буквы на тлѣнной бумагѣ. думаете ли, что гораздо простѣе, безъ образца, безъ подражанія, наудачу, напишете имя ваше въ нетлѣнной книгѣ жизни, письменами живыми, то есть, дѣлами живой вѣры? —

Впрочемъ перестанемъ, если угодно, любомудрствовать по нашимъ соображеніямъ и догадкамъ. *Имамы извѣстнѣйшее пророческое* и Апостольское *слово*. Что говоритъ оно? — *Бывайте подражатели Богу*, гласитъ оно устами Святаго Павла. И Само Ѵпостасное воплощенное Слово глаголетъ: *будите вы совершени, яко же Отецъ вашъ небесный совершенъ есть.* **А какъ можетъ сіе сдѣлаться? — Безъ сомнѣнія, посредствомъ подражанія.**

Или безмѣрная высокость сего образца, предлагаемаго вамъ для подражанія, приводитъ васъ въ недоумѣніе и въ безнадежность о успѣхѣ? —Напрасно. Подражаніе не требуетъ равенства съ первообразомъ. Вы можете снять съ онаго только нѣкоторыя черты для васъ благопотребныя и доступныя, одну часть необъятной картины въ уменьшенномъ размѣрѣ: и при семъ подражаніе можетъ имѣть свою пользу, достоинство и даже совершенство. Отецъ

небесный *солнце Свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя* (Матѳ. V. 45.). Вотъ первообразъ представленный вамъ, дабы вы могли снять съ него подобіе для себя. Конечно, ты не можешь засвѣтить другое солнце для того же или для другаго міра: но ты можешь засвѣтить свѣтъ спасительной истины въ умѣ невѣдущаго, зажечь искру любви къ добру въ сердцѣ жестокомъ, или иначе испорченномъ: и вотъ, ты подражатель Богу, не только Сіяющему солнцемъ на видимый міръ, но и просвѣщающему души свѣтомъ духовнымъ. Не дано тебѣ свести съ неба дождь, и оросить поля праведныхъ и неправедныхъ: но ты можешь оросить слезою сострадательной любви изсохшее отъ скорби сердце невиннаго страдальца, или жегомое раскаяніемъ сердце грѣшника: и вотъ, ты подражатель Богу, Который дождитъ на праведныя и на неправедныя. Ты не въ силахъ, какъ Богъ, облаготворить всѣхъ добрыхъ и злыхъ, праведныхъ и не праведныхъ: но хотя одному, котораго ты знаешь недобрымъ для тебя, сдѣлай возможное для тебя добро, съ искренностію, съ усердіемъ, съ самопожертвованіемъ: и одно такое дѣло уже дѣлаетъ тебя подражателемъ Отцу небесному, Иже *солнце Свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя.*

Но, дабы высоту образца Божественнаго сдѣлать очевиднѣе доступною для ревности подражанія, посмотрите, что еще умышляетъ искусный и снисходительный наставникъ спасительнаго подражанія, Святый Павелъ. Какъ-бы лѣствицу восхожденія по-

ставляетъ онъ для насъ, говоря: *подобни мнѣ бывайте, яко же азъ Христу.* Теперь уже не на превыспреннее, невидимое, непостижимое небо зоветъ онъ васъ искать образца для подражанія, но низводитъ его для васъ на землю, и показуетъ во Христѣ, истинномъ Богѣ, но купно истинномъ человѣкѣ, принявшемъ на Себя естество наше, даже немощи наша, кромѣ грѣха. Если и сіе не воздвигаетъ нашу низость къ высотѣ: руководитель сходитъ ниже, и еще ближе полагаетъ для насъ въ степень восхожденія самого себя: *подобни мнѣ бывайте.* Мнѣ, говоритъ, подобострастному вамъ человѣку,—мнѣ, бывшему нѣкогда хульнику и гонителю вѣры,—мнѣ безъ труда можете подражать и грѣшники, *отъ нихже первый есмь азъ.*

Если бы кто на сіе возразилъ, что черты жизни Апостольской неудобоприимѣнимы къ состоянію его души, къ обстоятельствамъ его жизни: разрѣшаетъ Апостолъ и сіе, когда заповѣди подражанія даетъ большее пространство: *поминайте наставники ваша, — подражайте вѣрѣ ихъ.* Во множествѣ благихъ примѣровъ, подаваемыхъ истинными наставниками, безъ сомнѣнія, откроются достоподражательныя черты, для меня, для тебя, для каждаго, по особенному состоянію души, по особеннымъ обстоятельствамъ жизни.

Заповѣдуя особенно *взирать на скончаніе жительства* наставниковъ, Апостолъ, кажется, особенно имѣлъ въ мысляхъ примѣры мученической твердости въ вѣрѣ, такъ какъ имѣлъ особенную

потребность указывать оные, для утвержденія вѣрующихъ въ бѣдственныя времена Церкви. Но если заповѣдь Апостольская должна обнять всѣ времена Церкви, и потребности всѣхъ и каждаго вѣрующаго: то должна имѣть и сіе всеобщее значеніе: подражайте вѣрѣ и жизни Святыхъ. И подлинно, для чего и осіялъ Господь небо церковное толикимъ множествомъ прославленныхъ Святыхъ, подобно какъ небо стихійное множествомъ звѣздъ, — для чего иначе, если не для того, чтобы каждый изъ насъ удобно могъ, по своей потребности, принимать отъ нихъ свѣтъ и управленіе своего пути на небо?

Предлежитъ ли кому подвигъ охраненія Святыя Вѣры отъ неправославія? — Да ищетъ таковый себѣ образца и руководства въ жизни и словѣ такихъ наставниковъ, какъ Великіе Аѳанасій и Василій, Григорій Богословъ и Златоустъ.

Избралъ ли кто себѣ путь жизни уединенной и особенно посвященной Богу и молитвѣ? — Да проходитъ мысленно, по книгамъ и преданіямъ, духовныя пустынножительства и общежительства, и да назираетъ, хотя издалека, слѣды также Великихъ въ своемъ родѣ подвижниковъ, каковы Антоній, Макарій, Пахомій, Ефремъ, и многіе изъ вѣка въ вѣкъ стопамъ ихъ послѣдовавшіе, и столь еще близкій къ намъ, по благости Божіей, Сергій.

Поставляетъ ли кого Провидѣніе Божіе въ испытаніе вѣры лишеніями и бѣдствіями? — Да утверждаетъ себя таковый примѣромъ Іова, который и въ лишеніяхъ, и въ страданіяхъ, не переставалъ благословлять имя Господне.

Озабоченъ ли кто, какъ бы жить достойно вѣры въ богатствѣ и обиліи? — Да взираетъ на жизнь Авраама кроткаго, уступчиваго, благодѣтельнаго, избавителя бѣдствующихъ, страннолюбца, странноприявшаго Ангеловъ и Бога.

Если кто и глубоко низринулся въ дѣла страстей и пороковъ: покажутъ и ему надежду и способъ возникновенія изъ пропасти спасшійся на крестѣ разбойникъ, подобный ему Моисей Мурин, Марія Египетская, и многіе послѣ погибели спасенные, послѣ глубокаго развращенія святые.

Мнѣ бы не кончить слова, если бы исчислять примѣры Святыхъ, разнообразно назидательные и спасительные. Сгарайтесь, братія, узнавать и замѣчать особенно тѣ изъ нихъ, которые ближе къ состоянію вашей души, къ обстоятельствамъ вашей жизни. Внимая имъ, вы получите сугубый плодъ: и удостовѣрительное познаніе спасительнаго для васъ пути, и сильную помощь къ прохожденію его, молитвами Святыхъ, къ которымъ приближитесь подражаніемъ и вашею молитвою.

Братія! Подражательность такъ сродна человѣку, что безъ нея не живетъ никто изъ насъ. Разность въ предметахъ и въ ревности подражанія. — Кто предписываетъ законы суеты, роскоши, своекорыстія, самочестія? — Никто. Какъ же усиливаются и распространяются суета, роскошь, своекорыстіе, самочестіе? — всего болѣе посредствомъ безразсуднаго подражанія. Какую же силу должно имѣть подражаніе, когда обращается на предметы законные и благословенные? —

Да помышляемъ, братія, что *добро ревновати въ добромъ* (Гал. IV. 18.); и что какъ возвышенный образецъ возвышаетъ подражателя, такъ низкій унижаетъ. И потому да отвращаемъ очи отъ суеты міра; да взираемъ внимательно на жизнь Святыхъ: да подражаемъ ихъ вѣрѣ непорочной, твердой, живой, дѣйствующей въ подвигахъ, въ любви, въ твореніи добра, да наслѣдимъ и мы *достояніе Святыхъ въ свѣтѣ*, и съ ними вѣчно славимъ Отца, и Сына и Святаго Духа. Аминь.

22. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СОБОРА СВЯТАГО АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА, ГОВОРЕННОЕ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ КАѲЕДРАЛЬНОМЪ СОБОРѢ, 1821 ГОДА.

Не вси ли суть служебніи дуси, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе? Евр. I. 14.

Торжественно собрался нынѣ соборъ земный, воздать честь Собору небесному; собрался, соборъ человѣковъ, воспѣть хвалы Собору Ангеловъ. Для чего? *Не всѣ ли они*, говоритъ Апостолъ, изъясняя высокое превосходство Сына Божія предъ Ангелами, не всѣ ли они *суть служебные духи?* Для чего же Церковь, которая часто изъявляетъ желаніе вмѣстѣ съ Ангелами служить Богу, и славословить Его благость, теперь, такъ сказать, остается позади ихъ, и совершаетъ родъ служенія въ честь ихъ самихъ? Сіе тѣмъ болѣе требуетъ изслѣдованія, что и древній законъ, *вчинепный Анге-*

лами (Гал. III. 19.), не представляетъ никакого торжественнаго установленія въ честь Ангеловъ.

Самое обыкновенное основаніе священныхъ установленій, — говоря сіе, мы не колеблемъ другихъ основаній, глубокихъ и таинственныхъ, — самое, говорю, обыкновенное основаніе церковныхъ установленій есть благочестивое напоминаніе. *Помни день субботный* (Исх. XX. 9.), говоритъ заповѣдь. *Будетъ вамъ день сей въ память* (Исх. XIV. 14.), говоритъ законъ Пасхи. *Сіе творите въ Мое воспоминаніе* (Лук. XXII. 19.), говоритъ Самъ Іисусъ Христосъ, установляя таинство Тѣла и Крови Своей. На семъ основаніи древній законъ не могъ основать особеннаго церковнаго установленія въ честь Святыхъ Ангеловъ въ такія времена, когда человѣки наклонны были воздавать служебнымъ силамъ честь Божескую, и когда всего болѣе нужно было напоминать о подобающемъ служеніи единому Богу. Нынѣ, подъ закономъ Христовымъ, совсѣмъ иныя времена. Единство Божіе какъ солнце, озаряетъ умы: но какъ звѣзды непримѣтны при солнцѣ, такъ при занятіи любомудрствующаго ума одною великою мыслію о Свѣтѣ несотворенномъ, нѣкоторые уже не примѣчаютъ свѣтовъ сотворенныхъ, малыхъ конечно предъ Онымъ, впрочемъ чистыхъ и благодѣтельныхъ, — не примѣчаютъ *служебныхъ духовъ, посылаемыхъ* отъ Бога *въ служеніе для тѣхъ, которые должны наслѣдовать спасеніе*; а не примѣчая ихъ, устраняются отъ ихъ благодѣтельнаго сообщества и помощи. Для такихъ временъ прозорливо и премудро установила Церковь торжествовать въ честь Собора небесныхъ

Силъ, дабы мы немощные земнородные получали назидательное напоминаніе о сихъ споспѣшникахъ нашего спасенія.

Удивительно, что забвеніе о небесныхъ Силахъ въ нѣкоторыхъ изъ Христіанъ простирается до того, что сомнѣваются даже о существованіи невидимаго міра. Если бы не имѣли мы о семъ свидѣтельства въ книгѣ Откровенія: мы могли бы найти оное въ книгѣ природы. На всемъ видимомъ написано свидѣтельство о невидимомъ. Апостолъ Павелъ говоритъ, что *невидимое Божіе, Его присносущная сила и Божество, отъ созданія міра, чрезъ разсматриваніе тварей, есть видимо* (Рим. 1. 20.): но какъ не все видимое можетъ отнесено быть непосредственно къ невидимой силѣ Божіей; то, на основаніи Апостольскаго изреченія, можно видѣть міръ невидимый, сквозь міръ преходящихъ образовъ — міръ потоянныхъ силъ, посредствомъ которыхъ вседѣтельная сила Божія держитъ, *носитъ* (Евр. I. 3.), **движетъ, управляетъ и сохраняетъ все видимое. Посмотрите на дерево или траву: то, что вы видите, можетъ только увянуть, засохнуть и разрушиться**; а то, что производитъ зелень, ростъ, цвѣтъ и плодъ, не есть ли невидимое? Оглянитесь на самихъ себя: то, что въ васъ чувствуетъ, желаетъ, мыслитъ, не есть ли невидимое? Примѣтьте подобную лѣствицѣ постепенность тварей, которыя потолику совершеннѣе одна другой, поколику болѣе открывается въ нихъ дѣйствіе невидимаго; начните отъ земли и камня, въ которыхъ невидимое совершенно погребено; взойдите по

лѣствицѣ видимыхъ тварей до человѣка, въ которомъ невидимое можетъ уже господствовать: не естественно ли надъ сею степенью предполагать твари, въ которыхъ видимое совершенно поглощено, — существа, чисто невидимыя, духовныя?

Правда, въ нынѣшнемъ омраченномъ состояніи человѣка и міра, сквозь письмена видимыхъ вещей тускло мелькаетъ свѣтъ міра невидимаго. Но за то въ книгѣ Откровенія очищенное вѣрою око ясно усматриваетъ не только существованіе міра невидимаго, но и его близость, и тѣсный союзъ его съ видимымъ. Тамъ Херувимъ стережетъ путь древа жизни (Быт. III. 24.); здѣсь Ангелъ утѣшаетъ отчаянную Агарь (Быт. XVI. 7—12.); въ другомъ мѣстѣ Ангелы вмѣстѣ съ Господомъ гостятъ у Авраама (Быт. XVIII.); Ангелы спасаютъ Лота изъ погибающаго Содома (Быт. XIX.); Ангелъ сохранятъ жизнь умирающему отъ жажды Измаилу (Быт. XXI. 17—19.); Ангелъ,—и, можетъ быть, болѣе, нежели Ангелъ по существу, однако же Ангелъ по явленію и по наименованію въ священномъ бытописаніи,— удерживаетъ руку Авраама, вознесенную на закланіе Исаака, и осыпаетъ его благословеніями (Быт. XXII. 15. 17.); Ангела обѣщаетъ Авраамъ въ руководство рабу своему (Быт. XXIV. 7.), и сей рабъ дивно руководствуется въ обрѣтеніи Ревекки. Іаковъ, то спящій во множествѣ видитъ Ангеловъ, по лѣствицѣ восходящихъ на небо, и нисходящихъ на землю (Быт. XXVIII. 12.), то бдящій встрѣчается съ полками Ангеловъ (Быт. XXXII. 1.). Ангелъ является Моисею въ горящей купинѣ

(Исх. III. 2.), для приготовленія его къ изведенію Израильтянъ изъ Египта. Ангелъ въ столпѣ огненномъ и облачномъ предшествуетъ Израильтянамъ изъ Египта, заграждаетъ ихъ отъ преслѣдующихъ Египтянъ (Исх. XIV. 19.), сопровождаетъ чрезъ Чермное море, и сорокъ лѣтъ непрерывно странствуетъ съ ними по пустынѣ. Подъ *распоряженіемъ Ангеловъ пріемлютъ* (Дѣян. VII. 53.) Израильтяне законъ Моисеевъ. *Архистратигъ силы Господни* является Іисусу Навину (Іис. Нав. V. 14.), и распоряжаетъ чудесное завоеваніе Іерихона. Ангелъ, вмѣсто Пророка, проповѣдуетъ Израильтянамъ, и плачущій отъ его проповѣди народъ ознаменовываетъ мѣсто сего явленія именемъ *Плача* (Суд. II. 1—6.), Ангелъ призываетъ Гедеона къ избавленію Израильтянъ отъ порабощенія (Суд. VI. 11); Ангелъ двукратно посѣщаетъ родителей Самсона, предсказываетъ необыкновенное рожденіе, и научаетъ воздержаніемъ матери охранять плодъ чрева (Суд. XIII.). Ангелъ поражаетъ Іерусалимлянъ за тщеславіе Давида (2 Цар. XXIV. 16.), и Ассиріанъ за гордость Сеннахирима (4 Цар. XIX. 35.). Пророкъ Илія неоднократно въ дѣйствіяхъ своихъ руководствуется Ангеломъ (3 Цар. XIX. 5. 4 Цар. I. 15.); Елисей показываетъ отроку своему сонмъ Ангеловъ, подобный охранительному воинству (4 Цар. VI. 17.). Исаія видитъ Серафимовъ окружающихъ престолъ Господень, и отъ одного изъ нихъ пріемлетъ огненное очищеніе (Иса. VI.); Іезекіиль среди отверстыхъ небесъ созерцаетъ четыре Богоносныя животныя и одуше-

вленныя колеса (Iез. I.); Даніилъ зритъ *тысящи тысящь служащихъ* Ветхому деньми, *и тмы темъ предстоящихъ Ему* (Дан. VII. 10.); иногда встрѣчаетъ онъ Ангела хранителя и, можетъ быть, болѣе нежели Ангела, въ разжженной пещи (Дан. III. 92); иногда во рвѣ львиномъ (Дан. VI. 22.); иногда Гавріилъ *паритъ* надъ нимъ, и *прикасается* къ нему, и изъясняетъ ему видѣнія (Дан. IX. 21.); иногда въ откровеніяхъ своихъ онъ слышитъ о *Михаилѣ, единомъ отъ первыхъ старѣйшинъ* небесныхъ, и *Князѣ* народа своего (Дан. X. 13. 21). Захарія, кромѣ того, что видитъ и слышитъ Ангеловъ, многократно *въ себѣ* ощущаетъ *Ангела глаголющаго* (Зах. I. 14.). О Господи силъ! Какіе воистинну Соборы небесныхъ Силъ собираешь Ты для земнородныхъ! Какъ дивно *ополчаешь Ангеловъ Твоихъ окрестъ боящихся Тебѣ* (Пс. XXXIII. 8.)! Какимъ содружествомъ, какимъ единствомъ сопрягаешь духи Ангельскіе и человѣческіе!

Можетъ быть, нѣкоторые думаютъ, что Ангеламъ покорены были только ветхозавѣтныя времена тѣней и гаданій, подобно тому, какъ видимыя звѣзды поставлены для обладанія нощію. Посмотримъ. Откроемъ Новый Завѣтъ. Се восходитъ Солнце духовъ; является Царь откровеній, Іисусъ Христосъ. Что же? Должны ли исчезнуть звѣзды? Должны ли удалиться служебные духи Свѣта? Или присутствіе солнца не уничтожитъ звѣздъ, а только сдѣлаетъ ихъ менѣе примѣтными? Или и въ присутствіи Царя, царственные служители будутъ учреждать и облегчать доступъ къ Нему? Но почто

вопрошать о семъ? Самъ Царь провозглашаетъ, чему быть надлежитъ: *отселѣ узрите небо отверсто, и Ангелы Божія восходяща и нисходяща къ Сыну человѣческому* (Іоан. I. 51.): и дѣйствительно, мы видимъ Ангела, возвѣщающаго неплодное зачатіе Предтечи (*Лук.* I. 11.) и безсѣменное зачатіе Спасителя (*Лук.* I. 26.), цѣлое воинство Ангеловъ, воспѣвающихъ славу рождества Спасителева (*Лук.* II. 13.), Ангела разрѣшающаго недоумѣніе Іосифа (Матѳ I. 20.) и устрояющаго безопасность Младенца Іисуса отъ ищущихъ души Его (Матѳ II. 13.), Ангеловъ служащихъ Іисусу по искушеніи Его въ пустынѣ (Матѳ. IV. 11.), Ангеловъ усвоенныхъ каждому младенцу, *выну видящихъ Отца небеснаго* (Матѳ. XVIII. 10.), болѣе двѣнадцати легіоновъ Ангеловъ, готовыхъ ополчиться за Іисуса противъ Іудеевъ (Матѳ. XXVI. 53.), Ангела явившагося для укрѣпленія Его въ Геѳсиманскомъ подвигѣ (Лук. XXII. 43.), Ангеловъ, отверзающихъ гробъ Его (Матѳ. XXVIII. 2), возвѣщающихъ Его воскресеніе (Іоан. XX. 12.), Ангеловъ, сопровождающихъ Его вознесеніе и возвѣщающихъ Его паки пришествіе (Дѣян I. 10. 11.), Ангеловъ разрѣшающихъ узы (Дѣян. XII. 7.), и отверзающихъ темницы для Апостоловъ (Дѣян. V. 19); наконецъ Ангела только еще возникающему отъ тьмы язычества Корнилію явившагося для того, чтобы указать ему входъ въ Церковь Христіанскую (Дѣян. X. 3–6.).

Христіане! Іисусъ Хрістосъ, по изреченію Іоанна Богослова, есть *Святый, истинный, имѣяй*

ключь Давидовъ, отверзаяй, и никтоже затворитъ (Апок. III. 7.). И такъ, если Онъ отверзъ небо: кто же смѣетъ затворить его? Или кто смѣетъ сказать, что теперь уже не время видѣть Ангеловъ Божіихъ, восходящихъ и нисходящихъ по волѣ Сына человѣческаго? *Не вси ли суть служебніи дуси, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе?* Кто же и нынѣ можетъ утверждать, что они уже безъ дѣла, и мы безъ помощи?

Но чѣмъ несомнѣннѣе удостовѣряемся мы о близости къ намъ святыхъ Ангеловъ и о ихъ готовности на помощь намъ: тѣмъ съ большею заботливостію мы должны помыслить о томъ, отъ чего въ наши дни такъ мало слышатъ о сей помощи, а еще менѣе вѣрятъ слышанному о томъ. Или нѣтъ при насъ Ангеловъ; или мы не примѣчаемъ ихъ; или удаляемъ отъ себя. Что ихъ нѣтъ, то не правда, какъ мы видѣли. Слѣдственно правда то, что мы или не примѣчаемъ ихъ, или даже удаляемъ отъ себя.

Какъ въ видимыхъ своихъ явленіяхъ, святые Ангелы нерѣдко принимаемы были человѣками за подобныхъ человѣковъ: такъ легко случиться можетъ, что и невидимыя ихъ дѣйствія человѣкъ приметъ за собственныя человѣческія, или обыкновенныя естественныя дѣйствія. Не случается ли, на примѣръ, что среди недоумѣнія, или нѣкоего бездѣйствія ума, вдругъ, какъ молнія, просіяваетъ чистая, святая и спасительная мысль; что въ обуреваемомъ или хладномъ сердцѣ, мгновенно водворяется ти-

нина, или возгарается небесный пламень любви къ Богу? Если всякое явленіе по роду своему свидѣтельствуетъ о присутствіи дѣйствующей силы: то сіи внутреннія явленія души нашей не свидѣтельствуютъ ли о присутствіи небесныхъ Силъ, по человѣколюбію бросающихъ лучи свои въ нашъ умъ и искры въ наше сердце? Не суть ли это дѣйствія Ангеловъ, по изреченію Пророка Захаріи, *глаголющихъ въ насъ!* Какъ достойно сожалѣнія, если мы не примѣчаемъ сей Ангельской помощи! Ибо не примѣчая, не пріемлемъ ея, какъ должно, и не пользуемся ею; не пользуясь, остаемся неблагодарными и виновными, не приготовляемъ себя къ другимъ подобнымъ посѣщеніямъ, и такимъ образомъ даже удаляемъ отъ себя хранителей нашихъ.

Если мы человѣки удаляемся отъ человѣковъ, которыхъ расположенія противны нашимъ расположеніямъ, если наставникъ наконецъ отрекается отъ ученика, не внемлющаго наставленіямъ, или пѣстунъ отъ воспитанника, отвергающаго руководство; если самый отецъ удаляетъ отъ себя непокориваго сына: то какъ не удалиться наконецъ отъ насъ святымъ Ангеламъ, когда мы не слѣдуемъ ихъ спасительнымъ внушеніямъ, и оставляемъ безплодными для насъ ихъ служеніе? Какъ не удалиться отъ насъ небеснымъ Силамъ, когда мы предаемся токмо земному? Какъ не удалиться чистымъ духамъ, когда мы живемъ въ нечистотахъ плоти? Какъ не удалиться Ангеламъ Божіимъ, когда мы непрестанно имѣемъ въ мысляхъ и въ желаніяхъ не Бога и Христа Его, но міръ и самихъ себя?

Чада Церкви! Чада Божіи! Будемъ ходить, яко чада послушанія. Не слышимъ ли, какъ матерь ежедневно проситъ намъ у Господа и Отца нашего, *Ангела мирна, вѣрна, наставника, хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ?* Не отвергнемъ блага, о которыхъ она столько для насъ подвизается. Презримъ земное, и приближимся къ небесному. Очистимъ чувствія, и узримъ сверхчувственное. Изгонимъ изъ души нашей плотскія желанія и суетные помыслы, и тогда посѣтятъ ее безплотныя Силы, и поведутъ насъ съ собою *отъ силы въ силу*, доколѣ наконецъ и Самъ *явится Господь Богъ въ Сіонѣ* духа нашего (Псал. LXXXIII. 8.), и *сотворитъ* въ немъ Себѣ *обитель* (Іоан. XIV. 23.). Аминь.

25. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СОБОРА СВ. АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА.

Не вси ли суть служебніи дуси, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе? Евр. I. 14.

Въ честь Собора безплотныхъ небесныхъ духовъ, собрался здѣсь нынѣ плотоносный, однако также духовный, Соборъ Церковный. Чудное, вѣрѣ только возможное, сближеніе земнаго съ небеснымъ, видимаго съ невидимымъ. Ангели на небеси, а мы на земли: однако мы празднуемъ для нихъ, какъ-бы имѣя ихъ съ собою. Они невидимы для насъ; безъ сомнѣнія, и мы не всегда видимы для нихъ, какъ не вездѣ сущихъ и не всевидящихъ: однако мы празднуемъ для нихъ такъ, какъ-бы они были предъ нашими очами, какъ-бы мы были предъ ихъ очами. Ибо странно и безполезно было бы составлять для нихъ праздникъ, обращать къ нимъ слова хваленія

и молитвы, въ томъ случаѣ, если они сего не видятъ, не слышатъ и не знаютъ. Итакъ настоящій праздникъ есть свидѣтель намъ въ томъ, что святая Церковь признаетъ близкое общеніе наше, Христіане, съ Ангелами. Въ какомъ же отношеніи находятся они къ намъ? Въ какомъ отношеніи мы къ нимъ должны находиться?

Главное и общее изображеніе отношенія Ангеловъ къ человѣкамъ находимъ въ сихъ словахъ Апостола Павла: *не вси ли суть служебніи духи, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе?* Апостолъ преподаетъ въ сихъ словахъ три достопримѣчательныя свѣдѣнія: первое, что Ангелы суть *духи служебные*, хотя по роду служенія и называются иногда *властями* и *господствіями*, а по благодати *сынами Божіими*, и слѣдственно достоинства ихъ отнюдь не должно смѣшивать съ верховнымъ достоинствомъ Іисуса Христа, Сына Божія по естеству, единосущнаго и сопрестольнаго Богу Отцу, истиннаго Бога и Господа Вседержителя: второе, что хотя Ангелы живутъ на небесахъ, однако *посылаются* Богомъ *въ служеніе* и на землю: третіе, что служеніе Ангеловъ особеннымъ образомъ направляетъ Онъ въ пользу тѣхъ изъ человѣковъ, которыхъ провидитъ, по вѣрѣ и доброму, или покаяніемъ исправляемому житію, способными *наслѣдовать спасеніе* и вѣчное блаженство.

Если же хотимъ и нѣсколько подробнѣе узнать, какимъ образомъ Ангелы совершаютъ свое служеніе въ пользу хотящихъ наслѣдовать спасеніе: ска-

зуетъ намъ Святый Іоаннъ Дамаскинъ, научась отъ Святыхъ Діонисія Ареопагита и Григорія Богослова, что Ангелы *хранятъ части земли, народамъ и мѣстамъ предстательствуютъ, яко же на сіе отъ Создателя учинены суть, сущая наша управляютъ, и помогаютъ намъ, обаче всячески по Божественному хотѣнію и повелѣнію, яко выше насъ суще, и Богу присно предстоящe* (Богосл. кн. 2. гл. 3.).

Въ откровеніи Святаго Іоанна видимъ Ангела, *имѣющаго область на огни* (XIV. 18.), *Ангела воднаго* (XVI. 5.), *четыре Ангелы стоящыя на четырехъ углѣхъ земли, держащыя четыре вѣтры земскія* (VII. 1.). Итакъ есть Ангелы, которымъ ввѣряется храненіе и благоуправленіе нѣкоторыхъ частей и силъ стихійнаго міра. И можно понять, какъ сіе благопотребно. Ибо если долготерпѣніемъ Божіимъ попускается и діаволу дѣйствовать на стихіи, какъ попущено ему возбудить въ воздухѣ огнь, чтобы сжечь овецъ и пастырей Іова, и воздвигнуть бурю, чтобы обрушить храмину, и побить дѣтей его: то кольми паче прилично и благопотребно, чтобы благіе Ангелы имѣли власть надъ стихіями, дабы направлять ихъ дѣйствіе къ сохраненію и благу человѣковъ, а неистовыя усилія губителя отражать и уничтожать.

Въ видѣніяхъ Пророка Даніила усматриваемъ небеснаго посланника, который извѣщаетъ его о своемъ небесномъ (безъ сомнѣнія молитвенномъ) подвигѣ за судьбу народа Еврейскаго, и присово-

куплясть: *и се Михаилъ, единъ отъ старѣйшинъ первыхъ, пріиде помощи мнѣ*, и далѣе: *и нѣсть ни единаго помогающаго со мною о сихъ, но точію Михаилъ князь вашъ* (VII. 13. 21.). Итакъ есть Ангелы хранители и небесные помощники народовъ и Царствъ.

Наконецъ, — что всего ближе должно быть къ каждому изъ насъ, — есть Ангелы хранители каждаго человѣка, принадлежащаго къ царству благодати Божіей. Сіе можемъ уразумѣть изъ словъ Самого Іисуса Христа: *блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго* (Матѳ. XVIII. 10.). Сила сего изреченія состоитъ въ томъ, что Господь, убѣждая не пренебрегать дѣтей, указуетъ на примѣръ Ангеловъ, которые, хотя *выну видятъ лице Отца небеснаго* въ славѣ небесной, однако не почитаютъ для себя низкимъ печись о малыхъ чадахъ человѣческихъ, и называться *ихъ* Ангелами. Если же такимъ образомъ для малыхъ дѣтей, которыхъ духовныя силы и способности еще не довольно раскрыты къ самодѣятельности, и которые потому менѣе, нежели возрастные, подвержены искушеніямъ, не излишнимъ признано сіе устроеніе, чтобы они имѣли своихъ Ангеловъ: то тѣмъ паче надлежитъ заключить, что не исключены изъ сего устроенія и возрастные, болѣе искушаемые, слѣдственно имѣющіе болѣе нужды въ духовной помощи, и, при высшемъ раскрытіи силъ духовныхъ, болѣе способные къ духовнымъ общеніямъ. Православная Церковь такъ сильно у-

бѣждена въ потребности сего Ангельскаго служенія для каждаго изъ хотящихъ наслѣдовати спасеніе, что каждый день нѣсколько разъ просить намъ отъ Бога *Ангела мира, вѣрна наставника, хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ.*

Вникая въ сію молитву Церкви, не только познаемъ, въ какомъ отношеніи Ангелы находятся къ намъ, (то есть, что они сокровенно, или открыто, наставляютъ насъ, охраняютъ нашу душу, и наше тѣло), но частію научаемся и тому, въ какомъ отношеніи мы къ нимъ должны находиться.

Услышавъ отъ Апостола, что Ангелы суть *служебные духи, посылаемые въ служеніе за хотящихъ наслѣдовати спасеніе*, ты, можетъ быть, слишкомъ обезпечилъ бы себя, и воздремалъ бы въ надеждѣ на сихъ готовыхъ охранителей. Потому Церковь часто посылаетъ служителя молитвы возбуждать тебя, чтобы ты просилъ отъ Бога спасительнаго тебѣ посланника: *Ангела — хранителя у Господа воспросимъ!*

Но какая нужда просить себѣ Ангела, скажешь, можетъ быть, когда хранить человѣковъ есть назначеніе всѣхъ Ангеловъ по непреложнымъ судьбамъ Божіимъ? Какая нужда просить себѣ Ангела хранителя, когда онъ дается и младенцамъ, которые просить его себѣ даже и не умѣютъ? —Вопросы нѣсколько дерзновенные: поелику одного повелѣнія Церкви должно быть довольно для того, чтобы мы приносили молитву сего рода съ увѣренностію въ ея потребности и пользѣ. Но я не уклоняюсь отъ дерз-

повенія въ вопросѣ, чтобы найти назиданіе въ отвѣтѣ.

Итакъ отвѣтствую. Ангелъ есть слуга Божій, а не твой: итакъ смѣешь ли ты желать, чтобы онъ приходилъ къ тебѣ какъ рабъ, небрегомый въ своемъ служеніи, а не какъ посланникъ, честно срѣтаемый и пріемлемый? А какъ пойдешь на встрѣчу приходящему съ небесъ, если не восходя умомъ и сердцемъ къ небу, посредствомъ молитвы? *Азъ пріидохъ за словесѣхъ твоихъ*, говоритъ небесный посланникъ Даніилу Пророку (X. 12.),—безъ сомнѣнія, въ словесѣхъ молитвы: молитвою своею Даніилъ проложилъ стезю, или поставилъ лѣствицу, по которой низшелъ къ нему небесный посланникъ. Но если ты не пролагаешь такого пути Ангелу, если вѣрный слуга Божій видитъ тебя, обращающаго къ Господу своему хребетъ, а не лице: то берегись; правда и святость его потребуетъ, чтобы онъ сильнѣе возревновалъ за славу Господа своего, нежели за тебя; и не удивительно, если онъ вознегодуетъ, удалится отъ тебя, и отъиметъ отъ тебя свое крыло, готовое покрывать тебя. Если сего не хочешь: то будь прилѣженъ и внимателенъ, и къ молитвѣ вообще, и въ особенности къ той, которою церковь возбуждаетъ тебя испрашивать отъ Бога помощь Ангела Хранителя.

Младенцамъ Ангелъ хранитель дается и не просящимъ, по ихъ немощи. Думаешь ли, что подобнымъ образомъ надобно посылать его и къ тебѣ, не просящему по лѣности? Душа младенца, крещеніемъ очищенная, произвольными грѣхами не осквер-

пенная, своею невинностію, простотою, незлобіемъ представляетъ нѣкоторую содружность естеству Ангельскому, и потому не только не поставляетъ преградъ приближенію Ангела хранителя, но, можетъ быть, и привлекаетъ его. Мы, возрастные, сохранили ль душу нашу въ семъ Ангело-содружномъ состояніи? Не отражаемъ ли мы отъ себя чистоту Ангельскую нашею грѣховностію? Ибо какъ пчелы удаляются оттуда, гдѣ распространяется смрадъ: такъ Ангелы удаляются оттуда, гдѣ распространяется грѣхъ. Удивительно ли же, что насъ такъ часто приглашаютъ, какъ новой милости Божіей просить себѣ Ангела хранителя, хотя мы получили его еще при купѣли крещенія?

Изъ сказаннаго теперь не трудно догадаться, что̀ еще, кромѣ молитвы, нужно съ нашей стороны въ отношеніи къ святымъ Ангеламъ:—именно, стараніе достигать содружности съ ними посредствомъ очищенія себя отъ грѣха и стремленія къ святости жизни.

Кое общеніе свѣту ко тмѣ (2 Кор. VI. 14.)? вопрошаетъ Апостолъ, изрекая чрезъ сіе законъ духовныхъ общеній. Итакъ, кое общеніе Ангелу свѣта съ человѣками тьмы грѣховной? Кое общеніе чистому духу съ погрязающими добровольно въ нечистотахъ плоти? Кое общеніе Ангелу доброму и святому съ человѣками, въ которыхъ добродѣтель подавляется страстями, которые святость почитаютъ качествомъ, не для нихъ назначеннымъ?

Уготовляй себя къ общенію съ Ангелами молит-

вою, и по крайней мѣрѣ искреннимъ желаніемъ очищенія и освященія сердца и жизни: и будь увѣренъ, что Господь *Ангеломъ Своимъ заповѣсть о тебѣ сохранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ* (Псал. XC. 11.), то есть, во всякихъ обстоятельствахъ жизни временной, а паипаче въ пути спасенія вѣчнаго. Аминь.

24. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ПРЕПОДОБНАГО НИКОНА, ИГУМЕНА РАДОНЕЖСКАГО.

Еже бо нынѣ легкое печали нашея, по преумноженію въ преспѣяніе, тяготу вѣчныя славы содѣлуетъ намъ, не смотряющимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ: видимая бо временна, невидимая же вѣчна. 2 Кор. IV. 17. 18.

Легко переносить печаль, преуспѣвать въ добродѣтели, надѣяться вѣчной славы,—чего болѣе можно пожелать человѣку въ жизни, въ которой печаль неизбѣжна, добродѣтель трудна, благополучіе ненадежно? И такими преимуществами настоящей жизни обладаніе, необинуясь, приписываетъ себѣ Апостолъ: *еже бо нынѣ легкое печали нашея, по преумноженіе въ преспѣяніе, тяготу вѣчныя славы содѣлуетъ намъ.*

Будемъ же внимательны къ средству, которымъ пріобрѣтаются такія преимущества жизни. Какъ *легка печаль*, даже Вамъ, которые, по собственному признанію, *во всемъ скорбяще, нечаеми*,

гонимы, низлагаемы, присно живіи въ смерть предаемся (2 Кор. IV. 8. 11.)? Какъ сія печаль *преумножаетъ* Ваше *преспѣяніе*, какъ *содѣлываетъ* Вамъ *тяготу вѣчныя славы*? — Отвѣтствуютъ: *не смотрящимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ.* Дѣло состоитъ въ томъ, что мы не смотримъ на видимое, а смотримъ на невидимое.

Итакъ не смотрѣть на видимое, а смотрѣть на невидимое, – въ семъ заключается сильное средство противъ печали, для добродѣтели, для блаженства.

Если, для опредѣленія врачебнаго средства, съ пользою обращаются къ началу болѣзни: то не безполезно замѣтить здѣсь, что первое и всеобщее начало всеобщей болѣзни человѣчества, начало всякаго несовершенства и несчастія, или иначе, начало всякаго грѣха и наказанія человѣковъ, есть неправильная мысль ума, и безпорядочная рѣшимость воли, не смотрѣть болѣе на невидимое, а смотрѣть только на видимое. Что иное называютъ *паденіемъ* человѣка, который и въ состояніи паденія остается на своихъ ногахъ, не какъ змій, осужденный ходить на чревѣ,—что, говорю, иное называютъ паденіемъ человѣка, если не то, что его умъ, воля, дѣятельность отвратились, уклонились, низпали отъ Бога къ твари, отъ небеснаго къ земному, отъ невидимаго къ видимому? Внимайте, какъ описываетъ сіе книга Бытія: *видѣ жена, яко добро древо въ снѣдь, и яко угодно очима видѣти* (III. 6.). Вмѣсто того, чтобы прилѣжнѣе взирать къ невидимому Богу, Который заповѣдалъ не вкушать отъ сего древа, взирать въ невидимое небо, гдѣ уготовано вѣчное

воздаяніе за исполненіе заповѣди Божіей, взирать на невиданную еще, но уже указанную смерть, которая неминуемо должна была послѣдовать за нарушеніемъ заповѣди, – вмѣсто всего невидимаго, жена смотритъ только на видимую красоту запрещеннаго плода, и засматривается, и вкушаетъ, и привлекаетъ мужа къ такому же вкушенію. И такимъ образомъ отъ страстнаго вниманія къ видимому, раждаются грѣхъ, нагота, изгнаніе, проклятіе, труды, печали, болѣзни, смерть, истлѣніе.

Повторимъ сказанное: для опредѣленія врачебнаго средства, съ пользою обращаются къ началу болѣзни; загражденіемъ источника зла пресѣкается распространеніе зла, и потоки его изсушаются. Итакъ, если начало душевныхъ болѣзней въ человѣкахъ, и первый источникъ всякаго зла, найденъ въ томъ, что человѣкъ пересталъ смотрѣть на невидимое, а началъ смотрѣть только на видимое; то не трудно заключить, сколь естественно искать врачебнаго противу зла и спасительнаго средства въ томъ, чтобы перестать смотрѣть на видимое, и рѣшиться смотрѣть преимущественно на невидимое.

Что было въ источникѣ, то и въ потокахъ протекаетъ. Забвеніе невидимаго и пристрастіе къ видимому, было началомъ зла въ человѣкѣ: то же начало дѣйствовало и дѣйствуетъ въ распространеніи зла между человѣками. Нѣкоторые изъ нихъ упорно не захотѣли взирать къ невидимому Богу, – и родилось нечестіе; другіе, по пристрастію къ видимому, и Бога видимаго имѣть захотѣли: отсюда произошло идолопоклонство и суевѣріе.

Презрѣли невидимую часть существа своего, душу, а стали смотрѣть только на видимую часть своего состава, тѣло; — и вмѣсто человѣческой жизни, управляемой разумомъ и закономъ добра, открылась въ человѣкахъ жизнь скотская, чувственными похотями водимая, и звѣрская, необузданною яростію порываемая. Страстный и жадный взоръ на видимое, въ неудержанномъ направленіи, становится нѣкою злотворною силою, которая изъ всѣхъ видимыхъ предметовъ, по ихъ различію, различный извлекаетъ ядъ, тѣмъ болѣе страшный, что въ комъ онъ образуется, того и отравляетъ. Такъ, смотрятъ на видимую красоту тѣлесную, и впадаютъ въ пепстовство сладострастія; — на злато и другія видимыя блага, и заражаются любостяжаніемъ; — на видимыя блага въ рукахъ другихъ, и отравляютъ собственное сердце завистію; — на видимыя преимущества собственныя, и сами себя ослѣпляютъ гордостію. Такъ, по выраженію Пророка Іереміи (IX. 21.), *восходитъ смерть сквозь окна ваша;* то есть, чрезъ чувства, которыми вы сообщаетесь съ видимымъ міромъ, слишкомъ отверстыя по неосторожности, а еще болѣе по пристрастію къ видимому, входитъ грѣховная смерть въ душу. Что же намъ дѣлать? — Безъ сомнѣнія, тщательнѣе затворять окна, которыми входитъ смерть, то есть, удерживать чувства, которыми прелесть и соблазнъ входятъ въ душу; или, по выраженію Апостола, *не смотрѣть на видимое, но на невидимое.* Не останавливай взора на видимой красотѣ, — и сохранишься отъ прелести сладострастія. Не смотри на блескъ богат-

ства, твое ли оно, или чужое,— и не поработишься любостяжанію, и не уязвишься завистію. Не смотри на твои видимыя преимущества, но старайся познавать совершенства, которыхъ требуетъ невидимое существо твое,—и не унизишь себя гордостію, но вознесетъ тебя смиреніе. Не сѣй въ плоть сѣмена истлѣнія,— и пожнешь отъ духа животъ вѣчный. Минуя все видимое, взирай непрестанно къ невидимому Богу,—и обрящешь благодать предъ очами Его, и насытишься явленіемъ славы Его.

Какъ можно, скажутъ, не смотрѣть на видимое, которое не только безъ воли, но даже противъ воли нашей, находится у насъ въ глазахъ; и напротивъ смотрѣть на невидимое, которое скрывается отъ взоровъ нашихъ? —

На сіе, дабы кто подлинно не смутился мнимою невозможностію, отвѣтствуемъ, во-первыхъ, что какъ можно не смотрѣть на видимое, сіе показываетъ самый обыкновенный опытъ, когда, на примѣръ, человѣкъ, углубленный въ размышленіе, не примѣчаетъ, что происходитъ вокругъ его; или когда объятому печалію, самое близкое и пріятное дотолѣ, становится не мило и чуждо. Подобно сему человѣкъ, занимающійся благоговѣйнымъ размышленіемъ о высокихъ тайнахъ невидимаго, или благочестивою печалію по Богѣ, углубляясь въ сіи внутреннія состоянія, отрѣшается отъ всего внѣшняго такъ, что и пріятнымъ не сильно привлекается, и непріятнымъ не глубоко поражается, и видитъ, но не смотритъ, и смотритъ, но не пригвождаетъ взора къ видимому. Посему и Апостольское слово, сред-

ствомъ преспѣянія во благѣ и пособіемъ къ достиженію блаженства, представляетъ не просто презрѣніе видимаго, но въ соотвѣтствіи съ усиленнымъ вниманіемъ къ невидимому: *не смотрящимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ.*

Во-вторыхъ, дабы удостовѣриться, что и на невидимое смотрѣть можно, какъ-бы на видимое, довольно вспомнить, что хотя въ высочайшемъ степени невидимое существо есть Богъ, по изреченію Апостола, *во свѣтѣ живый неприступномъ, Егоже никтоже видѣлъ есть отъ человѣкъ, ниже видѣти можетъ* (1 Тим VI. 16.); однако и Его, по свидѣтельству того же Апостола, *невидимаго, яко видя, терпяше* (Евр. XI. 27.) Боговидѣцъ Моисей. Да и для всѣхъ человѣковъ *невидимая Его, отъ созданія міра твореньми помышляема, видима суть, и присносущная сила Его и Божество* (Рим. I. 20.). Такъ самое видимое, когда не на него единственно смотримъ, но стараемся проникать далѣе, становится зрительнымъ стекломъ для созерцанія невидимаго.

Впрочемъ отъ Апостола можно заимствовать особенный способъ, какъ отставать отъ видимаго, и прилѣпляться къ невидимому. Сей способъ состоитъ въ размышленіи, что *видимая временна, невидимая же вѣчна.*

Видимая временна. Что же смотрѣть на видимое? Какая польза строить на пескѣ, писать на водѣ, гнаться за вѣтромъ, или бѣгущею тѣнію? Для чего корыстолюбивый, честолюбивый, завистливый, ненытыми глазами хотятъ поглотить весь міръ? Прež-

де нежели они могутъ насытиться, исчезнетъ міръ, и прежде нежели міръ исчезнетъ, исчезнутъ они отъ міра.

Видимая времення. Что жъ, если сей непремѣнный законъ видимаго, уже и оказываетъ свое дѣйствіе на томъ, что насъ окружаетъ; если время похищаетъ у насъ пріятное и любезное, и оставляетъ чувство лишенія, или даже страданія? — Тотъ же законъ времени, который теперь на насъ нападаетъ съ оружіемъ скорби, вскорѣ обратится, чтобы насъ избавить отъ нея. Если безразсудно привязывать себя слишкомъ крѣпкими узами любви къ видимому, которое вскорѣ можетъ быть похищено временемъ; то не болѣе благоразумно и то, чтобы самому на себѣ отягчать бремя печали о видимомъ, которое уже временемъ похищено.

Невидимая же вѣчна. Предъ вѣчностію, какъ одна минута, такъ и все продолженіе времени, равно неприметны. Что же значитъ минута лишенія, за которою слѣдуетъ вѣчность обладанія благомъ, минута страданія, которая приготовляетъ къ вѣчности наслажденія, минута подвига для добродѣтели, которую ожидаетъ вѣчность воздаянія и славы?

Невидимая вѣчна. И — ахъ! въ обширныхъ областяхъ невидимаго есть не только вѣчное обладаніе благомъ, но и вѣчное лишеніе блага, не только вѣчное наслажденіе, но и вѣчное страданіе, не только вѣчное воздаяніе и слава, но и вѣчная укоризна и стыдѣніе, не только вѣчный свѣтъ и вѣчная жизнь, но и вѣчный огнь и вѣчная смерть. Въ краткой настоящей жизни мы проходимъ видимое, временное,

какъ-бы нѣкое преддверіе невидимаго, вѣчнаго. Тѣлесная смерть отверзаетъ дверь, и если мы благовременно научились, вѣрнымъ и неуклоннымъ окомъ смотрѣть на сокровенный путь невидимаго, и рѣшительно направили стопы свои къ вѣчному, вводитъ насъ въ вышнія обители свѣта и жизни; а ослѣпленныхъ и отягченныхъ пристрастіемъ къ видимому, низвергаетъ въ мрачную бездну, въ ужасное преддверіе смерти вторыя. Научимся, пришельцы видимаго міра,—доколѣ не поздно, научимся, какъ должно намъ проходить краткій путь временной жизни безопасно и благонадежно, что на немъ оставить безъ вниманія, дабы предостеречься отъ развлеченія, и куда обратить внимательные, осторожные взоры. Намъ должно стремиться къ вѣчной славѣ, *не смотряющимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ: видимая бо временна, невидимая же вѣчна.*

Если когда, въ исключеніе изъ сего правила, позволительно и должно со вниманіемъ смотрѣть на видимое, то паче въ тѣхъ случаяхъ, когда видимое, какъ образъ, какъ таинственное орудіе и пріятелище невидимаго, святаго, Божественнаго, самимъ Богомъ, или Богомудрыми учредителями, поставлено въ предметъ благочестиваго вниманія для человѣковъ. Таковы суть видимые образы, вещества, знаменія, обряды Церковныхъ Таинствъ и Богослуженія. Но и въ семъ случаѣ, сколь ни достойно благоговѣнія видимое,— не на немъ одномъ останавливаться должно. Сквозь святые образы и знаменія видимыя, благоговѣйный, только не любо-

пытный, взоръ вѣры, долженъ быть устремляемъ къ невидимой силѣ и существенному дѣйствію благодати Божіей. Страшно подумать, что и Симонъ волхвъ видимо крещенъ былъ по чину Христіанскому: подумаемъ же, какъ нужно и тамъ, гдѣ святыня, исходя изъ невидимаго, наполняетъ и объемлетъ видимое, — какъ нужно и тамъ восходить отъ видимаго къ невидимому, чтобы не оскорбить и невидимой и видимой святыни.

Святая Церковь многообразно подвизается приближать насъ отъ видимаго къ невидимому. Такъ, при тайнодѣйствіи, она не только невидимыхъ Ангеловъ присутствующими и сослужащими представляетъ, но и намъ самимъ повелѣваетъ таинственно изображать въ себѣ Херувимовъ. Такъ, она призываетъ насъ торжественно творить память Святыхъ, прешедшихъ изъ видимаго въ невидимое. И Провидѣніе Божіе частію привлекаетъ насъ къ общенію съ Ними чрезъ ихъ видимые чудодѣйственные останки, частію же и сіи скрываетъ отъ нашего видѣнія, чтобы вѣра училась, и безъ помощи видимаго, восходить къ невидимому. Да внимаемъ сему руководству, и да *смотряемъ невидимыхъ*. Если, по слову Господню, Ангелы въ вѣрѣ воспитываемыхъ младенцевъ выну видятъ лице Отца небеснаго, и если нѣтъ причины отнять сихъ невидимыхъ охранителей и у вышедшихъ изъ младенчества, продолжающихъ ходить въ вѣрѣ; если Святые Божіи человѣки, вступя въ невидимыя обители свѣта, еще удостоиваютъ озираться въ сей сумракъ видимаго, и благотворными знаменіями даютъ намъ призывныя

мановенія: то со Святыми Ангелами хранителями, и со Святыми Божіими человѣками, и—въ особенности мы здѣсь съ Богоносными Отцами нашими Сергіемъ и Никономъ, да соединяемся, поколику можемъ, въ единый чистый взоръ къ невидимому Отцу Ихъ, и нашему, и въ единое молитвенное желаніе, да утвердитъ Онъ насъ, чтобы постоянно и неуклонно взпрать къ Нему духомъ, *не смотрящимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ;* и въ семъ расположеніи духа, и печали сего временнаго житія благодушно переносить, и въ добродѣтели съ успѣхомъ подвизаться, и вѣчныя славы достигнуть, благодатію Отца славы, съ Единороднымъ Его Сыномъ и Единосущнымъ Его Духомъ препрославленнаго во вѣки. Аминь.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

СЛОВА

ПРИ ОСВЯЩЕНІИ ХРАМОВЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

СЛОВА

ПРИ ОСВЯЩЕНІИ ХРАМОВЪ.

1. СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА СВЯТЫЯ МУЧЕНИЦЫ ТАТІАНЫ, ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, СЕНТЯБРЯ 12 ДНЯ 1837 ГОДА.

Взыскахъ Господа, и услыша мя, и отъ всѣхъ скорбей моихъ избави мя. Приступите къ Нему и просвѣтитеся, и лица ваша не постыдятся. Пс. XXXIII. 5. 6.

И такъ вотъ домъ молитвы подъ однимъ кровомъ съ домомъ любомудрія. Святилище таинъ приглашено въ жилище знаній, и вступило сюда, и здѣсь основалось и утвердилось своими таинодѣйственными способами. Видно, что Религія и Наука хотятъ жить вмѣстѣ, и совокупно дѣйствовать къ облагоро-

женію человѣчества. Снисходительно, со стороны Религіи: возблагодаримъ ея снисхожденію. Благоразумно, со стороны Науки: похвалимъ ея благоразуміе.

Не скажу: высочайшій Мудрецъ, ибо сіе наименованіе было бы еще низко для Того, о Комъ теперь думаю; — Тотъ, Который есть Само-премудрость, и единственный источникъ всякой мудрости, въ Которомъ *вся сокровища премудрости и разума сокровена*, Который, открывая Свои сокровища, *даетъ премудрость*, и *отъ лица* Котораго исходитъ *познаніе и разумъ*, — Онъ пришелъ сюда нынѣ, и притомъ не только какъ посѣщающій Гость, но и какъ водворяющійся Обитатель; и открываетъ здѣсь Свое училище, какого никто, кромѣ Его, ни до Него, ни послѣ Его, не могъ образовать;—училище, всегда довольно высокое для самыхъ возвышенныхъ умовъ и душъ, и вмѣстѣ довольно простое для самыхъ простыхъ и смиренныхъ земли, — училище, которое не ласкаетъ надеждою степени учительской, а хочетъ сдѣлать всѣ народы, не болѣе, какъ *учениками*, но которое, будучи такъ не приманчиво, при первоначальномъ образованіи своемъ, привлекло и переучило по своему древле ученый міръ;—училище, въ которомъ, безъ нарушенія справедливаго уваженія и любви къ извѣстнымъ наукамъ, можно замѣтить преимущественно достойные неповерхностнаго любопытства предметы ученія. Слово жизни, — философія не по стихіямъ міра, художественными опытами убиваемымъ и раздробляемымъ на мелочи, и, по естественной соразмѣрности послѣдствія съ причиною, дающимъ не очень живыя и

не очень огромныя познанія, но по живымъ и животворнымъ началамъ *премудрости Божіей, въ тайнѣ сокровенной, юже уготова Богъ прежде вѣкъ въ славу нашу*, — созерцаніе Верховной Единицы въ единосущной Троицѣ, и Троицы въ Единицѣ, какъ истиннаго корня всего числимаго, какъ безмѣрнаго основанія всего измѣряемаго, — познаніе земли и неба, не то могильное познаніе земли, которое по глыбамъ и слоямъ сходитъ въ глубину ея, какъ въ могилу, и остатками разрушенія хочетъ истолковать жизнь погребенную и оставшуюся, безъ надежды воскресить погребенную, и сохранить оставшуюся, не то стеклянное познаніе неба, которое посредствомъ дальнозрительныхъ стеколъ слѣдитъ пути звѣздъ, не прочагая зрителю пути въ небо, но познаніе земли и неба, въ началѣ добрыхъ зѣло, потомъ, земли проклятой въ дѣлахъ человѣка, и неба сдѣлавшагося *нечистымъ* (Іов. XV. 15.), далѣе, земли, которая съ сущими на ней дѣлами сгоритъ, и неба, которое прейдетъ, наконецъ новаго неба и земли новой, въ которыхъ правда живетъ и въ которыя можемъ переселиться и мы, если правдою жить будемъ, — законодательство, не какое нибудь древнее Греческое и Римское, которому время дало важность, и котораго время показало слабость, потому что Государства, которыя хотѣло благоустроить и упрочить сіе законодательство, давно исчезли, но законодательство, которымъ Царь неба и земли благоустрояетъ Свое царство всѣхъ вѣковъ и Свое владычество во всякомъ родѣ и родѣ, и, что особенно важно для каж-

дало изъ насъ, законодательство, которымъ Онъ хочетъ устроить Свое царство внутрь насъ, если мы рьшительно и дѣятельно возжелаемъ сдѣлаться сынами Его царствія,—врачебная наука душъ, преподающая средства не только исцѣленія отъ болѣзней душевныхъ, но и воскресенія отъ смерти духовной, показывающая способы не только сохранять отъ разрушительныхъ нравственныхъ недуговъ жизнь, какую имѣемъ, но и обрѣтать новую, лучшую, открывающая не мечтательное, а подлинное, всеисцѣляющее врачевство, Плоть и Кровь Богочеловѣка, и единственное начало высшей жизни, Благодать Святаго Духа:—не занимательны ли должны быть сіи учебные предметы? Не достоинъ ли ревностнаго слушанія и послѣдованія Единственный Учитель, Который преподалъ и преподаетъ ихъ въ Своемъ вселенскомъ училищѣ? И что же препятствуетъ слушать Его и поучаться отъ Него? Напротивъ, какъ близко и какъ удобно! *Приступите къ Нему, и просвѣтитеся.*

Сіи призывныя къ просвѣщенію и къ Просвѣтителю слова принадлежатъ очень древнему и безспорно высокому служителю просвѣщенія, Царю и Пророку Давиду. Повторимъ ихъ нѣсколько въ большей полнотѣ: *Взыскахъ Господа, и услыша мя, и отъ всѣхъ скорбей моихъ избави мя; приступите къ Нему, и просвѣтитеся, и лица ваша не постыдятся.* Чтобы лучше выразумѣть сіе, надобно вспомнить, что древніе почитали невозможнымъ видѣть Бога, и что самъ Богъ нѣкоторымъ образомъ утверждалъ ихъ въ сей мысли, когда рекъ Моисею:

не возможеши видѣти лица Моего; не бо узритъ человѣкъ лице Мое и живъ будетъ (Исх. XXXIII. 20.). Итакъ державный пѣвецъ псалмовъ не чрезмѣрное ли, не противное ли вѣрованію своихъ временъ предлагаетъ, когда предлагаетъ приступить ко Господу, и отъ Него непосредственно просвѣщаться? Чтобы не обременить Пророка виною погрѣшности въ Богопознаніи, несообразной съ просвѣщеніемъ Пророка, мы по необходимости должны взять въ соображеніе другой видъ Богопознанія, также представляющійся у древнихъ Евреевъ. Внимательное изслѣдованіе священныхъ книгъ Еврейскихъ показываетъ, что Богъ являлся въ образѣ существа сотвореннаго, Ангела, человѣка, но съ Божіимъ именемъ, съ Божескимъ дѣйствіемъ. Чѣмъ неожиданнѣе встрѣчается сей человѣкообразный видъ Богопознанія подъ владычествомъ главной мысли о Богѣ невидимомъ, неприступномъ, непостижимомъ: тѣмъ легче узнать въ немъ особенное устроеніе провидѣнія, именно, раннее къ человѣчеству снисхожденіе Сына Божія, предварительно являющагося въ очертаніи Своего будущаго воплощенія, подобно какъ солнце, прежде восхожденія своего, является въ утренней зарѣ, а иногда и въ воздушномъ отраженіи круга своего. Теперь становится понятнымъ, какъ Давидъ невидимаго и неприступнаго Бога представляетъ видимымъ, безопасно доступнымъ и просвѣщающимъ приближающихся къ Нему; а съ нимъ вмѣстѣ опредѣлительно дознается и то, что Пророкъ приглашаетъ приступить для просвѣщенія нашего къ тому точно Господу, кото-

раго мы пазываемъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Хрістомъ. И такъ Хрістосъ есть Свѣтъ и древняго міра, такъ же какъ новаго! И отдаленный древній міръ указуетъ не на иной свѣтъ, какъ на сіяющій намъ такъ близко во Хрістѣ! Куда же и теперь приглашать любителей просвѣщенія, какъ не къ сему Свѣту? *Приступите къ Нему, и просвѣтитеся.*

Если вникнуть въ союзъ сихъ пригласительныхъ словъ у Пророка съ предъидущими и послѣдующими: то можно усмотрѣть, что съ призываніемъ къ Господу Просвѣщающему онъ желаетъ соединить убѣжденіе къ принятію сего призыванія. Когда онъ говоритъ: *взыскахъ Господа, и услыша мя, и отъ всѣхъ скорбей моихъ избави мя:* онъ указываетъ чрезъ сіе на свой личный опытъ, сперва несчастный, потомъ счастливый. *Отъ всѣхъ скорбей моихъ*: видно, скорби его были многочисленны, тяжки; видно на обыкновенныхъ стезяхъ мірской жизни не встрѣчалъ онъ ни облегченія, ни помощи, ни утѣшенія. *Взыскахъ Господа:* — видно, и помощь отъ Бога не легко получилъ онъ, или потому, что, не искусясь труднымъ опытомъ, не былъ довольно просвѣщенъ, или потому, что слишкомъ глубокій мракъ скорби скрывалъ отъ него путь Божій: ибо не говоритъ, что прибѣгнулъ къ Господу прямо, приступилъ близко, но говоритъ, что *взыскалъ Господа;* ищутъ же не того, что видятъ, или къ чему путь вѣрно знаютъ. Что же однако наконецъ принесло исканіе Господа? — *Взыскахъ Господа, и услыша мя, и отъ всѣхъ скорбей моихъ избави мя.* Какъ служ-

дающій въ темнотѣ, или въ лѣсу, или въ дебряхъ, голосомъ ищетъ избавителя, котораго не можетъ видѣть, и состраждущій, услышавъ, отвѣтствуетъ ему, приближается къ нему, и прекращаетъ его затрудненіе: такъ Давидъ взыскалъ Господа гласомъ скорби и молитвы, и Господь, услышавъ, отвѣтствовалъ ему гласомъ благодати, приближился къ нему, и прекратилъ всѣ его скорби. Теперь Давидъ, изъ несчастнаго счастливый, хочетъ дѣлиться своимъ счастіемъ; благодарный къ Избавителю, хочетъ споспѣшествовать избавленію бѣдствующихъ человѣковъ: и потому, въ слѣдъ за указаніемъ на свой счастливый опытъ, произноситъ воззваніе, побуждающее не только искать Господа, какъ сокровеннаго, но и приступать къ Нему, какъ уже обрѣтенному: *приступите къ Нему, и просвѣтитеся, и лица ваша не постыдятся.* Такое послѣдованіе изреченій даетъ намъ право разумѣть сіе послѣднее такъ, что Пророкъ обѣщаетъ отъ Господа не только просвѣщеніе ума, свѣтомъ истины Хрістовой, но и просвѣщеніе сердца, свѣтомъ Духа Утѣшителя, въ преизобилующемъ утѣшеніи котораго всякая скорбь земная исчезаетъ, какъ капля горечи въ чашѣ сладости.

Найдя, что Пророкъ призываетъ къ просвѣщенію отъ Господа, яко къ средству противъ скорбей, не подумаемъ впрочемъ, будто его призываніе въ семъ смыслѣ относится только къ нѣкоторымъ людямъ, въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. Нѣтъ. Онъ взываетъ: *приступите, — просвѣтитеся,* — а не называетъ никого, къ кому бы обращалъ сіе воззваніе,

безъ сомнѣнія, въ томъ знаменованіи, что взываетъ ко всѣмъ, которые имѣютъ уши слышати. Спросимъ себя: безъ скорбей ли прожили мы донынѣ, и надѣемся ли прожить безъ скорбей? Не думаю, чтобы кто такъ рѣшительно похвалился прошедшимъ, или поручился за будущее. Спрошу особенно: кто изъ насъ непарушимо обладаетъ блаженствомъ, о которомъ говоритъ древній благочестивый мудрецъ: *блаженъ мужъ, иже не поползнеся устнами своими, и не уязвися печалію грѣха* (Сир. XIV. 1.)? Если паче чаянія захотѣлъ бы кто сказать, что онъ сохранилъ и сохраняетъ сіе блаженство: таковому предварительно заграждаетъ уста безпрекословный обличитель, избранный по чистотѣ, ученикъ Христовъ Іоаннъ: *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ, и истины нѣсть въ насъ* (1 Іоан. I. 8.). Но если мы не такъ прельщены сами собою, не такъ чужды истины, чтобы не признавать въ себѣ грѣха, и слѣдственно подвержены печали грѣха: то спрашиваю всѣхъ имѣющихъ, или когда-либо имѣвшихъ притязаніе на просвѣщеніе и мудрость: гдѣ та мудрость, которая бы научила меня утѣшиться въ печали грѣха? Гдѣ то просвѣщеніе, которое освѣтило бы мнѣ путь избавленія отъ скорбей жизни, и наипаче отъ скорбей совѣсти? Гдѣ та наука, которая бы удовлетворительно разрѣшала, ни для кого изъ насъ не посторонній вопросъ о возможномъ облаженствованіи человѣка, и особенно человѣка согрѣшившаго и повиннаго предъ Богомъ: ибо хотя издревле не мало любомудрствовали о блаженствѣ человѣческомъ по разуму, но мало имѣли успѣха,

частію потому, что не понимали главной трудности вопроса, происходящей отъ мысли о грѣхѣ и о виновности предъ Богомъ, частію потому, что суетились, какъ бы облаженствовать временную жизнь человѣка безсмертнаго, то есть, хотѣли подсластить каплю, не заботясь, сладко или горько будетъ море, которое послѣ нея пить надобно? Гдѣ человѣкъ, который бы просвѣтилъ меня такъ, чтобы *лице мое не постыдилось* предъ Богомъ и предъ собственнымъ сердцемъ, зазирающимъ согрѣшающему? Изыскатели силъ, движущихъ небо, и держащихъ оное въ порядкѣ и равновѣсіи! не найдете ли вы мнѣ силы, которая бы исправляла мое уклоненіе отъ истиннаго пути неба, которая бы достаточно противодѣйствовала моему вольному и невольному тяготѣнію къ аду? Вѣдцы правъ Божескихъ и человѣческихъ, естественныхъ и общественныхъ! вы не можете не признать, что нѣтъ естественнѣе и безъизъятнѣе права, какъ то, которое имѣетъ Богъ требовать, чтобы никакая тварь Его не нарушала Его воли и закона никакимъ дѣйствіемъ, никакимъ словомъ, которое также есть своего рода дѣйствіе, никакою мыслію и желаніемъ, которыя въ области духа и всевѣдѣнія суть тоже, что слова и дѣйствія въ области чувствъ; что поступившій въ противность правамъ Самодержца теряетъ чрезъ сіе собственныя права, которыми пользовался по его милости, и которыми, по кореннымъ началамъ Царственнаго благоустройства, не могъ пользоваться иначе, какъ съ обязанностію вѣрнаго послушанія; что по тѣмъ же началамъ онъ подвергаетъ себя укроти-

тельнымъ или карательнымъ дѣйствіямъ правосудія. Такимъ образомъ и ваша наука, такъ же какъ и совѣсть, *постыждаетъ лице* грѣшника: но найдетъ ли она средство изгладить его стыдъ? Говорятъ у васъ, что сдѣланное не можетъ быть несдѣланнымъ: сіе изреченіе осуждаетъ грѣшника на вѣчный стыдъ сознаваемаго грѣха. Богъ милосердъ: говорятъ часто безъ размышленія, и на сей мягкой мысли хочетъ уснуть неразборчивая совѣсть: но мысль о милосердіи Божіемъ, столь сильнымъ, столь сладкимъ свѣтомъ просвѣщающая область вѣры, не можетъ быть приведена въ подобное дѣйствіе въ области естественнаго мудрствованія, одними условіями умозаключающаго разума. Богъ милосердъ, но и правосуденъ; безконечно милосердъ, но и безконечно правосуденъ; вѣсы понятій стоятъ равно, и нѣтъ причины, почему бы надежда на милосердіе Божіе могла перевѣсить ужасъ правосудія Божія. Что грѣшникъ подлежитъ правосудію Божію, то очевидно; въ какомъ онъ отношеніи къ милосердію Божію, то по разуму неопредѣлимо; а какимъ образомъ милосердіе Божіе можетъ преизбыточествовать для грѣшника безъ нарушенія правъ Божія правосудія, сіе, безъ особеннаго откровенія свыше, совершенно непостижимо. Кто же разрѣшитъ мои недоумѣнія? Кто просвѣтитъ тьму мою? Кто утѣшитъ меня вѣрнымъ и непосрамляющимъ упованіемъ на милосердіе Божіе? Кто *избавитъ мя отъ всѣхъ скорбей моихъ?* Тебѣ Единому возможно сіе, отъ Бога пришедшій Учителю, Свѣте міра, Посѣтителю душъ, Господи Боже Спасителю Іисусе! Твое чудесное

явленіе въ мірѣ, Твое слово, которому подобно *николиже глаголалъ человѣкъ*, наипаче же Твои за меня страданія, Твои раны, Твоя крестная смерть суть такія доказательства спасающаго милосердія, которыя сильны и достаточны, — и онѣ только сильны и достаточны, не только земную тьму невѣдѣнія, сомнѣнія, скорби, но и адскій мракъ отчаянія просвѣтить сладкимъ, животворнымъ, неугасимымъ свѣтомъ. Какъ бы ни глубоко *уязвлено было* сердце мое *печалію грѣха;* какъ бы ни было изранено и растерзано скорбями земной жизни; — когда внутреннимъ движеніемъ вѣры прилагаю мои сердечныя раны къ Твоимъ крестнымъ ранамъ: текущая изъ нихъ Твоя безсмертная и воскрешающая жизнь касается моей жизни умирающей или уже умершей; и Твой Божественный свѣтъ просвѣщаетъ омраченнаго; творческое Слово Твое возставляетъ падшаго, исцѣляетъ недугующаго, воскрешаетъ умерщвленнаго; утѣшеніе Духа Твоего или избавляетъ отъ всѣхъ скорбей, или самыя скорби дѣлаетъ утѣшительными, самыя страданія радостными, въ причастіи Твоихъ спасительныхъ скорбей и страданій; съ тобою *лице* мое *не постыждается* предъ Богомъ Отцемъ Твоимъ и предъ собственною моею совѣстію; ибо *кровь Твоя очищаетъ совѣсть мою отъ мертвыхъ дѣлъ;* правда Твоя покрываетъ мою самоосужденную неправду; ходатайство Твое даруетъ мнѣ дерзновеніе предъ Отцемъ Твоимъ, и, какъ Ты научилъ и далъ намъ право нарицать Его и нашимъ Отцемъ, сего ради славлю Тебя, Единственный Просвѣтитель, и хотя недостойнымъ гласомъ,

съ достойнымъ служителемъ Твоего вѣчнаго просвѣщенія, взываю о Тебѣ ко всѣмъ просвѣщеннымъ и непросвѣщеннымъ вѣка сего: — *приступите къ Нему*, — благоговѣющимъ умомъ, вѣрующимъ сердцемъ, молящимся духомъ, послушною волею, приближьтесь, *приступите къ Нему, и просвѣтитеся, и лица ваша не постыдятся.* Аминь.

2. СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА СВЯТАГО БЛАГОВѢРНАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НѢВСКАГО, ВЪ УЧРЕЖДЕННОМЪ ОТЪ МОСКОВСКАГО ГРАДСКАГО ОБЩЕСТВА ДОМѢ ВОСПИТАНІЯ БѢДНЫХЪ ДѢТЕЙ И ПРИЗРѢНІЯ ПРЕСТАРѢЛЫХЪ И НЕМОЩНЫХЪ, СЕНТЯБРЯ 28 ДНЯ 1839 ГОДА.

Вѣра бо чиста и нескверна предъ Богомъ и Отцемъ сія есть, еже посѣщати сирыхъ и вдовицъ въ скорбехъ ихъ, и нескверна себе блюсти отъ міра. Іак. 1. 27.

Много пріятныхъ мыслей раждается при видѣ сего храма, нынѣ освященнаго, и сего дома, для котораго храмъ сей служитъ вѣнцемъ доброты.

Пріятно видѣть созданіе сего храма, какъ свободное дѣло благочестія.

Пріятно видѣть учрежденіе сего дома, какъ щедрое дѣло человѣколюбія.

Пріятно видѣть здѣсь сочетаніе благочестія и человѣколюбія, въ одномъ дѣлѣ, для одной цѣли,

такъ что сіи добродѣтели, въ соединеніи, одна другую подкрѣпляютъ, одна другую возвышаютъ.

Пріятно мыслить, что сіе дѣло благочестія и человѣколюбія есть плодъ благихъ расположеній не одного человѣка, или не многихъ, но цѣлаго сословія гражданъ великаго града.

Пріятно вспомнить, какой случай привелъ въ движеніе благія расположенія, и произвелъ благотворное дѣло. Первородный Сынъ Царевъ, надежда Россіи, достигъ совершеннолѣтія, и торжественно вступалъ въ права онаго. Радовались Вѣнценосные Родители. Сорадовалась Россія. Москва чувствовала сію радость, какъ свойственно сердцу Россіи. Всѣ, подъ руководствомъ Церкви, возносили сію радость къ небу и молили о ея упроченіи; всѣ, кто какъ могъ, желали ознаменовать ее и въ земномъ быту. Тогда возвысился сей общественный голосъ: «Царь заботился о своемъ Первенцѣ, Царь радуется о своемъ Первенцѣ, не только по родительской любви къ Сыну, но и по Царской любви къ Отечеству, по предусмотрительной заботливости о будущемъ благѣ Россіи; чѣмъ же бы намъ ознаменовать то, что мы сіе чувствуемъ, что желаемъ сему соотвѣтствовать, поколику намъ возможно?— Есть дѣти, о которыхъ некому заботиться, о которыхъ некому радоваться: да будетъ ихъ матерью — наша любовь къ Царю и Сыну Его. Ею призрѣнные, обезпеченные, образованные, да будутъ они ея живыми памятниками, ея отъ насъ наслѣдниками, ея проповѣдниками потомству»—Итакъ, учредители, вы полагали, что, дабы ознаменовать радость, надобно сдѣ-

лать доброе дѣло; что, дабы доказать любовь къ Царю, надобно сдѣлать дѣло человѣколюбія; что, дабы сдѣлать пріятное Царю, надобно сдѣлать дѣло благотворенія! Прекрасно, возлюбленные! Такой образъ мыслей достоинъ сыновъ Вѣры. Такая мысль о Царѣ достойна истиннаго величія. Такое предпріятіе достойно вѣрныхъ подданныхъ Царя благочестивѣйшаго.

При видѣ такимъ расположеній, остается только желать, чтобы онѣ сохранялись, и не преставали приносить плодъ, ихъ достойный; чтобы чувствованія, такъ свѣтло блеснувшія въ минуты восторга, были постояннымъ и всеобъемлющимъ свѣтомъ дѣлъ и жизни въ людяхъ, ими одушевленныхъ. *Кто дастъ* — скажемъ словомъ Господнимъ — *кто дастъ еже быти тако сердцу ихъ сихъ — во вся дни, да благо будетъ имъ, и сыномъ ихъ во вѣки* (Втор. V. 29.)?

И кто же далъ бы намъ сіе безъ Тебя, *Отче свѣтовъ*, отъ котораго *свыше нисходитъ всякое даяніе благо, и всякъ даръ совершенъ*? Ты *призри на рабы Твоя и на дѣла Твоя, и наставі сыны ихъ: и буди свѣтлость Господа Бога нашего на насъ, и дѣло рукъ нашихъ исправи* (Пс. LXXXIX. 16. 17.). Благословеніе Твое да исходитъ выну отъ храма сего на домъ сей, и на обитающихъ въ немъ, и на создателей и блюстителей того и другаго.

Съ нашей же стороны, братія Христіане, требуется постоянное вниманіе къ сердцу своему, дабы въ немъ отъ источника истинной вѣры исходили чистыя струи человѣколюбія. Вотъ правило, которое долж-

но быть основнымъ не только для тѣхъ, которые особенно призваны благоустроять обители человѣколюбія, но и для всѣхъ, которые желаютъ благоустроить свой душевный домъ.

Въ соборномъ посланіи, то есть, въ ученіи, писанномъ въ руководство всѣмъ вообще членамъ Соборной или Вселенской Церкви, Святый Апостолъ Іаковъ оставилъ намъ чудное изреченіе о союзѣ вѣры съ человѣколюбіемъ. *Вѣра*, говоритъ онъ, *чиста и нескверна предъ Богомъ и Отцемъ сія есть, еже посѣщати сирыхъ и вдовицъ въ скорбехъ ихъ, и нескверна себе блюсти отъ міра.* Это почти все равно, какъ если бы сказано было, что чистая вѣра есть чистое человѣколюбіе и непорочность жизни. Если бы сіе сказалъ кто нибудь другой: то могло бы случиться, что его упрекнули бы смѣшеніемъ понятій. Но какъ сіе сказалъ Апостолъ; а чрезъ Апостола говорилъ Духъ Святый; а Духъ Святый есть Духъ истины: то нѣтъ сомнѣнія, что въ словахъ Святаго Іакова заключается чистая истина, а не смѣшеніе понятій. Нельзя его поправлять или оспоривать, а надобно правильно выразумѣть.

Святый Іаковъ, непосредственно послѣ приведеннаго теперь изреченія говоритъ: *братіе моя, не на лица зряще имѣйте вѣру Господа нашего Іисуса Христа славы* (II. I.). Здѣсь видно, что онъ учитъ существу Христіанскія вѣры, и не думаетъ, какъ нѣкоторые нынѣ, пренебрегать догматъ, чтобы обратить все вниманіе на одну нравственность. Посему и предшествовавшее изреченіе не такъ должно разумѣть, аки бы вся вѣра, благо-

угодная Богу, заключалась въ человѣколюбіи; но такъ, что чистая вѣра есть купно и человѣколюбіе. Вѣра пребываетъ вѣрою; человѣколюбіе - человѣколюбіемъ: но между ими есть столь близкое отношеніе, столь неразрывная связь, что гдѣ есть чистая вѣра, тамъ непремѣнно есть и чистое человѣколюбіе, какъ послѣдствіе. Каждый истинно вѣрующій долженъ быть истинно человѣколюбивымъ.

Дабы полнѣе выразумѣть сіе Апостольское ученіе, и точнѣе приложить оное къ жизни, можно предложить два вопроса: не ужели не льзя имѣть чистой вѣры безъ человѣколюбія? И обратно, - можетъ ли быть чистое человѣколюбіе безъ чистой вѣры?

Рѣшеніе перваго изъ сихъ вопросовъ не трудно извлечь изъ приведенныхъ нами словъ Апостола. Если чистая вѣра есть купно чистое человѣколюбіе, или, что тоже, человѣколюбіе есть неразлучное послѣдствіе чистой вѣры: то отсутствіе неразлучнаго послѣдствія по необходимости должно быть признакомъ отсутствія дѣйствующаго начала; и слѣдственно, гдѣ нѣтъ человѣколюбія, тамъ не льзя предполагать чистой вѣры; кто не имѣетъ человѣколюбія, тотъ не можетъ благонадежно увѣрять себя, что имѣетъ чистую вѣру.

Какъ?—скажетъ иной,—я вѣрую въ единосущную Троицу, въ Господа Іисуса Христа Богочеловѣка, въ Его спасительное страданіе, крестную смерть и воскресеніе, въ Его вознесеніе на небо и грядущій судъ, въ благодатныя таинодѣйствія Святаго Духа; отвергаю всякое неправославное мудрованіе: не сія ли есть чистая вѣра въ Бога, каковы бы ни были

отношенія мои къ людямъ?—Нѣтъ спора, единовѣрный мой, что сія есть истинная Апостольская вѣра въ существѣ своихъ догматовъ: но можетъ быть сомнѣніе въ томъ, точно ли ты ее имѣешь, и какъ имѣешь. Поколику ты имѣешь ее въ Словѣ Божіемъ и въ Символѣ вѣры: потолику она принадлежитъ Богу, Его Пророкамъ, Апостоламъ, Отцамъ Церкви, а еще не тебѣ. Когда имѣешь ее въ твоихъ мысляхъ и въ памяти: тогда начинаешь усвоять ее себѣ; но я еще боюсь за сію собственность, потому что твоя вѣра въ мысляхъ, можетъ быть, есть только еще задатокъ, по которому надлежитъ получить сокровище, то есть, живую силу вѣры А какъ получить ее? — сердцемъ, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ: *сердцемъ вѣруется въ правду* (Рим. X. 10.). Но если ты усвоилъ себѣ вѣру сердцемъ, то есть, въ глубинѣ души почувствовалъ ея достоинство, святость и силу, возлюбилъ ее, прилѣпился къ ней: то, въ слѣдствіе сего, надлежитъ, по слову Апостольскому, *вселитися Христу вѣрою въ сердце* (Ефес. III. 17.) твое, то есть, внести въ него Свою благодать, Свой свѣтъ, силу и жизнь, Свое мудрованіе, любовь и добродѣтель; и тогда ты возлюбишь всѣхъ человѣковъ,—иначе и быть не можетъ, — любовію Христовою; изъ любви и благодарности къ пострадавшему и умершему за тебя готовъ будешь пострадать и умереть за спасенныхъ Его любовію и искупленныхъ Его смертію; кратко сказать, по мѣрѣ совершенства въ вѣрѣ будешь совершенъ въ человѣколюбіи. Такимъ образомъ одно изъ двухъ: или ты имѣешь чистую вѣру, и купно

съ нею человѣколюбіе, и вообще Христіанскую добродѣтель и непорочность; или, если сихъ не имѣешь, то не будь дерзновенъ, хваляся одною вѣрою, только словесною, или мысленною, но подвизайся утверждать вѣру въ сердцѣ твоемъ, да вѣруешь въ правду, живою, а не мертвою, дѣятельною въ любви, а непраздною вѣрою, да оправдишься на судѣ Христовомъ, гдѣ воздастся по дѣламъ человѣколюбія, и съ *праведниками отъ вѣры живъ будеши* вѣчно (Рим. I. 17.).

Разсматриваніе отношенія между вѣрою и человѣколюбіемъ, какъ между началомъ и послѣдствіемъ, откроетъ намъ путь къ разрѣшенію и того вопроса: можетъ ли быть чистое человѣколюбіе безъ чистой вѣры? Если спросятъ о человѣкѣ вѣрующемъ: откуда въ немъ чистое человѣколюбіе? отвѣтъ, по ученію Апостольскому, простъ: отъ чистой вѣры. *Вѣра бо чиста и нескверна предъ Богомъ и Отцемъ сія есть, еже посѣщати сирыхъ и вдовицъ въ скорбехъ ихъ.* Но если предположите чистое человѣколюбіе въ человѣкѣ, не имѣющемъ чистой вѣры: то спрашивается откуда оно? Не знаю, какой можно было бы дать на сіе удовлетворительный отвѣтъ. Скажете ли отъ природы? Но природа человѣка, поврежденная грѣхомъ, не производитъ чистаго добра собственною силою безъ особенной благодати Божіей, которая пріемлется только вѣрою. Скажете ли отъ разума? Но онъ принадлежитъ къ той же поврежденной природѣ человѣка, и потому также не обѣщаетъ чистоты безъ благодати. Есть и въ поврежденной грѣхомъ природѣ человѣка рас-

положеніе къ человѣколюбію; одобряетъ сіе расположеніе и необлагодатствованный разумъ: посему и природа и разумъ осудятъ нечеловѣколюбиваго: но возведутъ ли они человѣколюбіе на степень чистоты? На примѣръ правило: *аще алчетъ врагъ твой, накорми его: аще ли жаждетъ, напой его* (Рим. XII. 20.); — изобрѣлъ ли бы разумъ? Обрадовалась ли бы оному природа?—Не знаю. А то знаю достовѣрно, что природа и разумъ, неисправленные вѣрою, пьютъ кровь враговъ, и пожираютъ ихъ трупы. Можетъ и неуправляемый вѣрою сдѣлать иногда благодѣяніе врагу, изъ гордости, для славы великодушія, изъ удовольствія видѣть униженіе одолѣваемаго, для предусматриваемой впереди выгоды собственной; слѣдственно изъ побужденій нечистыхъ. Но чистый законъ любви ко врагамъ только Господь Іисусъ изрекаетъ, только вѣра пріемлетъ, только благодать дѣлаетъ любезнымъ и удобоисполнимымъ. Потому-то Господь, изрекая сей законъ, поставляетъ Себя въ противоположности съ иными законоположителями и наставниками: *Азъ же глаголю вамъ: любите враги ваша* (Матѳ. V. 44.).

Ища истины непреложной, выдерживающей всякое испытаніе, обратимъ вниманіе на особенные случаи, въ которыхъ является чистое человѣколюбіе, по видимому, внѣ предѣловъ чистой вѣры.

Руѳь Моавитянка, слѣдственно, природная язычница, изъ сострадательной любви къ бездѣтной и безпомощной Ноеммини, оставляетъ свой родъ и отечество, и рѣшается слѣдовать за нею въ землю Из-

раилеву, безъ всякой надежды для себя, а только для того, чтобы утѣшать и упокоивать возлюбленную свекровь. Не есть ли это чистое человѣколюбіе внѣ предѣловъ чистой вѣры? — Нѣтъ. Любовь къ благочестивой Ноеммини привила ея вѣру душѣ Руоѳ, и вѣра сдѣлала ее способною къ человѣколюбію, чистому до самозабвенія и самопожертвованія. *Богъ твой, Богъ мой* (Руѳь I. 16.),—говорила Руоѳь Ноеммини, совершая прекрасный подвигъ человѣколюбія.

Ангелъ сказалъ Корнилію Сотнику, также природному язычнику: *молитвы твоя, и милостыни твоя взыдоша на память предъ Бога* (Дѣян. X. 4.). Если милостыни Корнилія взошли на память предъ Бога, то есть, приняты въ благоволеніе Божіе: то онѣ должны быть чистыя, потому что нечистое не можетъ приближиться къ Богу. Не есть ли это чистое человѣколюбіе внѣ предѣловъ чистой вѣры? — Нѣтъ. Изъ словъ Ангела видно, что молитвы Корнилія восходили къ Богу впереди его милостыней: а молитвы восходятъ къ Богу не иначе, какъ предводимыя вѣрою. Искреннее хотѣніе, волю Божію творити, сдѣлалось въ его душѣ пріятелищемъ предваряющей благодати Божіей, и сія ускорила насѣять въ немъ зерно вѣры, сперва нераскрытое, погребенное въ естественномъ невѣдѣніи; а дабы оно раскрылось и прозябло, для того послала потомъ Ангела, и наконецъ Апостола Петра. Что проповѣдь Апостола, какъ солнечный лучь, упала на готовое уже, хотя закрытое, зерно вѣры въ душѣ Корнилія, сіе можно примѣтить изъ

того, какъ быстро вѣра его раскрылась, и какъ высоко возрасла въ немногіе часы. Она достигла уже до причастія Святаго Духа прежде крещенія водою.

Но чтобы рѣшить дѣло непогрѣшительнымъ и окончательнымъ судомъ, приступимъ къ великому суду Христову. Очевидно, что на немъ оправдывается человѣколюбіе. *Взалкахся бо*, говоритъ, *и дасте Ми ясти*, *возжадахся*, *и напоисте Мя*, и такъ далѣе. Но примѣчаете ли важную особенность человѣколюбія, которое Господь оправдываетъ и награждаетъ вѣчнымъ блаженствомъ? *Понеже*, говоритъ, *сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ*, *Мнѣ сотвористе* (Матѳ. XXV. 35. 40.). Дабы дѣла человѣколюбія были чисты, достойны Господа, оправдательны, блаженнотворны, для сего надобно, чтобы онѣ въ лицѣ человѣка сдѣланы были самому Господу Іисусу. Но какъ сего достигнуть? —Думаю, что не иначе можно, какъ путемъ чистой вѣры, которая во всемъ и чрезъ все взираетъ на Господа, Его полагаетъ средоточіемъ всѣхъ намѣреній и дѣлъ, ради Его благодѣтельствуетъ, Его зритъ въ благодѣтельствуемыхъ, какъ наречепныхъ Его братіяхъ, и такимъ образомъ, *милуя нищаго*, *взаимъ даетъ Богу* (Прит. XIX. 17.). *Судъ Божій есть по истинѣ*. Какъ же оправдаетъ Господь дѣла наши, какъ скажетъ намъ: *Мнѣ сотвористе*, если мы дѣлаемъ наши дѣла не для Него, а совсѣмъ по другимъ видамъ, если при дѣлахъ нашихъ къ Нему не взираемъ, и о Немъ не помы-

шляемъ, если не приближаемся къ Нему истинною и чистою вѣрою и любовію?—

Якоже предрекохомъ, и нынѣ паки глаголю. (Гал. I. 9.). Братія Христіане! Да имѣемъ постоянное вниманіе къ сердцу своему, дабы въ немъ отъ источника истинной вѣры исходили чистыя струи человѣколюбія. Аминь.

5. СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ДИМИТРІЯ, ВЪ ДОМЪ ПРИЗРѢНІЯ ДЛЯ ВѢДОМСТВА ДУХОВНАГО ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА, УСТРОЕННОМЪ ГВАРДІИ КАПИТАНОМЪ ДМИТРІЕМЪ ПЕТРОВИЧЕМЪ ГОРИХВОСТОВЫМЪ, ОКТЯВРЯ 2 ДНЯ 1832 ГОДА.

Тогда разсеряется рано свѣтъ твой, и исцѣленія твоя скоро возсіяютъ: и предыдетъ предъ тобою правда твоя, и слава Божія обыметъ тя. Иса. LVIII. 8.

Взирая на сей домъ, какъ на дѣло человѣколюбія, на сей храмъ, какъ на дѣло благочестія, соединеннаго съ человѣколюбіемъ,—помышляя о сирыхъ, безпомощныхъ, безкровныхъ, которымъ уготовляется здѣсь кровъ, помощь, замѣнъ попеченій родительскихъ,—во всемъ, что здѣсь устроено, приготовлено, назначено, примѣчая тихое мановеніе руки, свободно и попечительно простирающейся къ дѣлу благотворенія, какъ изъясню я чувствованіе утѣшенія, какъ удовлетворю побужденію благодарности?—

Желалъ бы я имѣть власть, не только съ искреннимъ желаніемъ, но и съ силою и дѣйствіемъ, изрекать подобныя симъ пророческимъ, обѣщанія и предвѣщанія: *разверзется свѣтъ твой; — предыдетъ предъ тобою правда твоя; — слава Божія обыметъ тя.*

Но что нужды, что слово человѣческое не имѣетъ власти и силы приводить въ дѣйствіе благословенія, которыя оно изрекаетъ сему, или другому благотворящему? Сію власть и силу имѣетъ Слово Божіе для всѣхъ благотворящихъ. Въ дѣлѣ человѣколюбія заключается сѣмя благословенія. Провидѣніе Божіе не оскудѣваетъ, разкрывая сіе сѣмя, возращая, и уготовляя плодъ благодати и спасенія тому, кто благотворитъ ближнему отъ искренняго и чистаго сердца.

Тогда, говоритъ Пророкъ Исаія, *разверзется рано свѣтъ Твой.* Когда это? Видите, что онъ предвѣщаетъ нѣкое особенно прекрасное утро, и не всякому, а нѣкоему особенно счастливому человѣку. Когда же, и кому?— Тогда, и тому, когда кто вѣрно исполнитъ дѣла человѣколюбія, къ которымъ увѣщевалъ Пророкъ непосредственно предъ симъ предвѣщаніемъ своимъ. *Раздробляй алчущимъ хлѣбъ твой; и нищія безкровныя введи съ домъ твой: аще видиши нага, одѣй; и отъ свойственныхъ племене твоего не презри: тогда разверзется рано свѣтъ твой, и исцѣленія твоя скоро возсіяютъ: и предыдетъ предъ тобою правда твоя, и слава Божія обыметъ тя.* Творящему дѣла чело-

вѣколюбія Пророкъ обѣщаетъ не только раннее и ясное утро доброй надежды, но и полдень славы.

Бытіе человѣка идетъ подобно тому, какъ дни міра отъ начала ихъ. *Бысть вечеръ, и бысть утро* (Быт. I. 5.). Сперва сумракъ и тьма, какъ состояніе природы: а потомъ уже свѣтъ, какъ даръ Божій. Жизнь человѣческая показывается сперва въ сумракѣ, смѣшенномъ изъ тьмы невѣдѣнія и изъ мерцаній простоты и незлобія дѣтскаго. За тѣмъ возстающія страсти, возрастающая чувственность, усиливаютъ мракъ. То, что на языкѣ міра называется просвѣщеніемъ и образованностію, не есть удѣлъ многихъ; и притомъ это есть только блескъ поверхностный и безжизненный. Свѣтъ истинно благотворный и жизненный долженъ быть не чуждый, не поверхностный, но воплощенный въ жизнь и дѣятельность человѣка, Божій по дару, *твой* по усвоенію внутреннему. Блаженъ, у кого въ сердцѣ, или въ средоточіи существа, глаголетъ Творческое слово: *да будетъ свѣтъ*. Правда, оно глаголетъ всегда и для всѣхъ; поелику есть слово вѣчное: но поелику сердце человѣческое, по своей ниспадшей природѣ, есть *одебелѣлое* (Иса. VI. 10.), то есть, чувственное, и *каменное* (Іезек. XI. 19.), то есть, по грубой чувственности неспособное къ тонкимъ духовнымъ ощущеніямъ, то не всякое сердце человѣческое довольно чутко для гласа и слова Божія, не всегда довольно прозрачно и чисто для свѣта Божія. Что же можетъ способствовать тому, чтобы сдѣлать сердце человѣческое менѣе грубымъ, и болѣе способнымъ оглашаться глаголами духа, просвѣщаться свѣтомъ

благодати? — Не скажу, чтобы для сего былъ одинъ только способъ: но должно сказать, что, въ числѣ способовъ къ сему, одинъ изъ простѣйшихъ есть добровольное умягченіе, растореніе собственнаго сердца любовію къ ближнему, состраданіемъ къ бѣдствующему, дѣлами человѣколюбія. Такъ *блажени милостиви*; такъ они *помилувани будутъ* (Матѳ. V. 7.). Твори усердно дѣла человѣколюбія: *тогда разверзется рано свѣтъ твой*. Рано: — скорѣе, нежели ты думаешь: скорѣе, нежели какъ достигнулъ бы ты сего средствами, которыя кажутся болѣе искусными и болѣе возвышенными.

Человѣкъ имѣетъ нужду не только въ свѣтѣ благодати, какъ омраченный по природѣ невѣдѣніемъ и чувственностію, но и въ цѣлебной силѣ благодати, какъ немощный и страждущій, не только *плотію*, которая естественно *немощна* (Матѳ. XXVI. 41.), но, что гораздо важнѣе, духомъ. Чувственность, страсть, порокъ потому только и умъ омрачаютъ, что порабощаютъ волю, и лишаютъ ее свободной силы. И гдѣже на земли душа, которая бы не болѣла, легче, или тяжелѣ, въ своей совѣсти? Кромѣ сего есть болѣзни, отвнѣ поражающія душу до глубины: — нещастія, печали. Единый вѣрный, и довольный для всѣхъ людей, случаевъ, немощей, болѣзней, скорбей, врачь душъ и тѣлесъ есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ: это правда; это безцѣнная правда; блаженная правда. Но самое вѣрное лѣкарство надобно вѣрно принять, чтобы оно было цѣлебно и спасительно: и не часто ли нужно бываетъ особенное искусство, дабы лѣкарство было принято, особенное при-

готовленіе, дабы лѣкарство воздѣйствовало? Вы говорите иногда человѣку: пріими всецѣлебное врачество благодати Христовой; но уста души его не отверзаются; рука не простирается, или дрожитъ; и вы напрасно приклоняете къ нему чашу спасенія. Для успѣха въ духовномъ врачеваніи весьма полезно иногда то приготовленіе, чтобы рука человѣка укрѣпилась дѣлами благотворенія, чтобы сердце и уста его разверзлись чувствомъ состраданія и словомъ утѣшенія къ бѣдствующему ближнему; чтобы пріобрѣтаемое посредствомъ дѣлъ милости доброе свидѣтельство совѣсти утвердило надежду на милость Божію, чтобы надежда на Бога милосердаго привела за собою увѣренность въ средствахъ Его милосердія, или вѣру, чтобы вѣра въ Спасителя возбудила святое желаніе къ Нему, или любовь Божественную. Потому Пророкъ, уча благодѣтельствовать, исцѣлять, по возможности скорби ближнихъ, въ слѣдъ за тѣмъ обнадеживаетъ скоростію коренпаго, нашего собственнаго исцѣленія. *Исцѣленія твоя скоро возсіяютъ.*

Обрѣлъ ли уже человѣкъ свѣтъ, или еще коснитъ въ началородной тьмѣ, ускоряется ли его духовное исцѣленіе, или онъ еще влачитъ тягость различныхъ немощей и скорбей ветхаго Адама, онъ между тѣмъ, пока на землѣ, всегда на пути, знаетъ ли его, или не знаетъ, видитъ, или не видитъ, идетъ по нему, или влечется: а враги всегда близко, претыканія всегда подъ ногами, опасности вокругъ, руководства часто не достаетъ, охраненіе не является. Счастливъ, кто можетъ имѣть предъ собою пред-

шествователя, который бы отклонялъ опасныя встрѣчи, показывалъ, гдѣ безопасно поставить ногу, стращилъ и удалялъ враговъ, и призывалъ охранителей! И такого-то предшествователя обѣщаетъ слово Пророка человѣку благодѣтельному къ ближнимъ; и сей надежный предшествователь есть — самая его добродѣтель. *Предыдетъ предъ тобою правда твоя.* Малосвѣдущій въ путяхъ Провидѣнія не вдругъ пойметъ, какимъ образомъ добродѣтель, нами сдѣланная, и оставленная назади, во дняхъ прошедшихъ, можетъ на пути жизни явиться впереди насъ, въ подобіи руководителя: но это вѣрно такъ въ путяхъ Провидѣнія. Она предшествуетъ намъ свѣтомъ, который мы чрезъ нее пріобрѣли, поддерживаетъ насъ силою, которую мы отъ нея пріяли, отражаетъ отъ насъ враждебныя силы тьмы, призываетъ къ намъ невидимыя благотворныя силы свѣта. Поелику добродѣтель человѣколюбія въ дѣйствіяхъ своихъ соотвѣтствуетъ цѣлямъ всеблагаго Провидѣнія, и такимъ образомъ служитъ ему: то Провидѣніе воспріемлетъ на себя, такъ сказать, долгъ взаимности и благодарности, и особенно покровительствуетъ благотворящихъ, какъ своихъ служителей, и свои орудія. Вдова Сарептская на пути своей жизни втрѣтилась съ голодомъ; и вѣрно была бы поглощена имъ: но изъ послѣдней горсти муки она подала въ милостыню Пророку Иліи малый опрѣснокъ. Съ сей минуты сія добродѣтель пошла предъ нею: и она прошла время глада чудеснымъ образомъ безопасно и спасительно.

Наконецъ, если мы уразумѣли, какимъ образомъ

благотворительность къ нуждающимся и бѣдствующимъ ближнимъ доставляетъ человѣку благодатный свѣтъ, благотворную силу, благонадежное руководство на путяхъ жизни: то чрезъ сіе, безъ дальнѣйшихъ изъясненій, становится очевиднымъ и то, что та же благотворительность ведетъ къ причастію славы Божественной. *И слава Божія обыметъ тя.*

Итакъ благодѣющій да благодѣтельствуетъ съ радостію, въ вѣрной надеждѣ благословенія Божія дѣйственнаго и спасительнаго.

Но и пріемлющій благодѣянія, по долгу благодарности, да благословляетъ благодѣтеля словомъ радости, любви, молитвы, да и благодѣтелями и пріемлющими благодѣянія прославляется Богъ, премудро и праведно устрояющій благополучіе бѣдствующихъ чрезъ человѣколюбивыхъ благодѣтелей, и блаженство благодѣтелей чрезъ дѣла человѣколюбія. Аминь.

4. СЛОВО

ПРИ ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА ЖИВОНАЧАЛЬНЫЯ ТРОИЦЫ, СОЗДАННАГО ТЩАНІЕМЪ КНЯГИНИ ЕВДОКІИ НИКОЛАЕВНЫ МЕЩЕРСКОЙ, И ПРИ ОТКРЫТІИ ОСНОВАННАГО ЕЮ, ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО БОРИСОГЛѢБСКАГО ЖЕНСКАГО ОБЩЕЖИТІЯ, ГОВОРЕННОЕ МАЯ 4 ДНЯ, 1822 ГОДА.

Аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ: храмъ бо Божій святъ есть; иже есте вы. 1 Кор. III. 17.

Слава Богу *дивному во святилищи Своемъ!* Еще мѣсто содѣлалось Святымъ и Божіимъ; еще отверзлось небо на земли; еще дано прибѣжище молитвамъ; еще явился престолъ Благодати.

Нѣкогда во всей вселенной былъ одинъ только храмъ истиннаго Бога; и былъ нѣкто, который восхищался отъ одной мысли, что онъ можетъ идти въ домъ Господень: *возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ* (Псал. CXXI. 1.).

Какъ не радоваться теперь, когда, такъ сказать, домъ Божій приходитъ къ намъ изъ невидимаго вездѣсущія Божія, чтобы намъ ближе было приступать къ Богу?

Давидъ, возжелавъ создать храмъ Богу, клялся не имѣть покоя, доколѣ не найдетъ мѣста угоднаго Богу: *клятся Господеви, обѣщася Богу Іаковлю: аще дамъ очима моима сонъ, и вѣждома моима дремание, и покой скранiама моима, дондеже обрящу мѣсто Господеви* (Псал. CXXXI. 2. 4.); а до самого созданія храма и дожить ему не суждено было. Какъ пріятно сердцу, которому не только желаніе создать храмъ Богу, но и совершеніе сего желанія даровано, — какъ пріятно предъ Богомъ сердца успокоиться въ любви и благодарности!

Есть нынѣ здѣсь и еще радость. Вмѣстѣ съ обновленіемъ сего дома Божія, обновляется близъ его домъ Богоугоднаго жительства; такъ что радость благочестія получаетъ новое пространство, соединяясь съ радостію человѣколюбія, и радость человѣколюбія пріемлетъ освященіе отъ радости благочестія. Знаменіе во благо сотворилъ Богъ, устроивъ сіе такимъ образомъ: благо убогимъ, когда они видятъ себя у Бога.

Соединимъ каждый свою радость въ общее славословіе. Благословенъ, дающій благія желанія, укрѣпляющій въ намѣреніяхъ, устрояющій исполненіе! Благословенъ *Богъ, приближающійся* къ намъ Своею благодатію, когда мы не могли бы приближиться къ Нему по нашей немощи и недостоинству!

Благословенъ *Отецъ сирыхъ и Судія вдовицъ, Богъ во святомъ Своемъ жилищи* (Псал. LXVII. 6. 7.), Который *вселяетъ единокихъ въ домъ*, Который, даруя пришельцамъ обитель, ищетъ въ нихъ обители Себѣ Самому!

Впрочемъ, сколь ни чистъ источникъ нашей радости предъ Богомъ, намъ заповѣдано и *радоватися* Господу *съ трепетомъ* (Псал. II. 11.). И естественная осторожность побуждаетъ, съ радостію о желанномъ пріобрѣтеніи соединять заботу о томъ, какъ беречь, и какъ употреблять пріобрѣтенное. И отъ Апостола слышимъ грозное слово на того, кто не сохранитъ столь драгоцѣннаго пріобрѣтенія, какъ храмъ Божій: *аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ*

И такъ великое вниманіе потребно на то, чтобы пользоваться храмомъ Божіимъ, и не повреждать его.

Обыкновенно потолику бережемъ вещь, поколику знаемъ ея достоинство. Посему Апостолъ, убѣждая не разорять храма Божія, указываетъ на его достоинство, которое называетъ святостію: *храмъ бо Божій святъ есть* (Псал. LXIV. 5.).

Мысль о святости храма Божія онъ находитъ столь очевидною, что для удостовѣренія въ ней не присовокупляетъ ничего, а самую сію мысль полагаетъ въ основаніе удостовѣренія. Въ самомъ дѣлѣ, что храмъ Божій долженъ быть святъ, сіе столь же свойственно думать, какъ то, что день долженъ быть свѣтелъ. День безъ свѣта не былъ бы днемъ:

храмъ безъ святости не былъ бы храмомъ, но или простымъ домомъ, или даже капищемъ.

Но что такое свѣтъ дня? Что такое святость храма? — Здѣсь подъ очевидностію скрывается тайна, которой иные не проникаютъ, и либо въ невѣдѣніи остаются, либо уклоняются во мнѣнія погрѣшительныя, и даже иногда, какъ говоритъ Апостолъ, *елика не вѣдятъ, хулятъ* (Іуд. 10.). Нѣкоторые, на примѣръ, особенную святость храма полагаютъ въ древности его, или находящихся въ немъ священныхъ вещей. Почтенна древность, и мысль о ней величественна; въ ней созерцаемъ мы образъ вѣчности, которая сама въ себѣ превышаетъ наше созерцаніе: почему и Самъ Богъ въ видѣніи Пророческомъ является въ образѣ, и нарицается именемъ *Ветхаго деньми* (Дан. VII. 9.). Однако мысль о святости храма отнюдь не должна быть смѣшиваема съ мыслію о древности. Храмъ Соломоновъ былъ новъ, когда Богъ явился Соломону, и сказалъ: *освятилъ храмъ сей, егоже создалъ еси* (3 Цар. IX. 3.): храмъ сей былъ древенъ, когда сей же Богъ предалъ его язычникамъ на оскверненіе и разрушеніе. Горница Іерусалимская содѣлалась первымъ новымъ храмомъ Христіанскимъ, по вознесеніи Господнемъ: но когда въ ней получили Апостолы изліяніе Святаго Духа, тогда, безъ сомнѣнія, она имѣла въ себѣ несравненно болѣе святости, нежели древній въ то время храмъ Іерусалимскій.

Чтобы взойти къ истинному и общему началу святости, принадлежащей храму Божію, должно

вспомнить, что первый создатель святаго храма, который названъ тогда скиніею, поелику былъ устроенъ по подобію шатра, такъ какъ и народъ Божій въ то время обиталъ въ шатрахъ, странствуя въ пустыни),—что создатель сего храма былъ Самъ Богъ; что чертежъ сего перваго храма принесенъ былъ съ небесъ, какъ заповѣдано Моисею: *виждь, да сотвориши по образу, показанному тебѣ на горѣ* (Исх. XXVII. 8.); что по сему же самому образу, только съ новымъ великолѣпіемъ, созданъ послѣ храмъ Соломоновъ; что наконецъ послѣ того, какъ съ Христіанствомъ открылось, представленное прежде въ чувственныхъ видахъ, поклоненіе Богу духомъ и истиною, храмъ Христіанскій содержитъ ту же святыню въ духѣ и силѣ, которая въ храмѣ Моисеевомъ или Соломоновомъ представлена была въ образѣ и явленіи. Что же было источникомъ святыни въ храмѣ Моисеевомъ и Соломоновомъ? — Омовеніе и помазаніе, употребительныя и въ древности, какъ нынѣ, составили только приготовительное освященіе; самая Святыня ознаменовывалась тогда, когда чудесный облакъ осѣнялъ скинію или храмъ; когда небесный огнь исходилъ на жертвы, словомъ, когда являлось присутствіе Всемогущаго Бога. Такъ святыню храма изъясняетъ Соломону Самъ Богъ: *освятихъ храмъ сей, егоже создалъ еси.*— Но какъ, Господи?— *Еже положити имя Мое тамо во вѣки, и будутъ очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни* (3 Цар. IX. 3.). Посему и нынѣ въ совершительномъ дѣйствіи освященія возвѣщается присутствіе Божіе, когда возглашается

вратамъ, чтобы онѣ *возвысили верхи свои, да внидетъ Царь славы* (Псал. XXIII. 7.).

И такъ глубокое основаніе святости храма Божія есть присутствіе Божіе во храмѣ, таинственное и непостижимое, но тѣмъ не менѣе истинное и дѣйствительное *Господь* Самъ *во храмѣ святымъ Своемъ* (Псал. X. 4.).

Напрасно люди, которые думаютъ мудрствовать выше, нежели учитъ премудрость Божія, говорятъ, что имъ не нужно искать присутствія Божія во храмѣ, потому что они познали вездѣсущіе Божіе. Что вы говорите? Развѣ Богъ не знаетъ Своего вездѣсущія? Не сказалъ ли Онъ чрезъ Пророка: *небо престолъ Мой, земля же подножіе ногъ Моихъ; кій домъ созиждете Ми, и кое мѣсто покоища Моего* (Иса. LXVI. 1.)? Не ужели Онъ забылъ о семъ вездѣсущіи Своемъ, когда Самъ сказалъ Соломону о храмѣ: *будутъ очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни!* Конечно никакое особенное мѣсто не нужно для вездѣсущія Божія: но для ограниченности человѣческой нужно, по крайней мѣрѣ до нѣкотораго степени усовершенія, имѣть извѣстный предѣлъ, гдѣ бы совершалось прикосновеніе къ безпредѣльному. Знаемъ и мы, что будетъ нѣкогда *святый градъ*, въ которомъ не *видно будетъ храма; Господь бо Богъ Вседержитель храмъ ему есть* (Апок. XXI. 22.). Но градъ сей долженъ *сити отъ Бога съ небеси* (10.): не созиждетъ его надменное мудрованіе человѣческое которое мнимымъ познаніемъ вездѣсущія Божія хочетъ разрушить

храмъ Божій; ничего не созижденъ оно, кромѣ Вавилона.

Можетъ быть, найдутся и такіе, которые скажутъ: какъ найдемъ мы во храмѣ присутствіе Божіе, когда оно уже не является ни въ облакѣ осѣняющемъ, ни въ огнѣ сходящемъ съ неба? Таковымъ отвѣтствуемъ на сіе словомъ Христовымъ: *аще знаменій и чудесъ не видите, не имате вѣровати* (Іоан. IV. 48.)! Какъ-бы такъ сказалъ Онъ: бѣдные маловѣры! вы все требуете, чтобы вѣра ваша питаема была непрерывными видимыми чудесами, подобно какъ слабыя растенія сохраняютъ искуственною теплотою, вмѣсто естественной солнечной. – Теперь уже не зима, или хладная древняя ночь; теперь лѣто Господне пріятно, и ясный день спасенія. Не то уже время, когда надлежало слабое растеніе вѣры сохранять и живить силою внѣшнихъ чудесъ, время уже вѣрѣ вашей, живой во Іисусѣ Христѣ, безъ внѣшнихъ подпоръ укрѣпляться, и самой производить чудесные плоды. Вѣруйте, не требуя видимыхъ чудесъ, и вы увидите несравненно высшей степени чудеса невидимыя. На что вамъ Синайскіе громы, когда вы слышите здѣсь въ Евангеліи живое слово живаго Бога? На что вамъ облакъ осѣняющій, въ которомъ древніе, какъ говоритъ Апостолъ, *крестились въ Моисея* (1 Кор. X. 2.), когда здѣсь имѣете вы крещеніе, облекающее васъ во Христа, и осѣненіе отъ Духа Святаго? На что вамъ огнь, ниспадающій съ неба и поядающій кровавыя жертвы, когда здѣсь есть Божественный огнь, исходящій на безкровную жертву, и

се, не разрушая, превращающій въ Божественную плоть и кровь, въ пищу жизни вѣчной? Найдите только здѣсь хотя одну общую молитву вѣрныхъ; и тогда вы нашли здѣсь истинное присутствіе Божественнаго Спасителя, по Его непреложному обѣщанію: *идѣже еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь и Азъ посредь ихъ* (Матѳ. XVIII. 20). Вѣруйте присутствію Его: и тогда, если нужно будетъ, Онъ покажетъ вамъ Свое присутствіе и видѣніемъ, какъ показалъ многоразлично многимъ, начиная отъ посѣщенія Апостольской храмины, дверемъ затвореннымъ. Но безъ нужды не домогайтесь видѣнія: *блажени не видѣвшіи, и вѣровавше* (Іоан. XX. 20.).

Христіане! Въ какой бы то ни было сокровенности, только, если мы имѣемъ во храмѣ такое сокровище, какого драгоцѣннѣе и небеса не имѣютъ, то есть, святое и благодатное присутствіе Божіе: то съ какимъ вниманіемъ, съ какимъ благоговѣйнымъ страхомъ должны мы здѣсь обращаться, чтобы оное не было у насъ отнято, чтобы не было сказано и намъ, какъ нѣкогда сказано поклонникамъ дома Божія въ Іерусалимѣ: *се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ* (Лук. XIII. 35.)!

Вы стоите здѣсь предъ Богомъ: точно ли стоите вы непоколебимо въ Его присутствіи, не убѣгаетъ ли мысль ваша за стѣны храма, не обращается ли сердце ваше отъ Бога къ тварямъ, хотя и въ домѣ человѣческомъ вы почитаете неприличнымъ оставить господина, и предпочтительно предъ нимъ обра-

щаться съ рабами? Берегитесь, чтобы Великій Владыка сего высокаго дома въ свою чреду не отвратился отъ васъ, какъ вы отъ Него, и чтобы не остался для васъ домъ сей пустъ.

Вы участвуете здѣсь въ молитвахъ: изрекаетъ ли внутренно духъ вашъ то, что внѣшно говорятъ уста? Чувствуетъ ли сердце, что слышитъ ухо? Или вы думаете, что Богъ будетъ внимать молитвѣ, которой вы сами не внимаете? Берегитесь, чтобы домъ молитвы не остался для васъ пустъ.

Что убо сотворимъ, предстоящіе во храмѣ, что сотворимъ, дабы не нарушить святыни храма? — Каждый изъ насъ долженъ пещись о созиданіи, объ освященіи, о святомъ употребленіи въ общемъ храмѣ своего собственнаго храма Богу. Ибо, говоритъ Апостолъ, *храмъ Божій святъ есть, иже есте вы* (1 Кор. III. 17.). То есть, вы признаете, что храмъ Божій святъ, и что раздражаетъ Бога тотъ, кто нарушаетъ святыню его: но сей храмъ—вы, если святыня его не имѣетъ инаго начала, кромѣ васъ; въ васъ открывается духъ, заключенный въ образахъ его; въ васъ постигается значеніе знаменій его. *Вы есте церкви Бога жива* (2 Кор. IV. 16.). Тайна глубокая, *сокровенная*, какъ говоритъ тотъ же Апостолъ, *отъ вѣкъ и родовъ въ Богѣ и нынѣ являемая только святымъ Его, иже есть Христосъ въ васъ* (Кол. I. 26.)! Тщетно усиливались бы мы нѣмотствованіемъ плотскаго языка изъяснить духовныя и Божественныя чудеса, заключенныя въ сей тайнѣ. Не пытливостію, но вѣрностію пріобрѣ-

тается открытіе тайны. Будемъ вѣрны въ томъ, что уже открыто намъ: такъ приготовимъ себя и къ высшему откровенію сокровеннаго. Тебѣ уже сказано, что ты храмъ Божій. примѣчай же все, что есть, и что совершается, во храмѣ Божіемъ, и сообразно съ симъ располагай себя, и паипаче свою внутренность. Видишь здѣсь изображенія дѣлъ Божіихъ и Святыхъ Его: наполняй и ты умъ твой и память, яко духовными образами, назидательными помышленіями о великихъ дѣлахъ Божіихъ, и о Богоугодныхъ дѣлахъ Святыхъ Его Видишь свѣтильникъ предъ святымъ изображеніемъ: старайся, чтобъ и въ тебѣ святыя помышленія о Богѣ раждали свѣтъ вѣры, и возжигали огнь любви къ Богу. Видишь куреніе кадила: *да исправится молитва твоя, яко кадило, предъ Богомъ* (Псал. CXL. 2.). Слышишь слово Божіе: внимай такъ, чтобы оно *вселилось въ тебя* (Кол. III. 16.), чрезъ ученіе и вразумленіе себя самого. Слышишь пѣніе во славу Божію: *воспѣвай* и ты *въ сердцы твоемъ Господеви*. Видишь Священнослужителей предстоящихъ Престолу Таинъ, и возвѣщающихъ, что мы *изобразуемъ* собою *Херувимовъ*, предстоящихъ Животворящей Троицѣ: *отлагай* же и ты *житейскія попеченія; да молчитъ* въ тебѣ *все плотское*, и да навыкнетъ духъ твой съ Давидомъ *зрѣть Господа предъ собою выну* (Псал. XV. 8.).

Тако, братія, *приходя*, здѣсь *ко Христу, камени живу, и сами зиждитеся въ храмъ духовенъ, священительство свято, возносити жерт-*

вы духовны, благоугодны Богови Іисусѣ Христомъ (1 Петр. II. 5.). Со Апостоломъ *молю вы, братіе* и сестры, *щедротами Божіими, представите тѣлеса ваша жертву живу, чисту, благоугодну Богови, словесное служеніе ваше.* Аминь.

5. СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА СВЯТЫЯ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ПРИ ЕКАТЕРИНИНСКОМЪ ИНСТИТУТѢ, ГОВОРЕННОЕ СЕНТЯБРЯ 14 ДНЯ, 1830 ГОДА.

Уготовися призывати Бога твоего, Израилю. Амос. IV. 12.

Освященіе храма есть одинъ изъ случаевъ, при которыхъ Церковь подаетъ намъ мысли о приготовленіи нашемъ для Бога.

Ибо что значатъ, съ особенною торжественностію, во время сего тайнодѣйствія, возглашаемыя пророческія слова: *возмите врата князи ваша, и возмитеся врата вѣчная: и внидетъ Царь славы* (Псал. XXIII. 7.)?

Скажемъ ли, согласно съ изъясненіемъ нѣкоторыхъ древнихъ созерцателей, что симъ изображается восхожденіе Іисуса Христа, по воскресеніи, съ обоженнымъ въ Немъ человѣчествомъ, на небо, — восхожденіе необычайное для небесъ, потому что безпримѣрно дотолѣ, и совсѣмъ непостижимо было

восхожденіе на небо съ плотію: почему и надлежало произойти нѣкоему необычайному движенію небесныхъ силъ, такъ какъ-бы малыя двери и тайная лѣствица восхожденія и нисхожденія Ангеловъ, превращались въ великія врата торжественнаго вшествія Побѣдителя смерти и Возстановителя человѣчества? — Нѣтъ спора о семъ первоначальномъ, небесномъ смыслѣ словъ Пророческихъ: но когда онѣ произносятся предъ вратами храма земнаго; то по необходимости требуютъ сюда относящагося примѣненія.

Скажемъ ли, что симъ изображается вступленіе въ освящаемый храмъ благодатнаго, таинственнаго присутствія Іисуса Христа, Царя славы, да возсядетъ здѣсь на престолѣ храма, подобно какъ на небесахъ возсѣдитъ одесную Бога Отца, да подаетъ отселѣ благодать, подобно какъ оттолѣ даетъ славу? — Это вѣрно такъ: но что значитъ, что велятъ возвыситься вратамъ вѣчнымъ, тогда какъ сіе повелѣніе произносится предъ вратами, которыя суть временны, потому что вещественны, и которыя сего повелѣнія не могутъ ни услышать, ни понять, ни исполнить?

Для удовлетворительнаго разрѣшенія сего вопроса возмемъ въ основаніе то, что говоритъ о храмѣ и о святости его Святый Апостолъ Павелъ: *храмъ Божій святъ есть, иже есте вы* (1 Кор. III. 17.). То есть: храмъ Божій есть чувственное изображеніе духовнаго храма, который есть истинный Христіанинъ; святостію храма изображается святость Христіанина; слѣдственно и освященіемъ храма, освя-

щеніе Христіанина. И такъ, когда при освященіи храма возглашается ко вратамъ вѣчнымъ: то сіе относится къ безсмертной душѣ, къ ея свободной волѣ, желаніямъ и любви, коими она можетъ пріять Бога. Когда повелѣвается, чтобы врата возвысились: то чрезъ сіе возбуждается человѣкъ воздвигнуть силу воли своея отъ низкихъ, земныхъ вещей къ возвышеннымъ, небеснымъ предметамъ. вознести горѣ помышленія и желанія, отверсть вѣрою, расширить любовію сердце, къ общенію съ безконечнымъ Богомъ.

Если сіе изъясненіе словъ Пророческихъ и обряда освященія храма нѣкоторымъ покажется недовольно простымъ, для убѣжденія въ истинѣ: то пусть повѣрятъ оное возглашеніемъ другаго Пророка, прямо къ чтущимъ Бога человѣкамъ, подъ именемъ Израиля. *Уготовися призывати Бога твоего, Израиля:* взываетъ Пророкъ Амосъ: или, точнѣе по Еврейскому его изреченію: *приготовься въ срѣтеніе Богу твоему*. Пусть вспомнятъ обѣщаніе посѣщенія Божія, которое не иносказательно ко вратамъ или храму, но прямо къ вѣрующему человѣку и къ любящей душѣ произноситъ Самъ Іисусъ Христосъ: *аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ; и Отецъ Мой возлюбитъ Его, и къ нему придемъ, и обитель у Него сотворимъ* (Іоан. XIV. 23.).

И такъ тебѣ говорятъ, Христіанская душа, *приготовься во срѣтеніе Богу твоему.*

Какъ приготовиться? Когда ожидать Его? Гдѣ можно съ Нимъ встрѣтиться? — Посмотримъ нѣсколько пристальнѣе, нѣсколько ближе.

Человѣкъ не такъ сотворенъ, чтобы ему быть и оставаться въ разлученіи съ Богомъ, и въ удаленіи отъ Него. Если душа человѣка есть дыханіе жизни отъ устъ Господнихъ, какъ сказуетъ книга Бытія: то какова близость между дыханіемъ и дышущимъ, такова должна быть близость между человѣческою душею и Богомъ. Разлученіе человѣка отъ Бога есть состояніе неестественное. О причинѣ сего разлученія тоже должно сказать въ отношеніи ко всѣмъ человѣкамъ, что сказано Пророкомъ въ отношеніи къ Іудеямъ: *грѣси ваши разлучаютъ между вами и между Богомъ* (Исаіи LIX. 2.). Посмотрите на первыхъ человѣковъ послѣ перваго грѣха. *Услышаста гласъ Господа Бога ходяща въ раи по полудни:* вотъ слѣдъ первоначальнаго общенія человѣка съ Богомъ! *И скрыстася Адамъ же и жена его отъ лица Господа Бога* (Быт. III. 8.) вотъ изображеніе грѣховнаго разлученія отъ Бога! Примѣчайте, что милосердый Богъ идетъ къ человѣку и послѣ грѣха его: но грѣшникъ не готовъ во срѣтеніе Богу своему, и убѣгаетъ отъ Него. И это не въ раю токмо: но и по изгнаніи человѣка изъ рая, Богъ все еще старается приближиться къ грѣшнику, чтобы обратить его къ Себѣ, и потому не гнушается говорить даже съ братоубійцею Каиномъ; а грѣшникъ продолжаетъ удаляться отъ Бога; и не Богъ Каину, но Каинъ самъ себѣ произноситъ приговоръ изгнанія отъ лица Божія. Такъ отъ первыхъ дней міра, и далѣе, Богъ все идетъ къ человѣку, приближается, является, въ дѣлахъ природы и Провидѣнія, въ чудесахъ, въ откровеніяхъ, въ законѣ,

въ Пророкахъ, и въ послѣдокъ дній сихъ въ единородномъ Сынѣ Своемъ Іисусѣ Христѣ. Прислушайся, внимательная душа: не слышится ли и тебѣ *гласъ Господа Бога ходяща*, не только *въ рай по полудни*, но и по всей вселенной, въ полудни и въ полунощи, утромъ и вечеромъ? Скажетъ ли напротивъ душа разсѣянная, что она ничего таковаго не слышитъ? На сіе отвѣтствуемъ ей: Богъ однако не перемѣнился, не отступилъ вспять, не пересталъ дѣйствовать, если ты Его не слышишь, то ты невнимательна.

Какъ вѣчный и вездѣсущій, Богъ присутствуетъ и дѣйствуетъ всегда и вездѣ, потому всегда и вездѣ можно съ Нимъ встрѣтиться. Но поелику человѣкъ, по грѣховности своей отвращается и удаляется отъ Бога; по своей перемѣнчивости и немощи не всегда внемлетъ Ему; по своей духовной слѣпотѣ и плотяной огрубѣлости часто не примѣчаетъ тонкихъ духовныхъ дѣйствій Божества: то есть особенныя обстоятельства и случаи, когда, и гдѣ, гласъ шествія Божія къ человѣку особенно внятно слышенъ, и такимъ образомъ человѣкъ особенно призывается уготовиться во срѣтеніе Богу своему *Сице сотворю ти, Израилю*, говоритъ Богъ у Пророка: *обаче яко сице сотворю ти, уготовися во срѣтеніе Богу твоему, Израилю*. Теперь нѣтъ нужды доискиваться, о какомъ дѣлѣ Своемъ предваряетъ Богъ Израиля: хотя впрочемъ изъ словъ Пророка можно примѣтить, что это есть угроза дѣломъ правосудія и наказанія: довольно замѣтить для настоящаго разсужденія, что есть особенныя дѣ-

ла, которыя творитъ Богъ, и о которыхъ предваряетъ человѣка, именно для того, чтобы возбудить вниманіе человѣка; чтобы показать ему Свое приближеніе, и призвать его во срѣтеніе Себѣ; чтобы внушить ему Свои спасительныя намѣренія, и расположить его къ соотвѣтствованію онымъ.

Видѣна быша шествія Твоя, Боже (Псал. LXVII. 25.)! Просвѣти очи наши, чтобы въ чистомъ свѣтѣ разсмотрѣть видѣнное, да научимся созерцать и невидѣнное нами.

Если намъ не довелось собственными очами видѣть какого нибудь великаго и чудеснаго шествія Божія, въ которомъ *земля потрясеся, небеса кануша отъ лица Бога Синаина* (Псал. LXVII. 9.): не видимъ ли мы, по мѣстамъ, по временамъ, хотя меньшихъ путей Его, которые идутъ иногда прямо къ намъ? Не случается ли, что земное, насъ окружающее, потрясается, отслоняется отъ насъ, и оставляетъ пространство между нами и прочими тварями? Болѣзнь, печаль, потрясеніе благосостоянія, разлука съ людьми искренними и вѣрными, ненадежность оставшихся, гоненіе, угнѣтеніе, презрѣніе, превратности внезапныя, бѣдствія поражающія, опасности грозныя, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, неизъяснимое внѣшними причинами внутреннее дѣйствіе, не приводятъ ли насъ иногда въ такое расположеніе духа, что предметы, дотолѣ занимательные и пріятные, уже не привлекаютъ насъ, но становятся неусладительны, безвкусны, чужды; мы чувствуемъ пустоту, ничтожность всего, что испытали, потребность и нѣкое ожиданіе, которыхъ ничто не удо-

влетворяетъ? Знаете ли, что это такое?—Невидимое, однако же не совсѣмъ непримѣтное *шествіе Бога* нашего, *глась Господа ходяща.* Онъ идетъ къ душѣ нашей, и уготовлястъ Себѣ путь, отстраняя отъ нея твари, около ея тѣснящіяся, и путь Ему преграждающія. И *яко сице творитъ* Онъ тебѣ: *уготовися во срѣтеніе Богу твоему, Израилю,*—уготовься, душа моя, свободнымъ и рѣшительнымъ отверженіемъ тварей, нелюбленіемъ міра, ни яже въ мірѣ, дабы не было тебѣ препятствія принять Бога полною любовію нераздѣленнаго сердца.

Когда мысль о будущемъ и страхъ суда Божія, какъ громовый ударъ, пробуждаетъ насъ отъ дремоты безпечности; когда совѣсть, какъ молнія, внезапнымъ грознымъ свѣтомъ озаряетъ мракъ души, и обличаетъ все, даже до сокровенныхъ нечистотъ, помысловъ и желаній, даже до забытыхъ давно грѣховъ юности: что и это, какъ не *шествіе Бога* правосуднаго и вмѣстѣ милосердаго, *глась Господа*, преслѣдующаго грѣхъ, и въ тоже время ищущаго благодатно приближиться къ грѣшнику? Не скрывайся же безполезно, какъ Адамъ; не заточай упорно самъ себя далѣе и далѣе отъ Бога, подобно Каину; *уготовися во срѣтеніе Богу твоему,* сердечнымъ сокрушеніемъ, слезами, покаяніемъ, исправленіемъ житія.

Чувствуешь ли разширеніе, облегченіе, возвышеніе сердца, при совершеніи добраго дѣла, во время прилѣжной молитвы, при посѣщеніи храма Божія, при слушаніи слова Божія? — Знай, что это *глась Господа Бога ходяща въ раи* внутреннемъ,

благодатное приближеніе, сладкое въ двери сердца толцаніе Того, Который сказалъ: *се стою при дверехъ и толку; аще кто услышитъ гласъ Мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему, и вечеряю съ нимъ, и той со Мною* (Апок. III. 20.). Не теряй драгоцѣннаго мгновенія; не запирайся отъ вожделѣннаго Пришельца; *уготовися во срѣтеніе Богу твоему,* отверзи Ему дверь сердца твоего вѣрою, любовію и искреннею готовностію послушливо принимать благодатныя внушенія, и вѣрно послѣдовать онымъ.

Вотъ нѣкоторыя, наиболѣе обыкновенныя срѣтенія благодатныхъ посѣщеній. Кто внимательно будетъ ожидать, и тщательно готовиться: тотъ будетъ встрѣчать Бога своего такъ часто, и такъ близко, что наконецъ возможетъ сказать съ Давидомъ: *предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Псал. XV. 8.).

Призри благодатно, Господи, и на нашего Давида, и на сопрестольную Ему общую для всѣхъ дѣтей сихъ по человѣколюбію Матерь; и къ тѣмъ, которые устроеніемъ сего святилища желаютъ приближить къ Тебѣ, и Тебѣ уготовать юныя сердца сіи, буди выну близокъ и присущъ святымъ и освящающимъ Твоимъ благословеніемъ, временнымъ и вѣчнымъ. Аминь.

6. СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА СВЯТАГО ДУХА НА МОСКОВСКОМЪ ДАНИЛОВСКОМЪ КЛАДБИЩѢ, ГОВОРЕННОЕ СЕНТЯБРЯ 25 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Благодать даянія предъ всякимъ живымъ (да будетъ), и надъ мертвецемъ не возбрани благодати. Сир. VII. 36.

Радоваться на кладбищѣ, правда, не очень у мѣста: однако я не колеблюсь признаться, что съ радостію нахожусь нынѣ на семъ мѣстѣ, куда въ продолженіи многихъ лѣтъ множество людей ежедневно приноситъ свои печали.

Радуюсь, помышляя о снисхожденіи благодати Божіей, которая сего новаго, вѣрою ей предлагаемаго, жилища не отвергла; потому что благоволила совершиться освященію онаго по чину святыни.

Радуюсь, помышляя о семъ храмѣ, вмѣсто ветхаго новомъ, вмѣсто близкаго къ разрушенію увѣковѣченномъ, вмѣсто скуднаго и малоудобнаго благоустроенномъ и благолѣпномъ.

Радуюсь, воспоминая въ вѣрѣ и упованіи преставльшагося раба Божія, который принесъ мнѣ первую заботу о недостаточномъ устройствѣ бывшаго здѣсь храма, и еще двухъ подобныхъ, и ввѣрилъ нескудныя для каждаго изъ трехъ даянія, съ такою притомъ строгою осторожностію, да *не увѣсть шуйца, что творитъ десница*, — что и не означенное именемъ его собственноручное писаніе о семъ дѣлѣ истребовалъ отъ меня назадъ, чтобы почеркъ руки не обнаружилъ его предъ человѣками. Возлюбившая благолѣніе дому Бога своего, душа! Богъ видитъ твое имя, котораго я не произношу, повинуясь твоему завѣщанію: и да сохранитъ оное въ книгѣ живота; да украситъ оное на небеси славою, безъ сомнѣнія лучшею, нежели та, отъ которой ты благоразумно скрывался на земли; да скажетъ тебѣ тамъ, гдѣ ты у Него почиваешь, что добрая мысль твоя не осталась безъ дѣла, и что даяніе твое встрѣтилось и съ добрыми руками, и съ обиліемъ другихъ даяній, такъ что добрый плодъ превысилъ добрую надежду.

Радуюсь, помышляя о всякомъ рабѣ Божіемъ, мало ли, много ли, по силѣ споспѣшествовавшемъ созданію и украшенію сего храма, и наипаче о понесшемъ все попеченіе и трудъ сего устроенія. — И для чего жъ не сказать иногда что нибудь въ Церкви о нѣкоторыхъ частныхъ людяхъ, если только не по человѣческимъ видамъ сказать желается? — Незнатная женщина была та, которая помазала благовоннымъ муромъ главу Господа Іисуса; и сіе дѣло ея, по видимому, было простое, женскому об-

разу мыслей свойственное: однако за доброту ея намѣренія, Господь тогда же повелѣлъ о ней и дѣлѣ ея говорить въ Церквахъ всего міра. Можно говорить въ Церкви о томъ, что дѣлается для Бога и Церкви. — Что же радостно мнѣ, при мысли о устроителѣ храма сего? — Не только то, что онъ щедро послужилъ здѣсь Богу стяжаніемъ и трудомъ, но и въ особенности, что вступилъ въ сіе дѣло тогда, какъ не былъ къ оному привлекаемъ никакою нуждою, никакою обязанностію; — тогда, какъ имѣлъ уже на своемъ попеченіи другой храмъ; — тогда, какъ обнаруженная нѣкоторыми холодность къ сему дѣлу представляла неблагопріятный примѣръ, и мы, искавшіе помощи оному, оказались было безпомощными. Не говорю о семъ яснѣе потому, что ни на кого не только жаловаться, но и въ мысляхъ моихъ сѣтовать не желаю: Богъ да наставитъ на лучшее всѣхъ насъ; Церкви же Своей Онъ вѣрно не оставитъ безъ благопотребной во время помощи, какъ сказалъ я относительно къ сему храму еще въ минуты безпомощности, и какъ, по благости Божіей, на дѣлѣ оказалось.

Радуюсь, думая о бѣдныхъ и безпомощныхъ братіяхъ нашихъ, которые при семъ храмѣ обрѣтаютъ себѣ и жилища новоустроенныя, и средства къ постоянному призрѣнію опыхъ уготованныя, съ тѣмъ же свободнымъ доброхотствомъ, которое дѣйствовало въ созиданіи храма.

Сказавъ сіе, съ моей стороны — по долгу благодарности, для другихъ — въ утѣшеніе и назиданіе, прибавлю для добродѣющаго въ Церкви: да не

приложитъ онъ сердца своего къ человѣческой похвалѣ, если слышитъ или услышитъ ее; да не воспріиметъ мзды человѣческой, суетной и ничтожной, за то, что дѣлалъ для Бога, истиннаго и вѣчнаго Мздовоздаятеля; да возрадуется съ нами, но не о себѣ, а о Господѣ, который благословилъ его и стяжаніемъ, и намѣреніемъ добраго употребленія онаго, и благоуспѣшнымъ исполненіемъ намѣренія.

Наконецъ, радуюсь я теперь, думая и о усопшихъ братіяхъ нашихъ, здѣ лежащихъ. Ибо если не напрасно благочестивая древность ввела въ обычай, чтобы они полагаемы были при Церкви; если есть для нихъ польза отъ приносимыхъ здѣсь за нихъ молитвъ и великой безкровной Жертвы: то мнѣ мнится, что и они вмѣстѣ съ нами празднуютъ, когда здѣсь молитвы и жертвоприношенія о нихъ возобновлены, разпространены на три олтаря, упрочены.

А что есть душамъ усопшихъ польза отъ совершаемыхъ за нихъ молитвъ и жертвоприношеній, о томъ не будетъ здѣсь неумѣстно сказать нѣсколько словъ, ради общаго нашего утѣшенія и назиданія.

Есть въ Христіанствѣ люди, которые сами себя лишаютъ утѣшенія молиться за усопшихъ. Какіе это люди? — Безъ сомнѣнія тѣ, которые, примѣтнымъ или непримѣтнымъ для себя образомъ, больше любятъ умствовать, нежели вѣровать. Почему не пріемлютъ они молитвъ за усопшихъ? — Не видно другой тому причины, кромѣ той, что не понятно, какъ дѣйствіе молитвы простираться можетъ такъ дале-

ко,—даже изъ одного міра въ другой, изъ видимаго въ невидимый.

Человѣка, разсуждающаго такимъ образомъ, спросилъ бы я: понятно ли обыкновенному разуму дѣйствіе молитвы человѣка живущаго за другаго живущаго,—особенно если молитва приносится за отсутствующаго, или же и за присутствующаго, но приносится для испрошенія чего либо нравственнаго и духовнаго, какъ-то прощенія грѣховъ, исправленія отъ пороковъ, укрощенія страстей, просвѣщенія, утвержденія въ добродѣтеляхъ? Двѣ души, каждая съ своимъ собственнымъ умомъ, волею, склонностями, свободою, не суть ли одна для другой два отдѣльные міра, — отдѣльные тѣмъ болѣе, что преграждены тѣлами? Какъ же молитва одной простираетъ свое дѣйствіе на другую?

Пусть отвѣчаютъ на сіи вопросы, какъ хотятъ. Если возмутся изъяснить, какъ отдѣльность существа и свободы не мѣшаетъ дѣйствовать молитвѣ за живыхъ: симъ самымъ изъяснится, какъ таже отдѣльность не мѣшаетъ молитвѣ за усопшихъ. Если скажутъ, что дѣйствіе молитвы за живыхъ возможно, хотя неизъяснимо разумомъ; то я скажу: не отвергайте же и дѣйствія молитвы за усопшихъ потому только, что оно неизъяснимо, или таковымъ кажется.

А по моему мнѣнію, въ предметахъ вѣры безопаснѣе то, чтобы меньше умствовать, а болѣе вѣрить, и утверждаться не на мудрованіи собственномъ, а на Словѣ Божіемъ. Слово же Божіе говоритъ: *о чесомъ помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы* (Рим.

VIII. 26.). Слѣдственно по разуму, безъ благодати, не знаемъ, можно ли молиться за кого нибудь. *Но самъ Духъ,*—продолжаетъ Апостольское слово,—*ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными,* въ молитвѣ каждаго, по его состоянію особенной; и тотъ же Духъ, для общаго руководства въ молитвахъ наипаче общественныхъ, явственно изрекаетъ, о чесомъ подобаетъ молитися. Напримѣръ: *молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки* (1 Тим. II. 1.). Еще: *аще кто узритъ брата своего согрѣшающа грѣхъ не къ смерти; да проситъ, и дастъ ему животъ, согрѣшающимъ не къ смерти. Есть грѣхъ къ смерти; не о томъ, глаголю, да молится* (1 Іоан. V. 16.). И еще : *молитеся другъ за друга, яко да изцѣлѣете. Много бо можетъ молитва праведнаго поспѣшествуема* (Іак. V. 16.). Послушаемъ еще, какъ Святый Апостолъ Павелъ и молится за другихъ, и требуетъ молитвы другихъ. *Молимся всегда о васъ,* пишетъ Онъ къ Солунянамъ, *да вы сподобитъ званію Богъ нашъ и исполнитъ всяко благоволеніе благости, и дѣло вѣры въ силѣ, яко да прославится имя Господа нашего Іисуса Христа въ васъ, и вы въ Немъ, по благодати Бога нашего и Господа Іисуса Христа* (2 Сол. I. 11. 12.). И далѣе въ томъ же посланіи: *прочее, молитеся о насъ, да слово Господне течетъ и славится, якоже и въ васъ* (III. 1.). И въ другомъ посланіи: *всякою молитвою и моленіемъ молящеся во всяко время духомъ, и въ сіе истое бдяще во всякомъ терпѣніи и молитвѣ о*

всѣхъ святыхъ и о мнѣ, да дастся ми слово во отверзеніе устъ моихъ, съ дерзновеніемъ сказати тайну благовѣствованія, о немже посольствую во узахъ (Ефес. VI. 18. 19.).

Не собирая болѣе свидѣтельствъ Священнаго Писанія о молитвѣ вообще, какъ о дѣлѣ извѣстномъ, приложимъ къ особенному предмету настоящаго размышленія тѣ свидѣтельства, которыя доселѣ приведены.

Если мы не знаемъ, о чемъ молиться; а для вразумленія нашего незнанія дано намъ Священное Писаніе, *могущее умудрити во спасеніе*, даже до того, что *совершенъ будетъ Божій человѣкъ на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. III. 15.—17.): то отъ премудрости и благости Духа Божія, изглаголавшаго сіе Писаніе, надлежитъ ожидать, что оно не только удовлетворительно наставитъ насъ, о чемъ молиться, но и предохранитъ запрещеніями, чтобы намъ не молиться о томъ, о чемъ молитва была бы не угодна Богу. Чаяніе сіе оправдывается самымъ дѣломъ. Теперь же видѣли мы, какъ Священное Писаніе, заповѣдуя молитву *за вся человѣки*, отъ молитвы, Богу не угодной и человѣкамъ не полезной, предохраняетъ вѣрующаго запрещеніемъ: *есть грѣхъ къ смерти; не о томъ, глаголю, да молится.* Изъ сего слѣдуетъ, что если о моленіи за усопшихъ и нѣтъ въ Священномъ Писаніи особенной, опредѣлительной заповѣди, а выводится оное только изъ понятій и заповѣдей о молитвѣ, болѣе общихъ; но если притомъ нѣтъ противъ сего моленія въ Священномъ Писаніи

никакого запрещенія, какъ и дѣйствительно нѣтъ: то самое сіе незапрещеніе, самое молчаніе Священнаго Писанія есть уже доказательство того, что моленіе за усопшихъ Богу не противно, и человѣкамъ не безполезно.

Охотникъ до сомнѣній спроситъ: не излишне ли молиться о тѣхъ, которые умерли съ вѣрою и упованіемъ?—Отвѣтствую: не излишне ли, по видимому, молиться о Святыхъ? Однако Святый Павелъ велитъ молиться *о всѣхъ святыхъ*. Не излишне ли молиться о Апостолахъ, которые суть распространители благодати на всѣхъ прочихъ, и первые изъ Святыхъ въ Церкви: *положи Богъ въ Церкви первые Апостоловъ* (1 Кор. XII. 28.)? Однако Апостолъ Павелъ требуетъ, чтобы молились о немъ и не Апостолы, и притомъ тогда, какъ онъ уже приближался къ вѣнцу за подвиги Апостольства. Есть молитва въ пользу самого Евангелія: *да слово Господне течетъ и славится*, хотя Евангеліе само есть *сила Божія во спасеніе всякому вѣрующему* (Рим. I. 16.): — можно ли бояться излишества въ молитвѣ за вѣрующихъ?

Или, спросятъ,—не тщетна ли молитва за умершихъ во грѣхѣ? — Отвѣтствую: тщетна — за умершихъ во грѣхѣ смертномъ, смертію духовною, и въ семъ состояніи постигнутыхъ смертію тѣлесною,—за тѣхъ, которые внутренно отпали отъ духовнаго тѣла Церкви Христовой и отъ жизни по вѣрѣ, своимъ невѣріемъ, нераскаянностію, рѣшительнымъ и конечнымъ противленіемъ благодати Божіей. Гдѣ просвѣщенному и безпристрастному оку

явны признаки сей горькой смерти; тамъ нѣтъ мѣста утѣшенію молитвы: *есть грѣхъ къ смерти; не о томъ, глаголю, да молится.* — Но что можетъ сдѣлать молитва *о братѣ, согрѣшающемъ грѣхъ не къ смерти?* Можетъ *дать ему животъ.* Не ужели и умершему тѣлесно? — Святый Іоаннъ, котораго словами теперь мы руководствуемся, не говоритъ: *да;* но не говоритъ и — *нѣтъ.* Онъ не запрещаетъ молиться о умершемъ, тогда какъ запрещаетъ молиться о грѣшникѣ отчаянномъ и безнадежномъ.

Всепроницательная премудрость Божія, въ Божественномъ Писаніи, не провозглашаетъ довольно громко заповѣди молиться за усопшихъ, можетъ быть для того, чтобы въ надеждѣ на сіе позднее пособіе, не облѣнились живущіе, ранѣе тѣлесной смерти со страхомъ свое спасеніе содѣловать. Но когда и не возбраняетъ сего рода молитвъ: не то ли сіе значитъ, что еще позволяетъ бросать, хотя не всегда рѣшительно надежную, но иногда и можетъ быть часто, благопомощную вервь, отторгшимся отъ брега жизни временной, но недостигшимъ вѣчнаго пристанища душамъ, которыя между смертію тѣлесною и послѣднимъ всемірнымъ судомъ Христовымъ, зыблются надъ бездною, то возникая вѣрою, то тяготѣя дѣлами, ей несообразными, то возвышаясь благодатію, то низводясь останками поврежденной природы, то восторгаясь Божественнымъ желаніемъ, то запутываясь въ грубой, еще не совсѣмъ совлеченной, одеждѣ земныхъ помышленій?

И вотъ, можетъ быть, почему моленіе за усоп-

шихъ издревле существовало и существуетъ въ Церкви, не какъ торжественно возвѣщенный, существенный членъ вѣры и строгая заповѣдь; но какъ благочестивое преданіе и обычай, всегда поддерживаемый свободнымъ послушаніемъ вѣры, и частными духовными опытами. Приведемъ на сіе нѣкоторыя свидѣтельства.

Благодать даянія, пишетъ Сынъ Сираховъ, *предъ всякимъ живымъ да будетъ, и надъ мертвецемъ не возбрани благодати.* Что значитъ здѣсь *благодать даянія?* Если это даръ олтарю; то слова: *надъ мертвецемъ не возбрани благодати*, очевидно значатъ: принеси жертву по усопшемъ, или, что тоже, молись за усопшаго. Если же кто хочетъ признать болѣе вѣроятнымъ, что *благодать даянія* значитъ благотвореніе бѣдному; то слова: *надъ мертвецемъ не возбрани благодати*, будутъ значить: подай милостыню въ память усопшаго. Ту ли другую ли мысль имѣлъ Сынъ Сираховъ: онѣ обѣ предполагаютъ одно, имъ общее основаніе,—то, что живущій можетъ и долженъ дѣлать добрыя и душеполезныя дѣла ради усопшаго.

Въ исторіи Маккавеевъ находимъ именно жертву и молитву за усопшихъ. Іуда принесъ оную за воиновъ, умершихъ во грѣхѣ взятія военной добычи *отъ даровъ идольскихъ*, которыми благочестивый не долженъ былъ осквернять рукъ своихъ (2 Мак. XII. 39 — 46.).

Съ тѣхъ поръ, какъ образовалось общественное Богослуженіе Христіанское, моленіе за усопшихъ вошло въ оное, какъ часть, постоянно къ составу

онаго принадлежащая. Свидѣтельствуютъ о семъ всѣ древнія чинополоэюенія Божественной Литургіи, начиная отъ литургіи Святаго Іакова, брата Господня. Посему нѣтъ никакого сомнѣнія, что моленіе за усопшихъ есть преданіе Апостольское.

Аще и грѣшенъ отъиде,—говоритъ Святый Златоустъ,—*елико возможно есть, помогати достоитъ: обаче не слезами, но молитвами, и мольбами, и милостынями и приношеніями. Не просто бо сія умышлена быша, ниже всуе творимъ память о отшедшихъ въ Божественныхъ тайнахъ, и о нихъ приступаемъ, молящеся Агницу лежащему, вземшему грѣхъ мира, но да отсюду будетъ имъ нѣкая утѣха. Ниже всуе предстоятй жертвеннику, страшнымъ тайнамъ совершаемымъ, вопіетъ: о всѣхъ во Христѣ усопшихъ и памяти о нихъ совершающихъ* (на 1 Посл. къ Кор. бесѣд. 41.). И далѣе говоритъ: *не лѣнимся убо отшедшимъ помогающе, и приносяще о нихъ молитвы. Обо общее лежитъ вселенныя очищеніе. Сего ради благонадежно о вселенныхъ молимся тогда, и съ мучениками, со исповѣдниками, со священниками именуемъ ихъ. Ибо едино тѣло есмы вси, аще и свѣтлѣйшія суть уды удовъ. И возможно есть отвсюду прощеніе имъ собрати, яко то отъ молитвъ, отъ приносимыхъ за нихъ даровъ, отъ святыхъ съ ними именуемыхъ.*

Благочестивѣйшій Государь, пишетъ Евсевій о Константинѣ Великомъ,—*избралъ мѣстомъ своего погребенія Церковь Апостоловъ, созданную имъ въ Константинополѣ въ надеждѣ участія въ*

молитвахъ, совершаемыхъ тамъ въ честь силъ Святыхъ, и для того, чтобы соединяясь въ Церкви съ народомъ Божіимъ, сподобиться имѣть участіе въ Божественной службѣ, въ таинственной жертвѣ, въ молитвахъ вырующихъ, даже и послѣ смерти своей (О жизн. Конст. кн. IV. гл. 71.).—

Не должно отрицать, говоритъ блаженный Августинъ,—*что души успшихъ, отъ благочестія ближнихъ живущихъ получаютъ отраду, когда за оныхъ приносится жертва Ходатая, или творима бываетъ милостыня въ Церкви: но сіе полезно только тѣмъ, которые въ жизни заслужили то, чтобы имъ сіе послѣ было полезно* (О вѣр. над. и люб. гл. 110.).

Святый Григорій Двоесловъ представляетъ примѣчательный опытъ дѣйствія молитвы и жертвоприношеній за усопшаго, случившійся въ его монастырѣ. Одинъ братъ за нарушеніе обѣта нестяжанія, въ страхъ другимъ, лишенъ былъ по смерти Церковнаго погребенія и молитвы въ продолженіи тридцати дней; а потомъ изъ состраданія къ его душѣ, тридцать дней приносима была безкровная Жертва съ молитвою за него. Въ послѣдній изъ сихъ дней усопшій явился въ видѣніи оставшемуся въ живыхъ родному брату своему, и сказалъ: *доселѣ худо было мнѣ, а теперь уже я благополученъ; ибо сего дня получилъ пріобщеніе* (Бесѣд. кн. IV. гл. 55.).

Но остережемся, чтобъ послѣ некраткаго священнослуженія, не продлить слова до утомленія. Для внимательныхъ довольно сказаннаго, чтобы каждый

подтвердилъ себѣ слѣдующія, не незнакомыя, но нерѣдко забываемыя правила:

Первое: молись за усопшихъ съ вѣрою и надеждою милосердія Божія.

Второе: не живи самъ небрежно, а старайся чистою вѣрою и неотлагательнымъ исправленіемъ отъ грѣховъ, упрочить себѣ надежду, что и за тебя по твоей кончинѣ молитвы принесутъ душѣ твоей отраду, и помогутъ ей въ достиженіи вѣчнаго покоя и блаженства въ Богѣ, присно блаженномъ и препрославленномъ во вѣки. Аминь.

7. СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА СВЯТИТЕЛЯ МИТРОФАНА, ВЪ ХОТЬКОВЪ МОНАСТЫРЬ, ІЮНЯ 29 ДНЯ 1833 ГОДА.

И сами, яко каменіе живо, зиждитеся въ храмъ духовенъ, святительство свято, возносити жертвы духовны, благопріятны Богови Іисусъ Христомъ. 1 Петр. II. 5.

Сей храмъ, по всей вѣроятности, есть первый, который украшается новопрославленнымъ именемъ Твоимъ, Святителю и Чудотворче Митрофане. Пріими сей начатокъ, сію добровольную жертву вѣры; представи оную Великому Архіерею, прошедшему небеса, Господу нашему Іисусу Христу; сотвори ее благопріятну Богови; дополни и дополняй твоими богопріятными молитвами недостаточество нашихъ молитвъ, нынѣ принесенныхъ о храмѣ семъ, и отнынѣ во храмѣ семъ приносимыхъ; не попусти праздну быти благодатному имени твоему, нареченному на храмѣ семъ, но посѣщай оный, яко тебѣ вѣрою нашею усвоенный; благослови и упаси

душу, сей даръ усердія тебѣ принесшую, и всѣмъ храму сему служащимъ и въ него притекающимъ споспѣшествуй, да *и сами*, по Апостольскому слову, *яко камение живо, зиждутся въ храмъ духовенъ, святительство свято, возносити жертвы духовны, благопріятны Богови, Іисусъ Христомъ.*

Вѣруйте и не сомнѣвайтесь, чада вѣры, что прошенія наши, теперь изреченныя, и слышитъ, и пріемлетъ, и не отречется исполнить, избранный нами Предстатель предъ Богомъ. Ибо для чего иначе и прославилъ его Богъ на земли, довольною славою небесною, и не имѣющаго нужды въ славѣ земной,— для чего иначе, если не для того, чтобы чрезъ сію славу открыть и указать его нашей вѣрѣ, и чтобы, по сей вѣрѣ, принимать его за насъ предстательство, и исполнять наши во благихъ желанія?

Но при семъ не забудемъ, что благодать непремѣнно требуетъ вѣры; что предстательство Святыхъ всегда для насъ готовое, ожидаетъ отъ насъ желаній благихъ, чистыхъ, искреннихъ; что, дабы сподобиться ихъ споспѣшествованія, надлежитъ представить имъ то, чему бы они споспѣшествовали, то есть, надлежитъ самимъ намъ посильно дѣйствовать и подвизаться для нашего спасенія: ибо какъ можно, чтобы святые, при всей ихъ благодатной силѣ, (которой впрочемъ, по самой добротѣ ея, не свойственно принуждать и неволить), привели насъ въ царствіе небесное, когда мы для того не хотимъ сдѣлать ни одного шага, или напротивъ идемъ путемъ ада и погибели?

И сами, яко каменіе живо, зиждитеся, заповѣдуетъ Апостолъ.

Камень живый, отъ человѣкъ убо уничиженный, отъ Бога же избранный, честный (1 Пет. II. 4.), І. Хрістосъ и Его спасительная благодать, есть вѣчно незыблемое основаніе истинныя Церкви. На семъ основаніи созидали и продолжаютъ созидать ее Апостолы, пастыри, учители, словомъ ученія, силою молитвы, таинствами вѣры, подвигами жизни. Симъ образомъ создана церковь; но это еще не все для того, чтобы и ты, и я устроены были въ составѣ Церкви. Вы не мертвые камни, изъ которыхъ строятъ художники, но которые не могутъ созидать сами себя; *вы каменіе живо*, имѣете свою жизнь, волю, дѣятельность; и такъ надобно, чтобы вы имѣли дѣятельное участіе въ вашемъ духовномъ созиданіи: *и сами зиждитеся*, такъ, чтобы въ васъ былъ и храмъ, и священство, и возношеніе жертвъ духовныхъ.

Какъ чудно Христіанство! Іудейство представляло законный храмъ одинъ только во всемъ мірѣ, законное священство только въ одномъ родѣ Аарона, жертвы только вещественныя, безжизненныя или умерщвляемыя, въ крови, огнѣ и дымѣ; многіе въ ономъ рѣдко могли достигнуть до храма, никогда до священства, и никогда же большею частію не достигали до разумѣнія тайны прообразовательныхъ жертвъ, запечатлѣнной до Христіанства. Въ Христіанствѣ, напротивъ, не только повсюду храмы, не только изъ всѣхъ народовъ, по избранію благодати, священники, не только повсюду приносится без-

кровная Жертва, заключающая въ себѣ, не прообразованіе Христа отдаленнаго и ожидаемаго, но таинство Христа пришедшаго, присутствующаго, предающагося намъ въ пищу и питіе жизни вѣчной; но и что еще?— Дабы и послѣдній изъ Христіанъ не могъ подумать и пожаловаться, что Богъ менѣе, нежели о другихъ благоволитъ о немъ, и менѣе, нежели другихъ, приближаетъ его къ Себѣ, всѣмъ вамъ дана возможность, право, обязанность, заповѣдь, чтобы вы, пользуясь и храмомъ, и священствомъ, и Божественною Жертвою, въ самихъ себѣ устрояли то самое, чѣмъ пользуетесь отъ священнаго служенія другихъ. *И сами зиждитеся въ храмъ духовенъ, святительство свято, возносити жертвы духовны, благопріятны Богови Іисусъ Христомъ.*

Поелику Апостолъ говоритъ о *жертвахъ духовныхъ*, какъ о многихъ: то слова его ведутъ насъ къ указанію на нѣкоторые особенные роды таковыхъ жертвъ; сіе, надѣюсь, послужитъ самымъ простымъ способомъ изъясненія Апостольскаго ученія о духовномъ храмѣ и священствѣ.

Есть жертва духовнаго сокрушенія, которую, еще во времена Іудейства, болѣе вещественнаго всесожженія угодною Богу признавалъ Давидъ: *всесожженія не благоволиши; жертва Богу духъ сокрушенъ; сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Пс. L. 18. 19.). Когда человѣкъ, входя въ самого себя, усматриваетъ свое предъ Богомъ недостоинство, нечистоту, грѣховность: тогда духъ его, который до того, можетъ быть,

высился и величался какимъ нибудь своимъ добрымъ качествомъ, или преимуществомъ внѣшнимъ, отъ обличенія совѣсти, какъ отъ молніи древо, сокрушается и низлагается. Какъ изъ разбитаго сосуда истекаетъ то, что въ немъ было: такъ изъ сокрушеннаго сердца источаются слезы печали по Богѣ и покаянія. Не думай, возлюбленная душа, что ты страдаешь безплодно: Богъ приемлетъ сокрушеніе и покаянное смиреніе твое, какъ жертву, и притомъ не маловажную. *Сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ.* Сія жертва есть одна изъ первоначальныхъ духовныхъ жертвъ. Кто не принесъ ея: отъ того прочія духовныя жертвы не будутъ совершенны, если только возможны.

Есть жертва славословія и молитвы, которой также отъ древнихъ еще временъ научалъ Псалмопѣвецъ. *пожри Богови жертву хвалы, и воздаждь Вышнему молитвы твоя* (Пс. XLIX. 14.). Каждый разъ, когда ты чувствуешь благодарность къ Богу, твоему Творцу, Промыслителю и Спасителю, или благоговѣніе къ Его Божественному величію и совершенствамъ; когда внимательное размышленіе о Богѣ засвѣчиваетъ нѣкоторый свѣтъ познанія въ твоемъ умѣ, возжигаетъ огнь любви въ сердцѣ и отъ сего восходитъ въ душѣ чистая радость и святое желаніе къ Богу: ты возносишь симъ образомъ къ Богу духовную жертву, которая въ видимомъ Богослуженіи тайнознаменательно изображается кадиломъ и ѳиміамомъ. *Кто сія,* говоритъ древній созерцатель въ таинственной пѣсни, кто сія, *восходящая отъ пустыни, яко стебло дыма,*

кадильная смирна и лисанъ (Пѣсн. Пѣс. III. 6.)? Разрѣшая сію притчу, мы можемъ сказать, что это есть душа, растопленная любовію въ молитву, которая испаряется выспрь, идетъ къ небу легко, какъ дымъ, и бываетъ Богопріятна, подобно какъ пріятно благоуханіе кадила.

Есть жертва милости, которой учитъ Самъ Іисусъ Христосъ. *Шедше, научитеся, что есть, милости хощу, а не жертвы* (Матѳ. IX. 13.). Какъ дѣла милосердія, по любви къ Богу, творимыя нами для ближнихъ нашихъ, Господь Іисусъ пріемлетъ, какъ-бы сдѣланныя Ему Самому; *понеже*, глаголетъ, *сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. XXV. 40.): то понятно, какимъ образомъ дѣла сіи составляютъ приношеніе или жертву Богу. Апостолъ побуждаетъ насъ къ таковымъ жертвамъ, обнадеживая, что онѣ будутъ пріятны Богу. *Благотворенія и общенія не забывайте; таковыми бо жертвами благоугождается Богъ* (Евр. XIII. 16.).

Есть жертва правды и истины, на которую указываетъ Соломонъ въ притчѣ: *творити праведная, и истинствовати, угодна Богу паче нежели жертвъ кровь* (Прит. XXI. 3.). Всякое дѣло справедливости и добродѣтели, всякій подвигъ за истину, обращается въ жертву Богу, когда совершается именно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ исполнить волю и законъ Божій, и особенно съ пожертвованіемъ собственной выгоды и собственнаго удовольствія. Не смущайтесь тѣмъ, что люди попираютъ иногда сію жертву: Богъ взыщетъ свою жертву

и воздастъ за нее. По сему говоритъ Давидъ: *пожрите жертву правды, и уповайте на Господа* (Пс. IV. 6.).

Высшая изъ жертвъ за истину, истинное всесожженіе Христіанское, есть мученичество за вѣру Христіанскую. О сей жертвѣ написалъ Апостолъ Павелъ къ Тимоѳею: *азъ уже жрень бываю* (2 Тим. IV. 6.), подавая намъ и примѣръ преданія себя на жертву сію, и вмѣстѣ наставленіе, чтобы не дерзать на сіе самопроизвольно, а только послушно предаваться, когда судьба Божія приведетъ кого, во еже жрену быти.

Но дабы кто не подумалъ, что мы, хранимые Провидѣніемъ Божіимъ въ мирѣ Церкви, такъ сказать, обойдены участіемъ въ благодати и славѣ мученичества, посѣщимъ сказать наконецъ, что есть родъ мученической жертвы, доступной всякому, внутренней, когда Христіанинъ мечемъ слова Божія, силою повелѣнія Христова, въ глубокомъ самоотверженіи, отсѣкаетъ отъ ума своего всякій собственный помыслъ, отъ воли всякое собственное желаніе, отъ сердца всякое, хотя бы то было и праведное, негодованіе на ближняго, и всякое вожделѣніе собственнаго удовольствія, всякое услажденіе самимъ собою; и все сіе приноситъ въ жертву волѣ Божіей, по образу подвигоположника Іисуса, когда Онъ, предваряя крестъ внѣшній внутреннимъ, въ Геѳсиманскомъ подвигѣ сказалъ Отцу Своему небесному: *не якоже Азъ хощу, но якоже Ты* (Матѳ XXVI. 39.). Есть свободное приношеніе собственнаго тѣла, къ которому такъ настоятельно

приглашаетъ насъ Апостолъ, когда говоритъ: *молю васъ, братіе, щедротами Божіими, представите тѣлеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, славесное служеніе ваше* (Рим. XII. 1.). Образъ сей жертвы, по изъясненію того же Апостола, состоитъ въ томъ, чтобы мы *помышляли себе мертвыхъ убо быти грѣху, живыхъ же Богови*, и чтобы *представляли себе Богови, яко отъ мертвыхъ живыхъ, и уды наша оружія правды Богови* (Рим. VI. 13.), то есть, чтобы всѣ наши силы, способности, члены благоразумно употребляли на дѣланіе добра, для Бога. Сюда принадлежитъ и сія особенная жертва, когда дѣвство Богу посвящается, и даръ цѣломудрія, въ чистомъ сосудѣ воздержанія, Богу приносится.

Вотъ пріятныя Богу жертвы, которыя не отъ однихъ, поставленныхъ священноначаліемъ, священниковъ, но и отъ всякаго истиннаго Христіанина могутъ, и должны быть приносимы, частію должны по обязанности, частію могутъ по усердію добровольному, и по особенному призванію свыше. Приносите оныя, Христіане; и не оставляйте Бога вашего безъ жертвъ, Его достойныхъ, дабы и Онъ не оставилъ васъ безъ благословеній, низводимыхъ усердными жертвами.

Скажете ли, что для васъ еще не довольно ясно, какимъ образомъ вы созиждитеся въ храмъ духовный? Не затрудняйтесь. Вы только вѣрно и усердно приносите жертвы, вамъ указанныя, и вамъ понятныя, жертву сердечнаго сокрушенія предъ Богомъ, жертву хвалы и молитвы, жертву милости и правды,

жертву посвященія вашей души и вашего тѣла на дѣла Богоугодныя. Какъ въ древнія времена жертвы были прежде храма, и потомъ жертвы создали для себя храмъ, и освятили оный: такъ и ваши духовныя жертвы, постоянно продолжаемыя, низведутъ невидимую руку благодати Божіей, которая созиждетъ и освятитъ въ васъ храмъ свой, да вселится въ васъ Богъ, и будетъ вашимъ Богомъ, и вы будете Его людьми, о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ. Аминь.

8. СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА СВЯТЫЯ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЯ МАРІИ МАГДАЛИНЫ, ВЪ ГРАДСКОЙ БОЛЬНИЦѢ, ІЮЛЯ 22 ДНЯ, 1833 ГОДА

И пыпь се на небесѣхъ послухъ мой, свидѣтель же ми во вышнихъ. Да пріидетъ моя мольба ко Господу, предъ Нимъ же да каплетъ око мое. Іов. XVI. 19. 20.

Прозорливость и человѣколюбіе подвиглись, и побудили Власть устроить домъ врачеванія для больныхъ, которые не могли бы пользоваться симъ пособіемъ въ своихъ жилищахъ: дѣло, которое само говоритъ о своемъ достоинствѣ. Но я слышу, что еще говорила при семъ Власть благочестивая. Сего не довольно, сказала она. Больница, потребности жизни, лѣкарства, врачи,—это еще не все, что нужно для больныхъ. Для нихъ нуженъ еще домъ молитвы; для нихъ должны быть въ близкой готовности пособія Вѣры.

Чѣмъ же на сіе будетъ отвѣтствовать служитель Вѣры? Безъ сомнѣнія, радостію и благодарною къ Богу молитвою за Вѣнценоснаго Благодѣтеля страждущаго человѣчества, и Его же духомъ одушевляемыхъ исполнителей воли Его. При томъ, думаю, къ обязанности же служителя Вѣры отнесено быть можетъ, чтобы дать нѣкоторый отчетъ въ благочестивой мысли, которая столь благодѣтельно исполнена.

Итакъ утверждаю, что какъ въ болѣзняхъ, такъ вообще въ несчастіяхъ, никакія средства и пособія недостаточны безъ Религіи. Одна Религія, и притомъ откровенная, примиряетъ умъ съ зрѣлищемъ бѣдствій, которое возмущаетъ его. Религія приноситъ полное утѣшеніе бѣдствующимъ. Религія подаетъ рѣшительныя врачевства противъ бѣдствій.

Не трудно встрѣчаться съ добромъ и благополучіемъ. Сердце и чувство ими довольны: не за что и разуму спорить противъ оныхъ. Но когда зло и бѣда у насъ предъ глазами, хотя и не на насъ нападаютъ: одинъ сей видъ поражаетъ чувство и сердце; и если среди сего пораженія возстаетъ размышляющій умъ, онъ мучитъ себя вопросами: зачѣмъ зло въ мірѣ всеблагаго Бога, безпорядокъ въ дѣлахъ Премудраго, разрушеніе въ твореніи Всемогущаго? Сколько вѣковъ боролся съ сими недоумѣніями естественный разумъ человѣческій, и не могъ одолѣть оныхъ! Въ какой мракъ, въ какія нелѣпости впадалъ онъ, желая изъяснить происхожденіе зла! Онъ догадывался, не въ грубомъ ли веществѣ или тѣлесности заключается причина тьмы, зла

и грѣха, и, дабы отъ сихъ недостойныхъ произведеній освободить Божество, представлялъ себѣ вещество вѣчнымъ и несотвореннымъ отъ Бога. Вообразилъ себѣ злое начало, независимое и равносильное доброму началу, то есть, Божеству. Вымыслилъ неумолимый рокъ, или слѣпую судьбу, которая безъ разбора обрекаетъ существа на зло или добро, такъ что самое Божество не можетъ сему препятствовать. Какъ будто можетъ быть вѣчнымъ вещество, которое мы ежеминутно видимъ разрушающимся! Какъ будто вѣчная матерія, злое начало, неумолимый рокъ суть что нибудь больше, нежели мечты и выдумки, и притомъ такія выдумки, которыхъ не льзя принять безъ того, чтобы не огринуть важной и коренной истины, именно, понятія о безпредѣльномъ совершенствѣ и всемогуществѣ Божества! Какъ будто зло дѣлалось отъ того или понятнѣе, или сноснѣе, что переименовывали оное злою матеріею, злымъ началомъ, злымъ рокомъ! Такъ бился разумъ человѣческій въ темномъ и тѣсномъ чувственномъ мірѣ, какъ цыпленокъ въ яйцѣ, и не могъ пробить скорлупы. Въ такомъ состояніи были мудрецы и любители мудрости, слѣдственно и всѣ почти люди, доколѣ не ознакомились съ откровенною Религіею, долго таившеюся въ небольшомъ уголкѣ земли, откуда совсѣмъ не ожидали свѣта, долженствующаго просвѣтить вселенную. Явилось Христіанство: и нелѣпости оказались нелѣпостями, темное объяснилось, несносное облегчилось. Теперь поняли, что зло произошло первоначально отъ злоупотребленія свободы существами сотворенными, слѣдст-

венно не дѣлаетъ нареканія Творцу міра, Который въ дарѣ свободы былъ великъ и щедръ, а злоупотребленію ея непричастенъ; теперь узнали, что Богъ имѣетъ средства искупить человѣка отъ зла, коему сей добровольно себя продалъ за чувственное удовольствіе, слѣдственно зло не дѣлаетъ нареканія и Провидѣнію Божію о мірѣ; теперь получили вѣрную надежду, что зло, и въ человѣкахъ, и въ природѣ, будетъ рѣшительно побѣждено, а добро возвышено, и блаженство утверждено на вѣки Христомъ Спасителемъ, слѣдственно и при видѣ зла и бѣдствія можно благодушествовать, подобно какъ земледѣлецъ не отчаявается зимою, зная, что посѣвъ его не совсѣмъ убитъ холодомъ, а воскреснетъ весною, или какъ садовникъ не сердится весною на горькіе и терпкіе плоды, зная, что будутъ мягки и вкусны лѣтомъ или осенью. Такъ одна Религія, и притомъ откровенная, примиряетъ умъ съ зрѣлищемъ бѣдствій, которое возмущаетъ его.

Если трудно быть и зрителемъ бѣдствій: то конечно еще труднѣе испытывать оныя на себѣ самомъ. Но какъ иногда не льзя миновать ихъ: то надобно же какъ нибудь умѣть обходиться съ ними. Вопль и рыданіе, безъ сомнѣнія, не есть наилучшій способъ бесѣдовать съ несчастіемъ: найдите же другой, болѣе сообразный съ достоинствомъ разумнаго и свободнаго существа, но также сообразный и съ возможностію бѣдствующаго; иначе сказать, изыщите средства утѣшенія. Здѣсь-то желалъ бы я испытать сію гордую Философію, которая думаетъ, не инымъ чѣмъ, какъ только мудрствованіемъ собст-

вѣнчымъ, сдѣлать человѣка благополучнымъ и независимымъ отъ внѣшнихъ приключеній. Послалъ бы ее, на примѣръ, въ больницу, испытать силу ея мудрованія. Что скажетъ она страждущему?—«Будь великодушенъ; ты страждешь по дѣйствію причинъ естественныхъ, по законамъ природы, отъ которыхъ не можешь освободиться, будучи звѣномъ въ цѣпи существъ и перемѣнъ»—Какъ вы думаете? Будетъ ли отъ того больному легче или пріятнѣе, когда онъ узнаетъ, что страждетъ по причинамъ и законамъ? Не почувствуетъ ли, напротивъ, онъ себя болѣе прежняго отягченнымъ узами причинъ и законовъ, изъ коихъ не льзя вырваться?—Или, положимъ, что Философія, смотря на больнаго съ нравственной стороны, скажетъ: — «вѣроятно, ты самъ привлекъ болѣзнь какими нибудь излишествами, неправильностями, неосторожностію: переноси же великодушно то, чего самъ причиною.» — Опять спрашиваю: достаточно ли сіе разсужденіе для утѣшенія страждущаго? Не можетъ ли онъ сказать такому утѣшителю: ты удвояешь мое несчастіе, представляя меня несчастнымъ и физически и нравственно?—Что еще можетъ сказать страждущему Философія?—«Терпи; если не врачеваніе, то смерть прекратитъ страданія.» — Но если на семъ она остановится, — а она принуждена остановиться на семъ, потому что не видитъ далѣе: то скорѣе призоветъ отчаяніе, нежели отраду. Отстранимъ суетную мудрость человѣческую, которая много обѣщаетъ, но мало можетъ. Пріиди, Премудрость Божія; помоги, Божественная Религія. Ты можешь сказать страждущему, что его

бѣдствіе или послано, или допущено небеснымъ Отцемъ милосердымъ; что слѣдственно бѣдствіе не безъ нужды, не безъ правды, не безъ пользы, ибо такого не попустилъ бы такой Отецъ; что Онъ милуетъ и тогда, когда поражаетъ, и готовъ ежеминутно даровать облегченіе, по способности пріемлющаго, сообразно съ истиннымъ благомъ его. Ты можешь увѣрить, что страданіе можетъ быть велико, но не можетъ быть несносно, по реченному: *вѣренъ Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи вамъ понести* (1 Кор. X. 13). Если болящій отъ того болѣнъ, что грѣшенъ, и слѣдственно сугубо несчастенъ: ты можешь подать ему и сугубое утѣшеніе, именно, для скорби душевной — надежду прощенія грѣховъ, по вѣрѣ и покаянію. для болѣзни тѣлесной — надежду исцѣленія, въ слѣдствіе прощенія грѣховъ, или же то увѣреніе, что Врачь душъ и тѣлесъ употребитъ болѣзнь, какъ средство очищенія, обратитъ болѣзнь тѣла во врачевство души чрезъ подвигъ терпѣнія, и что слѣдственно надобно благодушно принимать страданіе болѣзни, какъ благодушно принимаютъ горькое лѣкарство, въ пользѣ котораго увѣрены. Ты, безсмертная Религія, можешь изъ самой горькой мысли о смерти извлечь сладкое утѣшеніе: ибо ты видишь въ ней не конецъ только настоящаго, но и начало будущаго, не предѣлъ, но продолженіе, не закрытіе зрѣлища, но открытіе лучшаго, не мрачную бездну, въ которую на удачу можетъ броситься отчаяніе, но область свѣта, куда благонадежно

можетъ вступить вѣра, гдѣ претерпѣвшихъ до конца ожидаетъ не только прекращеніе бѣдъ, но и наслажденіе благъ, и выше всякаго понятія щедрое воздаяніе за терпѣніе. Наконецъ, въ основаніе и совершеніе всѣхъ утѣшеній, ты, Религія Христова, можешь указать страдальцу на великаго Мужа болѣзней, который *язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша*, который понесъ *наказаніе мира нашего*, котораго *язвою мы исцѣлѣхомъ* (Иса. LIII. 5.). Тѣ, которые истинно познали Его въ вѣрѣ и любви, знаютъ, какъ не только возможно безъ ропота и нетерпѣливости, но даже какъ сладостно, переносить страданія въ общеніи страданій Его, съ помощію Его, при видѣ примѣра Его, изъ благодарности къ Нему, изъ любви къ Нему. Отъ нихъ-то слышимъ, столь невѣроятныя для мудрованія плотскаго, но и столь ободрительныя для мудрованія духовнаго, изъявленія внутреннихъ ощущеній: *хвалимся въ скорбьхъ* (Рим. V. 3). *Радуюся во страданіихъ моихъ* (Кол. I. 24.). *По множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою* (Пса. LXXXXIII. 19.) *Якоже избыточествуютъ страданія Христова въ насъ: тако Христомъ избыточествуетъ и утѣшеніе наше* (2 Кор. I. 5.). Такъ полно и совершенно утѣшеніе, которое страждущій или бѣдствующій можетъ обрѣсти въ Религіи.

Надобно ли сверхъ облегчительнаго пособія, рѣшительное врачевство противъ бѣдствій? И оно вѣрнѣе обрѣтается въ Религіи, нежели гдѣ либо индѣ. Есть болѣзни, отъ которыхъ врачебная наука отка-

зывается; есть бѣдность, отъ которой не избавляетъ никакое трудолюбіе; есть скорби отъ несправедливости, которыхъ не можетъ пресѣчь никакое правосудіе человѣческое, по той весьма достаточной причинѣ, что человѣкъ не всевѣдущь и не всемогущь. Для Религіи нѣтъ подобныхъ препонъ и ограниченій. Ея сила есть сила Всемогущаго, Который *мертвитъ и живитъ, низводитъ во адъ и возводитъ, убожитъ и богатитъ, смиряетъ и выситъ* (1 Цар. II. 6. 7.); Который *исцѣляетъ всякъ недугъ и всяку язю* (Мат. IV. 23.). Ту самую силу, которою благодѣтельствовалъ и чудодѣйствовалъ Іисусъ Христосъ, изліялъ Онъ въ души Святыхъ, заключилъ въ своемъ Словѣ и въ таинствахъ, и отъ сихъ сокровищницъ ея далъ ключи вѣрѣ и молитвѣ. *Вся возможна вѣрующему* (Мар. IX. 23.).

Дабы сличить настоящія размышленія съ опытомъ, вспомните Іова, котораго и не льзя почти не вспомнить въ обители болящихъ. Нападеніе грабителей, истребительный огнь небесный, разрушительная буря, потеря стадъ, рабовъ, дома, дѣтей, — сколько стрѣлъ въ одну цѣль! Сколько бѣдъ на одну голову! Несчастіе, великое само въ себѣ, дѣлала еще большимъ великость прежняго счастія. Удары, сносные порознь, до чрезмѣрности усиливала многочисленность и внезапность. Но праведникъ устоялъ: потому что стоялъ посредствомъ Религіи въ Богѣ. *Яко Господеви изволися, тако бысть*: сказалъ онъ (Іов. I. 21.). Изобрѣтатель зла нашелъ средство еще увеличить бѣдствіе: *и порази Іова гноемъ лютымъ отъ ногъ даже до главы.* Не было для него

ни дома, ни больницы: *сѣдяше на гноищи вн҃ѣ града.* Оставалась у него жена: но не для помощи, а для новаго искушенія; она вздумала его учить отчаянію: *рцы глаголъ нѣкій ко Господу, и умри* (Іов. II. 7—9). Посѣтили его друзья: но ихъ слова были не пластырь на его раны, а еще новыя стрѣлы обличеній неправедныхъ. Что же? Тулъ діавола истощился: но щитъ праведника не пробитъ. Какой щитъ? Тотъ же, что у Апостола: *щитъ вѣры* (Ефе. VI. 16.). Сей щитъ поставляетъ онъ противъ стрѣлъ неправедныхъ обличеній, когда говоритъ: *се на небесѣхъ послухъ мой, свидѣтель же ми во вышнихъ.* Въ молитвѣ ищетъ онъ себѣ утѣшенія и врачеванія: *да придетъ мольба моя ко Господу, предъ Нимъ же да каплетъ око мое.* Человѣческая мудрость въ Елифазѣ, Валдадѣ, Софарѣ, Еліусѣ постыждена. Религія въ Іовѣ побѣдила рѣшительно. *Господь же возрасти Іова. И даде Господь сугубая, елика бѣху прежде Іову, во усугубленіе* (Іов. XLII. 10.).

Христе Господи! Твоя благодать торжествовала въ Іовѣ надъ всякимъ зломъ, во образъ Твоихъ побѣдоносныхъ страданій. Она же и теперь облегчаетъ подвигъ Іова: ибо теперь его не повергаютъ на гноищѣ внѣ града, но даютъ ему благоустроенную обитель, призрѣніе, врачеваніе, утѣшеніе вѣры, и все сіе ради Тебя, Который къ себѣ самому отнесъ подобныя дѣла человѣколюбія, когда рекъ: *боленъ бѣхъ, и посѣтисте Мене* (Матѳ. XXV. 36.).

Благословенна Вѣра Твоя, святая, могущественная

и спасительная! Пріими и благослови сію обитель, какъ жертву Ей и Тебѣ принесенную.

Всякій же болящій да вѣруетъ, и *молитва вѣры спасетъ болящаго* (Іак. V. 15.).

И всякій бѣдствующій да вѣруетъ, и будутъ *вся возможна вѣрующему*, во славу Начальника и Совершителя вѣры Іисуса Христа, нераздѣльную со славою Отца и Святаго Духа. Аминь.

9. СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА СВЯТЫЯ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ, ПРИ МОСКОВСКОЙ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ БОЛЬНИЦѢ, ГОВОРЕННОЕ ВЪ 20 ДЕНЬ АВГУСТА, 1833 ГОДА.

Есть же во Іерусалимѣхъ овчая купель, яже глаголется Еврейски Виѳезда, пять притворъ имущи. Въ тѣхъ слежаше множество болящихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, сухихъ, чающихъ движенія воды. Іоан. V. 2. 3.

Въ сихъ словахъ Евангелія видимъ древнѣйшую изъ градскихъ больницъ.

Похвалимъ человѣколюбіе Іудеевъ, которые для множества болящихъ создали пять *притворовъ*, или галлерей, и дали приличное сему мѣсту имя: *Виѳезда*, то есть, *домъ милосердія:* хотя впрочемъ не знаемъ, правительству или народу должна достаться сія похвала.

Врачебное средство было тамъ одно: не человѣческимъ искусствомъ приготовленная баня въ овчей купѣли.

Вмѣсто врача, приходилъ въ сію больницу Ангелъ. *Ангелъ бо Господень схождаше.*

Сей необыкновенный врачь исцѣлялъ рѣшительно, и никто изъ больной не былъ у него записанъ въ спискѣ неизлѣчимыхъ. *Здравъ бываше, ктомъ же недугомъ одержимъ бываше.*

Не правда ли, что это было прекрасное заведеніе? Но покажемъ и ту сторону онаго, которая не такъ свѣтла.

Небесный врачь посѣщалъ порученную ему больницу не ежедневно, какъ земные врачи, а только однажды въ годъ. *Ангелъ бо Господень на всяко лѣто схождаше.*

Исцѣленіе было рѣшительное, но каждый годъ получалъ оное одинъ только человѣкъ. *Иже первѣе вниде по возмущеніи воды, здравъ бываше.*

Не всякой больной имѣлъ силу дойти до возмущенной воды, а тѣмъ менѣе, упредить другихъ. Не доставало прислужниковъ или сердобольныхъ людей для помощи безсильнымъ. Отъ того нѣкоторый разслабленный тридцать восемь лѣтъ безполезно лежалъ въ сей больницѣ, доколѣ не явился Господь стихій, временъ и Ангеловъ, Которому не нужно было ни мутить воды, ни ждать годоваго срока, ни призывать Ангела, а довольно было сказать разслабленному: *востани, возми одръ твой, и ходи.*

Какой есть исцѣленія образъ сей? Какое намъ таинство являетъ? — вопрошаетъ Святый Златоустъ, указуя на Евангельское сказаніе объ овчей купѣли. А кто позволитъ болѣе смѣлости своему

естественному разуму, любящему вмѣшиваться въ дѣла Провидѣнія, которыя выше его: тотъ можетъ еще сказать: какое странное соединеніе и чудесной силы, исцѣляющей всякую неизлѣчимую болѣзнь, и скудости сея силы, не простирающейся далѣе исцѣленія одного человѣка; — и щедрости, приготовляющей цѣлый водоемъ врачевства, и бережливости, не дающей болѣе одного, рѣдкаго пріема онаго; — и Ангела и воды, какъ будто цѣлебной силѣ Ангела нужна вода, которая впрочемъ, какъ всѣ знаютъ, не есть всеобщее врачевство. Но послушаемъ, что на сіи недоумѣнія отвѣтствуетъ Святый Златоустъ. *Не просто бо*, говоритъ онъ, *и не туне сіе написано есть: но будущія вещи аки на образѣ и изображеніи написуетъ намъ: дабы зѣло необычайное и нечаянно пришедшее дѣло не повредило у многихъ силы вѣры. Что убо есть, еже написуетъ? Имѣло нѣкогда крещеніе даятися, многую силу и даръ великій содержащее, крещеніе вся грѣхи очищающее, и вмѣсто мертвыхъ живыми творящее. И такъ все сіе чрезъ купѣль, и чрезъ другія многія воды, какъ-бы чрезъ образъ, ясно означается.* До здѣ Святый Златоустъ (На Іоан. Бесѣд. 36.).

Осмѣлимся продолжить сіе изъясненіе. Надобно было на опытѣ показать погруженіе въ воду, уничтожающее всякую болѣзнь, чтобы приготовить умы къ открытію крещенія въ водѣ, уничтожающаго всѣ грѣхи. Надобно было въ ощутительномъ явленіи движенія воды дать примѣтить благотворное надъ нею дѣйствіе Ангельскаго духа, дабы сдѣлать менѣе

невѣроятнымъ новотворное и возродительное въ водѣ крещенія дѣйствіе Духа высшаго, нежели Ангельскій, Духа собственно Божія. Надобно было, чтобы благотворная сила овчей купѣли подавалась только тому, кто ревностнымъ стремленіемъ къ исцѣленію оставляетъ позади себя всѣхъ прочихъ: дабы и въ семъ явленъ былъ образъ купѣли крещенія, которой спасительная сила подается только тому, кто стремленіемъ вѣры къ небесному и Божественному оставляетъ позади себя все земное. Надобно было представить Ангельское дѣйствіе ограниченнымъ, надобно было подлѣ самаго Ангела продержать разслабленнаго тридцать восемь лѣтъ безъ исцѣленія, дабы тогда, какъ Христосъ исцѣлитъ его единымъ словомъ, очевидно изъ сего было, что сей Исцѣлитель безъ сравненія выше Ангеловъ, что власть Его неограниченна, что Онъ есть Ипостасное Слово Божіе и истинный Богъ.

Если бы кто вздумалъ еще жаловаться, что много средствъ употреблено для одной цѣли,—множество больныхъ, множество лѣтъ, множество ежегодныхъ чудесъ Ангельскихъ для одной мысли о Христѣ и крещеніи: на сіе отвѣтствую: цѣль сія довольно велика сама въ себѣ, и важна для человѣчества, чтобы сдѣлать непримѣтною всякую жалобу на расточеніе средствъ, употребленныхъ для достиженія сей цѣли. Если испытатели природы производятъ продолжительныя работы, устрояютъ многодѣльныя орудія, употребляютъ огромныя издержки, чтобы открыть или объяснить какую нибудь частную и подчиненную истину естественную: то конечно сто-

ило труда устроить въ Іерусалимѣ овчую купѣль съ ея принадлежностями, какъ небольшую *модель* великой купѣли, въ которой возрожденъ цѣлый міръ Христіанскій, — какъ удобовразумительнаго указателя высокой истины и непостижимаго таинства Христа Спасителя и Бога.

Но довольно о Христіанскихъ таинствахъ, которыя лучше и достойнѣе чтутся смиреннымъ молчаніемъ вѣры, нежели возносящимся испытаніемъ разума. Возвратимся просто изъ больницы Іерусалимской въ больницу Московскую.

Съ радостію, съ чувствомъ внутренняго убѣжденія мы можемъ воздать долгъ хвалы и благодарности Благочестивѣйшимъ Самодержцамъ нашимъ, которые какъ во всякой добродѣтели, и во всякомъ благотвореніи, такъ и въ попеченіи о болящихъ величественно предшествуютъ народу своимъ примѣромъ. По нихъ съ благодарностію можемъ вспомнить и нѣкоторыхъ изъ подданныхъ, которые въ подвигахъ человѣколюбія довольно близко послѣдовали Царскому примѣру. Можно насчитать въ семъ градѣ болѣе пяти, не *притворовъ*, а великолѣпныхъ домовъ, которые представляютъ добродѣтель милосердія въ дѣлахъ тѣмъ лучше, что не выставляютъ ея въ названіяхъ. Отче милосердія! презирай выну на дѣла сіи окомъ благодати; и да будутъ помилованы милующіе; да будутъ, по непреложному обѣщанію, *блаженни милостивіи*.

Нѣтъ, правда, здѣсь одной купѣли, достаточной противъ всякаго недуга, и врачи здѣсь не Ангелы.

Вразсужденіи сего я могу только указать нашимъ плотоноснымъ врачамъ на примѣръ безплотнаго Іерусалимскаго врача, для ихъ размышленія. Сей примѣръ не показываетъ ли близости духовнаго къ тѣлесному, возможности союза между силою духовною и вещественнымъ средствомъ врачеванія, цѣлебнаго вліянія духовнаго на тѣлесное, когда духовное чисто и доступно Божественному? А если это такъ: то не можетъ ли,—не долженъ ли врачь, если не хочетъ быть ремесленникомъ, работающимъ только вещественными орудіями надъ веществомъ,— не долженъ ли, говорю, и духовное употреблять въ пособіе тѣлесному врачеванію, чистую волю признавать важною частію въ составѣ врачебныхъ средствъ, усердною молитвою искать свѣта и силы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ наука идетъ ощупью въ темнотѣ, и претыкается? —

Но если здѣсь и не достаетъ Ангела: за то ни одинъ больной не будетъ здѣсь, какъ въ Іерусалимѣ, доведенъ до необходимости жаловаться: *человѣка не имамъ;* но каждый найдетъ здѣсь и человѣка врачующаго, и человѣка служащаго немощному, и, когда нужно, человѣка приближающаго къ благотворнымъ вліяніямъ источника духовнаго. Во славу Бога, преимущественно въ Христіанствѣ щедраго средствами спасительными, должно сказать, что мѣсто, гдѣ мы стоимъ теперь, не можетъ завидовать купѣли овчей, содѣлавшись нынѣ хранилищемъ силы, болѣе нежели тамъ, высокой и благотворной. Не Ангелъ однажды въ годъ, но Царь Ангеловъ, Ангельскими доносимый чинми, прихо-

дитъ сюда такъ часто, какъ дерзаетъ призывать Его призванный къ сему дерзновенію человѣкъ; и пребываетъ здѣсь съ силою, которою все сотворено, и все сохраняется, врачуется, усовершается. Есть здѣсь всеобщій источникъ исцѣленій: о, если бы довольно умѣли, вѣрующимъ сердцемъ, открывать оный для себя и болящіе и врачующіе!

Но какъ слушающіе меня не болящіе: то скажу еще: о если бы и здравые ревностнѣе притекали въ сіе святилище силъ, какъ во врачебницу душъ, почти всегда, какъ я думаю, не безболѣзненныхъ внутренно?

Если Церковь, какъ свидѣтельствуетъ устроеніе сего мѣста, признается нужною и для больныхъ, которые большею частію не имѣютъ силъ приходить въ оную: меньше ли нужна она для здоровыхъ, которые приходить въ нее могутъ? Кто отважится утверждать сію несообразность? А не часто ли видимъ мы сію несообразность на дѣлѣ, то есть, что здоровые меньше больныхъ помышляютъ о Церкви?

Можно, говорятъ, молиться Богу дома, духомъ. Нѣтъ о семъ спора. Но люди, которые лучше насъ умѣли молиться духомъ, не бѣгали отъ храма, а прибѣгали въ оный съ радостію. *Возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ* (Псал. CXXI. 1.). Даніилъ Пророкъ, *мужъ желаній* (Дан. X. 11.), человѣкъ, который жилъ молитвою, когда не могъ идти въ храмъ Іерусалимскій, потому что былъ въ Вавилонѣ, и потому что храмъ былъ разрушенъ старался сблизить себя по крайней мѣрѣ

съ мѣстомъ и, такъ сказать, тѣнью бывшаго храма, становясь на молитву передъ открытымъ къ Іерусалиму окномъ, и въ тѣ часы, въ которые приносима была жертва во храмѣ до его разрушенія. *Дверцы же отверсты ему въ горницѣ его противу Іерусалима; въ три же времена дне бяше преклоняя колѣна своя, молялся и исповѣдаялся предъ Богомъ своимъ* (Дан. VI. 10.). Или Даніилъ суевѣренъ? Или вы хотите быть духовнѣе Даніила?— Нѣтъ! Надобно признаться, что тѣ, которые не посѣщаютъ храма подъ предлогомъ молитвы духомъ, или совсѣмъ не радятъ о молитвѣ, или совсѣмъ не понимаютъ сего дѣла.

Если же кто, признавая свое нерадѣніе и невнимательность, изнемогаетъ въ усердіи ко храму потому, что, посѣщая оный, не довольно ощущаетъ въ себѣ отъ того содѣйствія къ лучшему: таковаго увѣряемъ со Святымъ Златоустомъ, что *пріобрящетъ и пріиметъ нѣкоторую пользу; хотя и не таковую, дабы могъ оную чувствовати, однако же пріиметъ. Ибо если бы кто мимо прошелъ мироварницы, или бы въ подобныхъ ей домахъ часто кто находился; то и не хотя облагоухался бы пріятною сенею: кольми паче человѣкъ въ церковь ходящій. Не возможно бо,* говоритъ онъ еще, *дабы бесѣдующій къ Богу, и послушающій бесѣдующаго Бога, не пріобрѣлъ что либо* (на Іоан. Бесѣд. 53.).

Не будемъ, братія, безпечны о здравіи душъ нашихъ но будемъ тщательно пользоваться врачебни-

цею душъ — Церковію, и Врачемъ душъ — Христомъ, доколѣ Онъ ходитъ среди насъ, какъ Врачь, исцѣляющій всякую болѣзнь грѣха, доколѣ, по долготерпѣнію, медлитъ явиться, какъ Судія, имѣющій рѣшить жребій нашъ на вѣчную смерть, если не на вѣчную жизнь. Аминь.

10. СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ, ЧТО ВЪ ТОЛМАЧАХЪ, ГОВОРЕННОЕ НОЯБРЯ 25 ДНЯ, 1834 ГОДА.

Коль добри доми твои, Іакове, и кущы твоя, Израиле! яко дубравы осѣняющіи, и яко садіе при рѣкахъ, и яко кущы, яже водрузи Господь, и яко кедри при водахъ. Числ. XXIV. 5. 6.

Слова сіи написалъ въ книгѣ Чиселъ Пророкъ Моисей: а произнесъ оныя Валаамъ, человѣкъ, котораго пророческій характеръ затмѣвается тѣмъ, что не выдержанъ до конца его жизни. Не скрывая сего обстоятельства, я не усумнился впрочемъ, въ книгѣ истиннаго Пророка, взять вѣрно пересказанныя слова, произнесенныя Валаамомъ, какъ достойныя вниманія: потому что произнесены оныя еще тогда, когда онъ, не прельщаясь корыстію и честію отъ языческаго царя, сохранялъ себя вѣрнымъ духу видѣнія и Слову Божію; а потому могъ даже пророчествовать о Христѣ, и о спасительной Его смер-

ти и воскресеніи, какъ то можно видѣть въ слѣдующихъ его же словахъ: *созлегъ почи, яко левъ, и яко скимень, кто возбудитъ его? благословящіи тя благословени, и проклинающіи тя прокляти* (Числ. XXIV. 9.). И такъ стоитъ труда всмотрѣться въ то, что видитъ сей провидѣцъ, и вслушаться въ то, что онъ говоритъ.

Валаамъ стоялъ на высотѣ Фогора, имѣлъ предъ глазами станъ Израильтянъ, въ концѣ сорокалѣтняго странствованія ихъ по пустынѣ, и говорилъ: *коль добри доми твои, Іакове, и кущы твоя, Израилю! яко дубравы осѣняющія, и яко садіе при рѣкахъ, и яко кущы, яже водрузи Господь, и яко кедри при водахъ.*

Невѣроятно, чтобы послѣ столь продолжительнаго, столь труднаго путешествія, шатры и дорожныя повозки Израильтянъ, простому, тѣлесному взору представлялись въ такой восхитительной красотѣ, какою блещутъ оные въ словахъ прозорливца. Что же онъ видѣлъ? О чемъ онъ говоритъ? — Я уже замѣтилъ выше, что подъ образомъ спящаго льва, царя животныхъ, или сына львова, котораго никто не смѣетъ разбудить, Валаамъ видѣлъ Христа, Царя неба и земли, Сына Божія, Который почилъ сномъ смерти, и Котораго никто невластенъ былъ воскресить, какъ только Онъ Самъ, Своею Божественною силою. Посему-то видѣніе и заставило видящаго тотчасъ воскликнуть: *благословящіи тя благословени*, что также собственно Христу приличествуетъ, какъ Единому благословляющему благодатію всѣхъ, благословляющихъ Его вѣрою. Согласно

съ симъ разумѣніемъ видѣнія, можно думать, что и подъ образомъ стана Израильтянъ, видимаго тѣлесными очами, провидцу дано было созерцать духомъ Церковь Божію и Христову: и въ семъ случаѣ неудивительно, что онъ описываетъ красоту ея съ восхищеніемъ. Какой это прекрасный *домъ!* И не удивительно: ибо въ немъ живетъ Богъ. Но Церковь подобна и *кущамъ:* потому что находится въ состояніи странствованія: *не имамы бо здѣ* на земли *пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ, небеснаго* (Евр. XIII. 14.). Она подобна *дубравѣ осѣняющей:* потому что въ ней и надъ нею всегда почиваетъ осѣненіе благодати Божіей. Она подобна *саду* при рѣкѣ: потому что всегда напаяется живою водою Духа Божія и ученія Христова, всегда растетъ духовно, и приноситъ плодъ правды. Она — *яко кущы, яже водрузи Господь*, непоколебима, неразрушима, какъ дѣло Божіе: такъ какъ и дѣйствительно Самъ Господь сказалъ о ней: *созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. XVI. 18.). *Яко кедри при водахъ*, всегда зеленѣютъ, всегда возвышаются: такъ и она никогда не теряетъ жизни, которая возникла въ ней отъ неистлѣннаго сѣмени слова Божія, и непрерывно поддерживается Духомъ Святымъ; наконецъ она непрестанно возвышается къ небесамъ, дабы совершенно соединиться съ Главою Своею, Христомъ, и сдѣлаться совершенно небесною.

Если бы кто сказалъ, что восторженныя слова прозорливца могли относиться къ Скиніи свидѣнія, находившейся въ станѣ Израильтянъ, иначе сказать,

къ ихъ походному храму: сіе не противорѣчило бы нашему изъясненію; потому что Скинія свидѣнія также была образъ, въ которомъ можно и должно было созерцать Церковь.

Сіе видѣніе духовнаго благолѣпія Церкви приведено мнѣ, братія, на мысль видѣніемъ чувственнаго благолѣпія сего, нынѣ обновленнаго, храма, тщаніемъ возлюбившихъ сіе благолѣпіе чадъ новаго Израиля, и благоноспѣшнымъ подвигомъ воздвигнутаго и украшеннаго видимо, дѣйствіемъ же благодати облеченнаго невидимо въ высшую, духовную, таинственную красоту, и устроеннаго въ таинственное жилище Божіе. Пусть бы пришелъ и сюда древній прозорливецъ; или, если ему надобно зрѣлище, болѣе обширное, пусть бы онъ, вмѣсто нечистой высоты Фогора, сталъ у насъ на благословенной высотѣ Кремля, посмотрѣлъ бы на многочисленные храмы, древніе, новые, тщательно сохраненные въ благолѣпіи, или возобновляемые, или вновь и нынѣ съ древнимъ же усердіемъ созидаемые: истинно, думаю я, онъ возобновилъ бы свой древній восторгъ, и еще разъ возгласилъ бы свою древнюю пѣснь: *коль добри домы твои, Іакове, и кущы твои, Израиле!*

Благословенъ Богъ, не оставляющій людей Своихъ присутствіемъ благодати Своея! Благословенны людіе Божіи, не оставляющіе Бога своего своею вѣрою и желаніемъ благодати Его! Пробави милость Твою вѣдущимъ Тя, Господи; и да не удалятъ Тебя отъ насъ наши грѣхи и невѣрности, но паче благодать Твоя, нами во святилищахъ Тво-

ихъ искомая, да отверзаетъ сердца наши, да посѣщаетъ ихъ, да исполняетъ своею силою и своимъ утѣшеніемъ, и такимъ образомъ, изгоняя изъ нихъ, и отражая отъ нихъ все, Тебѣ противное, и ихъ да *созидаетъ въ жилище Божіе духомъ* (Ефес. II. 22.).

Къ утѣшенію вѣры, не неблаговременно теперь будетъ, представить вамъ, братія, изъ слова Божія нѣсколько удостовѣрительныхъ свидѣтельствъ о пребываніи благодати Божіей въ Церкви Христовой неотступно до скончанія вѣка.

Первое изъ таковыхъ свидѣтельствъ даетъ Самъ Іисусъ Христосъ, *свидѣтель вѣрный и истинный* (Апок. III. 14.), когда говоритъ: *созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. XVI. 18.). — *Созижду*: слово сіе показываетъ созиданіе Церкви еще въ намѣреніи, прежде самаго исполненія. Господь, какъ во многихъ случаяхъ, для удобнѣйшаго вразумленія насъ о Божественныхъ, непостижимыхъ дѣлахъ своихъ, уподобляетъ оныя обыкновеннымъ дѣламъ человѣческимъ, такъ и здѣсь уподобляетъ Себя хозяину, вознамѣрившемуся построить домъ, или архитектору, обдумывающему построеніе зданія. Надлежало между прочимъ подумать о прочности зданія, и предусмотрѣть и предотвратить то, что могло бы вредить оному. И такъ Основатель Церкви смотритъ въ будущее. Видитъ, что врата адовы, отверстыя къ землѣ грѣхомъ Адамовымъ, при созданіи и по созданіи новой Церкви Христіанской испустятъ противъ нея новыя силы зла: полчища гонителей, сонмища ере-

тиковъ, скопища разныхъ соблазновъ. Что жъ? Если зданіе будетъ повреждено до разрушенія: то цѣль онаго не будетъ достигнута; и не будетъ охранена слава Божественнаго Создателя. Но слава Ему во вѣки! Онъ провидитъ и предустрояетъ лучшее: *созижду*, говоритъ, *Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей.* Враги ея будутъ возставать на нее; будутъ иногда сильны; будутъ въ нѣкоторыя времена, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, торжествовать, отторгая у нея члены; а она будетъ страдать и болѣзновать, но рѣшительно *не одолѣютъ ей.* Долго ли? — Безъ сомнѣнія, до скончанія вѣка. Ибо если бы могли одолѣть когда нибудь: то Провидящій времена до вѣчности, не могъ бы сказать рѣшительно, что *не одолѣютъ.* Но чѣмъ Церковь побѣждаетъ и сохраняетъ себя непобѣдимою? — Безъ сомнѣнія, силою Божіею, благодатію Божіею. Слѣдственно, если силы адскія никогда не одолѣютъ ея: то сіе значитъ, что всегда въ ней сохранится, и всегда спасительно дѣйствовать будетъ сила Божія, благодать Божія.

Второе свидѣтельство сей истины можно заимствовать изъ Апокалипсиса, или Откровенія Святаго Іоанна Богослова, которое пророчественно изображаетъ судьбу Церкви Христовой до скончанія вѣка. Въ семъ Откровеніи непрерывно видимъ истинную Церковь, сперва въ образѣ двадцати четырехъ старцевъ окрестъ Божественнаго престола (Апок. гл. IV.), *поклоняющихся живущему во вѣки вѣковъ*; потомъ, по мѣрѣ, можетъ быть, распространенія Христіанства, въ числѣ ста четыредесяти

четырехъ тысячъ, запечатлѣнныхъ печатію Бога живаго; далѣе, *въ народѣ многомъ, егоже исчести никтоже можетъ, отъ всякаго языка, и колѣна, и людей, и племенъ, стоящемъ предъ престоломъ и предъ Агнцемъ* (гл. VII.); далѣе, въ видѣ храма съ олтаремъ и поклонниками, который Іоанну повелѣно измѣрить (гл. XI.); еще далѣе, въ лицѣ жены, *облеченной въ солнце*, то есть, въ истину и добродѣтель Іисуса Христа, Который есть *свѣтъ міру* (Іоан. VIII. 12.), украшенной *вѣнцемъ отъ здѣздъ двоюнадесяте*, то есть, Боговѣденіемъ Апостольскимъ, имѣющей подъ ногами *луну*, то есть, мудрость человѣческую, естественную (Апок. гл. XII.); еще далѣе, предъ бракомъ Агнца, она представляется *женою Его*, уготовавшею себя, и облеченною въ виссонъ оправданія Святыхъ (гл. XIX.); и еще, послѣ изображенія тайновидцемъ перваго воскресенія, она именуется у него *святыхъ станомъ и градомъ возлюбленнымъ* (гл. XX. 8.), доколѣ наконецъ, съ новымъ небомъ и новою землею, обновляется и она *въ Іерусалимѣ новѣ, сходящь отъ Бога съ небесе* (гл. XXI. 2.). Достойно примѣчанія, что тайновидѣцъ, изображая самыя опасныя времена для Церкви, представляетъ ее невредимою отъ опасностей, но чудесно сохраняемою. На примѣръ: змій *гоняше жену*: но онъ ее не догоняетъ и не низлагаетъ; потому что *даны быша женѣ два крила орла великаго;—и поможе земля женѣ* (гл. XII. 13. 14–16.). Провидѣніе такъ управляетъ ходомъ происшествій, что и земныя учрежденія споспѣшествуютъ миру или безопасности

Церкви; и *крилъ орла великаго*, можетъ быть, царственнаго, благоговѣйно несутъ ее, выше злобы и лукавства враговъ ея, *въ пустыню въ мѣсто свое*, — конечно не просто въ безлюдіе внѣшнее, ибо Церковь сама есть многолюдство вѣрующихъ, но въ *пустыню* паипаче внутреннюю, — все далѣе отъ міра, все ближе къ Богу; ибо *свое мѣсто* для Церкви есть близость къ Богу и соединеніе съ Нимъ. А сіе и значитъ то, что благодать Божія, не отъемлется отъ Церкви, и въ самыя опасныя времена, должна пребыть съ нею неразлучна даже до скончанія вѣка.

Третіе свидѣтельство той же истины находимъ въ слѣдующихъ словахъ Святаго Апостола Павла: *и Той*, то есть, Христосъ, *далъ есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же Благовѣстники, овы же Пастыри и Учители, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова, дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры, и познанія Сына Божія, въ мужа совершена, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Ефес. IV. 11—13.). Чтобы лучше уразумѣть силу сего изреченія, представимъ себѣ, что мы вопрошаемъ у Апостола: долго ли будутъ въ Церкви *Пастыри и Учители, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова*? — Онъ отвѣтствуетъ: *дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершена, въ мѣру возраста исполненія Христова*. Слѣдственно, доколѣ есть на земли не достигшіе въ соединеніе вѣры, не пришедшіе

въ совершенство духовнаго возраста, еще нуждающіеся въ познаніи Сына Божія: дотолѣ будутъ въ Церкви Пастыри и Учители, къ совершенію Святыхъ; и какъ совершеніе Святыхъ чрезъ Пастырей и Учителей не можетъ быть безъ всесвятыя благодати Божіей, то и она должна, по удостовѣренію Апостола, пребывать съ Пастырями и Учителями въ Церкви дѣйствующею дотолѣ, какъ преподобѣдя всѣ препятствія, приведетъ всѣхъ, предуставленныхъ ко спасенію, въ соединеніе вѣры.

Приведемъ еще одно свидѣтельство о всегдашнемъ присутствіи въ Церкви благодати, особенно таинодѣйственной. Тотъ же Апостолъ, увѣщевая Коринѳскихъ Христіанъ съ особеннымъ благоговѣніемъ приступать къ таинству Тѣла и Крови Христовы, говоритъ: *елицеждо бо аще ясте хлѣбъ сей, и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете, дондеже пріидетъ* (1 Кор. XI. 26.). И здѣсь важная истина скрывается въ маломъ словѣ: *дондеже*. Чтобы лучше открыть оную, опять обращаю рѣчь Апостола въ вопросъ: долго ли Христіане будутъ ясти хлѣбъ таинственный, и пити чашу Господню, и пріобщеніемъ Тѣла и Крови Христовой возвѣщать смерть Господню? — Въ словахъ Апостола нахожу отвѣтъ: *дондеже пріидетъ*. То есть: таинство Тѣла и Крови Христовы непарушимо будетъ совершаться въ истинной Церкви Христовой до самаго втораго пришествія Христова, или, что тоже, до скончанія вѣка. Поелику же сіе не можетъ быть безъ благодати таинодѣйственной, безъ благодати священства, а таинственная благодать священ-

ства не можетъ быть безъ преподаятельной благодати Архіерейства: то очевидно, что благодать таинодѣйственная и чинъ священноначалія, по предреченію Апостола, пребудутъ въ Церкви во всѣ времена, и хотя не всегда равно обильнымъ потокомъ, но никогда непресѣкаемою струею, потекутъ даже до предѣловъ Царства славы.

По симъ, и подобнымъ неложнымъ свидѣтельствамъ, — какое утѣшеніе, братія, что и въ сіи поздныя времена Церкви, также какъ въ самыя первыя, съ увѣренностію могу я говорить вамъ словами Святаго Апостола Петра: *возлюбленніи, препоясавше чресла помышленія вашего, трезвящеся, совершенно уповайте на приносимую вамъ благодать откровеніемъ Іисусъ Христовымъ.* (1 Петр. I. 13.)

Не внимайте же клевещущимъ на Церковь, будто благодать въ ней истощилась; будто священноначаліе въ ней или совсѣмъ, или въ половину рушилось.

Скажите чуждающимся Архіереевъ: если корень изсохъ; то какъ могутъ быть свѣжія вѣтви? Если, — какъ они думаютъ, или точнѣе сказать, не размысливъ, укоряютъ, — благодать Архіерейства истощилась: то какъ можетъ продолжаться благодать священства, которое безъ Архіерейства есть тоже, что вѣтвь безъ корня? Но поелику они признаютъ благодать священства: то какъ могутъ отвергать благодать Архіерейства, которое есть корень священства? А если не отвергаютъ благодати Архіерейства: то почему чуждаются онаго?

Скажите отвергающимъ всякое священство: если, по ихъ зломудрію, совсѣмъ рушилось священство, то должно сказать, что рушилась и Церковь, что *врата адова одолѣли ей.* Но если они скажутъ и сіе, то явно возстанутъ не противъ насъ, смиренныхъ служителей Цекрви, но противъ Самого ея Основателя, Который сказалъ, что *врата адова не одолѣютъ ей.* Если нѣтъ таинства Тѣла и Крови Хрістовы: то Апостолъ сказалъ неправду, что оно будетъ совершаться, *дондеже пріидетъ* Господь на судъ. Но если слово Апостольское ложнымъ быть не можетъ; если словеса Хрістовы не мимоидутъ, хотя бы прешли небо и земля: то есть и нынѣ, и до скончанія вѣка будетъ, святое таинство Тѣла и Крови Хрістовы; есть и будетъ благодатное священство и священноначаліе; и противники сего ученія суть противники слова Апостольскаго и Хрістова.

Одно еще нужно къ сему присовокупить: *совершенно уповая на благодать* Божію въ Церкви, къ вашему охраненію отъ лжеученія, къ вашему утѣшенію въ скорби о грѣхахъ и въ страхѣ суда Божія, къ вашему подкрѣпленію въ немощахъ, не обратите надежды на благодать въ поводъ къ небрежной жизни, недостойной святыя благодати. *По звавшему вы Святому и сами святи во всемъ житіи будите* (1 Петр. I. 15.). Аминь.

11. СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ПРИДѢЛЬНАГО ХРАМА СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ, БОЛѢЕ ИЗВѢСТНАГО ПО ДРУГОМУ ОЛТАРЮ ВО ИМЯ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ, ВЪ РОГОЖСКОЙ СЛОБОДѢ, ГОВОРЕННОЕ 16 ДЕКАБРЯ 1834 ГОДА.

Послеши Духа твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли. Буди слава Господня во вѣки. Пс. CIII. 30. 31.

Пророкъ Псалмопѣвецъ, удивительно, какъ любитъ славить Бога. Что, помысливъ о Духѣ Божіемъ, посылаемомъ на твари, созидающемъ, или воссозидающемъ ихъ, и обновляющемъ лице земли, онъ возрадовался и воскликнулъ: *буди слава Господня во вѣки!* сему я не удивился бы. Но предъ симъ самымъ онъ говорилъ о Богѣ, отвращающемъ лице отъ тварей, о тваряхъ отъ того матущихся, лишаемыхъ духа, исчезающихъ, въ персть свою возвращающихся: удивительно, что и сіе не смутило его, и не воспрепятствовало его славословію. И далѣе, въ томъ же псалмѣ, онъ изображаетъ грозное

величіе Вседержителя: *призираяй на землю, и творяй ю трястися; прикасаяйся горамъ, и дымятся.* Но что же потомъ? Говоритъ ли онъ о своемъ ужасѣ? или безмолвствуетъ въ трепетѣ? —Ни то, ни другое. Онъ радуется, поетъ и славитъ Бога. *Воспою Господеви въ животѣ моемъ; пою Богу моему, дондеже есмь.*

Въ семъ священномъ образцѣ заключается для насъ, братія, ученіе: должно славить Бога, не только тогда, когда Онъ является въ дарахъ, въ благодѣяніяхъ, въ милостяхъ, но и тогда, когда, по видимому, отвращается и удаляется, въ самомъ же дѣлѣ, сокровенно приходитъ и приближается, въ посѣщеніяхъ грозныхъ или скорбныхъ, въ лишеніяхъ, въ бѣдствіяхъ. Ученіе истинное, полезное всегда, а здѣсь, и нынѣ, еще и благовременное.

Памятенъ и для меня третій надесять день Августа, когда внезапно для насъ, но не внезапно для Бога, не безъ вѣдома, не безъ попущенія Его, сія часть града посѣщена была огнемъ истребляющимъ; когда дымная дорога отъ мѣста истребленія пролегала по небу почти надъ моею головою, и какъ будто предназначала дальнѣйшій путь истребленію на землѣ; когда носимые вѣтромъ пожарные угли, пролетѣвъ не одно поприще, упадали на моемъ дворѣ; и какъ будто говорили мнѣ: далеко ли, думаешь, пойдетъ сіе посѣщеніе? Лѣто и бездождіе, сила и направленіе вѣтра, — все благопріятствовало умноженію бѣдъ, и распространенію оныхъ съ неизбѣжною быстротою, почти подобною той, какую ви-

димъ въ сказаніи вѣстника Іовлева: *огнь спаде съ небесе, и пожже овцы, и пастыри пояде подобнѣ; спасохся же азъ единъ* (Іов. I. 16.). Тотъ, который утромъ имѣлъ жилище и прочее потребное для жизни, или даже избытокъ и богатство, къ вечеру оставался безпокровнымъ и безпомощнымъ, и если не былъ одинокъ, то сіе не служило къ облегченію, потому что нищета семейная тягостнѣе нищеты одинокой. Бѣдствіе, взявшее многочисленную дань отъ домовъ сего града, и отъ имуществъ обитателей, потребовало себѣ нѣкоторой дани и отъ храмовъ; и невидимый, непонятный для насъ жребій палъ на сей храмъ.

Что жъ?—скажутъ, вѣроятно, нѣкоторые при сихъ горестныхъ воспоминаніяхъ, не ужели должно,- не ужели можно славить Бога и въ семъ случаѣ? — Признаемъ, если угодно, что сіе не такъ легко для человѣческой немощи, для человѣческой недальновидности, въ то время, когда бѣдствіе устремляетъ на человѣка свою силу и дѣйствіе. Между тѣмъ можно спросить обратно: можетъ ли быть время, когда бы не должно было славить вѣчнаго Бога? Можетъ ли Онъ когда быть недостоинъ славы? А если всегда славить Его должно: то не трудно заключить, что и можно Его славить всегда: ибо Онъ довольно праведенъ и всемогущь, чтобы должнаго не оставить не возможнымъ.

Что подъ самыми, такъ сказать, ударами бѣдъ есть возможность, не только стенать, или жаловаться, или роптать, но и славить Бога,—сіе ясно, какъ день, видно въ Іовѣ. Вѣсти о бѣдствіяхъ, для него

разорительныхъ, одна за другою, какъ стрѣла за стрѣлою, поражали его, и безъ сомнѣнія, до глубины сердца пронзила послѣдняя вѣсть о потерѣ вдругъ всѣхъ дѣтей. Что же? Онъ принесъ обычную жертву скорби: растерзалъ ризы; остригъ власы; посыпалъ перстію главу. Но что далѣе? — Въ тоже время онъ молится: *падъ на землю, поклонися Господеви.* Онъ размышляетъ, какъ-бы человѣкъ любомудрствующій на свободѣ: *самъ нагъ изыдохъ отъ чрева матере моея, нагъ и отыиду тамо; Господь даде, Господь отъятъ; яко Господеви изволися, тако бысть.* Наконецъ онъ славословитъ: *буди имя Господне благословенно во вѣки.*

Скажутъ: не льзя всѣмъ быть такъ крѣпкими духомъ, какъ былъ Іовъ. Не спорю: хотя впрочемъ сія отговорка отъ великодушія очень слаба для Христіанина. Отъ младенчества временъ патріархальныхъ, въ какихъ является жизнь Іова, долго росло человѣчество, и высокаго возраста достигло въ Христіанствѣ: а потому паче прежняго можетъ и должно имѣть духъ возвышенный и непоколебимый въ бѣдствіяхъ. Въ пособіе для сего имѣетъ оно теперь ученіе Христово, примѣръ Христовъ, Божественную силу Христову: ибо, по изреченію Святаго Апостола Петра, *вся намъ Божественныя силы Его подана познаніемъ призвавшаго насъ славою и добродѣтелію* (2 Пет. 1. 3.). И посему-то святые мученики, въ своихъ страданіяхъ торжественнѣе и постояннѣе самого Іова славили Бога, какъ напримѣръ, Іаковъ Персянинъ, когда у него всѣ персты рукъ и ногъ, а потомъ самыя руки и ноги

отсѣкаемы были мучителями по одному члену, чтобы увеличить мученіе, ни которымъ ударомъ меча или сѣкиры не былъ доведенъ до вопля нетерпѣливости, но при каждомъ отсѣченіи произносилъ молитву или славословіе Христу Богу, и большею частію съ такою радостію, какъ-бы не страждущій. Но я уже сказалъ, что не препятствую вамъ быть немощнѣе Іова, если вы то себѣ позволяете, и если то не стыдно вамъ, какъ Христіатамъ. Ты не имѣешь довольно присутствія духа, чтобы славить Господа среди самаго бѣдствія: жаль, однако пусть такъ. По крайней мѣрѣ, удержись отъ безсмысленныхъ воплей нетерпѣливости, отъ безполезныхъ жалобъ, отъ дерзновенныхъ словъ ропота; обрати твои скорбныя чувствованія въ смиренную молитву: такимъ образомъ Богъ не будетъ прогнѣванъ, а ты будешь менѣе безпокоенъ. Ты не позаботился благовременно такъ расположить духъ твой, чтобы облако временнаго бѣдствія не могло закрыть отъ очей его вѣчной славы Божіей, въ минуты силы бѣдствія; ты пропустилъ прекрасный случай испытать непобѣдимую силу Христіанской добродѣтели: жаль; много пропущено; только еще не все. Но крайней мѣрѣ, по уменьшеніи силы бѣдствія, утиши твои скорбныя чувствованія; собери силы твоего ума; помысли, что Богъ твое бѣдствіе предусмотрѣлъ, — могъ отвратить, — не благоизволилъ отвратить; — что Онъ, всеблагій, не желалъ тебѣ, такъ какъ и не можетъ желать зла; — что слѣдственно попустилъ бѣдствіе для какого нибудь твоего блага, или для отвращенія отъ тебя какого нибудь большаго зла; — помыс-

ли, что и послѣ бѣдствія у тебя что нибудь еще осталось, если не жилище, то какая нибудь собственность, или хотя одежда, и, что всего важнѣе, жизнь и душа: что Богъ, Который попекся сохранить твою жизнь, симъ самымъ изъявляетъ другое благотворнѣйшее попеченіе о спасеніи твоей души, для чего и сберегаетъ тебѣ время жизни; — если даже ты недовольно обезпеченъ и жилищемъ и пропитаніемъ, помысли, что птица и тогда поетъ славу Сотворившаго ее, когда у нея нѣтъ ни гнѣзда, ни приготовленной пищи, и, промысломъ того же Творца, находитъ, чѣмъ питаться и гдѣ провести ночь; — таковыми и подобными размышленіями ободри духъ твой; вознеси сердце твое къ Богу; скажи хотя послѣ бѣдствія, что не умѣлъ сказать во время бѣдствія: *буди имя Господне благословено! буди слава Господня во вѣки!* Ты принесешь чрезъ сіе Богу пріятную жертву; и въ собственномъ сердцѣ посѣешь доброе сѣмя.

Инымъ кажется во время бѣдствія, что они способнѣе были бы славить Бога во время благополучія, и что потому не на пользу послано имъ бѣдствіе. Мечта! Намъ часто кажется, что, по пословицѣ, тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ: но самая сія пословица смѣется надъ сею мечтою. Ты думаешь, что славилъ бы Бога, если бы не былъ несчастливъ, а напротивъ былъ осыпанъ Его благодѣяніями: вѣроятно, потому что не трудно. И безсловесное оказываетъ ласку тому, кто дастъ ему кормъ. Не къ великой же добродѣтели ты себя располагаешь! Не много же, видно, дорожишь добродѣтелію болѣе

возвышенною, хотя болѣе трудною! Но если ты лѣнивъ и низокъ для добродѣтели трудной и возвышенной: то не ручайся за себя, что и для добродѣтели низшей и легчайшей ты не былъ бы также лѣнивъ и низокъ. Перестань мечтать, и посмотри на опыты. Посмотри на Израильскій народъ, когда Богъ *возведе я на силу земли, насыти ихъ житъ селнихъ, ссаша медъ изъ камене, и елей отъ тверда камене, масло кравіе, и млеко овчее, съ тукомъ агнчимъ и овнимъ, сыновъ юнчихъ, и козлихъ, съ тукомъ пшеничнымъ, и кровь гроздову піяху вино.* Тутъ-то надлежало по твоему умозрѣнію славить Бога. Смотри же далѣе, какъ невѣрно твое умозрѣніе. *И яде Іаковъ, и насытися; и отвержеся возлюбленный; уты, утолстъ, разширъ и остави Бога сотворшаго его, и отступи отъ Бага Спаса своего* (Втор. XXXII. 13—15.). Посмотри опять на того же Израиля во время бѣдствія, и узнай, препятствовало ли оно, или напротивъ помогало ему славить Бога. *Егда убиваше я*, сказуетъ Псалмопѣвецъ, *тогда взыскаху Его, и обращахуся, и утренневаху къ Богу; и помянуша, яко Богъ помощникъ имъ есть, и Богъ вышній избавитель имъ есть* (Пс. LXXVII. 34. 35.). Видишь ли, что и благополучіе можетъ быть опаснѣе бѣдствія, и бѣдствіе спасительнѣе благополучія. Не завидуй же благополучію; и не унывай въ бѣдствіи. Помышляй, что и тебѣ послано бѣдствіе, или предохранить тебя отъ неблагодарности и забвенія о Богѣ, до которыхъ въ благополучіи могла бы довести привязанность къ земнымъ благамъ и удовольствіямъ;

или очистить тебя отъ дѣйствительныхъ грѣховъ прошедшихъ дней благополучныхъ; или призвать тебя къ высшей добродѣтели, чтобы не только сдѣлать тебя болѣе безопаснымъ отъ ада, но и доставить тебѣ болѣе свѣтлый вѣнецъ на небѣ.

Но возвратимъ слово, и болѣе приближимъ къ себѣ, и къ нашимъ происшествіямъ, и къ настоящему случаю.

Прославимъ, братія, Бога, Который хотя и *путесотворилъ* здѣсь огненную *стезю гнѣву своему* (Пс. LXXVII. 50.), однако и преградилъ оную милосердіемъ и благодатію. Какъ нѣкогда въ станѣ Израильтянъ, *когда изыде гнѣвъ отъ лица Господня, и нача губити люди*, Ааронъ съ кадильницею *ста между мертвыми и живыми, и преста пагуба* (Числ. XVI. 46 — 48.: такъ и здѣсь Святитель Алексій и Преподобный Сергій, дружественные между собою въ земномъ житіи своемъ, и по преставленіи своемъ являвшіеся иногда вмѣстѣ, какъ извѣстно изъ преданій Сергіевской обители, а здѣсь сосѣдствующіе въ сопменитыхъ имъ храмахъ, стали невидимо съ ѳиміамомъ своихъ молитвъ среди потока огня, и преградили оный, и одинъ изъ своихъ храмовъ дивно сохранили невредимымъ, и сдѣлали убѣжищемъ для святыни другаго; а отъ сего другаго сохранили по крайней мѣрѣ внутреннюю святыню, и то, что наиболѣе нужно было къ неукоснительному возстановленію здѣсь Богослуженія.

Прославимъ Бога, Который, посѣтивъ однихъ бѣдствіемъ, сохранилъ другихъ для прибѣжища

бѣдствующимъ; Который *послалъ духъ* человѣколюбія въ помощь, да *созиждутся* истребленныя жилища, или, по крайней мѣрѣ, да не въ конецъ безпомощною нищетою разрушится жизнь бѣдствующихъ; Который послалъ духъ благочестиваго усердія, да возсозиждутся святилища, и — вотъ уже второму здѣсь олтарю благоволилъ обновиться, не только благолѣпіемъ видимымъ, но и невидимою благодатію.

Прославимъ Бога, не только словомъ, но и сердцемъ, ему преданнымъ, и житіемъ ему благоугоднымъ, да не паки прогнѣвается Господь на люди своя, но паче возвеселится о дѣлѣхъ своихъ. И въ освященномъ храмѣ Православно-Христіанскомъ, и въ освящаемыхъ вину душахъ Православно-Христіанскихъ *буди слава Господня во вѣки.* Аминь.

12. СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ГРАДО-КЛИНСКАГО СОБОРНАГО ХРАМА ПРЕСВЯТЫЯ ТРОИЦЫ, 24 МАІЯ 1836.

И бяху выну въ церкви, хваляще и благословяще Бога. Лук. XXIV. 53.

Восхвалимъ и мы Бога, въ Троицѣ поклоняемаго, Начальника и Совершителя всякаго созданія, во вѣки благословеннаго въ церкви Святыхъ. Нынѣ особенно да восхвалятъ Бога братія святаго храма сего.

Трудъ многихъ лѣтъ наконецъ оконченъ. Заботы прекратились. Долгое ожиданіе исполнилось. Храмъ, усердіемъ вашимъ воздвигнутый, благодатію Божіею совершенъ и освященъ.

Не безъ заботы былъ и я свидѣтелемъ трудностей въ его созиданіи. Зданіе предпринято было почти не по силамъ вашего малаго града. Надлежало не только созидать, но частію и пересозидать неблаголѣпно созданное. Надлежало по временамъ останавливать дѣло, потому что истощались сред-

ства продолжать оное. Видно, ревность ваша не изнемогла: потому что помощь Божія васъ не оставила.

Радуюсь нынѣ съ вами, не столько вашему облегченію отъ труда и заботы (хотя и сему радуюсь), сколько тому, что вы понесли трудъ Богоугодный, заботу душеполезную; и что Богъ принялъ отъ васъ даръ усердія, потому что возниспослалъ на оный даръ освященія

Возблагодаримъ Бога, тако благоволившаго: возблагодаримъ не только словомъ, но паипаче сердцемъ и дѣломъ. Имѣвъ усердіе къ созиданію храма, имѣйте усердіе ко храму созданному. Утѣшаясь имъ, какъ дѣломъ вашего усердія, почтите въ немъ дѣло благодати Божіей. Пользуйтесь освященнымъ храмомъ для собственнаго вашего освященія: ибо иначе для чего было бы и созидать и освящать оный?

Богъ вездѣсущъ: и потому не имѣетъ нужды въ храмѣ, который для Него всегда малъ и невмѣстителенъ. Но человѣкъ ограниченъ: и потому имѣетъ нужду въ ограниченномъ явленіи присутствія Божія. Богъ снисшелъ къ сей нуждѣ человѣка: и благоволилъ быть храму, и даровалъ ему благодать особеннаго Своего присутствія.

Мы знаемъ одно состояніе человѣчества, когда не нуженъ ему храмъ: — это состояніе новаго Іерусалима, подъ новымъ небомъ, на новой землѣ: но сіе самое доказываетъ надобность храма въ другихъ состояніяхъ, и именно въ томъ, въ которомъ теперь мы находимся. Какъ особенную, от-

личительную черту новаго Іерусалима, Тайновидѣцъ указуетъ то, что въ немъ нѣтъ храма; *и храма не видѣхъ въ немъ* (Апок. XXI. 22.) И, какъ-бы предусматривая, что сія необычайность покажется слишкомъ поразительною и неимовѣрною, что будутъ спрашивать, какъ можно быть граду Божію безъ храма Божія, онъ тотчасъ объясняетъ, почему это такъ: *Господь бо Богъ Вседержитель храмъ ему есть и Агнецъ.* Какъ бы такъ сказалъ онъ: человѣчество тамъ усовершено и возвышено до того, что твари не заграждаютъ и не закрываютъ отъ него присутствія Божія; въ сіе святое присутствіе входятъ тамъ непосредственно, не имѣя нужды въ особомъ святомъ мѣстѣ, представительномъ сего присутствія. Нѣтъ нужды въ храмѣ: потому что человѣкъ живетъ въ Богѣ и во Христѣ, какъ во храмѣ, и въ Немъ Самомъ обрѣтаетъ безъ труда все, къ чему мы подвизаемся проникнуть посредствомъ храма. Если и тамъ сотворенное око не объемлетъ свѣта несотвореннаго, и потому нужно нѣкоторое снисхожденіе и умѣреніе свѣта неприступнаго: то сіе совершаетъ тамъ открытый свѣтъ Богочеловѣка Іисуса, Который Своимъ человѣчествомъ низводитъ и умѣряетъ свѣтъ Божества, и Своимъ Божествомъ просвѣщаетъ и блаженотворитъ человѣчество. *Свѣтилникъ его Агнецъ* (Апок. XXI. 23.). Такъ, и потому не нуженъ храмъ въ Іерусалимѣ новомъ. Но мы еще не въ новомъ, сходящемъ съ небесъ, Іерусалимѣ: слѣдственно намъ нуженъ храмъ. Еще тварь, еще собственная плоть наша, грубая, не очищенная, преграждаетъ намъ входъ

во святое, благодатное присутствіе Божіе: и такъ надобно, чтобы сіе благодатное присутствіе само себя отверзло для насъ во святомъ храмѣ. Еще небеса, куда вознесся Христосъ, свѣтъ нашъ, не отверзаются и не открываютъ намъ сіянія славы Его: надобно намъ пока хотя малое небо на землѣ, свѣтъ, хотя сокровенный въ тайнѣ; и сіе можемъ мы обрѣсти во храмѣ, чрезъ молитву, чрезъ Слово Божіе, чрезъ Таинства.

Обращаясь отъ конца временъ къ ихъ началу, если бы мы не нашли храма и тамъ: сіе было бы не удивительно; потому что райскій человѣкъ походитъ болѣе на человѣка новаго Іерусалима, нежели на нынѣшняго человѣка. Но можно сказать, что первый на землѣ храмъ Божій былъ самый рай, въ которомъ Богъ благодатно являлся человѣку, въ которомъ человѣкъ, освященный образомъ Божіимъ, былъ непорочнымъ священникомъ, въ которомъ видимою, таинственною святынею было древо жизни; поелику отъ сего древа человѣкъ таинственно вкушалъ нетлѣнную жизнь, подобно какъ мы нынѣ, на Трапезѣ Господней, отъ плода пшеницы и лозы, таинственно и существенно вкушаемъ безсмертную жизнь Божественнаго Тѣла и Крови Христовы.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ грѣхопаденіемъ сокрушилъ въ себѣ образъ Божій, и пересталъ быть живымъ храмомъ Божіимъ, потребность видимаго, образовательнаго, таиноводственнаго храма Божія очевидно сдѣлалась болѣе ощутительною: и Свя-

щенная исторія показываетъ, что сколько человѣкъ трудился надъ удовлетвореніемъ сей погребности, столько же, или еще болѣе, Самъ Богъ споспѣшествовалъ тому.

Отъ древнихъ Патріарховъ, которые кочевали въ шатрахъ, не естественно было бы требовать храма, по правиламъ зодчества созидаемаго. Храмъ существовалъ у нихъ сокращенно въ жертвенникѣ: и мы многократно видимъ въ ихъ житіяхъ, что Богъ является, и въ слѣдствіе того Патріархъ созидаетъ жертвенникъ, и обратно, Патріархъ созидаетъ жертвенникъ, и Богъ является ознаменовать Свое благоволеніе надъ жертвенникомъ и надъ создавшимъ его. Богъ является Ною, сохраняя его отъ потопа, и тотчасъ по потопѣ *созда Ное жертвенникъ Господеви* (Быт. VIII. 20.): Ной возноситъ всесожженіе на жертвенникъ, и Господь вновь является благословить новый послѣпотопный міръ. *Явися Господь Авраму: и созда тамо Авраамъ жертвенникъ Господу явльшемуся ему* (Быт. XII. 7.). Іакову Богъ самъ повелѣваетъ создать жертвенникъ, и назначаетъ для того мѣсто. *взыди на мѣсто Веѳиль, и живи тамо, и сотвори тамо жертвенникъ Богу явльшемуся тебѣ* (Быт. XXXV. 1.). Мѣсто, называемое *Веѳилемъ*, то есть, *домомъ Божіимъ*, еще прежде Богъ освятилъ, явясь на немъ Іакову во время сна въ видѣніи надъ лѣствицею, соединяющею землю съ небомъ. Созданіе Авраамомъ жертвенника, на которомъ онъ хотѣлъ, по повелѣнію Божію, принести въ жертву Исаака, было какъ-бы предварительное заложеніе Храма Іерусалим-

сказано, послѣ, чрезъ нѣсколько вѣковъ, на семъ мѣстѣ созданнаго.

Когда же Патріархальное племя, въ которомъ отъ начала міра сохранялось вѣдѣніе истиннаго Бога и откровеній Его, возрасло и образовалось въ народъ: тогда Богъ подъ собственными распоряженіями устроилъ въ немъ храмъ Свой въ большей полнотѣ и совершенствѣ, сперва, подъ именемъ *Скиніи свидѣнія*, подвижный и походный, примѣнительно ко времени странствованія народа Божія изъ Египта въ землю обѣтованную, а потомъ, въ сей землѣ, неподвижный, въ создатели котораго также Самъ назначилъ Соломона. Наконецъ, по разрушеніи сего храма вмѣстѣ съ Іерусалимомъ, за грѣхи народа, какъ скоро паки настало время помиловать народъ, еще разъ Самъ Богъ пекся и о возстановленіи храма, пославъ Пророковъ Аггея и Захарію побуждать Іерусалимлянъ и всѣхъ Іудеевъ къ созиданію онаго.

На основаніи всѣхъ сихъ событій можемъ утвердить рѣшительно, что храмъ Истиннаго Бога въ человѣчествѣ есть устроеніе Божіе, а не человѣческое. Но Богу не свойственно устроять иное на земли, какъ только благопотребное и спасительное для человѣковъ. И такъ въ устроеніи Божіемъ имѣемъ мы свидѣтельство Самого Бога о томъ, колико храмъ Божій намъ нуженъ и спасителенъ.

При семъ можетъ кто нибудь помыслить, что храмъ, о которомъ теперь говорено, былъ ветхозавѣтный, прообразовательный относительно ко Христу,

еще тогда ожидаемому; а потому съ исполненіемъ прообразованій, то есть, со времени пришествія Христова, онъ пересталъ быть нужнымъ, почему и упраздненъ тою же особенною судьбою Божіею, которою прежде былъ устроенъ. Это правда. Однако сіе не препятствуетъ намъ изъ Божественнаго установленія храма во времена ветхозавѣтныя выводить заключеніе о важности и потребности храма во времена новозавѣтныя. Отдѣлите отъ главной мысли храма придаточныя особенности храма ветхозавѣтнаго, — его приспособленіе къ прообразованіямъ, къ кровавымъ жертвамъ, къ строгому закону обрядовъ: вотъ то, что достигло своего предѣла, и упразднено, какъ не нужное: но коренная мысль о храмѣ, какъ о домѣ молитвы, такъ о святилищѣ таинствъ, какъ о хранилищѣ благодати, не есть исключительная принадлежность временъ ветхозавѣтныхъ; и потому не могла пройти съ оными. Она свойственна и Христіанству; и потому входитъ въ оное со всею силою, какую прежде Христіанства получила отъ Божія устроенія. Самъ основатель Христіанства, Іисусъ Христосъ, не только посѣщалъ храмъ Іерусалимскій, но и защищалъ его достоинство противъ оскорбленія, когда изгналъ изъ него продающихъ и купующихъ: это, безъ сомнѣнія, не для того, чтобы поддержать храмъ, котораго скорое паденіе Самъ Онъ предсказалъ, но для того, чтобы сохранить и въ Христіанствѣ мысль о святости храма Божія, и о должномъ къ нему благоговѣніи.

И Апостолы, даже по вознесеніи Господнемъ,

когда такъ наполнены были Святыми образами сорокъ дней продолжавшихся явленій Господа Воскресшаго, и Его бесѣдами о царствіи Божіемъ, не просто между собою благодарили и прославляли за сіе Бога, но устремлялись во храмъ: *и бяху выну въ церкви хвалящe и благословящe Бога* (Лук. XXIV. 23.). Даже и по сошествіи Святаго Духа, когда Онъ очевидно и торжественно освятилъ ихъ въ живые храмы Божіи, еще не излишнимъ почитали они *восходить во святилище на молитву* (Дѣян. III. 1.). Такъ свойственно благочестивому духу ощущеніе потребности въ Божіемъ храмѣ, законно устроенномъ и Іерархически освященномъ!

Впрочемъ Апостолы пользовались ветхозавѣтнымъ храмомъ только по нуждѣ, на время. Поелику же многое въ немъ Христіанству не соотвѣтствовало, и надлежало его непремѣнно перестроить примѣнительно къ новому завѣту: то грубую работу разорить старое, Провидѣніе Божіе поручило язычникамъ Римлянамъ, а Христовымъ Апостоламъ и Богомудрымъ ихъ преемникамъ Духъ Святый преподалъ высокое искусство не зодчества вещественнаго, но духовнаго и Богодѣйственнаго устроенія новыхъ, собственно Христіанскихъ храмовъ.

Первоначальнымъ образцемъ ихъ послужила, безъ сомнѣнія, та *горница велія* (Лук. XXII. 12.), въ которой Господь установилъ, и въ первый разъ совершилъ таинство Тѣла и Крови Своея. Онъ Самъ се для сего назначилъ, и, какъ верховный Архіерей, освятилъ: отсюда тотъ законъ Христіанскаго храма, по которому власть и назначить оный,

и освятить, принадлежитъ Архіерею. Господь назначилъ горницу велію особенно для новозавѣтнаго таинства Тѣла и Крови Своея: отсюда законъ, по которому всякій храмъ Христіанскій назначается особенно для сего таинства, такъ что нѣкоторыя другія таинства могутъ по нуждѣ быть совершаемы и въ другихъ мѣстахъ; а сіе непремѣнно требуетъ храма Іерархически освященнаго. Въ горницѣ веліей Господь совершилъ таинство только при двѣнадцати Апостолахъ, причастникахъ сего таинства: отсюда законъ, по которому во храмъ Христіанскій, особенно на время таинства Тѣла и Крови Хрістовы, допускаются только способные быть причастниками сего таинства, а не удостоившимся крещенія и отлученнымъ отъ таинствъ діаконъ велитъ изыти изъ храма на сіе время.

Но я не распространюсь болѣе о законахъ Христіанскаго храма, которые впрочемъ также показываютъ, какъ важна потребность онаго, и какъ высоко достоинство.

Замѣчу о благопотребности храма въ Христіанствѣ еще одно, что и тѣ избранные подвижники Христіанства, которые въ совершенномъ удаленіи отъ міра, въ возможномъ отреченіи отъ всего чувственнаго, въ пустыняхъ и недоступныхъ мѣстахъ провождали равноангельную жизнь, входили въ общеніе съ небесными силами, получали откровенія вещей Божественныхъ, сподобились быть, и дѣломъ явились духоносными и Богоносными,— и они при всемъ томъ еще должны были пользоваться благодѣяніями храма Божія, именно, пріобщеніемъ Тѣла

и Крови Христовы, какъ можно примѣчать особенно изъ того, что Провидѣніе Божіе не рѣдко употребляло необычайныя, даже чудесныя, средства, чтобы доставить имъ сіе напутствіе предъ ихъ отшествіемъ въ вѣчность. Для примѣра именую Преподобную Марію Египетскую, которой и по толикихъ подвигахъ, и по толикой благодати, нуженъ былъ послѣдній даръ—причастіе Трапезы Господней; и, чтобы ей доставить сей даръ, какимъ непонятнымъ, но вмѣстѣ какимъ вѣрнымъ движеніемъ подвигнутъ былъ Богодвижимый вопіющу Зосима!

Сіи размышленія о происхожденіи, достоинствѣ и благопотребности храма Божія, и особенно Христіанскаго, да будутъ въ особенное утѣшеніе тѣмъ, которые здѣсь своимъ усердіемъ споспѣшествовали дѣлу столь Богоугодному и душеспасительному; всѣмъ же намъ да будутъ въ напоминаніе и побужденіе, чтобы тщательно пользоваться храмомъ Божіимъ, какъ великимъ для насъ даромъ Божіимъ, или паче, какъ великою сокровищницею многоразличныхъ даровъ Божіихъ. Посѣщайте Храмъ Божій прилѣжно; пребывайте въ немъ благоговѣйно; участвуйте здѣсь въ молитвахъ и славословіяхъ сердечно; слушайте возвѣщаемое Слово Божіе внимательно, не такъ чтобы только слышать и на время занимать свое любопытство, но такъ чтобы слышанное прилагать къ своему сердцу, сохранять въ памяти, возобновлять въ размышленіи, обращать въ дѣло и жизнь.

Требовать ли отъ нынѣшнихъ Христіанъ, чтобы они были *выну въ церкви, хваляще и благословяще*

Бога?—Опасаюсь, что скажутъ: какъ это возможно? Когда же дѣлать дѣла домашнія! — Однако, братія, это какъ то было возможно, и безъ требованія исполнялось въ началѣ Христіанства: *бяху выну въ церкви, хваляще и благословяще Бога.* Впрочемъ согласимся, что это не для всѣхъ. Церковь не требуетъ, чтобы всѣ вы отвергли ваши домашнія дѣла: но желаетъ, чтобы всѣ привели въ порядокъ ваши дѣла душевныя. Дѣлайте ваши земныя дѣла во дни, которые всѣмъ Богъ для того предоставилъ: *шесть дней дѣлай, и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя* (Исх. XX. 9.): хотя, правду сказать, между нами есть такіе, которымъ и шесть дней въ недѣлѣ не всѣ нужны для дѣлъ, и не всѣ на дѣла употребляются. Но я уже не оспориваю у васъ дней, которые предоставилъ вамъ Богъ. *Седьмый день Суббота Господу Богу твоему.* День Воскресный, день освященный для праздника, или для поста, долженъ рѣшительно и вполнѣ принадлежать Богу и его храму. По крайней мѣрѣ въ сей день будьте *выну въ церкви*, участвуйте, по возможности, во всякомъ Богослуженіи храма, и дома паче другихъ дней одушевляйте себя духомъ церковнымъ, духомъ молитвы и благоговѣнія къ Богу, возвышеніемъ сердца надъ всѣмъ земнымъ и мірскимъ. Если въ день праздничный церковь пуста, домы пусты, улица и торжище безмолвствуютъ: вотъ прекрасный видъ Христіанскаго града, на который и отъ небеснаго града посмотрѣть не стыдно! Тогда благословеніе небесное, какъ *роса Аермонская на горы Сіонскія* (Псал. CXXXII. 3.), нисходитъ на храмъ и на пре-

бывающихъ въ немъ; отъ храма приносится ими въ домы; день праздничный благословляетъ дни работные, и дѣла человѣческія дѣлаются лучше и успѣшнѣе, потому что не пренебрежено дѣло Божіе, потому что освящена Суббота Божія. Но если и въ праздникъ къ утреннему Богослуженію храма не пускаетъ насъ лѣность и сонъ, къ дневному—неумѣстное дѣло мірское, къ вечернему—опять мірское веселіе, или лѣность и отвычка: отдаю на судъ вашей совѣсти, Христіанскіе ли это обычаи!

Господи! Даруй людемъ Твоимъ, на нихъ же нарѣчеся имя Твое, духовно *возлюбити благолѣпіе дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея* (Псал. XXV. 8.); да содѣлаются истинными чадами дому Твоего, *и въ кровъ крилу Твоею* не постыдно *надѣятися имутъ; да упіются отъ тука дома Твоего, и потокомъ сладости Твоея напоиши я* (Псал. XXXV. 8. 9.). Аминь.

15. СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА СВЯТИТЕЛЯ ІАКОВА, ВЪ ПЕРВОКЛАССНОМЪ СТАВРОПИГІАЛЬНОМЪ ІАКОВЛЕВСКОМЪ МОНАСТЫРѢ, ІЮНЯ 14 ДНЯ 1836 ГОДА.

Говорить ли мнѣ здѣсь? Тратить ли для сосѣдней нивы сѣмя слова, котораго запасъ въ моей малой кошницѣ слишкомъ скуденъ для насѣянія участка земли, собственно мнѣ указаннаго Небеснымъ Земледѣльцемъ? Не дерзновенно ли отверзаю мои уста, здѣсь, гдѣ, кажется, еще не совсѣмъ замолкло духовное вмѣстѣ и витійственное слово Святителя Димитрія, гдѣ сильнѣе всякаго слова говорятъ дѣла его, и единочестныхъ предшественниковъ его, Іакова, Игнатія, Исаіи, Леонтія, — не только поучительныя дѣла святой и святительской жизни, но еще болѣе чудныя дѣла, совершаемыя среди гробоваго покоя? Не лучше ли въ благоговѣйномъ безмолвіи смотрѣть на сію, такъ давно святую землю, на сей древній вертоградъ и разсадникъ святыни и преподобія, гдѣ рано процвѣлъ Ав-

рамій, откуда пересажденъ многоплодный добродѣтелями и дарованіями, многовѣтвистый ученикаміи, Сергій, откуда Іовъ возрасъ до неизвѣстной прежде на Сѣверѣ высоты Патріаршества, гдѣ родоначальникъ Царей святительствовалъ, и готовился поддержать потрясенный первосвятительскій въ Россіи престолъ? И такъ умолкнуть?—

Но не само ли Слово Божіе изрекло законъ слова человѣческаго: *отъ избытка сердца уста глаголютъ* (Матѳ. XII. 34.)? Не хвалилось ли нѣкогда слово свободою искренности предъ Самимъ Богомъ: *се устнамъ моимъ не возбраню; Господи, Ты разумѣлъ еси; правду Твою не скрыхъ въ сердцы моемъ, истину Твою и спасеніе Твое рѣхъ, не скрыхъ милость Твою и истину Твою отъ сонма многа; благовѣстихъ правду въ церкви великій*(Псал. XXXIX. 10. 11.)? Нѣтъ, не возбраняйте устнамъ моимъ немощнымъ, сильные Богомъ служители и творцы слова, но паче, данною вамъ благодатію, уврачуйте мою немощь, восполните мое оскудѣніе, какъ на не многія минуты настоящаго слова, такъ и на весь остатокъ моего недостойнаго служенія слову, если какой сохраняется еще мнѣ долготерпѣніемъ и благостію Небеснаго Пастыреначальника.

Се устнамъ моимъ не возбраню. Отъ избытка сердца возглаголютъ уста мои. Реку *истину Твою и спасеніе Твое*, Господи.

Благословенъ Богъ, Который даруетъ храмъ Свой человѣку! — Не подумайте, что я обмолвился. Точно, Богъ даруетъ храмъ свой человѣку, когда, по

видимому, человѣкъ созидаетъ храмъ Богу. *Кій домъ созиждете Ми?* — вопрошаетъ Богъ чрезъ Пророка (Иса. LXVI. 1.). И человѣкъ не можетъ найти на сіе отвѣта. Какъ можно создать домъ Безконечному, Невмѣстимому? Какъ опредѣлить особое жилище Вездѣсущему и вся Исполняющему? Храмъ безъ присутствія Божества напрасно именовался бы храмомъ Божіимъ: но какъ ввести въ храмъ земный присутствіе Бога небеснаго, въ видимый невидимаго, въ вещественный высочайше духовнаго? Разумъ человѣческій, путемъ естественнаго разсужденія, не дошелъ бы до разрѣшенія сей задачи, какъ-бы ни сильно чувствовалъ потребность ближайшаго и удобнѣйшаго сообщенія съ Богомъ, яко источникомъ всякаго блага, если бы не разрѣшила оной премудрость Божія, въ тайнѣ сокровенная. Богъ безконечный Самъ примѣнилъ Себя къ мѣрѣ человѣка ограниченнаго; снисшелъ (не существомъ, а дѣйствіемъ) отъ вѣчности во время, отъ вездѣсущія въ мѣсто, явилъ свое присутствіе въ благодатныхъ знаменіяхъ и дѣйствіяхъ, какъ на примѣръ, Іакову въ видѣніи лѣствицы, соединяющей землю съ небомъ: и мысль объ особенномъ мѣстѣ присутствія Божія родилась, и домъ Божій основался, какъ сіе именно видно въ словахъ Іакова: *есть Господь на мѣстѣ семъ; страшно мѣсто сіе: нѣсть сіе, но домъ Божій, и сія врата небесная; и прозва Іаковъ имя мѣсту тому: домъ Божій* (Быт. XXVIII. 16. 17. 19). Такъ *домъ Божій*, по благодати Божіей, явился между человѣками, сперва въ жертвенникахъ, потомъ въ скиніи Моисеевой, далѣе въ хра-

мѣ Соломоновомъ, и наконецъ съ обильемъ благодати является въ храмахъ Христіанскихъ.

Благословенъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, съ особеннымъ обиліемъ являющій милость Свою, и истину Свою, и спасеніе Свое, во храмахъ Новаго Своего Завѣта! Нѣкогда во всемъ мірѣ былъ одинъ только храмъ истиннаго Бога, но Господь нашъ и надъ храмомъ совершилъ нѣчто подобное притчѣ, которою изобразилъ Самого Себя: *аще зерно пшенично падъ на земли не умретъ, то едино пребываетъ; аще же умретъ, многъ плодъ сотворитъ* (Іоан. XII. 24.) Судъ Божій надъ ветхозавѣтною Церковію повергъ на землю единственный въ мірѣ, Богоугодный нѣкогда и облагодатствованный храмъ, и ветхое зерно умерло: но вмѣсто того благодать Новаго Завѣта произрастила по всей землѣ безчисленные храмы Христіанскіе. Нѣкогда одинъ только Давидъ осмѣлился желать созданія храма, и одному только Соломону даровано исполнить сіе: какая же милость Господня, что нынѣ такъ невозбранно многіе, по мѣрѣ усердія, по благословенію Церковнаго Священноначалія, могутъ участвовать въ дѣлѣ Соломоновомъ, и одинъ человѣкъ можетъ соединить въ себѣ и Давидово желаніе и Соломоново исполненіе! Сколь щедро Зиждитель Христіанства разсыпаетъ по землѣ храмы новозавѣтные: столь же щедро полагаетъ въ нихъ сокровища благодати и спасенія. *Яже начатъ Іисусъ творити же и учити* (Дѣя. I. 1.) во храмѣ, въ Іерусалимѣ, по всей Іудеѣ и Галилеѣ, въ синагогахъ и домахъ, въ селеніяхъ и въ пустыняхъ, — не все ли сіе продол-

жается и повторяется въ нашихъ храмахъ посредствомъ чтенія Евангелія? Не преувеличиваю, когда говорю: продолжается и повторяется посредствомъ чтенія Евангелія; ибо это не просто слово и сказаніе, но вмѣстѣ сила и дѣйствіе, — слово, которое тогда, выходя изъ устъ Іисуса, на примѣръ, изгоняло бѣсовъ, и нынѣ, выходя изъ Евангелія, также ужасаетъ ихъ, караетъ и обращаетъ въ бѣгство. Чѣмъ дивна и небоподобна горница тайной вечери Господней, и домъ сошествія Святаго Духа: не тѣмъ же ли самымъ святы и наши храмы, куда еще приходитъ Христосъ пріобщать Своихъ Своего Тѣла и Крови, ибо пріобщеніе Тѣла и Крови Его конечно не можетъ быть въ Его отсутствіи; — гдѣ еще сходитъ Духъ Святый, освящая служителей слова и таинствъ, и таинодѣйствія, ими совершаемыя, ибо какъ чрезъ рукоположеніе Апостольское продолжалось сошествіе Святаго Духа на рукополагаемыхъ, такъ и донынѣ въ рукоположеніи священства продолжается рукоположеніе Апостольское?

Благодарно благословимъ Господа и за то, что даровавъ храмамъ новаго Своего завѣта высокую благодать своего Божественнаго, спасительно дѣйствующаго присутствія, благопромыслительно присовокупилъ къ тому посредствующій благодатный даръ — общеніе Святыхъ. Ибо если и въ небесной Іерархіи, какъ повѣдаютъ намъ Богопросвѣщенные созерцатели, не всѣ равно способны непосредственно принимать Божественный свѣтъ, но блаженные духи высшихъ чиновъ передаютъ оный блаженнымъ

же духамъ низшихъ степеней; то кольми паче для насъ, сущихъ на земли, полезно и благопотребно быть можетъ, подъ единымъ верховнымъ Ходатаемъ Бога и человѣковъ, Богочеловѣкомъ Іисусомъ, подчиненное благодатное посредничество Святыхъ, дабы всевышняя благодать Божія, часто неудободосязаемая нами, по недостатку чистоты ума и возвышенія сердца, по отягченію духа плотію, по несообщимости высочайшей чистоты Божіей съ неочищеннымъ отъ грѣха естествомъ, — дабы благодать Божія сама нисходила къ нашей низости, и ближе приспособлялась къ частнымъ и постепеннымъ потребностямъ нашимъ, посредствомъ частныхъ и постепенныхъ дарованій, которыя Духъ Святый раздѣляетъ Святымъ. По сему-то, думаю, и въ семъ-то смыслѣ первенствующая Церковь *общеніе Святыхъ* явственно признавала членомъ вѣры, какъ то можно видѣть изъ нѣкоторыхъ древнихъ символовъ вѣры. По сему-то, думаю, и Апостолъ, какъ на важное преимущество Церкви Христіанской, указуетъ на ея общеніе съ Церковію небесною. *Приступисте*, говоритъ, *къ Сіонстѣй горѣ, и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному и тьмамъ Ангеловъ, торжеству и Церкви первородныхъ на небесѣхъ написанныхъ, и Судіи всѣхъ Богу, и духомъ праведникъ совершенныхъ* (Евр. XII. 22. 23.). Но если бы кто спросилъ насъ, когда же, и гдѣ мы приступили, или приступаемъ къ торжествующей небесной Церкви, какъ является, и чѣмъ знаменуется наше съ нею общеніе; то сему испытанію не льзя удовлетворить очевиднѣе и простѣе, какъ развѣ

указать на Христіанскій храмъ, справедливо и знаменательно называемый *Церковію*, не только по тому, что собираетъ въ себѣ Церковь земную, но и потому, что соединяетъ ее съ Церковію небесною. Въ немъ не только благоговѣйно чтится память Святыхъ, и призывается молитвенное ихъ предстательство съ такимъ постоянствомъ и порядкомъ, что, можно сказать, всѣ свѣтила духовнаго неба въ извѣстныхъ кругахъ времени обращаются окрестъ Церкви, сущей на земли; но и многоразличная благодать, данная Святымъ, какъ въ нѣкоей сокровищницѣ отъ всѣхъ временъ и мѣстъ собирается, неповрежденно сохраняется, щедро въ пользу всѣхъ и каждаго употребляется. Здѣсь даже донынѣ Духъ Святый ударяетъ въ струны Давидовой Псалтири, и оглашаетъ васъ ея Богодвижными звуками. Даже донынѣ Моисей, Анна, Аввакумъ, Исаія, Іона, Даніилъ, Захарія, воспѣваютъ съ нами свои пророческія пѣсни, и дышатъ на насъ духомъ своей молитвы. Даже донынѣ, каждый день, сама Пресвятая Дѣва отверзаетъ свое преисполненное Божественною любовію сердце къ нашему сердцу, и возглашаетъ свое превыше-серафимское величаніе Господа. Даже донынѣ Василій и Златоустъ влагаютъ въ наши священнодумающія уста свои священнодѣйственные глаголы. Даже донынѣ здѣсь Ефремъ поучаетъ, Дамаскинъ пѣснословитъ вмѣстѣ и богословствуетъ, Савва освященный управляетъ чиномъ Церковныхъ молитвословій, и — чтобы воспомянуть хотя одного и изъ нашихъ нѣкогда единоземцевъ, а теперь небожителей, видимо связующихъ земную

Церковь съ небесною, — Димитрій ежедневною чредою призываетъ Святыхъ показать намъ для подражанія ихъ Богоугодную жизнь и подвиги. Что сказать о древнемъ священномъ установленіи полагать части тѣлесъ святыхъ Мучениковъ и другихъ Святыхъ въ наиболѣе священномъ мѣстѣ храма? Не представляется ли въ семъ осязательная точка благодатнаго соприкосновенія Церкви земной съ небесною, изъ коихъ одной принадлежитъ духъ праведника совершившагося, а другая еще обладаетъ его тѣломъ, не чуждымъ и духа, потому что оно оказываетъ дѣйствія въ высшемъ степени жизненныя, каковы суть цѣлебныя? Что сказать о другомъ Церковномъ обычаѣ, по которому храмъ, посвящаемый всегда собственно Богу, иногда приписуется имени одного изъ Святыхъ, какъ и освященный нынѣ храмъ приписанъ имени Святителя Іакова? Просто ли это обычай? Для различенія ли только и памяти наименованіе? — Нѣтъ. Богомудрые установители Церковныхъ обычаевъ не могли дѣйствовать безъ мысли; въ Церкви нѣтъ ничего не значущаго Во всѣхъ явленіяхъ ея живетъ сокровенная благодатная сила; во всякомъ словѣ изрекается духъ. Если мы при освященіи наименовали храмъ сей храмомъ Святителя Іакова: то симъ самымъ поручили ему храмъ, благоговѣйно пригласили сего Святителя быть его покровителемъ и начальникомъ; и Святитель, живущій въ Богѣ человѣколюбцѣ, по человѣколюбію, безъ сомнѣнія, не отрѣкся отъ сего приглашенія. Какое утвержденіе храму! Какая помощь намъ немощно и недостойно служащимъ! Какое утѣшеніе вамъ

предстоящимъ! Праведникъ совершенный невидимо настоятельствуетъ здѣсь посреди насъ; онъ, какъ достойный, пространнѣе отверзаетъ токи благодати, болѣе или менѣе преграждаемые нашимъ недостоинствомъ; онъ подкрѣпляетъ наше немощное служеніе, и дополняетъ недостатки онаго; онъ возноситъ и неокриленныя молитвы наши и ваши, въ пренебесный жертвенникъ Божій. Благословенъ Богъ, дивный во Святыхъ своихъ!

Наконецъ, братія святаго храма сего и обители сея, благодарственно благословимъ Бога и за сей собственно новосозданный храмъ: ибо *аще не Господь созиждетъ, всуе трудишася зиждущіи* (Псa. CXXVI. 1.). Онъ благословляетъ начинаніе, и даруетъ совершеніе. Онъ, владыка сердецъ Ему предающихся, и не имѣющую въ вашемъ храмѣ нужды руку движетъ на помощь вашей нуждѣ. Онъ и благоугодность дѣла, и благопріятіе приношеній, и благопромышленіе о нашемъ спасеніи **запечатлѣлъ новониспосланнымъ освященіемъ.**

Скрою ли и остальное въ сердцѣ моемъ? — *Благослови душе моя Господа, и вся внутреняя моя имя святое Его* (Псa. CII. 1.). Благословени вы Господеви, Святителіе Іакове и Димитріе, благословеніемъ и молитвами вашими сподобившіе меня не только припасти къ святынѣ вашей, но и священнослужить подъ вашимъ священноначаліемъ.

Всѣмъ же слышавшимъ теперь мои малыя помышленія о великой и многоразличной благодати Бо-

жіей во храмѣ, говорю словомъ Апостольскимъ: *да имамы благодать*, столь щедро намъ подаваемую; и *ею да служимъ благоугодно Богу, со благоговѣніемъ и страхомъ* (Евр. XII. 28.). Аминь.

14. СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА ПРЕОБРАЖЕНІЯ ГОСПОДНЯ, ЧТО НА ОРДЫНКѢ, СЕНТЯБРЯ 20 ДНЯ 1836 ГОДА.

Что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми? Чашу спасенія пріиму, и имя Господне призову. Пс. CXV. 3. 4.

Если вѣрный подданный приноситъ Царю даръ отъ своего усердія, и даръ его пріемлется: кто, думаете, въ семъ случаѣ одолженъ и осчастливленъ, пріемлющій, или приносящій?—Думаю: приносящій. Ибо частное приношеніе частнаго человѣка можетъ ли быть важно для Царя, обладающаго всѣмъ? Напротивъ очень важно для усерднаго подданнаго снисхожденіе и благоволеніе Царя, изъявляемое пріятіемъ дара. Кольми паче, когда вѣрный рабъ Божій, отъ своего благоговѣнія приноситъ даръ Богу, Который въ дарахъ нашихъ не имѣетъ никакой нужды, Который есть всевластный Владыка даровъ нашихъ и прежде ихъ приношенія, предъ безконечнымъ величествомъ Котораго всѣ тварные

дары безмѣрно малы и ничтожны; — по справедливости долженъ думать приносящій, что не онъ одолжаетъ Бога, по что Богъ даруетъ ему милость, благодѣяніе, счастіе, сподобивъ его благодатію воспріять благоговѣйное желаніе, давъ провидѣніемъ Своимъ средства исполнить оное, и отъ пренебесной высоты крайнимъ снисхожденіемъ призрѣвъ на приношеніе земнороднаго.

Что и одно желаніе создать храмъ имени Божію есть благоугодный Богу даръ, сіе изъ устъ Самого Бога знаемъ мы чрезъ Давида и Соломона, который говоритъ: *и рече Господь къ Давиду отцу моему: понеже взыде на сердце твое, еже создати храмъ имени Моему, добрѣ сотворилъ еси, яко бысть на сердцѣ твоемъ* (3 Цар. VIII. 18.). Итакъ, кто сподобился не только имѣть на сердцѣ подобное желаніе, но и самымъ дѣломъ принести Богу подобный даръ: тотъ да взираетъ на даръ свой Богу, какъ на даръ себѣ отъ Бога, съ кроткимъ чувствомъ своего благополучія, съ чистою радостію, со смиреннымъ благодареніемъ Богу, Который единъ великодаровитъ и въ ниспосланіи даровъ человѣку, и въ пріятіи даровъ отъ человѣка.

Но не сіи ли же чувствованія приличествуютъ и всѣмъ, участвующимъ въ торжествѣ храма, Богу посвящаемаго, и Богомъ освящаемаго? Ибо храмъ Божій есть общій даръ Божій человѣкамъ, или, точнѣе сказать, великая сокровищница многоразличныхъ даровъ и благодѣяній Божіихъ человѣкамъ, какъ-то: духовнаго просвѣщенія, очищенія, исцѣленій, утѣшенія, возрожденія въ новую жизнь, пита-

нія, возращенія, укрѣпленія сей новой жизни, всякаго благословенія, всякой силы, помощи, защиты, общенія съ Богомъ мысленнаго, сердечнаго, тайнодѣйственнаго, не рѣдко, по вѣрѣ и благопотребности, даже чудеснаго. И потому, когда съ новымъ храмомъ Господь даруетъ намъ новый ключь, отверзаетъ новую дверь къ толикимъ сокровищамъ Своея благодати: кто внимательный не воскликнетъ съ Давидомъ: *что создамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми?*

Если подлинно, братія, ваше сердце, возбуждаемое къ благодарности за благодѣянія Божіи, изрекло теперь Давидовъ вопросъ: *что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми?* то пріимите къ сердцу и Давидовъ на сіе отвѣтъ: *чашу спасенія пріиму, и имя Господне призову.*

Чудно! Желая благодарить Бога, что хочетъ онъ дѣлать? — *Чашу спасенія пріиму!* Но если онъ хочетъ въ изъявленіи благодарности Богу поступить такъ, какъ обыкновенно въ его время поступали *во дворѣхъ дому Господня, посредѣ Іерусалима* (Псал. CXV. 10.): то не свойственнѣе ли было бы ему сказать: принесу *жертву спасенія*, или *всесожженіе* тельца или овна? Какую вмѣсто того хочетъ онъ *принять чашу спасенія?* Левитскій законъ именно предписываетъ *жертву спасенія* (Лев. III. 1.) отъ говядъ, или отъ овецъ, или отъ козловъ: а наименованія *чаши спасенія* нѣтъ въ Левитскомъ уставѣ. Если между служебными сосудами храма Іерусалимскаго и упоминается о чашахъ: но не въ числѣ предметовъ первостепенной важности. Что-жъ? Не

ужели Пророкъ не зналъ, что должно дѣлать, или на что обратить преимущественное вниманіе въ установленномъ Богослуженіи? Кто можетъ сіе подумать о Пророкѣ? Что жъ такое говоритъ онъ: *чашу спасенія пріиму?*—Мы поймемъ сіе, братія, если представимъ себѣ, что Давидъ сказалъ сіе именно, какъ Пророкъ, а не просто, какъ благодарный предъ Богомъ пѣснопѣвецъ. Тогда, какъ его сердце возжелало принести благодарственное служеніе Богу, духъ Пророческій пронесъ его сквозь тѣни и образы ветхозавѣтные къ новозавѣтной истинѣ, мимо храма Іерусалимскаго въ горницу Сіонскую; показалъ ему Господа, учреждающаго совершеннѣйшее благодарственное Богослуженіе, далъ узрѣть въ рукѣ Его таинственную чашу; далъ услышать слово Его: *сія чаша новый завѣтъ Моею кровію, яже за вы проливается* (Лук. XXII. 20.); восторженный Пророкъ воспламенился желаніемъ сдѣлаться причастникомъ грядущаго таинства, и воскликнулъ въ древнемъ Іерусалимѣ, какъ будто здѣсь нынѣ съ нами предъ Святою чашею: *чашу спасенія пріиму!*

Дивлюсь тебѣ, святый Пророче, который *по вѣрѣ умеръ, не пріявъ обѣтованій*, намъ Христіанамъ предоставленныхъ, но тѣмъ не менѣе *издалеча видѣлъ я, и цѣловалъ* (Евр. XI. 13.).

Обращаясь же къ намъ самимъ, дивлюсь и скорблю, и даже ужасаюсь, помышляя, какъ святый Пророкъ, изъ отдаленія вѣковъ, стремился свою предъ Богомъ благодарность ознаменовать общеніемъ дарованнаго намъ таинства; и какъ напротивъ многіе

изъ насъ, стоя при самыхъ дверяхъ сего таинства, предъ самою Святою чашею, не имѣютъ сердечной жажды, не хотятъ сказать съ рѣшительнымъ стремленіемъ духа: *чашу спасенія пріиму*, пріобщусь и я.

Слышите ли, что глаголетъ Господь, учреждая Свою Божественную трапезу? — *Пріимите, ядите* (Мар. XIV. 22.). Не довольно ли было бы сказать: *вкусите*; дабы можно было разумѣть, что довольно вкусить отъ трапезы Господней хотя однажды, или причащаться ея иногда, при особенной нуждѣ, подобно какъ употребляютъ врачевство; ибо трапеза сія и дѣйствительно заключаетъ въ себѣ могущественное Божественное врачевство для душъ и тѣлесъ; и могущество его, какъ Божественное, такъ велико, что *аще кто снѣсть отъ хлѣба сего* и единожды, сего можетъ быть достаточно, да *живъ будетъ во вѣки* (Іоан. VI. 51.). Но нѣтъ! Господь предложилъ намъ Тѣло Свое не для единократнаго, или не частаго и случайнаго употребленія, какъ врачевство, но для питанія постояннаго и всегдашняго: *ядите*. Если бы Тѣло Христово предложено было намъ только какъ врачевство: и тогда, братія, надлежало бы намъ самимъ просить позволенія употреблять врачевство сіе чаще, подобно какъ часты наши немощи, особенно душевныя. Но когда Господь даровалъ намъ оное, какъ насущный хлѣбъ, по слову Его: *хлѣбъ, егоже Азъ дамъ, плоть Моя есть* (Іоан. VI. 51.): то чрезъ сіе самое не только позволилъ, но и повелѣлъ, чтобы мы часто приступали къ Его трапезѣ. Мы не оставляемъ себя на долго безъ хлѣба обыкновеннаго, зная, что иначе

ослабѣютъ наши силы, и жизнь тѣлесная продолжаться не можетъ: какъ же не боимся мы надолго оставлять себя безъ хлѣба животнаго, небеснаго, Божественнаго ?

Вслушайтесь еще въ другое учредительное слово Господне, именно о Святой чашѣ: *пійте отъ нея вси* (Мат. XXVI. 27.). Не пропустимъ безъ вниманія малаго слова: *вси :* ибо въ каждой чертѣ слова Божія скрывается свѣтъ, въ каждомъ звукѣ премудрость. Господь не сказалъ о таинственномъ хлѣбѣ: *пріимите, ядите* вси: и праведно, ибо нѣкоторые не могутъ ясти, на примѣръ, младенцы. Но о таинственной чашѣ сказалъ: *пійте отъ нея вси*, и такимъ образомъ устранилъ всякое исключеніе, разумѣется для пребывающихъ въ вѣрѣ и единеніи Церковномъ. Примѣчайте же, какъ отступаютъ отъ точности заповѣди Господней тѣ, которые не допускаютъ до святыхъ таинъ младенцевъ и малолѣтныхъ до извѣстнаго возраста ; и какъ напротивъ вѣрна слову Господню Православная Церковь, когда она и младенцамъ подаетъ Святую чашу, да *піютъ отъ нея вси*, даже и тѣ, которые могутъ только *пити*, не имѣя крѣпости, чтобы *ясти*. Еще болѣе достойно примѣчанія, какъ Господь при первомъ преподаяніи Святыя чаши, въ то же время обличаетъ ея отъятіе у народа, — нововведеніе позднихъ вѣковъ. Не знаю, чему здѣсь болѣе дивиться, многоразличной ли премудрости слова Божія, или дерзости мудрованія человѣческаго противъ яснаго слова Божія. Господь видитъ, что подаваемую Имъ чашу жизни самочиніе захочетъ похитить у меньшихъ

братій Его; и предварительно поставляетъ преграду противъ сей дерзости опредѣлительнымъ повелѣніемъ: *пійте отъ нея вси* Но самочиніе не внемлетъ; нѣтъ, не *вси*, говоритъ оно, простолюдины не должны причащаться отъ чаши. — Благословимъ, братія, Бога, что мы принадлежимъ къ Православной Церкви, которая непричастна сему самопроизвольному мудрованію, но съ вѣрнымъ послушаніемъ слову Христову всѣмъ вамъ предлагаетъ святую чашу: *пійте отъ нея вси.* Но чѣмъ болѣе утѣшаюсь я вѣрностію, съ которою возлюбленная матерь наша святая Церковь соблюдаетъ законоположительное слово Господа своего: тѣмъ съ большею заботою смотрю на неточность и недѣятельность, съ которою тоже слово Господне пріемлютъ многія чада Церкви. Тайная вечеря и здѣсь таже, какъ въ Сіонской Горницѣ, Тотъ же Господь и нынѣ учреждаетъ ее; вы слышите собственное слово Его чрезъ уста священнодѣйствующаго: *пійте отъ нея вси*; вскорѣ послѣ сего священныя врата отверзаются, является служитель таинства, чтобы пригласить васъ къ исполненію повелѣнія Христова: *пійте отъ нея вси*; онъ зоветъ васъ: *со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите.* Но вы—приступаете ли *вси?*— Долготерпѣливе Господи! — часто, ни одинъ. — Не смущайтесь много; не укоряя, говорю сіе; знаю, что въ васъ это не дерзость самочинія, но недостатокъ дерзновенія въ вѣрѣ; что вы поступаете по обычаю, отъ предковъ принятому, вѣками распространенному: но будьте безпристрастны; сличите вашъ обычай съ заповѣдію Христовою: не можете

не признать, что обычай могъ бы точнѣе слѣдовать заповѣди; что можно бы вамъ дѣятельнѣе исполнять слово Христово. Въ начальные вѣка Христіанства хожденіе въ воскресные и праздничные дни въ Церковь, и пріобщеніе Святыхъ таинъ составляло для вѣрныхъ одну почти нераздѣльную обязанность; такъ что есть церковныя правила, которыя осуждаютъ *ходящаго въ церковь и исходящаго вонъ* безъ *святаго причащенія* (Апост. Прав. 9. Антіох. Соб. прав. 2.). Вотъ обычай, очевидно болѣе совершенный, нежели нынѣшній! Что же касается до тѣхъ, которые ниже одинъ разъ въ годъ не приступаютъ къ Трапезѣ Господней, или совсѣмъ чуждаются ея: судъ ихъ написанъ въ Евангеліи: *аще не снъсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крове Его; живота не имате въ себѣ* (Іоан. VI. 53.).

Не промолчимъ того, что говорятъ обыкновенно въ свое оправданіе рѣдко приступающіе къ Святымъ Тайнамъ: мы недостойны; мы не готовы. Мысль сія иногда подлинно происходитъ отъ смиренія; и тогда она конечно не повредитъ союзу сихъ душъ со Христомъ, подобно какъ сему не повредило смиренное чужденіе Петрово: *изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь, Господи* (Лук. V. 8.). Но надлежитъ осматриваться, чтобы подъ благовиднымъ покровомъ имени смиренія не притаилась наша холодность къ вѣрѣ, и нерадѣніе о исправленіи жизни. Ты не готовъ: не лѣнись, приготовься. Ты недостоинъ: недостоинъ и ни одинъ человѣкъ общенія со Всесвятымъ, потому что ни одинъ не безгрѣшенъ;

но какъ всякому другому, такъ и тебѣ предоставлено вѣровать, каяться, исправляться, быть прощену, и уповать на благодать Спасителя грѣшниковъ и Взыскателя погибшихъ. Ты говоришь, что недостоинъ: напрасно ты пріемлешь на себя чужую должность; удостоить или не удостоить тебя таинства есть долгъ таинодѣйствователя, а не причастника. Ты недостоинъ: согласимся, что это правда. Чтоже далѣе? Не ужели ты хочешь и оставаться недостойнымъ? Если ты безпечно оставляешь себя недостойнымъ общенія со Христомъ на земли: не подвергаешь ли ты себя явной опасности остаться недостойнымъ общенія съ Нимъ на небеси? Но если ты страшишься своего недостоинства, и хочешь отъ него избавиться: то избавишься ли, удаляя себя отъ Христа, отъ Его благодати, отъ Его силы, отъ Его жизни? Не лучше ли, посильно исправляя свое недостоинство, прибѣгать ко Христу въ таинствѣ, чтобы принимать отъ Него помощь и силу къ болѣе совершенному исправленію и преуспѣянію въ благоугожденіи Богу?

Христіане! Щедро и великодаровито, почти всегда и повсюду, Господь отверзаетъ для насъ храмъ Свой, уготовляетъ Свою Трапезу, призываетъ къ Своей Вечери. Надобно стыдиться неблагодарнаго на милостивое приглашеніе отзыва: *имѣй мя отреченна* (Лук. XIV. 18.). Надобно страшиться приговора: *званіи не быша достойни* (Мат. XXII. 8.). Да возбуждаемъ себя, чтобы, какъ можно, не рѣдко приступать къ Трапезѣ Господней, со внимательнымъ очищеніемъ себя отъ всякія скверны плоти и

духа, со страхомъ своего недостоинства, но съ вѣрою въ благодать, съ сердечнымъ алканіемъ и жаждою любви къ сладчайшему Іисусу, Котораго плоть и кровь есть истинный хлѣбъ жизни, и единственная чаша спасенія. Аминь.

15. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ОБНОВЛЕНІЯ ХРАМА ВОСКРЕСЕНІЯ ХРІСТОВА, ЧТО ВЪ ВАРАЩАХЪ, СЕНТЯБРЯ 13 ДНЯ 1837 ГОДА.

Была же тогда обновленія со Іерусалимѣхъ. Іоан. X. 22.

И нынѣ Православная Церковь празднуетъ обновленіе храма; и сей храмъ въ особенности, благодаря усердію Хрістолюбивыхъ душъ, торжествуетъ свое обновленіе. Отъ чего сей праздникъ, и къ чему онъ служить долженъ? — Ибо всякое учрежденіе Церковное должно быть утверждено на святомъ основаніи; должно имѣть цѣлію благо духовное. Праздникъ безъ основанія и безъ пользы, былъ бы не достоинъ не только мудрости Христіанской, но и простаго благоразумія человѣческаго.

Обычай торжественно совершать обновленіе храма, и даже торжественно воспоминать совершеніе онаго, имѣетъ свое основаніе въ примѣрахъ глубокой и священной древности.

Когда явленіе Господа Іакову во снѣ надъ лѣствицею, соединяющею землю съ небомъ, подало ему первую, можетъ быть, на земли мысль о мѣстномъ присутствіи невидимаго Бога: *есть Господь на мѣстѣ семъ* (Быт. XXVIII. 16.); и когда Іаковъ назвалъ мѣсто сіе *домомъ Божіимъ:* тогда онъ, одинокій странникъ, съ посохомъ въ рукѣ, и съ дорожнымъ запасомъ хлѣба и масла на плечахъ, конечно не могъ воздвигнуть сей домъ Божій въ огромномъ и великолѣпномъ видѣ; однако, еще будучи въ духѣ Богообщенія, побужденъ былъ, по крайней мѣрѣ вмѣсто олтаря, поставить камень, на которомъ спалъ, и возлить на него елей, какой имѣлъ съ собою. Что жъ это такое, какъ не опытъ безкровнаго олтаря, неожиданный во времена кровавыхъ жертвъ, и его обновленіе, посредствомъ помазанія, — дѣйствіе, которое и нынѣ видите вы въ мѵропомазаніи олтаря, при освященіи храма Христіанскаго?

Послѣ того, какъ Моусей, по повелѣнію Божію, воздвигнулъ скинію свидѣнія, то есть, подвижный храмъ въ походномъ станѣ странствующаго народа Израильскаго, въ книгѣ Чиселъ о торжественномъ обновленіи сего храма пишетъ онъ слѣдующее: *и бысть въ день, въ оньже сконча Моусей, яко же поставити Скинію, и помаза ю, и освяти ю, и вся сосуды ея, и олтарь, и вся сосуды его, и помаза я, и освяти я, и приведоша Князи Израильтестіи — дары своя предъ Господа* (VII. 1—3.). И здѣсь видимъ помазаніе, но уже помазаніе не простымъ елеемъ, какъ у Іакова по нуждѣ, а мѵромъ

благоуханнымъ, по особенному повелѣнію Божію устроеннымъ, и назначеннымъ единственно для освящающаго помазанія, притомъ помазаніе не олтаря только, но и храма, съ его принадлежностями. Подобно сему и въ освященіи Христіанскаго храма видите вы не только помазаніе олтаря, но и помазаніе храма, крестообразно, по четыремъ странамъ свѣта.

Когда вмѣсто скиніи созданъ былъ неподвижный храмъ во Іерусалимѣ: для обновленія онаго *совокупи Соломонъ праздникъ въ тотъ день, и весь Израиль съ нимъ, соборъ великій* (3 Цар. VIII. 65.). **Поелику въ сей новый храмъ должна была переселиться древняя святыня скиніи**, Кивотъ завѣта Господня, кокорый особенно представлялъ присутствіе Божіе: потому особенное дѣйствіе въ торжествѣ обновленія было то, что *внесоша Іереи кивотъ завѣта Господня на мѣсто его, во святая святыхъ, подъ крила Херувимовъ* (VIII. 6.). Сему при обновленіи **Христіанскаго храма соотвѣтствуетъ торжественное внесеніе въ оный священныхъ останковъ святыхъ Мучениковъ или другихъ Святыхъ прославленныхъ**, чрезъ которое представляется вступленіе въ оный Самого Царя славы, Іисуса Христа, во Святыхъ почивающаго.

Можно сказать, что обновленіе скиніи Моисеевой и храма Соломонова, не только служители святыни и народъ, но и Самъ Богъ торжествовалъ, исполнивъ святилище славою Своею въ подобіи облака, и ниспославъ небесный огнь на жертвы. Не позавидуемъ ли мы сей чудесной торжественности? — Да

не будетъ. Тогда были времена видимыхъ образовъ и знаменій. Намъ сказано: *блажени не видѣвшіи, и вѣровавше* (Іоан. XX. 29.). И теперь свѣтлый облакъ благодати Божіей осѣняетъ не очи, но сердца вѣрующихъ; и теперь огнь любви Божественной воспаляетъ, не агнцевъ, но сердца кроткихъ; и вѣдаютъ опытно достойные, хотя не видятъ недостойные.

И чудесно обновленный храмъ Іерусалимскій разрушенъ, не столько враждебною силою Вавилонянъ, сколько гибельнымъ преобладаніемъ грѣховъ народа Іудейскаго. Но послѣ возвращенія его изъ плѣненія Вавилонскаго, паки новый храмъ, и паки *сотвориша сынове Израилевы, священницы и Левити, и прочіи сыновъ преселенія обновленіе дому Божія въ радости* (1 Езд. VI. 16.).

Потомъ, когда и въ семъ храмѣ, хотя не разрушенномъ, но обнаженномъ отъ святыни Сирійцами, надлежало, и оказалось возможнымъ, вновь устроить святые сосуды и жертвенникъ, опять вси людіе *сотвориша обновленіе олтаря дній осмь, и принесоша всесожженія съ веселіемъ* (1 Мак. IV. 56.). Чѣмъ безнадежнѣе было предъ симъ состояніе Іудеевъ; тѣмъ сіе событіе было радостнѣе, и достойнѣе всегдашней предъ Богомъ благодарности: а потому *и устави Іуда и братія его, и весь соборъ Израилевъ да празднуются дніе обновленія олтаря во времена своя на всяко лѣто* (59.).

И вотъ праздникъ обновленія, о которомъ упоминаетъ Святый Евангелистъ Іоаннъ: *бяше же тогда обновленія во Іерусалимѣхъ, и зима бѣ; и*

хождаше Іисусъ въ Церкви, въ притворѣ Соломони. Изъ сего повѣствованія видно, что Самъ Іисусъ Христосъ уважилъ праздникъ обновленія, и посѣтилъ храмъ ради праздника, хотя время не благопріятствовало празднику: *зима бѣ*, и, что гораздо хуже воздушной непогоды, *зима бѣ невѣрія*, какъ дополняетъ Святаго Іоанна Богослова Святый Григорій Богословъ.

Послѣ того, какъ ветхозаконный праздникъ обновленія во Іерусалимѣ украшенъ и возвышенъ, поелику на немъ, — скажу опять словами Григорія Богослова — *Іисусъ присутствоваше, Богъ сый и храмъ, Богъ вѣчный, храмъ новый, единодневно разрушаемый, и тридневно возставляемый, и пребывающій во вѣки*; — послѣ сего неудивительно, и понятно то, что и въ Христіанскомъ мірѣ явилась подобная мысль, обновленіе храма Воскресенія Христова въ Іерусалимѣ сдѣлать общимъ, ежегоднымъ праздникомъ вселенской Церкви. Надобно при семъ вспомнить, что языческая злоба, стараясь истребить Христіанство, и самые слѣды его на землѣ, святыя мѣста распятія, погребенія и воскресенія Господня, не только сдѣлала недоступными благоговѣнію Христіанъ, засыпавъ землею и камнями, но и поругала поставленіемъ на нихъ идоловъ. Какая же была, по долгой скорби, радость Христіанъ, когда святая Елена идоловъ сихъ низвергла, святыя мѣста открыла, истинный Крестъ Господень обрѣла, Голгоѳу и пещеру гроба Господня объяла однимъ обширнымъ храмомъ! Матерь Церквей передала сію радость Церквамъ всѣхъ

мѣсть и временъ, и всѣ онѣ приняли ее, въ праздникъ обновленія сего храма. Иногда подражали сему и другіе храмы, ежегодно празднуя день обновленія своего: но нынѣ воспоминательный праздникъ обновленія храма обыкновенно скрывается въ празднованіи дня имени храма, болѣе извѣстнаго, и потому болѣе способнаго къ общественному торжеству.

Таково, братія, происхожденіе и послѣдовательное образованіе Церковнаго обычая и чина священныхъ обновленій. Предложенныя вамъ воспоминанія и соображенія должны поставить васъ въ благоговѣйное вниманіе къ настоящему празднику.

Но то, къ чему благоговѣемъ, если подлинно достойно благоговѣнія, должно быть для насъ и благотворно. Какое же благо долженъ принести намъ праздникъ обновленія?

Священнодѣйствіе обновленія приноситъ храму благодать освященія, по которой онъ изъ простой храмины становится домомъ и жилищемъ Божіимъ, хранилищемъ всякаго благословенія и освященія для вѣрующихъ и для приступающихъ къ вѣрѣ. Для сего собственно назначенъ чинъ освященія храма: но это не все.

Праздничественное воспоминаніе обновленія храма исповѣдуетъ благодѣяніе освященія, и славу Бога Освятителя. Достойно и праведно! Только и это еще не все.

Что жъ еще? — *И сами, яко каменіе живо, зиждитеся въ храмъ духовенъ* (1 Петр. II. 5.), взываетъ ко всѣмъ Христіанамъ, слѣдственно и къ намъ,

Апостолъ. А другой Апостолъ и видитъ уже въ Христіанахъ то, чего сей требуетъ: *не вьсте ли, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ* (1 Кор. III. 16.)? Должно и намъ, Христіане, достигать сего, если еще не достигли. О семъ своею торжественностію напоминаетъ намъ, къ сему призываетъ насъ праздникъ обновленія храма.

Но пусть вамъ и мнѣ говоритъ о семъ древняя Церковная книга: *обновляемся же и мы, суще Церкви Бога живаго, ветхаго отлагающе человѣка, въ новаго же облекающеся, уклонимся отъ обветшавшихъ въ насъ золъ нашихъ, и сотворимъ благая дѣла, въ новости жизни ходити начнѣше; да якоже человѣцы рукотвореннаго, сице Ангели нерукотвореннаго душевнаго нашего храма празднуютъ обновление: радость бо бываетъ на небеси Ангеломъ о грѣшницѣ, покаяніемъ обновляющемся* (Пролог. Сент. 13.).

Легко ли, скажутъ иные, **отложить цѣлаго *человѣка ветхаго*? Легко ли сдѣлаться совсѣмъ *новымъ человѣкомъ*? — Положимъ, что не легко; но если сіе достигнуто многими, то и намъ возможно.** Не легко; но нужно для нашего спасенія: развѣ лучше погибнуть, когда это не такъ трудно? Не легко дѣло обновленія. но и дѣла ветхаго человѣка развѣ не имѣютъ своихъ трудностей? Не легко, для лѣниваго, для опирающагося на собственныя силы: но не слишкомъ трудно для ревностнаго, и очень не трудно для вѣрующаго въ помощь Божію, всегда готовую. Не должно преувеличеніемъ трудностей питать лѣность и малодушіе. Малыя плиѳы кла-

дутъ одну по другой, и созидаютъ огромный храмъ: подобно сему назидай твою душу, какъ можно, непрерывно, посильными благими помышленіями, благими желаніями, благими дѣлами, и весь созиждешься въ храмъ духовенъ. Старайся каждый день отложить что нибудь ветхое, и воспріять новое: и наконецъ явишься всецѣло и вѣчно новымъ. Если вчера ты заботился только о плоти, которая ежедневно ветшаетъ, и рѣшительно изветшаетъ во гробѣ: позаботься нынѣ о духѣ, который страждетъ отъ ветхости твоей, и вѣчно можетъ страдать отъ нея, если не потрудишься надъ твоимъ обновленіемъ. Если вчера ты наслаждался вкусомъ избранныхъ яствъ: испытай нынѣ вкусъ простой снѣди, приправленной продолжительнымъ воздержаніемъ. Если вчера хвалилъ ветхое вино: предпочти сего дня новую воду. Если вчера блисталъ украшеніями: узнай сегодня, что несравненно покойнѣе простая, неизысканная одежда. Если вчера думалъ о корысти: нынѣ подумай о милостынѣ. Если вчера былъ любителемъ зрѣлищъ: нынѣ возлюби Церковныя собранія. Если вчера въ книгахъ празднословныхъ *поучался тщетнымъ* (Пс. II. 1.): начни нынѣ *испытывать писанія* (Іоан. V. 39.) Богомудрыя. Если сдѣлалъ и доброе дѣло: не останавливайся на немъ, чтобы не обветшило его самохваленіе и тщеславіе, *но задняя забывая, въ предняя простирайся* (Филип. III. 15.), къ новымъ подвигамъ и добродѣтелямъ. Если тебѣ правилось казаться добрымъ: не ищи болѣе казаться, но будь. Новый человѣкъ не мечта, не призракъ, но истина, существенность;

не въ чужихъ глазахъ долженъ онъ жить, но въ твоей внутренности: *потаенный сердца человѣкъ, въ нетлѣніи кроткаго и молчаливаго духа, еже есть предъ Богомъ многоцѣнно* (1 Петр. III. 4.). Долго ли суетиться для людей, для міра? Надобно наконецъ жить для Бога. Только живя для Бога, содѣлаемся мы храмомъ Божіимъ, и будетъ жить въ насъ Богъ, и мы въ немъ будемъ жить и блаженствовать во вѣки. Аминь.

16. СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА ЖИВОНАЧАЛЬНЫЯ ТРОИЦЫ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ДАНИЛОВЪ МОНАСТЫРЪ, СЕНТЯБРЯ ВЪ 13-Й ДЕНЬ 1838 ГОДА.

Хвалю же вы, братіе, яко вся моя помните, и якоже предахъ вамъ, преданія держите. 1. Кор. XI. 2.

Святый Апостолъ Павелъ, преподавая Коринѳскимъ Христіанамъ спасительныя наставленія, хвалитъ ихъ за то, что вѣрно сохраняютъ преданія. Какія это преданія? — Сіе можно усмотрѣть изъ тѣхъ его изреченій, которыми онъ напоминаетъ и дополняетъ преданія. Онъ говоритъ, что *мужъ не долженъ есть покрывати главу* во время молитвы: вотъ дополненіе преданія, которое показываетъ, что сему предшествовало преданіе о церковной молитвѣ. Далѣе говоритъ онъ: *еда домовъ не имате, во еже ясти и пити? Или о Церкви Божіей нерадите?* Сіе обличеніе случайнаго безпорядка и неблагочинія въ Церкви показываетъ, что сему пред-

шествовало преданіе о святости Церкви, по которой она совсѣмъ не то, что простой домъ, и требуетъ благоговѣйнаго вниманія. Съ особенною же ясностію, какъ на предметъ преданія, указываетъ Апостолъ на таинство Тѣла и Крови Христовы, когда говоритъ о семъ: *азъ пріяхъ отъ Господа и предахъ вамъ.* Такимъ образомъ оказывается, что Апостолъ хвалитъ Коринѳскихъ Христіанъ за соблюденіе преданій о церковной молитвѣ, о святости храма, о Божественной литургіи.

Взирая на сей храмъ, благолѣпно устроенный, и нынѣ благодатію Божіею освященный, помышляя, что сіе сдѣлано не по какому либо требованію, или необходимости, но по свободному усердію къ Богу и святынѣ Его, по желанію, чтобы здѣсь непрерывно совершались церковныя молитвы, и приносима была безкровная жертва о душахъ живущихъ и преставльшихся, и чтобы мѣсто печальныхъ воспоминаній превратилось въ сокровищницу благодатныхъ и спасительныхъ утѣшеній, – хвалю въ душѣ моей предпринявшихъ и совершившихъ сіе Богоугодное дѣло. Но поелику похвала моей мѣрности не была бы для нихъ наградою, какой имъ желаю: то призываю на помощь святаго Апостола Павла, показую ему дѣло, подобное тому, что похвалилъ онъ въ Коринѳянахъ, и молю его преподать свою Апостольскую похвалу и благословеніе и здѣшнимъ братіямъ. *Хвалю вы, братіе, яко вся Апостольская помните, и якоже предаша* намъ Богоносніи Отцы, *преданія держите.*

Заслужитъ Апостольскую похвалу за вѣрное со-

блюденіе истинныхъ преданій должно быть желательно всякому сыну Церкви. И такъ вниманія каждаго достойно ученіе о преданіяхъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ ученіе Христіанское заключено въ священныя книги, Святая Церковь, для вѣрнаго и неизмѣннаго сохраненія сего ученія, имѣетъ обычай и правило, не только мысли сего ученія на непреложномъ свидѣтельствѣ Богодухновеннаго Писанія утверждать, но и самыя слова и выраженія, для означенія важнѣйшихъ предметовъ и частей ученія заимствовать изъ того же чистаго источника Писанія. Такъ, если тщательно разберете Символъ Православныя Вѣры, и сличите его съ священнымъ Писаніемъ: то найдете, что Святые Отцы Никейскаго и Константинопольскаго Вселенскихъ Соборовъ изобразили въ немъ догматы Вѣры не своими словами и выраженіями, но взятыми изъ Священнаго Писанія, и такимъ образомъ Символъ Вѣры имѣетъ для насъ сугубую важность; ибо не только въ немъ изрекаютъ истину Отцы Церкви, но и само Священное Писаніе, само Слово Божіе говоритъ ихъ устами. Подобно сему и въ ученіи о преданіяхъ самое сіе понятіе, и самое наименованіе *преданія* заимствуется изъ Священнаго Писанія, какъ уже и показали мы отчасти изъ Словъ Святаго Павла.

Но главнѣйшимъ основаніемъ сего ученія можно принять слѣдующее изреченіе того же Апостола: *тѣмже убо братія, стойте и держите преданія, имже научистеся, или словомъ, или посланіемъ нашимъ.* 2 Сол. II. 15.

Вотъ вмѣстѣ, и ученіе для разумѣнія, и ученіе для исполненія, и заповѣдь о преданіяхъ, и введеніе въ познаніе преданій. *Стойте и держите преданія*, т. е. твердо и постоянно соблюдайте: вотъ заповѣдь, выраженіе непремѣнной обязанности, соблюдать преданія. *Преданія, имже научистеся или словомъ, или посланіемъ нашимъ:* вотъ, вмѣстѣ съ наименованіемъ преданій, руководство къ истолкованію сего наименованія. *Преданіями* называетъ Апостолъ все то, чему отъ него *научились* Христіане, яко отъ Апостола, относительно вѣры, священноначалія, Богослуженія, благочинія церковнаго и правилъ жизни. Далѣе онъ различаетъ два вида преданія: преданіе посредствомъ *посланія*, или писанное преданіе, и преданіе посредствомъ *слова*, или неписанное преданіе. Но какъ преданіе писанное простѣе и обычнѣе означается наименованіемъ Священнаго Писанія: то наименованіе преданія обыкновенно употребляется для означенія того, чему не посредствомъ Священнаго Писанія, но посредствомъ слова и примѣра мы научились отъ Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отецъ.

Достойно примѣчанія, что Апостолъ нераздѣльно и равно заповѣдуетъ держаться, и преданій посредствомъ посланія, или иначе сказать, велитъ нераздѣльно и равно держаться, и Священнаго Писанія и священныхъ преданій. Преданія и Богодухновенное Писаніе стоятъ у него рядомъ; онъ требуетъ отъ насъ не меньшаго вниманія и ревности къ преданіямъ, какъ и къ Богодухновенному Писанію. Нужно ли болѣе сего, для удостовѣренія о важ-

ности преданій, и для побужденія къ вѣрному соблюденію оныхъ?

Здѣсь могъ быть и конецъ ученію о преданіяхъ, если бы мы, подобно непосредственнымъ ученикамъ Апостоловъ, имѣли предъ глазами и непосредственное Апостольское, и потому несомнѣнно истинное, преданіе.

Но уже Христіанскія преданія прошли чрезъ многія страны, народы, языки, чрезъ многіе вѣки. Къ первоначальнымъ преданіямъ Апостольскимъ присоединились преданія Отеческія разныхъ степеней древности. Въ нѣкоторыхъ частяхъ преданій оказалось разнообразіе, простирающееся до противорѣчія. Сдѣлалось нужно изслѣдованіе подлинности и достоинства преданій, — изслѣдованіе, не всегда удобное и не всякому доступное. Для удостовѣренія въ подлинности и достоинствѣ преданій, всего лучше было бы съ точностію знать ихъ начало: но оно нерѣдко скрывается въ туманной дали прошедшаго. Теперь что дѣлать?

Прежде, нежели скажемъ, что должно дѣлать, — посмотримъ, что дѣлаютъ. Одни обращаютъ все вниманіе на то, что въ преданіяхъ есть темнаго и недостовѣрнаго, и отсюда выводятъ догадку, не суть ли оныя дѣло, если не просто человѣческое, то по крайней мѣрѣ, преданное Провидѣніемъ произволу людей и случайностямъ временъ, и не позволительно ли освободить себя отъ дальней заботы о преданіяхъ, тогда какъ *имамы извѣстнѣйшее Пророческое* и Апостольское *слово* въ *Богодухновенномъ*

писаніи, могущее умудрити во спасеніе, да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ. Другіе, обращая вниманіе только вообще на заповѣдь соблюдать преданія, безъ изслѣдованія, безъ разсужденія, слѣпо держатъ преданія, какъ нибудь упадшія на ихъ руки, не стараясь дознать ихъ подлинность, достоинство и чистоту. Что же должно дѣлать? — Должно остерегаться обѣихъ крайностей, теперь указанныхъ.

Священное Писаніе начато чрезъ Моисея. Какъ же до того, въ продолженіи столь многихъ вѣковъ отъ начала міра, сохранялась и распространялась истинная вѣра, и учреждалось сообразное съ нею Богослуженіе? — По преданію. Слѣдственно преданіе было точно такое же орудіе Божіе ко спасенію человѣковъ, какъ и Священное Писаніе.

Священное Писаніе Новаго Завѣта начато чрезъ Евангелиста Матѳея, спустя восемь лѣтъ по вознесеніи Господнемъ на небо. Гдѣ же до того было Евангеліе, основаніе догматовъ, ученіе жизни, уставъ Богослуженія, законы управленія церковнаго? — Въ преданіи. Богодухновенное Писаніе, по свидѣтельству одного изъ священныхъ писателей, именно, святаго Евангелиста Луки, есть только продолженіе и неизмѣннѣе особеннымъ устроеніемъ Духа Божія упроченный видъ преданія. *Якоже предаша намъ, иже испервa самовидцы и слуги бывшіи Словесе, изволися и мнѣ по ряду писати* (Лук. 1. 2.).

Вы хотите все утверждать на незыблемомъ основаніи Священнаго Писанія. Очень хорошо. Такъ и должно. Между тѣмъ откуда извѣстно вамъ, какія

книги суть священныя, и почему та или другая изъ нихъ точно принадлежитъ къ числу священныхъ? — Сіе извѣстно большею частію изъ преданія. И такъ самое Священное Писаніе пользуется пособіемъ преданія

Если такъ важно истинное преданіе, прежде писанія, и вмѣстѣ съ писаніемъ: то когда же могла бы уменьшиться его важность? Развѣ тогда, когда писаніе, ставъ на мѣсто преданія, сказало бы намъ, что уже не нужно заботиться о преданіи? Но писаніе говоритъ противное сему. *стойте и держите преданія, имже научистеся или словомъ, или посланіемъ.*

Впрочемъ, если даже Апостоловъ должно было испытывать въ томъ, истинные ли они Апостолы, какъ сіе видно изъ того, что въ Откровеніи Святаго Іоанна Самъ Господь одобряетъ дѣло Ангела Ефесскія Церкви, *искусившаго глаголющіяся быти Апостолы и обрѣтшаго ихъ ложныхъ:* то кольми паче послѣ Апостоловъ, чрезъ столь многія руки, чрезъ столь многіе вѣки прошедшія преданія, нужно испытывать, суть ли онѣ истинныя Апостольскія и Святоотеческія, и не подверглись ли неправымъ измѣненіямъ и чуждымъ примѣшеніямъ. Безъ сей осторожности наше служеніе Богу можетъ подвергнуться тому же осужденію, которымъ Господь поразилъ Фарисеевъ и книжниковъ Іудейскихъ, державшихъ преданія старецъ: *сіе чтутъ Мя, учаще ученіемъ, заповѣдемъ человѣческимъ. Оставльше бо заповѣдь Божію, держите преданія человѣческая* (Мар. VII. 8.).

Спросять, можетъ быть: какъ же предохранить себя отъ сего осужденія? Какъ испытать преданія, и отличить несомнительное? — Надежнѣйшее для сего, и удобнѣйшее къ употребленію правило извлекаю изъ приведеннаго теперь изреченія Господня. Испытывай преданіе посредствомъ Слова Божія и посредствомъ заповѣдей Божіихъ. Если преданіе противорѣчитъ Слову Божію, если оно ведетъ тебя къ нарушенію заповѣди Божіей: то знай, что это человѣческое, не истинное преданіе, что такое преданіе соблюдалъ бы ты *вуе*, между тѣмъ какъ нарушеніе заповѣди Божіей осудило бы тебя.

Другое правило для испытанія преданій можно извлечь изъ слѣдующаго изреченія святаго Апостола Павла къ Тимоѳею: *да увѣси, како подобаетъ въ дому Божіи жити, иже есть Церковь Бога живаго, столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. III. 15.). Если Церковь есть столпъ и утвержденіе истины: то въ ней должно искать истины, и ею можно повѣрять требующую дознанія истину, и особенно истину преданій, которыхъ Церковь есть единое вѣрное хранилище. Пріемля преданіе отъ единыя, Святыя, Соборныя и Апостольскія Церкви, *стойте* въ немъ, не колеблясь напрасными сомнѣніями, *держите* оное, съ упованіемъ благоугодить Богу. *Да держимъ*, поучаетъ Апостолъ, *исповѣданіе упованія неуклонное,—не оставляюще своего собранія* (Евр. X. 23. 25.), т. е. собранія Вселенскія Православныя Церкви, *якоже есть нѣкимъ обычай*. Примѣчайте, братія, что еще въ Апостольскія времена были нѣкіе, имѣвшіе обычай оставлять собраніе

Вселенскія Церкви. не дивитесь, если и нынѣ встрѣчасте нѣкихъ, имѣющихъ сей несчастный обычай. А если такіе люди станутъ предлагать вамъ свое преданіе: то можете знать предварительно, что люди, оставившіе Церковь, *столпъ и утвержденіе истины*, конечно предложатъ вамъ преданіе или ложное, или поврежденное, или по крайней мѣрѣ, краденое и неблагословенное; и, конечно, ложное не спасетъ, поврежденное не исцѣлитъ, краденое не обогатитъ, неблагословенное не принесетъ благословенія.

Прославимъ, братія, Бога, сподобившаго насъ быть чадами и членами истинныя и Святыя Церкви, въ которой истинное и святое преданіе, — не просто видимое и словесное преданіе ученія, правилъ, чиноположеній, обрядовъ, — но съ симъ вмѣстѣ и невидимое, дѣйствительное преподаяніе благодати и освященія, сходитъ съ неба на землю, *яко роса аермонская на горы Сіонскія*, течетъ непрерывно и неизсякаемо, и орошаетъ священноначаліе и священнодѣйствія, *яко миро на главѣ, сходящее на браду, браду Ааронію, сходящее на ометы одежды его* (Псал. CXXXII. 2. 3.), такъ что помазанные Духомъ Святымъ Апостолы помазуютъ тѣмъ же духовнымъ мѵромъ Святыхъ Отцевъ, и сіи своихъ преемниковъ изъ вѣка въ вѣкъ, Святители подаютъ освященіе храмамъ и таинствамъ, и взаимно храмы и таинства подаютъ освященіе Святителямъ, почему, прикасаясь къ нынѣшней святынѣ, вы прикасаетесь къ той же благодати, которая излiялась въ сошествіи Святаго Духа на Апостоловъ.

Да держимся неуклонно сего чистаго и живаго

источника. Яко чада послушанія, съ усердіемъ и любовію да пріемлемъ отъ устъ и рукъ Матери нашея Православныя Церкви, чистое ученіе вѣры и жизни, истинное благодатное освященіе, вѣрное руководство къ жизни вѣчной. Аминь.

17. СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА СВЯТАГО ПРАВЕДНАГО ФИЛАРЕТА ВЪ СПАСОБОРОДИНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ, И ПРИ ОБНОВЛЕНІИ СЕЙ НОВОУЧРЕЖДЕННОЙ ОБИТЕЛИ, ІЮЛЯ 23 ДНЯ 1839 ГОДА.

Аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ, и обитель у него сотворимъ. Іоан. XIV. 23.

Молитвами, таинодѣйствіемъ, торжественнымъ славословіемъ Божіимъ, обновляемъ мы нынѣ здѣсь и обитель Божію между человѣками, то есть, храмъ Божій, и обитель человѣковъ, посвящающихъ себя Богу.

Добрая была мысль, посвятить храмъ Богу на мѣстѣ, гдѣ столь многія тысячи подвизавшихся за Вѣру, Царя и Отечество положили временную жизнь, въ надеждѣ воспріять вѣчную. Тѣ изъ нихъ, которые принесли себя въ жертву, въ чистой преданности Богу, Царю и Отечеству, достойны мученическаго вѣнца, и потому достойны участія въ цер-

ковной почести, которая издревле воздавалась Мученикамъ, посвященіемъ Богу храмовъ надъ ихъ гробами. Если же нѣкоторыя изъ сихъ душъ, оставляя тѣло, понесли на себѣ нѣкоторыя тяготы грѣховъ, нѣкоторыя нечистоты страстей, и, къ своему облегченію и очищенію, требуютъ силы церковныхъ молитвъ и безкровной жертвы, за нихъ приносимой: то, за свой подвигъ, паче другихъ усопшихъ достойны они получить сію помощь.

Мысль обитать здѣсь, родилась, можетъ быть, въ нѣдрахъ частной, семейственной печали. Что нужды? Довольно на первый разъ, если печаль сія принесена Богу, и въ Немъ взыскано утѣшеніе. Въ совершенствѣ *никтоже благъ токмо единъ Богъ* (Лук. XVIII. 19.). Немощь есть исходная точка человѣка; совершенство — цѣль, которую онъ не вдругъ даже усматриваетъ, а усмотрѣвъ, и при успѣшномъ стремленіи къ ней, всегда видитъ въ разстояніи отъ себя. Благій Богъ, вѣдающій человѣческаго естества немощь, милосердый Господь, *лена внемшася не угашающій*, видитъ и слабую искру искренно добраго намѣренія въ человѣкѣ, и Самъ подвизается, судьбами своего Провидѣнія, очистить ее отъ дыма естества, и напитать чистымъ свѣтомъ благодати, къ истинному благу и спасенію душъ. Не усомнимся признать дѣло Божія Провидѣнія въ томъ, что безъ искания пашись желающіе обитать на семъ мѣстѣ, когда оно было пусто, не утверждено никакимъ постановленіемъ, ни чѣмъ не обезпечено; что сіи люди вошли въ общество, которое не было еще учреждено, предали себя въ послушаніе, когда еще

не было власти; что сіе новое жительство было потомъ утверждено церковнымъ благословеніемъ и Державною волею подъ необычайнымъ дотолѣ наименованіемъ Богоугоднаго Общежитія, а наконецъ возведено и въ чинъ обителей монашествующихъ; что Царская щедрота пришла на помощь частнымъ приношеніямъ, дабы надгробный храмъ и смиренныя при немъ жилища облеклись въ видъ, обители свойственный, съ присовокупленіемъ и сего другаго храма, приспособленнаго собственно къ потребностямъ Обители.

Благословенъ Богъ, благословляющій добрыя начинанія во имя Его. Благодареніе Благочестивѣйшему Государю, всегда готовому покровительствовать благочестивымъ предпріятіямъ. Благодать, миръ и спасеніе притекающимъ во храмъ сей и въ Обитель сію искать благодати мира и спасенія.

Господи Боже силъ! *Призри съ небесе и виждь, и посѣти виноградъ сей, и соверши и, егоже насади десница Твоя* (Псал. CXXIX. 15. 16.)· ибо только Ты сѣешь доброе сѣмя; только Ты, хотя и не безъ рукъ человѣческихъ, насаждаешь, возращаешь, умножаешь и сохраняешь истинный и плодоносный виноградъ; только Ты, хотя не безъ насъ, созидаешь обитель, и сію рукотворенную, въ которой человѣкъ обитаетъ предъ Тобою, и нерукотворенную, въ которой Самъ благоволишь обитать въ человѣкѣ.

Да, обитатели обители, посѣтители храма!—когда обитель построена, когда храмъ освященъ; тогда

еще не все сдѣлано. Есть еще обитель и храмъ, которые должно созидать и освящать. Какой храмъ? — Тотъ, о которомъ написалъ Апостолъ: *и сами, яко каменіе живо, зиждитеся въ храмъ духовенъ* (1 Пет. II. 5.). Какая обитель? Та, о которой самъ Господь сказалъ: *аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ, и обитель у него сотворимъ.*

Человѣку быть храмомъ Бога Отца, и Сына, и Святаго Духа, и обителію, въ которой бы Онъ жилъ, или хотя гостилъ, — какая необмыслимая мысль! Плоть не вмѣститъ сего, разумъ не пойметъ, гордое мудрованіе найдетъ несообразнымъ, чтобы Безконечный обиталъ въ ограниченномъ; самое чувство смиренія скажетъ, что это безмѣрно много для ничтожной твари. Потому-то возвѣщающее столь высокія тайны Христіанство и требуетъ вѣры, которая бы плѣняла въ свое послушаніе разумъ человѣческій, которая бы низлагала всякое возношеніе помышленій, взимающееся на разумъ Божій, которая бы паче упованія уповала, когда ей скажутъ: *отъ человѣкъ сіе невозможно есть, отъ Бога же вся возможна.* Не духъ ли истины чрезъ Апостола говоритъ Христіанамъ съ такою увѣренностію: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ* (1 Кор. III. 16.)? Не самосущая ли Истина, не Сынъ ли Божій изрекъ сіе высокое обѣтованіе о семъ ничтожномъ человѣкѣ, котораго мы, человѣки же, такъ часто ненавидимъ, или пренебрегаемъ или чуждаемся: *Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ и*

обитель у него сотворимъ? Безъ сомнѣнія истинно то, что говоритъ Истина.

Иной, можетъ быть скажетъ: мнѣ ли домогаться высокихъ состояній духовныхъ, непосредственной близости къ Богу? Останусь хотя чѣмъ нибудь менѣе, нежели храмомъ Божіимъ и жилищемъ Духа Святаго. Нѣтъ, возлюбленный! Не совѣтую тебѣ отказываться отъ того, что Богъ даровать тебѣ желаетъ, хотя, безъ сомнѣнія, слишкомъ дерзновенно было бы удостоивать себя того. Не преувеличиваю, когда говорю, что Господь не только позволяетъ, но и желаетъ, чтобы ты Его имѣлъ твоимъ посѣтителемъ, гостемъ, обитателемъ. Онъ точно изъявилъ сіе желаніе, когда сказалъ: *се стою при дверехъ и толку: аще кто услышитъ гласъ Мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему и вечеряю съ нимъ, и той со Мною* (Апок. III. 20.). О чудо снисхожденія! Живущій во свѣтѣ неприступномъ, сѣдящій на престолѣ славы, оставляетъ Свой престолъ и славу, скрываетъ Свой свѣтъ, котораго и Херувимскія очи снести не могутъ, нисходитъ въ міръ дольній, чтобы приближиться къ убогой, полуразрушенной хижинѣ, какова душа человѣка, во грѣхахъ рожденнаго и живущаго, прежде нежели Сотворившій ее храмомъ и образомъ Своимъ возсозиждетъ ее и украситъ Своимъ присутствіемъ; стоитъ при дверяхъ ея Тотъ, Которому отверзаются страхомъ врата смертная, предъ Которымъ вземлются врата небесная, Который и затвореннымъ дверемъ входитъ; какъ будто не имѣющій дерзновенія странникъ, осторожно ударяетъ Онъ въ две-

ри, предъ Нимъ затворенныя, и терпѣливо ждетъ быть услышанъ: и это потому такъ, что, принося человѣку новый даръ благодати, Господь желаетъ сохранить ненарушимымъ древній даръ свободы. Что жъ, смиренное чадо земли? Не ужели ты не потщишься принять столь высокаго посѣщенія, потому что чувствуешь себя недостойнымъ онаго? Это было бы не скромность, а дерзость, или безчувствіе; не смиреніе, а оскорбленіе величества. Не ужели ты не пожелалъ бы вечерять съ Господомъ? Не ужели не желаешь услышать гласъ Его? Не ужели оставишь Его за дверьми безполезно ударяющимъ въ оныя, какъ не поступаютъ и съ безвѣстнымъ странникомъ? И что сдѣлаешь ты съ душею своею, если не захочешь пещися, чтобы она *созидалась* вновь, какъ сотворена была вначалѣ, *въ жилище Божіе духомъ?* Не ужели оставишь ее домомъ запустѣлымъ, вмѣстилищемъ нечистотъ, обиталищемъ нетопырей, или даже разбойниковъ? Не ужели не страшишься видѣть, или увидѣть ее чуждою добра, полною темныхъ помысловъ и нечистыхъ желаній, оскверненною и отягченною идолами страстей, доступною духамъ злобы? — Сохрани Богъ! — скажешь ты. Сохрани Богъ! — говорю и я, и для сохраненія души твоей показую тебѣ вѣрное средство въ томъ, чтобы ты со всякимъ вниманіемъ и вѣрностію, поколику можешь, уготовлялъ ее въ обитель Господу.

Если спросишь, что должно дѣлать для сего уготовленія; на основаніи слова Господня отвѣтствую: исполнять тѣ условія, подъ которыми Господь обѣщаетъ, къ кому бы то ни было, *прiити, и оби-*

тель у него сотворить;—аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ. Возлюби Господа, толико любящаго тебя, толико къ тебѣ снисходящаго; и сія любовь возбудитъ въ тебѣ тонкое духовное чувство слышать гласъ Его, и она же отверзетъ Ему дверь сердца твоего, и пріимешь Его, и сотворишься обителію Его. Если вопрошаешь еще: какъ бы обучить себя любви Божіей, и содѣлать ее истинною, нелицемѣрною, крѣпкою; паки отвѣтствую изъ слова Господня: соблюдай слово Его, исполняй заповѣди Его; въ семъ состоитъ истина и сила любви къ Господу, какъ Онъ Самъ удостовѣряетъ: *имѣяй заповѣди Моя, и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя* (Іоан. XIV. 21.). Если же и въ самомъ дѣланіи заповѣдей чувствуешь себя изнемогающимъ, или затрудняемымъ искушеніями и препятствіями, паки призови на помощь любовь Божію, и ею одушевляй себя: *ибо крѣпка, яко смерть, любы;— крила ея крила огня* (Пѣс. Пѣсн. VIII. 6.); съ нею *терпящіи Господа измѣнятъ крѣпость, окрылатѣютъ аки орли, потекутъ и не утрудятся* (Иса. XL. 31.).

Еще одинъ вопросъ нужно мнѣ разрѣшить, и тогда умолкну. Если нерукотворенной, невидимой, внутренней, духовной обители требуетъ себѣ Богъ: то для чего еще сія рукотворенная и видимая? — Для того, чтобы въ сей обители, тѣмъ удобнѣе услышать гласъ Господа, приближающагося къ нашей обители внутренней, чѣмъ менѣе здѣсь оглушаемся шумомъ и молвою міра; — для того, чтобы въ дверь сердца, отверзаемую Господу, не такъ

легко вторгалось многое, что мы оставили за оградою обители видимой; — для того, для чего Пророку Иліи нуженъ былъ Кармилъ, и Іоанну Крестителю пустыня; — для того, чтобы жизнь Пресвятыя Дѣвы Богородицы имѣла на земли подражательное продолженіе, и бывшее о ней пророчество ясно было въ исполненіи: *приведутся Царю дѣвы въ слѣдъ ея* (Псал. XLIV. 15.); — для того, чтобы дать свободное мѣсто слову Господню: *могій вмѣстити, да вмѣститъ;* и другому: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и имѣти будеши сокровище на небеси* (Матѳ. XIX. 21.).

По сему-то святый Златоустъ, похваляя Христіанское благочестіе страны Египетской въ свое время, отдаетъ въ тоже время преимущество пустынножителямъ. *И сія*, говоритъ, *не во градѣхъ токмо благая, но и въ пустыняхъ, паче нежели во градѣхъ. Ибо мощно видѣти во всей странѣ оной Христово воинство, и царское стадо, и горнихъ силъ гражданство. И сія не въ мужехъ токмо, но и въ женской породѣ содержима обрѣтаются: ибо и онѣ не меньше мужей любомудрствуютъ; не щиты пріемлющія, не на кони всѣдающія, якоже славніи Еллинстіи повелѣваютъ законоположницы и любомудрцы, но иную много труднѣйшую рать имущія. Обща бо женамъ и мужемъ брань къ діаволу и ко властемъ тьмы, и нигдѣже естества немощь таковымъ сраженіемъ бываетъ препятіе. Не по естеству бо тѣлесъ, но по произволенію души сія судятся ратованія. Сего*

ради и жены паче мужей подвизашася многажды, и свѣтлѣйшія побѣды знаменія оставиша.—Сего ради, продолжаетъ онъ, *съ прилѣжнѣйшимъ ученій храненіемъ, многу и житіемъ своимъ показуютъ добродѣтель: всѣхъ бо имѣній совлекшеся, и всему міру распеншеся, далѣе происходятъ, и тѣлесный трудъ свой въ пищу требующимъ истощевающе. Ниже бо, егда постятся и бдятъ, праздни во дни быти хощутъ: по нощи въ священныхъ пѣснехъ и всенощныхъ молитвахъ, дни же въ молитвахъ, купно и рукодѣліи провождаютъ* (Злат. на Матѳ. прав. 8.).

Въ сихъ изреченіяхъ златословеснаго учителя, пребывающіе въ сей обители да обрѣтутъ и законъ своего подвижничества, и поощреніе въ немъ; а міръ да уразумѣетъ изъ оныхъ, что, устроя святыя обители иноческвующихъ, мы не произволомъ человѣческимъ изобрѣтенное жительство вводимъ, но древнее благочестіе и священный чинъ церковный соблюдаемъ. Аминь.

18. СЛОВО

НА ОСВЯЩЕНІЕ ХРАМА ВОСКРЕСЕНІЯ ХРІСТОВА, ВЪ СЕЛѢ ГУСЛИЦАХЪ, 22 СЕНТЯБРЯ, 1840 ГОДА.

Нынѣ прилично сей обновленный храмъ огласить Псаломскимъ возглашеніемъ: *се нынѣ благословите Господа вси раби Господни, стоящіи во храмѣ Господни, во дворѣхъ дому Бога нашего.* Пс. CXXXIII. 1.

Правда, и во всякое время, на всякомъ мѣстѣ должны хвалить и славить Бога. Ибо если неодушевленныя *небеса повѣдаютъ славу Божію*; если *всякое дыханіе хвалитъ Господа*: то какъ не дѣлать сего существу разумному, паче прочихъ тварей Богомъ ущедренному? Но при особенныхъ благодѣяніяхъ Божіихъ, особенно прилично приносить хвалу и славу Богу благодарнымъ сердцемъ.

А сіе не есть ли новое благодѣяніе Божіе для братій святаго храма сего, что многотрудное и многопопечительное дѣло храмоздательства наконецъ добрымъ тщаніемъ довершено; что благолѣпный храмъ сей освященъ, и чрезъ то пріялъ новое

осѣненіе, посѣщеніе и вселеніе благодати Божіей. Ибо что Богъ обѣщалъ храму Ветхозавѣтному, который имѣлъ въ себѣ только *сѣнь грядущихъ благъ:* то конечно даруетъ храму Новозавѣтному, который имѣетъ самыя блага, въ Ветхомъ Завѣтѣ обѣщанныя. *Будутъ*, рекъ Онъ, *очи Мои ту, и сердце Мое во всѣ дни* (3 Цар. IX. 3.).

И такъ *нынѣ* особенно, *благословите Господа вси раби Господни, стоящіи въ храмѣ Господни.* И какъ облагодѣтельствованные и благодарные, при новомъ благодѣяніи, охотно воспоминаютъ прежнія милости благодѣтеля: то благословимъ Господа, въ началѣ даровавшаго роду нашему бытіе и жизнь, Свой Божественный образъ и блаженное райское пребываніе, и райскую Церковь основавшаго. Восхвалимъ Господа, яко и грѣхопаденіемъ прародительскимъ въ конецъ разрушиться Церкви Своей не попустилъ, но ее обѣтованіемъ Спасителя вновь на вѣки утвердилъ, и человѣка грѣшника покаяніемъ въ нее паки призвалъ; и во времена невѣдѣнія человѣческаго не несвидѣтельствованна Себе оставилъ, но благодѣяніями Своего промысла и чудесами Своими Свою благость и силу возвѣщалъ, Божественными судами и наказаніями пути грѣшныхъ пресѣкалъ, житіемъ Святыхъ Своихъ и словомъ Пророковъ Своихъ путь спасенія показывалъ, жертвами, священствомъ и храмомъ Ветхаго Завѣта, единую всемірную, крестную жертву Новаго Завѣта, священство Хрістово и Церковь Хрістову спасительно предзнаменовалъ, озаряя единымъ свѣтомъ вѣры настоящее, прошедшее и будущее. Наипаче

прославимъ Бога Отца, яко Онъ Единороднаго Своего Сына Господа нашего Іисуса Христа для спасенія нашего въ міръ послалъ, и Его краеугольнымъ каменемъ Церкви Своея положилъ, съ такимъ утвержденіемъ, что *и врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. XVI. 18.), и будетъ Ему *слава въ Церкви о Христѣ Іисусѣ во вся роды вѣка вѣковъ* (Ефес. III. 21.). Прославимъ Его, яко и Духа Своего Святаго на Апостоловъ и на всю Церковь Свою изліялъ, и Его благодатію таинства церковныя исполнилъ; а дабы благодать таинствъ, какъ требуетъ самое имя и понятіе таинства, имѣла чистое, вѣрное и ненарушимое тайнохранилище, для сего далъ намъ и освятилъ Свой благодатный храмъ, сіе хранилище таинствъ, сокровищницу благодати, чертогъ Тѣла Христова, домъ молитвы, училище Боговѣдѣнія и благочестія, источникъ освященія, пристанище обуреваемыхъ, прибѣжище бѣдствующихъ, врачебницу недугующихъ, утѣшеніе скорбящихъ, жилище радости духовныя, преддверіе обителей небесныхъ.

Такъ благодарно пріемля залогъ толикихъ благъ, подаваемый намъ въ освященіи храма, мы должны, братія, помыслить далѣе о томъ, какъ бы дѣйствительно воспользоваться благодатію святаго храма, да не безплоденъ будетъ человѣческій трудъ храмоздательства, да не погрянетъ для насъ будетъ Божественный даръ освященія.

Какъ же должно намъ пользоваться святымъ храмомъ? — Дабы спасительно пользоваться святымъ храмомъ, надлежитъ вообще, подобающимъ обра-

зомъ посѣщать оный, въ особенности участвовать въ главнѣйшемъ достояніи храма — въ таинствѣ Тѣла и Крови Христовы, и наконецъ стараться и внѣ храма ходить достойно святыни храма.

Должно, говорю, посѣщать святый храмъ Божій.

Если строятъ домъ; то конечно для того, чтобы въ немъ жить: а иначе на что было бы и строить его? Такъ, если созидаютъ храмъ, то конечно для того, чтобы приходить въ него и освящаться отъ него: а иначе на что было бы и созидать его?

Должно посѣщать святый храмъ прилѣжно.

Правда, храмъ возноситъ молитву не только за предстоящихъ въ немъ, но и за сущихъ повсюду православныхъ: но сіе, безъ сомнѣнія, относится къ тѣмъ, которые, когда могутъ, съ вѣрою, благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ входятъ въ оный. Если же ты забудешь посѣщать храмъ: то не будетъ ли справедливо, чтобы и онъ тебя забылъ, и чтобы не посѣтила тебя благодать его?

Должно посѣщать храмъ Божій съ благоговѣніемъ.

Если, пришедъ въ домъ царя, ты былъ бы въ опасеніи и въ заботѣ, чтобы не сдѣлать чего-либо несообразнаго съ достоинствомъ мѣста: то съ какимъ благоговѣніемъ долженъ ты входить въ домъ Царя небеснаго! Если со страхомъ находился бы ты въ домѣ царя, хотя онъ тебя и не видитъ, хотя, можетъ быть, нѣтъ его и дома: то съ какимъ страхомъ долженъ ты предстоять въ домѣ Божіемъ, гдѣ Вездѣсущій всегда присутствуетъ, гдѣ Всевидящій непрестанно тебя видитъ!

Должно посѣщать храмъ Божій со вниманіемъ.

Слышите вы во храмѣ молитву, Слово Божіе, псалмопѣніе, ученіе. Прекрасно учреждено, что все сіе, безъ вашего труда, готовое, вы слышите: но и слышать надобно умѣть. *Блюдитеся, како слышите* (Лук. VIII. 18.), вразумляетъ самъ Господь. *Вонмемъ*, возглашаетъ нерѣдко священнослужитель: то есть, будемъ слушать съ полнымъ, съ глубокимъ вниманіемъ.

Когда слышишь въ Церкви молитву: старайся, чтобы слышало не только ухо твое, но и сердце, и чтобы молитва Церкви сдѣлалась твоею собственною молитвою.

Когда слышишь Слово Божіе: преклони предъ нимъ не главу только, по обычаю видимому, но и умъ твой невидимо. Слово Божіе есть сѣмя плода духовнаго: проведи глубокимъ вниманіемъ глубокую бразду въ сердцѣ твоемъ, чтобы принять оное, и возрастить, и принести плодъ Богови. Слово Божіе есть роса небесная: положи предъ нимъ душу твою, какъ землю жаждущую. *Живо слово Божіе и дѣйственно* (Евр. IV. 12.): не препятствуй ему животворно дѣйствовать въ тебѣ; устрани безпорядочное движеніе помысловъ, желаній, страстей.

Когда слышишь церковное Псалмопѣніе: воспѣвай и ты, если можешь, и устами, но наипаче, и непремѣнно по изреченію Апостольскому, *воспѣвай и пой въ сердцѣ твоемъ Господеви* (Ефес. V. 19.).

Когда слышите въ Церкви ученіе: ревнуйте и уразумѣть оное, и сохранить, и употребить въ

пользу свою и другихъ. Не обезпечивайте себя лѣнивою мыслію: «мы люди простые:» безъ сомнѣнія, и простымъ такъ просто заповѣдуетъ Апостолъ: *не дѣти бывайте умы, но злобою младенствуйте, умы же совершени бывайте* (1 Кор. XIV. 20.).

Должно посѣщать храмъ Божій съ вѣрою.

Только вѣрѣ дано великое обѣщаніе исполненія всякой молитвы, *вся елика аще вопросите въ молитвѣ, вѣрующе, приимете* (Матѳ. XXI. 22.). Только вѣра живоносно пріемлетъ дѣйствіе живаго Слова Божія, только чрезъ нее бываетъ полезно и плодоносно слово ученія: почему и сказано о слышавшихъ при горѣ Синайской слово Божіе, и ученіе Пророка Моисея: *не пользова онѣхъ слово слуха, нерастворенное вѣрою слышавшихъ* (Евр. IV. 2.). Только вѣра обрѣтаетъ и объемлетъ благодать сокровенную въ таинствахъ: почему и взываетъ приглашающій къ великому таинству вѣры: *со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите.*

Должно посѣщать Церковь Божію съ вѣрностію, ей неизмѣнною.

Вопрошалъ нѣкогда Пророкъ Илія Израильтянъ: *доколѣ вы храмлете на обѣ плесни ваши* (3 Цар. XVIII. 21.)? Сею притчею онъ укорялъ ихъ за то, что они хотя совсѣмъ отъ истиннаго Бога отрещись не дерзали, однако и Ваалу, по примѣру язычниковъ, жертвы приносили. И между вами, Новый Израиль, нѣтъ ли колеблющихся и непостоянныхъ, у которыхъ тогда, какъ истина и правая совѣсть ведутъ ихъ путемъ Церкви, неправыя внушенія и

примѣры, виды корыстные и нечистые, преломляютъ твердость, и измѣняютъ направленіе; которые хотятъ, по видимому, быть учениками Евангелія, и между тѣмъ *прилагаются въ наученія странна и различна* (Евр. XIII. 9.); то держатся освященнаго Собора церковнаго, то уклоняются къ собраніямъ неосвященнымъ и самочиннымъ, или ищутъ, сами не зная, чего, въ сокровищахъ тайныхъ, гдѣ, какъ обличаетъ Апостольская прозорливость, *тайна дѣется беззаконія* (2 Сол. II. 7.)! И на сихъ не падаетъ ли упрекъ Пѣснѣ: *доколѣ вы храмлете на обѣ плесни ваши?* Неблагопоспѣшенъ въ пути **храмлющій на обѣ плесни.** ***Мужъ двоедушенъ неустроенъ во всѣхъ путехъ своихъ*** (Іак. I. 8.). Не такими стопами праведные идутъ къ Богу. Если же вы чрезъ святый храмъ достигнуть освященія неотъемлемаго, и благодатнаго изъ земли Церковію, какъ лѣствицею, взыти въ славную Церковь небесную: то прилѣпитесь къ Церкви искренно, **постоянно, невзмѣнно, неколеблющеюся мыслію, нераздвоеннымъ сердцемъ.** *Держите*, какъ учитъ Апостолъ, *исповѣданіе упованія неуклонное, не оставляюще своего собранія*, то есть, Церкви Апостольской (Евр. X 23. 25.).

Дабы спасительно пользоваться святымъ храмомъ, въ особенности нужно не лишать себя участія въ важнѣйшемъ достояніи онаго, — участія въ Трапезѣ Господней.

Смотря на храмъ, подумайте, для чего наипаче онъ устроенъ. Для молитвы? — Такъ. Онъ есть домъ *молитвы*, по слову Господа. Однако молит-

ва можетъ быть совершаема и совершается и въ простыхъ домахъ, и на открытыхъ мѣстахъ. Для поученія въ Словѣ Божіемъ? — И это правда Однако и сіе возможно и кромѣ храма. Для совершенія таинствъ? — Справедливо. Но и нѣкоторыя таинства по нуждѣ совершаются безъ помощи храма. Напримѣръ, не въ храмѣ, а на рѣкѣ совершилъ таинство крещенія надъ каѳеникомъ святый Апостолъ Филиппъ. Для чего же наипаче храмъ? Къ чему особенно предназначено и приспособлено его устроеніе? Для чего, кромѣ мѣстъ читающихъ, поющихъ, молящихся, святилище внутреннее, доступное только посвященнымъ? Для чего средоточіе святилища, на которое обращена вся сила освященія храма, имѣетъ образъ трапезы? — Очевидно сіе приспособлено къ совершенію таинства Тѣла и Крови Христовы. Послѣ сего подумайте, какъ это странно, или лучше сказать, какъ печально, что сею-то существенною святынею храма, къ которой и созданіе и освященіе храма служитъ только приготовленіемъ, сею-то святынею недовольно стараются пользоваться братія храма!

Рече Господь: *ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ* (Іоан. VI. 56). Что можетъ быть вожделѣннѣе, какъ пребывать во Господѣ, и Его имѣть въ себѣ пребывающаго? Не ужели вы сего не желаете? А если желаете: то какъ же нѣкоторые долго не приходятъ вкусить Тѣла и Крови Господней, и даже приглашаемые къ тому, отлагаютъ и уклоняются?

Рече Господь: *ядый Мою плодь и піяй Мою кровь*

имать животъ вѣчный (ст. 54). Не ужели вы не желаете живота вѣчнаго? А если желаете: то не оставляйте пользоваться средствомъ, которое Господь даровалъ намъ для пріобрѣтенія живота вѣчнаго; не оставляйте, въ приличныя времена, съ очищеніемъ совѣсти, приступать къ общенію Тѣла и Крови Христовы.

Не внимайте тѣмъ, которые говорятъ, будто можетъ Христіанинъ обойтись и безъ сей святыни, или замѣнить ее другимъ способомъ освященія. *Небо и земля прейдетъ, словеса же Моя не прейдутъ* (Марк. XIII. 31.), глаголетъ Господь. Кто дерзнетъ измѣнить непреходящее Слово Божіе? Можно ли замѣнить установленіе и дѣло Божіе примышленіемъ и дѣломъ человѣческимъ?

Нѣкоторые недовольно заботятся о частомъ общеніи со Христомъ въ таинствѣ, успокоивая себя надеждою, что сей недостатокъ восполнятъ при смерти, и соединятся съ Нимъ единожды на вѣки. — О Господи! Сподоби каждаго изъ насъ сего послѣдняго дара въ жизни настоящей, сего спасительнаго напутствія къ будущей, якоже и Твоя первообразная Тайная Вечеря была напутственная предъ Твоею спасительною для насъ смертію и славнымъ воскресеніемъ! — Но кто знаетъ, братія, будетъ ли отдано въ наше распоряженіе наше предсмертное время, и будемъ ли мы умѣть имъ воспользоваться, особенно послѣ того, какъ мы не умѣли, или небрегли пользоваться временемъ жизни? *Смерть не замедлитъ*, угрожаетъ Премудрый, *завѣтъ же адовъ не показанъ ти бысть* (Сир.

XIV. 12.). Не льзя сказать смерти: помедли. Адъ не станетъ договариваться съ тобою, чтобы ему не разверзать челюстей до часа, который ты назначишь. Пока свободно пользуешься жизнію, питайся пищею жизни и благовременно предохраняй себя отъ опасности сдѣлаться самому пищею смерти и ада.

Наконецъ, мы должны, сокровища благодати, хранящіяся для насъ во храмѣ, охранять тщательно нашимъ хожденіемъ внѣ храма.

Отъ храма зависитъ судьба нашей жизни, которая имъ благословляется и освящается: но и отъ нашей жизни зависитъ судьба самаго храма. Щедро Богъ даруетъ благодать; но не расточаетъ ее напрасно. Вѣрующихъ, кающихся, исправляющихъ свою жизнь, благодать святаго храма очищаетъ и освящаетъ: а невѣрующіе, нераскаянно преданные грѣху, оскорбляютъ благодать, удаляютъ, и преумноженіемъ беззаконій самый храмъ оскверняютъ и разрушаютъ. *Аще отвращающеся отвратитеся вы, и чада ваша отъ Мене, и не сохраните запосльдей Моихъ, и повелѣній Моихъ: — и храмъ сей, егоже освятихъ имени Моему, отвергну отъ лица Моего* (3 Цар. IX. 6. 7.), то есть: храмъ, лишенный благодати, будетъ опустошенъ и разрушенъ. Кто не знаетъ, какъ вѣрно, и какъ страшно, сей судъ Божій исполнился надъ храмомъ Соломоновымъ?

Сего-то провидящимъ духомъ предварительно страшась, и отъ сего предохраняясь, въ день освященія храма Іерусалимскаго, Соломонъ молился

между прочимъ сею молитвою, которую да вознесутъ и нынѣ съ нами братія сего новоосвященнаго храма: — *да будутъ сердца наша совершенна ко Господу Богу нашему, преподобно ходити въ повелѣніихъ Его, и хранити заповѣди Его, якоже день сей* (3 Цар. VIII. 61.). Аминь.

19. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СОШЕСТВІЯ СВЯТАГО ДУХА, ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА БЛАГОВѢЩЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ, БОЛЬЕ ИЗВѢСТНАГО ПО ПРИДѢЛЬНОМУ ОЛТАРЮ СВЯТЫХЪ БЕЗСРЕБРЕННИКОВЪ КОСМЫ И ДАМІАНА, ЧТО ВЪ ШУБИНѢ, ІЮНЯ 8 ДНЯ 1842 ГОДА.

Продолжая нынѣ торжествовать воспоминаніе сошествія Святаго Духа на Апостоловъ, и въ то же время сподобясь торжественно совершить освященіе храма сего, мы имѣемъ благопріятный случай сблизить въ нашихъ мысляхъ предметы того и другаго торжества, и чрезъ то войти въ размышленія, для насъ утѣшительныя и назидательныя.

Святый Евангелистъ Лука, излагая обстоятельства, предшествовавшія сошествію Святаго Духа на Апостоловъ, говоритъ, что по вознесеніи Господнемъ на небо, возвратились они отъ горы Елеона въ Іерусалимъ, *и егда внидоша, взыдоша на горницу, идѣ же бяху пребывающе;* что потомъ, *сіи вси бяху терпяще единодушно въ молитвѣ и мо-*

леніи, съ женами, и Маріею Матерію Іисусовою и съ братіею Его (Дѣян. I. 13. 14.), что наконецъ, *и егда скончавшася дніе пятдесятницы, бѣша вси Апостоли единодушно вкупѣ* (Дѣян. II. 1.). Что это за горница, въ которой пребывала сія первоначальная Церковь Христова? И что значитъ пребываніе Апостоловъ, и прочихъ, въ сей горницѣ? Была ли это простая жилая храмина, въ которой днюютъ и ночуютъ? Такъ думать не позволяетъ самое многолюдство тѣхъ, которые представляются пребывающими въ сей горницѣ. Двѣнадцати Апостоламъ, Пресвятой Матери Господней, Мироносицамъ и другимъ благочестивымъ женамъ, прочимъ ученикамъ Господнимъ, которыхъ всѣхъ Евангелистъ считаетъ: *имень народа вкупѣ яко сто и двадесять* (Дѣян. I. 16.), было ли прилично, было ли удобно, было ли возможно помѣститься жительствомъ въ одной горницѣ? Что жъ это была за горница?—Напоминаетъ мнѣ она, упоминаемую тѣмъ же Евангелистомъ, *горницу велію постлану* (*Лук.* XXII. 12.), о которой Господь сказалъ Петру и Іоанну: *ту уготовайта* пасху; и въ которой Онъ установилъ, и въ первый разъ совершилъ таинство Тѣла и Крови Своея. Или это есть одна и та же горница, по самому мѣсту; или по крайней мѣрѣ, та и другая одинакова по назначенію и достоинству. Ея назначеніе было не то, чтобы въ ней дневать и ночевать, обѣдать и вечерять, сидѣть и почивать, но то, что пребывающіе въ ней *бяху терпяще единодушно въ молитвѣ и моленіи*; въ ней совершалась тайная Вечеря Господня; въ ней произошло избраніе Мат-

оія въ священное служеніе и его причтеніе къ лику Апостольскому. Это была *горница,* которая возвышалась *горѣ* надъ всемъ земнымъ и житейскимъ; и благочестивымъ духомъ пребывающихъ въ ней касалась небеснаго и Божественнаго, почему и возъимѣла наконецъ то высочайшее преимущество, что въ ней торжественно и чудесно явилось Небо и Божество. Духъ Святый не только Своимъ всемогущимъ дыханіемъ одушевилъ Апостоловъ, и огненными языками просвѣтилъ ихъ умы, воспламенилъ сердца, образовалъ языки для всемірной проповѣди спасенія, но и самое мѣсто ихъ пребыванія исполнилъ Своея святыни и благодати: *исполни весь домъ, идѣже бяху сѣдяще* (Дѣян. II. 2.).

Еще разъ вопрошаю: что это за горница? — И сказаннаго мною досель, надѣюсь, довольно, чтобы оправдать окончательный отвѣтъ, который даю на предложенный вопросъ: горница Сіонская, Апостольская, горница сошествія Святаго Духа, есть не иное что, какъ первоначальный образецъ святаго Христіанскаго храма; и взаимно святый Христіанскій храмъ, слѣдственно и храмъ нынѣ освященный, есть повторенная, возобновленная, размноженная Апостольская горница сошествія Святаго Духа.

Правда, вы не слыхали нынѣ здѣсь шума, *яко носиму дыханію бурну* (Дѣян. II. 2.); не видали огненныхъ языковъ; никто не говорилъ здѣсь разными языками разноплеменныхъ народовъ. Но примите въ разсужденіе, что и въ Апостольской горницѣ, или иначе сказать, въ Апостольскомъ святомъ храмѣ, не каждый день слышалось потрясающее

дыханіе бурно: только однажды явились огненные языки; однако и въ другія времена храмъ сей не былъ лишенъ благодати, которою исполнилъ его Духъ Святый. Безъ первоначальнаго чудеснаго движенія и блистанія огненнаго, Святые Апостолы продолжали преподавать тотъ же даръ Святаго Духа, въ тихомъ возложеніи рукъ, которое другъ другопріимательно простирается и до нынѣшнихъ священноначальственныхъ тайнодѣйствій въ нашихъ святилищахъ. *Языцы*, говоритъ Апостолъ Павелъ, *во знаменіе суть не вѣрующимъ, но невѣрнымъ* (1 Кор. XIV. 22.): то есть, чудесный даръ говорить разными неизученными языками ниспосланъ отъ Бога для людей еще неувѣровавшихъ, дабы чрезъ дарованное знаніе ихъ языка преподать имъ наставленіе въ вѣрѣ, и въ то же время чудеснымъ дарованіемъ удостовѣрить ихъ въ Божественности вѣры; но для тѣхъ, которые уже увѣровали, сіе знаменіе не нужно. По той мѣрѣ, какъ Божественная вѣра на земли распространялась, чудесное дарованіе языковъ сокращалось; и слѣдственно сокрытіе сего дарованія не есть оскудѣніе благодати, но прекращеніе нужды. Господь не одобряетъ въ вѣрующихъ исканія очевидныхъ, удостовѣряющихъ знаменій; но приписываетъ особенное достоинство вѣрѣ, которая ихъ не требуетъ. *Блаженни*, глаголетъ, *не видѣвшіи, и вѣровавшіе* (Іоан. XX. 29.).

Что же, братія? Дерзнемъ ли мы требовать отъ Бога въ нашемъ храмѣ того, что и въ Апостольскомъ не всегда было, такъ какъ и не всегда было нужно? Почтемъ ли крайнимъ лишеніемъ неявленіе

здѣсь чудесныхъ знаменій? Но слово Хрістово, которое вы слышите здѣсь въ Евангеліи, не такъ же ли Божественно, какъ огненные языки Святаго Духа? Не то же ли истинное Тѣло Хрістово, не та же ли истинная Кровь Хрістова предлежатъ на трапезѣ храма сего, какъ и на трапезѣ горницы Сіонской? Въ молитвахъ и священнодѣйствіяхъ, и здѣсь по Апостольскому преданію и чину совершаемыхъ, не Единый ли и Тойжде Духъ Святый дышетъ, осѣняетъ, освящаетъ, прелагаетъ земное въ небесное, вещественное проницаетъ духовнымъ, сотворенное Божественнымъ? Не Его ли напіемъ освящается вода крещенія и кропленія, совершается мvропомазаніе? Не Онъ ли вступилъ и вселился въ храмъ сей въ мощахъ Святыхъ, которыхъ тѣлеса, по собственному Его свидѣтельству, *храмъ живущаго* въ нихъ *Святаго Духа суть* (I. Кор. VI. 19.)? Нужно ли болѣе для нашей вѣры, благоговѣнія, любви, утѣшенія, надежды? Да вѣруемъ благодати храма, не домогаясь видѣнія чудесныхъ ея знаменій. Да благоговѣемъ: ибо воистинну *Господь во храмѣ святѣмъ Своемъ* (Пс. X. 3.). Да *возлюбимъ благолѣпіе дома Господня* (Пс. XXV. 8.), не столько естественное и видимое, сколько невидимое и благодатное. *Да веселимся съ Давидомъ о рекшихъ намъ: въ домъ Господень пойдемъ* (Пс. CXXI. 1). Да уповаемъ, что и насъ, подобно какъ многихъ прежде насъ, *сокроетъ Господь въ тайнѣ селенія Своего въ день золъ нашихъ* (Пс. XXVI. 5.), — въ день золъ грѣха, отъ ужаса правосудія, сокроетъ насъ въ тайнѣ благодати прощенія, — въ день золъ

временнаго наказанія, сокроетъ насъ, прибѣгающихъ въ тайну селенія Его внутреннею, искренносердечною молитвою ,—сокроетъ во благодати охраненія, облегченія, избавленія.

Утѣшительно находить, дознавать и разсматривать таинственное сближеніе благодатнаго храма Христіанскаго съ чудесною Апостольскою горницею сошествія святаго Духа. Но дабы утѣшеніе сіе могло быть полнымъ и вѣрнымъ, надобно присовокупить другое сближеніе, — между пребывавшими въ оной горницѣ и между посѣтителями нашего храма.

То, что высокаго и вожделѣннаго имѣла въ себѣ горница Апостольская, было даръ Божій,—даръ, и Апостолами незаслуженный; потому что кто можетъ оказать заслугу Богу, Который не имѣетъ нужды ни въ какой заслугѣ, и Которому всѣ созданія Его служатъ не своею собственностію, но Его дарами?—даръ, въ которомъ и намъ не отказано; потому что *благъ Господь всяческимъ, и щедроты Его на всѣхъ дѣлѣхъ Его* (Пс. CXLIV. 9.). Но даръ сей не былъ бы данъ, если бы не встрѣтилъ простертыхъ къ нему рукъ; сокровище сіе не было бы положено, если бы не обрѣло сосудовъ, по возможности очищенныхъ и уготованныхъ, каковы были Апостолы, и прочіе, пребывавшіе съ ними. Поколику приближаемся къ нимъ и мы, не мѣстомъ, не временемъ, что въ собственномъ смыслѣ невозможно, и не весьма нужно, потому что и нашъ храмъ есть мѣсто Апостольское по общенію Апостольской благодати, — по поколику приближаемся и мы къ

Апостоламъ и ихъ сопричастникамъ расположеніями духа и сердца; потолику приближаемся къ Божественному сокровищу благодати.

Какія же это расположенія духа и сердца? — *Бѣша вси Апостоли*, сказуетъ Святый Лука, *единодушно вкупѣ. Вси бляху терпяще единодушно въ молитвѣ и моленіи.*

Апостолы и ученики Господни пребывали *въ молитвѣ и моленіи* къ Богу, и тѣмъ приготовляли себя къ пріятію благодати Святаго Духа. Вспомнимъ при семъ, что Господь, предъ вознесеніемъ Своимъ, не далъ имъ особеннаго завѣщанія о молитвѣ, а только повелѣлъ *отъ Іерусалима не отлучатися, но ждати обѣтованія Отча* (Дѣян. I. 4.), то есть, обѣщаннаго Святаго Духа. Для чего жъ бы, кажется, молиться о томъ, что уже обѣщано и не можетъ не быть исполнено вѣрнымъ въ Своихъ обѣщаніяхъ Богомъ? Однако Апостолы и ученики Господни, по собственному ощущенію нужды, молятся объ обѣщанномъ и ожидаемомъ, какъ бы только еще о искомомъ, и еще нечаемомъ. Такова необходимость молитвы для достиженія благодати. Молитва есть дыханіе духовнаго человѣка. Какъ дыханіемъ тѣлесный человѣкъ привлекаетъ окружающій воздухъ, и вдыхаетъ изъ него жизненность и силу: такъ молитвою душа отверзаетъ себя вездѣ-присутствующему Духу Божію, и пріемлетъ отъ Него жизнь и силу духовную. Да пребываемъ и мы въ молитвѣ и моленіи, да и намъ Отецъ Небесный, по обѣтованію Единороднаго Сына Его,

дастъ Духа Святаго просящимъ у Него (Лук. XI. 13.).

Апостолы и ученики Господни *бяху терпяще* въ молитвѣ, то есть, пребывали въ ней постоянно, неутомимо, неослабно. Не одно всенощное бдѣніе, по вознесеніи Господнемъ, совершили они; день за днемъ проходилъ, а обѣщанное не являлось. Но не возроптали они на медленіе; не усомнились въ обѣщаніи, долго неисполняющемся; не изнемогли, не облѣнились, такъ же усердно молились въ десятый день, какъ и въ первый: *бяху терпяще.* И терпѣніе ихъ наконецъ оправдалось, и молитва торжественно исполнилась. Да не будемъ и мы въ молитвѣ нетерпѣливы, ни лѣностны, ни маловѣрны; да прибѣгаемъ къ молитвѣ, какъ можно чаще; да пребываемъ въ ней, какъ можно, постояннѣе; да не малодушествуемъ, не видя скороспѣлыхъ плодовъ молитвы, скорѣе, или медленнѣе, болѣе явственно, или болѣе сокровенно, даруетъ Господь и намъ, терпящимъ въ молитвѣ, благодать, довольную для нашего спасенія.

Апостолы и ученики Господни пребывали и молились *единодушно вкупѣ.* Сіе соединеніе ихъ устроилъ Самъ Господь, когда повелѣлъ имъ *отъ Іерусалима не отлучатися*; и еще ранѣе, когда поучалъ ихъ: *яко аще два отъ васъ совѣщаета на земли о всякой вещи, ея же аще просита, будетъ има отъ Отца Моего, Иже на небесѣхъ; идѣ же бо суть два или тріе собрани во имя Мое, тутъ есмь посредѣ ихъ* (Мат. XVIII. 19. 20.). Важное пособіе въ молитвѣ, — единодушіе молящихся! Подобно какъ сила Святаго Духа въ Его чудесномъ

сошествіи, сила соединенной молитвы Церкви Апостольской, не разъ простирала свое дѣйствіе отъ духовной до вещественной природы. Ею нѣкогда *подвижеся мѣсто, идѣже бѣху собрани* (Дѣян. IV. 31.) Апостолы. Въ другое время она разрѣшила узы и заклепы, и отверзла двери темницы, въ которой заключенъ былъ Петръ Апостолъ Для чего и нынѣ общая молитва церковная, если не для того паипаче, чтобы молитва каждаго была преумножена въ силѣ споспѣшествованіемъ множества *молящихся единодушно вкупѣ?* Не постыдимся, и не устрашимся признать, что моя или твоя молитва и немощна, и недостойна, чтобы достигнуть искомой благодати: но пріиди, положи твою лепту молитвы въ сокровище единодушной молитвы церковной, и сокровище сіе будетъ достаточно, чтобы и тебѣ, вмѣстѣ со всѣми, пріобрѣсти безцѣнный бисеръ благодати Божіей. Благодареніе Богу, не оскудѣваютъ и донынѣ опыты, какъ можетъ прилѣжная молитва Церкви, искренняя молитва единодушныхъ, не только мракомъ искушеній, но и узами заблужденій, страстей и грѣховъ одержимую *извѣсти изъ темницы душу исповѣдатися имени Господню* (Пс. CXLI. 8.).

И сего ради, съ упованіемъ и дерзновеніемъ, общимъ гласомъ душъ вѣрующихъ, молимъ Тя и нынѣ, *Царю Небесный, Душе истины, пріиди и вселися въ ны.* Не преставай осѣнять благодатію Твоею сей храмъ, Тобою освященный въ день Твоего наитія; исполняй во благихъ желанія приходящихъ въ него съ вѣрою и молитвою, проевѣщай

ихъ умы свѣтомъ истины, согрѣвай сердца любовію ко всему благому, наипаче же къ Тебѣ Самому, Источнику всякаго блага! Благо сотвори душѣ возлюбившаго благолѣпіе сего дома Твоего; и принесшаго въ жертву земное небесному благослови благословеніемъ земнымъ и небеснымъ. Спаси души всѣхъ насъ, да въ неотъемлемой радости славимъ Тебе купно съ Безначальнымъ Отцемъ и Собезначальнымъ Его Сыномъ во вѣки. Аминь.

20. СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА ЯВЛЕНІЯ БОЖІЕЙ МАТЕРИ ПРЕПОДОБНОМУ СЕРГІЮ, УСТРОЕННАГО НАДЪ МОЩАМИ ПРЕПОДОБНАГО МИХЕЯ ВЪ СВЯТО-ТРОИЦКОЙ СЕРГІЕВОЙ ЛАВРѢ, ВЪ 27 ДЕНЬ, СЕНТЯБРЯ 1842 ГОДА.

Благодатію всесвятаго и всеосвящающаго Духа совершилось нынѣ священное обновленіе сего храма, созданнаго прежде насъ въ честь и память явленія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы Преподобному и Богоносному Отцу нашему Сергію, чему очевиднымъ свидѣтелемъ былъ и Преподобный Михей, во благоуханіи святыни здѣсь почивающій. Праведно было память сего благодатнаго событія почтить освященнымъ храмомъ, хотя впрочемъ и вся обитель сія есть памятникъ сего чуднаго посѣщенія; потому что вся судьба ея въ продолженіи вѣковъ есть исполненіе обѣтованія небесной Посѣтительницы: *неотступна буду отъ мѣста сего.*

Но если памятнику свойственно возвращать мысль ко временамъ и предметамъ, которые ознаменованы

памятникомъ: то, прости мнѣ, великая Лавра Сергіева, мысль моя съ особеннымъ желаніемъ устремляется въ древнюю пустыню Сергіеву. Чту и въ красующихся нынѣ храмахъ твоихъ дѣла Святыхъ, обиталища святыни, свидѣтелей праотеческаго и современническаго благочестія; люблю чинъ твоихъ Богослуженій, и нынѣ съ непосредственнымъ благословеніемъ Преподобнаго Сергія совершаемыхъ; съ уваженіемъ взираю на твои столпостѣны, непоколебавшіяся и тогда, когда поколебалась - было Россія; знаю, что и Лавра Сергіева и пустыня Сергіева есть одна и таже, и тѣмъ же богата сокровищемъ, то есть, Божіею благодатію, которая обитала въ Преподобномъ Сергіи, въ его пустынѣ, и еще обитаетъ въ немъ и въ Его мощахъ, въ Его Лаврѣ: но при всемъ томъ желалъ бы я узрѣть пустыню, которая обрѣла и стяжала сокровище, наслѣдованное потомъ Лаврою. Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятыя Троицы? Вошелъ бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, но сердца молящихся горятъ тише и яснѣе свѣщи, и пламень ихъ досягаетъ до неба, и Ангелы ихъ восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной. Отворите мнѣ дверь тѣсной келліи, чтобы я могъ вздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій Преподобнаго Сергія, который орошенъ дождемъ слезъ его, въ которомъ впечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчественныхъ, чудодѣйствен-

ныхъ. Дайте мнѣ облобызать прагъ ея сѣней, который истертъ ногами Святыхъ, и чрезъ который однажды переступили стопы Царицы Небесныя. Укажите мнѣ еще другія сѣни другой келліи, которыя въ одинъ день своими руками построилъ Преподобный Сергій, и въ награду за трудъ дня, и за гладъ нѣсколькихъ дней, получилъ укрухъ сгнивающаго хлѣба. Посмотрѣлъ бы я, какъ, позже другихъ насажденный въ сей пустынѣ, Преподобный Никонъ спѣшно растетъ и созрѣваетъ до готовности быть преемникомъ Преподобнаго Сергія. Послушалъ бы молчанія Исаакіева, которое безъ сомнѣнія поучительнѣе моего слова. Взглянулъ бы на благоразумнаго Архимандрита Симона, который довольно рано понялъ, что полезнѣе быть послушникомъ у Преподобнаго Сергія, нежели начальникомъ въ другомъ мѣстѣ. Вѣдь это все здѣсь: только закрыто временемъ, или заключено въ сихъ величественныхъ зданіяхъ, какъ высокой цѣны сокровище въ великолѣпномъ ковчегѣ. Откройте мнѣ ковчегъ; покажите сокровище; оно непохитимо и неистощимо; изъ него, безъ ущерба его, можно заимствовать благопотребное, напримѣръ, безмолвіе молитвы, простоту жизни, смиреніе мудрованія.

Или это вамъ кажется только мечтаніемъ воображенія? — О, если бы мы достойны были, болѣе очищеннымъ окомъ ума созерцать сіе въ болѣе существенныхъ явленіяхъ свѣта духовнаго, а не въ представленіяхъ только собственнаго воображенія! — Но, мнѣ кажется, лучше хотя мечтать такимъ образомъ,

нежели любомудрствовать противнымъ сему образомъ.

Братія сей обители! вы пришли сюда, когда пустыня уже облечена нѣкоторымъ образомъ въ подобіе града обительнаго: но не града же искать пришли вы сюда; слѣдственно пришли вы искать пустыни. Если она нѣсколько закрыта: тѣмъ внимательнѣе надлежитъ ее искать. Если шумъ житейской молвы не вдалекѣ слышенъ: тѣмъ нужнѣе заграждать отъ него слухъ. Если образы суетнаго міра движутся предъ лицемъ пустыни: тѣмъ ревностнѣе **должно намъ преднаписывать себѣ предъ очами образъ чистаго пустынножительства, и постоянно на него взирать, и съ нимъ сообразовать житіе наше.**

И для сего хочу я показать вамъ теперь, не человѣческимъ художествомъ, но словомъ Божественнымъ начертанный образъ духовнаго любителя пустыни. Смотрите, какъ онъ самъ себя изображаетъ: ***И рѣхъ: кто дастъ ми крилѣ, яко голубинѣ; и полещу, и почію. Се удалихся бѣгая, и водворихся въ пустыни. Чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури*** (Псал. LIV. 7—9.).

Правда, тотъ, кто говорилъ сіе въ псалмѣ, былъ только временный пришелецъ пустыни по нуждѣ, а не постоянный жилецъ ея по обѣту: но сіе не препятствуетъ намъ усматривать въ словахъ его черты добраго пустынножителя; и даже тѣмъ болѣе примѣчательна любовь его къ пустынѣ, и правильное изображеніе пустынножительства. Духъ Божій, который носился надъ Давидомъ отъ дня помазанія его Самуиломъ, велъ его чрезъ разныя состоянія

внѣшнія такъ, и для того, чтобы въ нихъ показать намъ поучительные образы духовныхъ состояній.

И такъ первая черта духовнаго пустынножителя есть желаніе пустыни, или усердіе къ благочестивому, отшельническому и уединенному жительству. *Кто дастъ ми крилѣ, яко голубинѣ; и полещу, и почію?*

Желаніе есть сѣмя или зародышъ всякаго свободнаго дѣла, когда ему должно начаться, и душа его, когда оно продолжается. Какъ отъ души зависитъ жизнь, сила, достоинство тѣла: такъ жизнь сила, достоинство всякаго дѣла зависитъ отъ желанія. Если желаніе нечисто: дѣло недостойно. Если желаніе слабо: и дѣло не сильно достигнуть своего совершенства. Если духовнаго желанія нѣтъ: дѣло есть мертвое. Дѣла, которыя мы дѣлаемъ безъ искренняго желанія, не утѣшаютъ насъ самихъ, и не приносятъ удовольствія другимъ. Если такъ судятъ и чувствуютъ люди, которые дѣла только видятъ, а о желаніяхъ только догадываются: что сказать о судѣ Бога всевидящаго, испытующаго сердца и утробы? — *Дастъ ти Господь по сердцу твоему*, а не по наружному твоему дѣлу (Псал. XIX. 5.).

Посему, кто желаетъ пустынножительствовать, или монашествовать съ утѣшеніемъ и пользою для себя, и со благоугожденіемъ Богу: тотъ долженъ какъ начать сіе дѣло съ искреннимъ, духовнымъ и Божественнымъ желаніемъ, такъ и продолжать съ неослабнымъ усердіемъ. Надобно, чтобы еще въ мірѣ сказалъ онъ себѣ: *кто дастъ ми крилѣ, яко голубинѣ; и полещу, и почію?* И когда чистое и

горящее желаніе дѣйствительно, какъ на крилахъ голубиныхъ, принесло его въ пустыню, или въ обитель отшельничествующихъ: онъ долженъ часто вновь возбуждать себя, расширять и приводить въ движеніе сіи крила, чтобы онѣ имѣли довольно легкости и крѣпости нести его далѣе,—изъ пустыни на небо.

Другая черта добраго пустынножителя или отшельника есть рѣшительное и совершенное удаленіе отъ міра. *Се удалихся бѣгая.*

Если бы не было нужды удаляться отъ міра: то не для чего было бы и водворяться въ пустынѣ, избирать отшельническое одиночество преимущественно предъ обыкновеннымъ образомъ жизни семейственнымъ и гражданскимъ. Не Богъ ли, сотворившій пустыню, созидаетъ и хранитъ грады, и самую пустыню не для того ли сотворилъ Онъ, чтобы населить ее? Не живутъ ли и въ городахъ Его рабы и чада, которыхъ пустыня едва ли достойна имѣть, подобно какъ напротивъ того другіе, которыхъ *недостоинъ весь міръ, въ пустыняхъ скитаются, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастяхъ земныхъ* (Евр. XI. 38.)? Не обиталъ ли самъ Господь во градѣ, такъ же какъ и въ пустынѣ, и не далъ ли граду Іерусалиму Своего храма, подобно какъ пустынѣ далъ Свою скинію? Не на всякомъ ли мѣстѣ можно поставлять Ему обитель въ душѣ, и покланяться Ему духомъ и истиною? — *На всякомъ мѣстѣ владычества Его: благослови душе моя Господа* (Псал. CII. 22.).

Но что дѣлать, если сіе благословенное пригла-

шеніе, всюду и всегда благословлять Господа, не успѣшно повторяю я къ душѣ моей отъ того, что міръ въ тоже время, не переставая, оглашаетъ и оглушаетъ ее своими разнообразными гласами требованій, прещеній, прельщеній, смущенія, развлеченія, нуждъ, заботъ, страстей, похотей, и она не находитъ довольно силы противоборствовать сему, или утомленная противоборствомъ, жаждетъ приблизиться къ Богу безъ препятствій со стороны тварей, служить Ему безъ развлеченія? — Въ семъ случаѣ не остается иного, какъ расторгнуть всякія узы, привязывающія насъ къ міру, бѣжать изъ него, какъ Израильтяне изъ Египта, какъ Лотъ изъ Содома, и учредить для себя въ пустынѣ новое жительство добровольнаго изгнанничества, въ которомъ бы все внушало намъ, что *не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ* (Евр. XIII. 4.).

Такимъ образомъ истинное отшельничество и пустынножительство есть также истинное и совершенное отреченіе и удаленіе отъ міра, по заповѣди Апостола: *не любите міра, ни яже въ мірѣ* (1 Іоан. II. 15.).

Кто приходитъ въ пустынножительство или отшельническое братство, какъ переселенецъ, желающій перенести сюда выгоды и удобство прежняго жительства, или замѣнить ихъ другими, а не какъ бѣглецъ, бросившій все, чтобы только избавиться отъ того, что было причиною бѣгства: тотъ не вполнѣ отшельникъ, не въ совершенствѣ пустынножитель.

Кто въ пустынножительствѣ ропщетъ на скудость въ чемъ либо, и, пользуясь необходимымъ, требуетъ излишняго, подъ благовиднымъ именемъ утѣшенія: тотъ еще не удалился отъ роскоши міра. Онъ подобенъ Израильтянамъ, которые въ пустынѣ воздыхали о мясныхъ котлахъ Египетскихъ; и долженъ вспомнить, что были нѣкоторые, которые спасшись изъ погибающаго Египта, погибли въ спасительной пустынѣ, въ гробахъ похотѣнія.

Кто въ братствѣ отшельническомъ болѣе желаетъ поступать по своей волѣ, или даже повелѣвать, нежели покоряться: тотъ еще не удалился отъ гордости и честолюбія міра. Заботливо надлежитъ ему осмотрѣться, чтобы не приближиться къ сонму Корея, котораго конецъ показалъ, что чистая пустынная земля не хочетъ носить на себѣ властолюбивыхъ и мятежныхъ.

Кто въ братствѣ отшельническомъ болѣе радѣетъ себѣ, нежели братству и обители, усволяетъ, что не благословлено, или болѣе, нежели что благословлено; послѣ обѣта нищеты думаетъ богатиться для себя, а не для Бога, не для братства, не для нищихъ: тотъ не удалился отъ корыстолюбія міра. Въ какой образъ образуетъ онъ себя? Не въ образъ ли пророческаго ученика Гіезія, который, воехотѣвъ тайно и неблагословенно усвоить сребро Неемана, явно усвоилъ себѣ его проказу?

Кто, вышедъ изъ міра въ отшельническое жительство, пристрастнымъ окомъ озирается на оный подъ предлогомъ невинной любви къ роднымъ, друзьямъ, знаемымъ: тому не безполезно взглянуть

на жену Лотову, которая озрѣлась на оставленный сю Содомъ, и, какъ говоритъ Премудрый, *стоитъ столпъ слапъ, невѣрныя души память* (Прем. Сол. X. 7.).

Третія черта благонадежнаго пустынножителя есть упованіе на Бога. *Чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури.*

Образъ духовнаго пустынничества былъ бы довольно страшенъ, если бы столь суровая черта его, какою представляется совершенное отреченіе отъ міра, не умягчалась и не покрывалась пріятною и свѣтлою чертою совершеннаго упованія на Бога.

Не случается ли даже, что удалившіеся отъ міра съ намѣреніемъ избѣжать трудностей и опасностей для души, сверхъ ожиданія встрѣчаютъ для нея новыя трудности, и самыя опасности въ отшельническомъ и пустынномъ уединеніи или общежительствѣ? И не должно сему дивиться. Израильтяне въ пустынѣ сколько перенесли трудностей, сколько видѣли опасностей! Едва ли не болѣе, нежели въ самомъ Египтѣ. Самъ Начальникъ нашего спасенія, и совершеннѣйшій для насъ образъ онаго, гдѣ испыталъ сильнѣйшую брань противъ врага душъ, какъ не въ пустынѣ? Гдѣ болѣе перенесъ духовныхъ страданій, какъ не въ уединеніи вертограда Геѳсиманскаго?

Но если такъ: то для чего же, скажутъ, и удаляться отъ міра въ пустыню, отъ трудностей къ трудностямъ, отъ опасностей къ опасностямъ?—Отвѣтствую: для того же, для чего Израильтяне вышли изъ Египта въ пустыню: ибо въ пустынѣ испы-

тали они трудности и опасности, но очистились, научились и спаслись, вмѣсто того, что въ Египтѣ погибли бы въ мерзостяхъ язычества; и если бы они не вышли въ пустыню, то не пришли бы въ землю, текущую медомъ и млекомъ. Для того же, говорю, для чего и Спаситель Духомъ Святымъ возведенъ былъ въ пустыню, и для чего удалялся Онъ въ уединеніе Геѳсиманское: ибо въ пустынѣ побѣдилъ Онъ, непобѣжденнаго дотолѣ, врага душъ нашихъ, а въ Геѳсиманіи принесъ Онъ за преслушаніе человѣковъ духовную жертву послушанія волѣ Бога Отца Своего, и крѣпкую о нашемъ спасеніи молитву, въ которой и *услышанъ отъ благоговѣйнства* (Евр. V. 7.). Такъ и для насъ, если и трудна и не безопасна пустыня: то все же полезно и спасительно бѣжать въ нее отъ міра погибельнаго.

А дабы и трудности преодолѣть, и опасности пройти невредимо, для сего не болѣе требуется, какъ только не быть нетерпѣливу, не унывать, не отчаеваться, но, каково бы ни было наше положеніе, непрестанно *чаять Бога спасающаго насъ отъ малодушія и отъ бури*. Если произвольнымъ нашимъ непостоянствомъ, или нетерпѣливостію не прервемъ сего чаянія: *упованіе не посрамитъ* (Рим. V. 5.), и помощь свыше пріидетъ непремѣнно тогда, и въ такой мѣрѣ, какъ сіе нужно для искренно желающихъ спасенія, какъ прилично славѣ Спасителя.

Братія святыя обители сея! если пустыня Сергіева, нѣкогда безлюдная, дикая, безплодная, безводная, скудная, беззащитная, безпомощная, населилась, возрасла, процвѣла, благословилась отъ тука земли и

отъ росы небесныя и пренебесныя, открыла въ себѣ источники водъ и благодати, возмогла защищать иногда грады и помогать народу: что все сіе значитъ? Не то ли, что пóелику ея основатель, и его сподвижники, *чаяли Бога спасающаго*: то чаяніе ихъ оправдалось, и еще оправдывается, даже свыше чаянія? Какое подкрѣпленіе и для нашего упованія на Бога спасающаго?

Внимайте себѣ и званію вашему, и ходите достойно столь благаго призрѣнія Отца Небеснаго. Воскрыляйте себя благочестивымъ желаніемъ, дабы летѣть во внутреннюю пустыню, — то есть, въ духовную область *Царствія Божія*, которое *внутрь васъ есть* (Лук. XVII. 21.). Отвращайте очи сердецъ вашихъ, еже не видѣти суеты міра, вами оставленнаго. Возбуждайте себя къ неослабнымъ подвигамъ для спасенія душъ вашихъ, упованіемъ на Бога спасающаго.

Мнѣ же, который недолго бесѣдую съ пустынею и о пустынѣ, и потомъ долго пребываю въ молвѣ и попеченіяхъ града и дѣлъ человѣческихъ, — *кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ; и полещу, и почію?* Могу ли сказать себѣ, — или когда наконецъ возмогу сказать: *се удалихся бѣгая, и водворихся въ пустыни?* Когда облегчуся отъ бременъ чужихъ, чтобы обратить все попеченіе къ облегченію собственнаго, *да не како, иныхъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (1 Кор. IX. 27.)? О, дающій, иному крилѣ, яко голубинѣ, дабы летѣть и безвозвратно почить въ пустынѣ, а иному гласъ *кокоши*, чтобы созывать Твоихъ *птенцовъ* подъ Твои кри-

ль! собирай самъ, и храни всѣхъ насъ подъ крилами Твоея благости, и, стогнами ли селеній, тропинками ли пустыни, приведи наконецъ всѣхъ въ тотъ вѣчно безопасный градъ, изъ котораго не нужно будетъ убѣгать ни въ какую пустыню. Аминь.

21. СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА СВ. ІОАННА БОГОСЛОВА, ЧТО ВЪ БРОННОЙ, ОКТЯБРЯ 14 ДНЯ 1842 ГОДА.

Или о Церкви Божіей не радите? 1 Кор. XI. 22.

Это упрекъ, подумаютъ, вѣроятно, братія храма сего, услышавъ сіе Апостольское слово; это выраженіе негодованія. Того ли теперь ожидать надлежало? То ли заслужили употребившіе и тщаніе, и трудъ, и щедрость для возобновленія и украшенія храма сего, и усердно собравшіеся на торжественныя молитвы освященія его?

Не опасайтесь, братія, чтобы Апостольская истина была когда либо жестока для любящихъ истину, чтобы отяготила творящихъ правду. Ея упрекъ нерадящему обращается въ похвалу тщательному. Ея негодованіе на недостойнаго заключаетъ въ себѣ утѣшеніе достойному.

Если святый Апостолъ обличаетъ нерадящихъ о Церкви Божіей: то потому, что признаетъ должнымъ, и одобряетъ благочестивое попеченіе о Церкви

Божіей. И такъ исполнившимъ священный долгъ таковаго попеченія не наше немощное, но твердое и вѣрное слово Апостольское свидѣтельствуетъ, что они дѣйствовали по правилу и образу первенствующихъ Христіанъ Церкви Апостольской, и что слѣдственно есть для дѣла ихъ Апостольское одобреніе и для нихъ Апостольское благословеніе.

Впрочемъ сего довольно для утѣшенія, которое, какъ медъ, умѣренно и бережливо употреблять должно. За симъ обратимся къ слову Апостольскому для того, чтобъ извлечь изъ онаго предосторожности противъ нерадѣнія о Церкви Божіей, безъ сомнѣнія, никогда не излишнія. *Или о Церкви Божіей не радите?*

Нерадѣніе о Церкви Божіей, или иначе, невнимательность и неуваженіе къ ней, обличаемое Апостоломъ въ Христіанахъ Коринѳскихъ, къ которымъ онъ писалъ приведенныя нами слова, состояло въ томъ, что богатые изъ нихъ, принося въ Церковь хлѣбъ и вино для трапезы Господней, употребляли оныя въ Церкви на трапезѣ любви, безъ порядка, съ излишествомъ, съ пренебреженіемъ бѣдныхъ. Чтобы дать имъ почувствовать неприличность такого поведенія, онъ обращаетъ ихъ вниманіе на высокое достоинство Церкви Божіей, противополагая ее простымъ домамъ. *Еда*, говоритъ, *домовъ не имате, во еже ясти и пити? Или о Церкви Божіей не радите?* Обличительный вопросъ: *еда домовъ не имате?* очевидно предполагаетъ, рѣшительно принятое мнѣніе, что храмина, въ которой поставляется трапеза Господня,

для общенія Тѣла и Крови Господней, по сему не есть уже обыкновенный домъ, но мѣсто священное, требующее особеннаго вниманія и благоговѣнія; и такимъ образомъ открывается, что и въ Апостольскія времена, такъ же какъ нынѣ, для совершенія таинствъ были особенные святые храмы, или, какъ ипаче называемъ, Церкви Божіи, хотя впрочемъ тогдашняя власть и сила враговъ христіанства не позволяла устроять оныхъ съ такимъ благолѣпіемъ, и съ такими явственными знаками священнаго ихъ назначенія, какъ нынѣ. Дальнѣйшимъ сему подтвержденіемъ служитъ другой обличительный вопросъ Апостола: *или о Церкви Божіей не радите?* Ибо здѣсь наименованіе *Церкви Божіей* прямо противополагается названію простыхъ *домовъ*; и чувство негодованія, которымъ Святый Павелъ вооружаетъ свое слово противъ небрегущихъ о Церкви Божіей, есть не иное что, какъ отразительно дѣйствующая сила глубокаго уваженія и благоговѣнія къ Церкви Божіей, которымъ исполнена душа его. При семъ не льзя оставить безъ замѣчанія и того, что Апостолъ не употребляетъ доказательствъ, дабы внушить Коринѳянамъ уваженіе къ Церкви Божіей, но говоритъ о сей обязанности, какъ уже всѣмъ извѣстной, и всѣми признанной: *или о Церкви Божіей нерадите?* Какъ бы такъ говорилъ онъ имъ: «вамъ извѣстно, что Церковь Божія, домъ молитвы, святилище таинствъ, жилище Божіе, храмъ, хотя рукотворенный, но такой, въ которомъ созидаются нерукотворенные, живые храмы Божіи, въ которомъ, то есть, вѣрующіе просвѣщаются словомъ Божіимъ,

и освящаются таинствами вѣры, такъ разнится отъ простыхъ домовъ, какъ небо отъ земли, какъ Божественное отъ человѣческаго; вамъ сіе извѣстно, и вамъ не нужно доказывать, что въ Церкви Божіей поступать должно благоговѣйно, какъ предъ лицемъ Самого Бога: посему я удивляюсь, и не понимаю, какъ позволяете вы себѣ поступать въ Церкви Божіей, какъ будто въ простомъ домѣ. Не ужели вы дошли до того, что потеряли должное вниманіе и уваженіе къ Церкви Божіей? *Или о Церкви Божіей не радите?*

При такомъ разумѣніи Апостольскаго изреченія, не трудно усмотрѣть каждому, что благоговѣйное почитаніе Церкви Божіей, какъ собранія вѣрующихъ, въ коихъ обитаетъ Духъ Божій, какъ святилища таинствъ вѣры, есть вѣрное преданіе Апостольское и общепринятый обычай первенствующихъ Христіянъ. Если нѣкоторые Коринѳяне въ поступкахъ своихъ показали нѣчто противное сему обычаю: то Апостолъ не далѣе, какъ въ ихъ же умѣ и сердцѣ, въ ихъ собственномъ убѣжденіи и внутреннемъ чувствѣ показалъ намъ свидѣтельство дѣйствительности и важности сего постановленія церковнаго.

Не думаю, братія, чтобъ и мнѣ нужно было далеко простираться мыслями для изысканія причинъ къ убѣжденію вашему, что храмъ Божій требуетъ отъ Христіанина глубокаго вниманія и благоговѣйнаго почтенія.

Если вы обыкновенно признаете, что домъ господина требуетъ почтенія и уваженія преимуще-

ственно предъ домомъ раба, гостепріимная храмина дома преимущественно предъ его преддверіемъ, домъ царскій преимущественно предъ домомъ подданнаго: то не можете не признать, и не трудно вамъ восчувствовать, что домъ Царя царствующихъ и Господа господствующихъ, требуетъ уваженія благоговѣйнаго, благоговѣнія трепетнаго.

Если училище дѣтей строго требуетъ молчанія и вниманія присутствующихъ: то какого безмолвія и вниманія требуетъ домъ молитвы и ученія Божественнаго!

Когда здѣсь, какъ нѣкогда въ храмѣ Іерусалимскомъ, на семъ возвышеніи, какъ на горѣ Іудейской, какъ на кормѣ корабля Петрова, Тойжде Господь Іисусъ, тоже слово жизни и спасенія, изрекаетъ и намъ въ Евангеліи Своемъ; когда и здѣсь, какъ нѣкогда въ горницѣ Сіонской, Тойжде Духъ Господень дышетъ въ словѣ Божіемъ и Божественныхъ пѣснопѣніяхъ: о, какъ самое безмолвное молчаніе, самое глубокое вниманіе, все еще мало предъ страшнымъ и вожделѣннымъ величіемъ слышимаго и дѣйствующаго! О, если бы человѣкъ весь содѣлался слухомъ, весь вниманіемъ, чтобы весь былъ проникнутъ свѣтомъ слова Божія, чтобы весь объятъ былъ животворящею силою Духа Божія! Когда на сей священной трапезѣ, какъ на трапезѣ тайной вечери Господней, зрится Тѣло Господне за насъ ломимое, и Кровь Господня за насъ изливаемая, и возобновляется то самое, что на Голгоѳѣ всю тварь привело въ трепетъ, и землю потрясло и камни сокрушило, и на животворное око міра навело

смертный мракъ: тогда не наипаче ли свойственно намъ, чтобы сердце наше сокрушалось умиленіемъ, чтобы устремленное въ созерцаніе таинства, оно исчезало въ общеніи страданій Христовыхъ, чтобы сквозь все существо наше проходилъ трепетъ благоговѣнія? Или человѣкъ можетъ быть нечувствительнѣе безчувственной природы? Или не только возможно сіе, но и дѣйствительно бываетъ съ нашимъ, жестче камней окаменѣлымъ, сердцемъ?

Чѣмъ болѣе возвышенно достоинство храма Божія, и того, что въ немъ совершается; чѣмъ болѣе глубокаго благоговѣнія онъ отъ насъ требуетъ: тѣмъ болѣе тяжкимъ преступленіемъ почитать должно неблагоговѣніе во храмѣ, и тѣмъ болѣе важною — всякую предосторожность противъ преступленій сего рода.

По видимому, мы можемъ похвалиться предъ Коринѳскими Христіанами тѣмъ, что не дерзаемъ, какъ они, въ церкви Божіей **ясти и пити, подобно какъ въ простыхъ домахъ. Безпорядокъ, пораженный Апостольскимъ обличеніемъ, кажется, исчезъ.** Но будемъ осторожны; осмотримся, не вкрались ли на мѣсто его другіе, не меньше, даже, можетъ быть, большіе безпорядки.

Не случается ли у насъ въ Церквахъ Божіихъ, что пришедшіе на Богослуженіе, забывъ о Богѣ, Которому предстоятъ, обращаются другу къ другу, привѣтствуютъ, вступаютъ въ разговоры о мірскихъ дѣлахъ? Думаютъ, что дѣло еще въ порядкѣ, когда говорятъ тихо; забываются иногда до того, что грѣховный шумъ празднословія сражается съ

святыми звуками церковнаго чтенія и пѣнія. Теперь Апостолъ говоритъ и намъ: *еда домовъ не имате?* Не ужели у васъ нѣтъ домовъ, для вашихъ свиданій привѣтствій, разговоровъ и споровъ?

Не являются ль иногда въ Церкви Божіей люди, которыхъ невнимательный видъ, блуждающіе взоры, небрежное употребленіе молитвенныхъ знаменій обнаруживаютъ разсѣянность мыслей и холодность сердца, которые безъ заботы поздно входятъ, преждевременно уходятъ, тѣснятся любопытствуя видѣть, а не *стоятъ добрѣ*, какъ повелѣваетъ чинъ церковный, не стоятъ *со страхомъ*, не избираютъ себѣ въ образецъ мытаря, чтобы вдругъ погрузиться и въ смиреніе, и въ безмолвіе, и въ молитву? Не новые ли это Коринѳяне? И симъ не говоритъ ли Апостолъ: *или о Церкви Божіей не радите?* Не ужели вы думаете, что вмѣсто благоговѣнія, позволительно въ Церкви любопытство, разсѣянность, непостоянство, небрежность? — Менѣе иногда примѣтно человѣческому оку, но тѣмъ не менѣе, или еще болѣе, тяжко и бѣдственно достоинство храма Божія оскорбляется тѣмъ, что въ него входятъ нѣкоторые въ нечистотѣ грѣховныхъ страстей и дѣлъ беззаконныхъ, безъ сердечнаго раскаянія, безъ искренняго желанія исправленія. *Или о Церкви Божіей не радите?* Какъ не подумаютъ таковые, что внемлющій въ церкви гласу молитвы Господь слышитъ и вопль грѣховъ, который покаяніемъ только можетъ быть утишенъ, чтобы не заглушалъ молитвы? Какъ не страшатся они, когда живущій въ Церкви Всевидящій видитъ ихъ входящихъ въ священный

чертогъ Сына Его, не облеченныхъ въ одѣяніе брачное, не облеченныхъ вѣрою въ заслуги Христовы и житіемъ въ добродѣтели Христіанскія? Видитъ, — и кто знаетъ, на долго ли еще отлагаетъ приговоръ правосудія о изверженіи неключимыхъ рабовъ во тьму кромѣшную?

Благость Божія да сотворитъ, чтобы грозная притча сія не ознаменовалась печальною истиною ни на комъ изъ насъ, братія; благости же Божіей да не содѣлается припятствіемъ наше произвольное нерадѣніе о удаленіи отъ зла и порока.

Да не вознерадимъ, братія, о Церкви Божіей, но да тщимся непрестанно украшать оную совершеннѣйшимъ и нетлѣннымъ украшеніемъ,—духовнымъ вниманіемъ, благоговѣніемъ, усердными молитвами, нелицемѣрнымъ покаяніемъ, вѣрою и благимъ житіемъ, да и сами будемъ *Церкви Бога жива*, и *Духъ Божій живетъ въ насъ*, нынѣ и во вѣки. Аминь.

22. СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ БОГОРОДИЦЕ-РОЖДЕСТВЕНСКАГО ХРАМА, ЧТО ВЪ СТОЛЕЧНИКАХЪ, 29 НОЯБРЯ 1842 ГОДА.

И востА Іаковъ отъ сна своего, и рече: яко есть Господь на мѣстѣ семъ; азъ же не вѣдѣхъ. И убоялся, и рече: яко страшно мѣсто сіе; нѣсть сіе, по домъ Божій, и сія врата небесная. Быт. XXVIII. 16. 17.

Въ сихъ словахъ Праотца Іакова, и въ приключеніи, которое заставило его сказать оныя, представляется одинъ изъ самыхъ древнихъ примѣровъ того, какимъ образомъ благодатное ощущеніе присутствія Божія, испытанное благочестивымъ человѣкомъ на нѣкоторомъ извѣстномъ мѣстѣ, пораждало мысль о святости того мѣста и о Домѣ Божіемъ, или о храмѣ Божіемъ. Да послужатъ намъ оныя руководствомъ къ размышленію, полезному и благовременному по совершившемся нынѣ освященіи храма сего.

Іаковъ былъ въ пути, одинъ со странническимъ жезломъ своимъ; — и тамъ, гдѣ оставило его заходящее солнце, и застигла ночь, онъ легъ спать, вмѣсто постели, на землѣ, вмѣсто возглавія, на каменѣ, вмѣсто покрова, подъ высокимъ шатромъ неба. Не было тамъ не только ничего похожаго на домъ Божій, но и никакого признака или принадлежности человѣческаго жилища.

Пробудился Іаковъ. Мѣсто все тоже; ничто не перемѣнилось; ничего не прибавилось: но уже онъ находитъ тамъ новое и великое; находитъ — присутствіе Божіе. *Есть Господь на мѣстѣ семъ.* Съ удивленіемъ, или съ нѣкоторою скорбію, признается онъ, что до сихъ поръ не зналъ сего. *Азъ же не сѣдѣхъ.* Высокая печаянность поражаетъ его. *И убоялся, и рече: яко страшно мѣсто сіе.* Нѣтъ, восклицаетъ онъ; это совсѣмъ не то, что вчера; *мѣсть сіе, но домъ Божій, и сія врата небесная.*

И на семъ мѣстѣ, гдѣ мы стоимъ теперь, кто былъ вчера и смотрѣлъ только тѣлесными глазами, тотъ видѣлъ только камень, дерево, металлы, краски, произведенія земной природы, дѣла рукъ человѣческихъ. Но теперь, кто пробужденнымъ духомъ восталъ, чтобы созерцать окомъ духовнымъ, тотъ можетъ и долженъ примѣчать, *яко есть Господь на мѣстѣ семъ*; долженъ знать и признавать, что сіе есть *домъ Божій, и сія врата небесная.*

Что жъ за перемѣна тамъ въ очахъ Іакова? Что за перемѣна здѣсь въ очахъ духовнаго человѣка?

На мѣстѣ, гдѣ провелъ ночь Іаковъ, открылось ему присутствіе Божіе, въ сновидѣніи. Увидѣлъ

онъ лѣствицу, которая утверждена была на землѣ, и возвышалась до небесъ; Ангелы Божіи восходили по ней и нисходили, подобно какъ земные служители по лѣстницѣ ходятъ въ высокій домъ господина своего; на верхнемъ концѣ ея стоялъ Самъ Господь, и благословилъ Іакова и потомство его. Когда Іаковъ проснулся: чудесная лѣствица еще стояла въ его памяти и воображеніи надъ головою его. Когда онъ вновь возводилъ мысленный взоръ до верхней степени сея лѣствицы: ему представлялась тамъ дверь невидимаго небеснаго дома, изъ которой исшелъ и явился Царь небесный благословить раба Своего на земли. Такимъ образомъ Іаковъ спалъ, и проснулся у крыльца Дома Божія. Послѣ сего, и ясно, и очень естественно его восклицаніе: *нѣсть сіе, но Домъ Божій.*

А здѣсь? — Не видѣли ль, не слышали ль вы, какъ и здѣсь, хотя и несовершенствами плоти обложенные, однако же *помилованные* служители Божіи быти, то восходя — въ молитвѣ, то нисходя — въ видимомъ земномъ служеніи, уготовляли мѣсто сіе Царю небесному, и возвѣщали Ему готовность: *готовъ престолъ Твой?* Какъ и здѣсь, ожидали Его присутствія, и призывали оное: *воскресни Господи въ покой Твой?* Какъ и здѣсь, не однократно повелѣвали вратамъ *взяти князи своя*, то есть, открыться болѣе и болѣе въ высоту, *да внидетъ* Всевышній *Царь славы, Господь силы,* съ Своею невидимою славою, съ сонмомъ небесныхъ силъ Своихъ? И что же наконецъ? Примѣчаете ли и вы здѣсь, что дѣйствительно пришелъ Царь славы,

вошелъ Господь въ покой Свой, сѣдитъ Богъ на престолѣ святѣмъ Своемъ? Видите ли духомъ и здѣсь духовную лѣствицу, которая соединяетъ землю съ небомъ, созданіе съ Создателемъ, человѣка съ Богомъ, которой нижняя степень лежитъ на землѣ, дабы на ней могли стоять земные человѣки; — которой посредствующія степени могутъ держать васъ въ духѣ надъ землею выше и выше, возводить ближе и ближе къ небесамъ, и взаимно низводить небесныя силы въ помощь вамъ; — на горнемъ мѣстѣ которой стоитъ Самъ Господь, и *речетъ миръ на люди Своя, и на обращающія сердца къ Нему?* Познали ль вы здѣсь такъ вѣрно, какъ вѣрно знаютъ то, что видятъ, — увѣдали ль вы присутствіе Божіе?

Іаковъ, когда увѣдалъ присутствіе Божіе на извѣстномъ мѣстѣ, тотчасъ ознаменовалъ сіе вѣдѣніе видимымъ твердымъ памятникомъ, освятилъ его возліяніемъ елея, присвоилъ тому мѣсту навсегда имя Дома Божія, и неоднократно потомъ приходилъ туда совершать служеніе Богу, по установленіямъ своего времени. *И воста Іаковъ заутра и взя камень, его же положи тамо въ возглавіе себѣ, и постави его въ столпъ, и возлія елей верху его. И прозва Іаковъ мѣсту тому Домъ Божій.* И послѣ путешествія въ Месопотамію, возвратясь оттуда, *постави Іаковъ столпъ на мѣстѣ, идѣ же глагола съ нимъ Богъ, столпъ каменный, и пожре на немъ жертву.* Такимъ образомъ видимый освященный памятникъ, и пареченное на немъ имя дома Божія, свидѣтельствовали,

что Іаковъ обрѣлъ здѣсь невидимое, но дѣйствительное присутствіе Божіе. Должно ли по сему примѣру заключить, что и наполняемый теперь нами Домъ Божій то же самое свидѣтельствуетъ о тѣхъ, которые нѣкогда воздвигли оный и освятили, и о тѣхъ, которые взявъ почти только камень древній, облекли его новымъ благолѣпіемъ, и новымъ помазаніемъ, и освященіемъ въ чинъ дома Божія возстановить споспѣшествовали? — *Да будетъ, Господи!*

Но — *яже глаголю, всѣмъ глаголю:* увѣдали ль вы дѣйствительно, *яко есть Господь на мѣстѣ семъ?* Или, какъ Іаковъ, получивъ вѣдѣніе, съ негодованіемъ на себя признавался въ своемъ прежнемъ невѣдѣніи, такъ намъ должно еще признаваться въ нашемъ невѣдѣніи настоящемъ: *азъ же не вѣдѣхъ?*

Въ самомъ дѣлѣ, должно признаться, что познаніе присутствія Божія на нѣкоторомъ опредѣленномъ мѣстѣ затрудняется не только невѣдѣніемъ чувственнаго человѣка, который не умѣетъ сквозь чувственное проникать въ духовное, чрезъ земное восходить къ небесному, но и другимъ познаніемъ человѣка мыслящаго, — познаніемъ вездѣприсутствія Божія. Какъ познать присутствіе Божіе на нѣкоторомъ мѣстѣ, гдѣ Божество также невидимо, какъ и вездѣ? Какъ познать присутствіе Божіе на мѣстѣ опредѣленномъ, когда никакое мѣсто не можетъ заключить въ себѣ Его присутствія, и никакое мѣсто исключить изъ себя онаго не можетъ? Само слово Божіе иногда представляетъ присут-

ствіе Божіе столь удаленнымъ, что никому не можно достигнуть онаго. *Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, Единъ имѣяй безсмертіе, и во свѣтѣ живый неприступнѣмъ, Его же никто же видѣлъ есть отъ человѣкъ, ниже видѣти можетъ* (1 Тим. VI. 15. 16.). А иногда тоже слово Божіе представляетъ присутствіе Божіе столь повсюду близкимъ, что не можно быть внѣ онаго. *Камо пойду отъ Духа Твоего? И отъ лица Твоего камо бѣжу? Аще взыду на небо, Ты тамо еси; аще сниду во адъ, тамо еси. Аще возму крилѣ мои рано, и вселюся въ послѣднихъ моря: и тамо рука Твоя наставитъ мя, и удержитъ мя десница Твоя* (Псал. CXXXVIII. 7—10.). Присовокупимъ еще нѣкоторыя указанія присутствія Божія въ словѣ Божіемъ. Иногда указуетъ оно присутствіе Божіе на небесахъ небесъ, и какъ-бы совсѣмъ устраняетъ отъ земли. *Небо небесе Господеви: землю же даде сыновомъ человѣческимъ* (Псал. CXIII. 2. 4.). Но иногда Самъ Богъ низводитъ присутствіе Свое на землю, и полагаетъ оное навсегда во храмѣ Своемъ. *Будутъ очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни* (3 Цар. IX. 3.). Наконецъ и еще меньшую и тѣснѣйшую обитель присутствію Божію, паче, можетъ быть, вѣроятія многихъ, созидаетъ слово Божіе во внутренности человѣка. *Вы бо есте Церкви Бога жива, яко же рече Богъ: яко вселюся въ нихъ* (2 Кор. VI. 16.).

И такъ, Богъ—въ неприступномъ свѣтѣ, Богъ—во всемъ мірѣ; Богъ—на небесахъ; Богъ—во храмѣ; Богъ — въ человѣкѣ: — какъ же столь разные

образы познанія согласить въ одномъ, самимъ съ собою сообразномъ, вѣдѣніи единаго присутствія Единаго Бога?

Не трудно на сіе отвѣтствовать вообще, что какъ Богъ во внутреннихъ Своихъ свойствахъ, силахъ и дѣйствіяхъ есть непостижимъ и безконеченъ; таковъ же Онъ есть и во внѣшнихъ Своихъ откровеніяхъ и явленіяхъ: и потому нимало не странно, а весьма естественно, что откровенія единаго присутствія Его непостижимо различны, и явленія Его безконечно разнообразны, потому и не могутъ быть обняты однимъ какимъ-либо частнымъ образомъ познанія, но во всѣхъ возможныхъ образахъ познанія одно необъятное Боговѣдѣніе таинственно проявляютъ, и проявляя, оставляютъ таинственнымъ.

Но дабы невѣдущій не имѣлъ причины жаловаться, что ему неизвѣстное объясняютъ тѣмъ, что совсѣмъ недовѣдомо: испытаемъ, если можно, приблизить необъятное Боговѣдѣніе къ ограниченному познанію человѣческому.

Слово Божіе, явленіе Божества въ мірѣ, именно, Сына Божія, Которому особенно принадлежитъ *исповѣдывать* (Іоа. I. 18.), то есть, открывать, являть невидимое Божество, — изображаетъ подобіемъ благотворно возсіявающаго солнца: *возсіяетъ вамъ*, глаголетъ Богъ у Пророка, *боящимся имене Моего, солнце правды, и исцѣленіе въ крилѣхъ его.* (Мал. IV. 2.). Подобно сему и въ молитвахъ совершившагося нынѣ таинодѣйствія Богъ прославляется, какъ *солнце истиннаго дня.* Воспользуемся

симъ естественнымъ подобіемъ для нѣкотораго созерцанія истины сверхъестественной.

Вы говорите: солнце на небѣ. Сіе очевидно всякому. Но разсматривайте далѣе: что есть присутствіе солнца? Присутствіе вещи есть ея непосредственное отношеніе къ другимъ, ея дѣйствованіе на другія вещи. Посему есть присутствіе солнца повсюду, гдѣ оно дѣйствуетъ своею силою свѣта, теплоты, движенія. И подлинно, когда ты, стоя на земли, видишь на небѣ свѣтлый кругъ солнечный: тогда ты не можешь сказать, что солнце отсутствуетъ; тогда и на земли есть для тебя присутствіе солнца. Но и тогда, когда облака закрываютъ отъ тебя образъ солнца, происходящій отъ него дневный свѣтъ не есть ли также дѣйствительное, хотя не столь явственное, присутствіе солнца, которымъ и отличается день отъ ночи? И еще, когда таже солнечная сила, которая дѣйствуетъ на всю подсолнечную вообще, особеннымъ образомъ дѣйствуетъ и оказываетъ свое дѣйствіе въ нѣкоторой особенной вещи, на примѣръ, во внутренности плода производитъ нѣжность, способность къ питанію, вкусъ, зрѣлость: не есть ли и сіе присутствіе солнца въ силѣ и дѣйствіи?

Дерзнемъ теперь, поколику возможно, возвести сіе подобіе къ тому, что выше всякаго подобія.

Какъ есть первоначальное и существенное присутствіе солнца на небѣ, въ свѣтоносномъ кругѣ онаго: такъ есть первоначальное и существенное присутствіе Божества на небесахъ небесъ, въ неприступномъ свѣтѣ, въ Его средоточной и всеобъ-

емлющей вѣчности, для которой средоточіе — вездѣ, а окружія нѣтъ.

Какъ солнце, не оставляя мѣста своего на небѣ, дѣятельно присутствуетъ во всей подсолнечной, поколику всюду свѣтитъ, грѣетъ, движетъ: такъ Богъ, живя въ неприступномъ свѣтѣ на небесахъ небесъ, тѣмъ не менѣе истинно и дѣйствительно присутствуетъ во всемъ мірѣ, и невидимомъ и видимомъ, поелику *носитъ всяческая глаголомъ силы Своея* (Евр. I. 3.).

Какъ для находящихся на земли есть особенное присутствіе солнца, когда они, сквозь чистый воздухъ, видятъ свѣтоносный кругъ его, и примѣчаютъ, какъ оно восходитъ, идетъ и заходитъ: такъ для очищенныхъ отъ мглы плотскія душъ есть особенное присутствіе Божіе, которое является имъ въ чудныхъ образахъ Божественнаго свѣта, предъ очами духа ихъ открывающихся, преходящихъ и паки сокрывающихся. Такъ Исаія *видѣлъ Господа, сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесенѣ* (Иса. VI. 1.); такъ Іезекіиль видѣлъ, надъ четырьмя животными, и надъ огненными, одушевленными колесами, *на подобіи престола подобіе яко видъ человѣчь* (Іезек. I. 26.); такъ Іаковъ видѣлъ Господа на высотѣ лѣствицы въ двери небесъ, и многіе Святые многообразно.

Впрочемъ, какъ и тѣ, отъ которыхъ образъ солнца закрывается туманомъ или облакомъ, по обыкновенному дневному свѣту, и по другимъ дѣйствіямъ солнца, познаютъ его присутствіе: такъ и тѣ души, отъ которыхъ или нижняя мгла собственной

плоти заграждаетъ, или вышнее облако неисповѣдимыхъ судебъ Божіихъ закрываетъ чрезвычайный свѣтъ чудесныхъ откровеній и явленій Божественныхъ, могутъ однако же имѣть довольно ясное познаніе и живое ощущеніе присутствія Божія, по нѣкоторому, не столь опредѣленному, не столь поразительному, но, для ока неослѣпленнаго, дѣйствительному и ничѣмъ непомраченному свѣту Божества, непрестанно свѣтящему въ происхожденіи, возрастаніи, совершеніи, сохраненіи, управленіи, возобновленіи тварей, особенно въ дивномъ для внимательныхъ наблюдателей провидѣніи о человѣкѣ.

Далѣе, какъ есть нѣкоторое внутреннее присутствіе солнца въ земномъ плодѣ, въ который оно входитъ своею силою, и сообщаетъ ему нѣжность, питательность, вкусъ, зрѣлость: подобнымъ сему образомъ, — испытавшій знаетъ, а не испытавшій для поощренія себя къ опыту, можетъ предварительно догадываться, что есть внутреннее присутствіе Божіе въ человѣкѣ, котораго, по его свободному желанію, по его вѣрѣ и любви, по молитвѣ и преданности, Богъ посѣщаетъ Своею благодатною силою въ сердцѣ, внутренно умягчаетъ, питаетъ, услаждаетъ, и дѣйствіемъ духовнаго свѣта и теплоты, — истины и любви, постепенно приводитъ къ духовной зрѣлости, или совершенству.

Можно бы продолжать разностороннія примѣненія взятаго нами уподобленія: но лучше не простираться далеко на семъ пути. Не все можно и должно изъяснять: многому должно только вѣрить, потому что и можно только вѣрить. Видимыя со-

зданія Божія, по слову Самого Создателя, представляютъ только *задняя* Его: лица же Его показать не могутъ. Свѣтъ сотворенныхъ вещей есть не болѣе, какъ тѣнь Свѣта несотвореннаго; а тѣнь конечно не можетъ быть такъ ясна, какъ свѣтъ. Имѣютъ и твари свои таинства, которыхъ дѣйствія не можетъ не признать естествознаніе, встрѣчаясь съ ними въ опытѣ, но которыхъ истолковать оно не умѣетъ. Можно ли же быть не довольну, если непостижимый Богъ предлагаетъ намъ таинства, для которыхъ пытливый разумъ тщетно изощряетъ свою проницательность? Не сего ли надлежало и ожидать отъ Непостижимаго Бога? — Если я укажу вамъ на зрѣлый гроздъ, и скажу, что въ немъ есть благословеніе солнца: вы должны мнѣ повѣрить, потому что даже и по знаменіямъ наружности можете примѣтить его зрѣлость, и можете въ ней удостовѣриться вкушеніемъ, и при томъ знаете, что безъ солнца виноградъ не созрѣетъ: но тщетно стали бы вы требовать отъ меня изъясненія, или усиливались бы изъяснить сами себѣ, какъ солнце входитъ въ ягоду, и малыя частицы земли, воды, воздуха, претворяетъ въ кровь гроздову. Не испытуйте же таинъ Солнца духовъ, не требуйте отчета въ дѣйствіяхъ благодати Отца свѣтовъ. Когда Евангеліе и Церковь вводятъ васъ въ освященный храмъ, какъ въ Домъ Божій, приближаютъ васъ къ его престолу, яко къ престолу благодати, указуютъ вамъ на воду крещенія или кропленія, и сказуютъ, что есть надъ нею осѣненіе Духа Божія; указуютъ на муро помазанія, и образуютъ имъ пе-

чать дара Духа Святаго; указуютъ на таинодѣйствованные виды хлѣба и вина, и возглашаютъ: сіе есть истинное Тѣло Господне, сія есть истинная Кровь Господня: вѣруйте не испытуя, пріобщайтесь вѣруемому съ любовію и преданностію; и вы обрящете въ видимомъ невидимое, въ чувственномъ духовное, въ знаменіяхъ и видахъ истину и силу, въ естественномъ сверхестественное, приближитесь къ Божественному даже до *причастія*, какъ говоритъ Апостолъ, *Божественнаго естества* (2 Петр. I. 4.); *вкусите и увидите*, только не окомъ тѣла, *яко благъ Господь*, получите участіе въ *блаженствѣ невидѣвшихъ и вѣровавшихъ*.

Таковыми различными, но между собою согласными, и единое спасительное и блаженное вѣдѣніе составляющими образами познанія, если не всѣми, то нѣкоторыми, увѣдали ль мы, братія, присутствіе Божіе, не словесно и мысленно только, но дѣйствительно и опытно?

Кто истинно позналъ присутствіе Божіе во всемъ мірѣ: тотъ надъ всемъ, происходящимъ въ мірѣ видитъ всемогущую, благую и праведную руку Божію: и потому на всѣ, особенно важнѣйшія происшествія міра взираетъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ; всякое благополучіе въ мірѣ пріемлетъ, какъ даръ Божій, съ благодареніемъ; всякое бѣдствіе въ мірѣ, какъ дѣйствіе суда Божія, съ покорностію, съ терпѣніемъ и упованіемъ. Но если мы вообще къ дѣламъ Божіимъ невнимательны, къ благодѣяніямъ Божіимъ неблагодарны, судамъ Божіимъ непокори-

вы; то не познали мы вседѣтельнаго присутствія Божія; *нѣсть Бога предъ очима нашима.*

Кто дѣйствительно позналъ присутствіе Божіе въ человѣкѣ, и внутренно принялъ силу несозданнаго Солнца: въ томъ непрестанно возрастаетъ и созрѣваетъ *плодъ духовный, любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* (Гал. V. 22.). Напротивъ того, если мы еще любимъ и дѣлаемъ грубыя дѣла плоти, темныя дѣла діавола, дѣла невоздержанія, корыстолюбія, гордости, жестокости, ненависти: то не познали еще мы благодатнаго присутствія Божія; не вкусили еще силы грядущаго вѣка; чуждо еще для насъ реченное отъ Господа: *царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. XVII. 21.).

Кто живо позналъ и ощутилъ невидимое присутствіе Божіе въ видимомъ храмѣ и его священныхъ знаменіяхъ и таинствахъ: тотъ со Псалмопѣвцемъ *веселится о рекшихъ ему: въ домъ Господень пойдемъ* (Псал. CXXI. 1.); тотъ, согласно съ чувствованіемъ другаго церковнаго Пѣснопѣвца, *стоя въ храмѣ славы Божіей, на небеси стояти мнитъ.* Но если мы неохотно идемъ во храмъ, или даже удаляемся отъ него: то должно заключить одно изъ двухъ, или что мы совсѣмъ не знаемъ, *яко есть Господь на мѣстѣ семъ,* или что мы рабы невѣрные, бѣгающіе отъ дома Господа своего. Если мы стоимъ во храмѣ неблагоговѣйно и безъ вниманія; то видно не разумѣемъ мы, *яко страшно мѣсто сіе:* а оно, если страшно и для благоговѣйныхъ, какъ подобное сему страшно было для Іакова; то коли-

ко должно быть страшнѣе для виновныхъ въ безстрашіи! Если мы стоимъ здѣсь съ помыслами не о Божественномъ, а о человѣческомъ, и занимаемся другъ другомъ, какъ будто въ домѣ человѣческомъ: то не явно ли, что мы забываемъ достоинство *Дома Божія*, и оскорбляемъ владычество Живущаго въ немъ?

Взыщите Господа, и утвердитеся; взыщите лица Его выну (Псал. CIV. 4.), дабы Онъ *исполнилъ васъ радостію съ лицемъ Своимъ*.

Ищите присутствія Божія въ мірѣ — здравымъ и безстрастнымъ разсужденіемъ о дѣлахъ Божіихъ; въ сердцѣ — вѣрою, молитвою, чистотою, смиреніемъ; во храмѣ — благоговѣніемъ къ святынѣ и таинствамъ и глубокимъ вниманіемъ Слову Божію.

Господи силъ, съ нами буди! Буди Господи на мѣстѣ семъ; и *мы невѣдущіе* да познаемъ Твое присутствіе святое и освящающее. Аминь.

23. СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ, ВЗЫСКАТЕЛЬНИЦЫ ПОГИБШИХЪ, УСТРОЕННАГО ПРИ ЗАМКѢ ПЕРЕСЫЛЬНЫХЪ АРЕСТАНТОВЪ, 1843 Г. ДЕКАБРЯ 23 ДНЯ.

Всади ихъ во внутреннюю темницу, и ноги ихъ забн въ кладъ. Въ полунощи же Павелъ и Сила молящеся поляху Бога: послушаху же ихъ юзницы. Дѣян. XVI. 24. 25.

Вотъ и мы *молящеся поемъ Бога*, если не въ самой темницѣ, то близъ самой темницы, и ради темницы, и *слушаютъ* насъ *юзницы*.

Помышляя о томъ, что́ здѣсь нынѣ совершилось, хочу радоваться, радостію человѣколюбія: но нѣсколько и страшусь, страхомъ Божіимъ.

Если бы кому пришло на мысль, во дворѣ темничномъ построить царскій домъ: кто не сказалъ бы, что это несообразно съ достоинствомъ дома царскаго? Какъ же дерзнули мы во дворѣ темничномъ устроить домъ болѣе, нежели царскій, — домъ Божій?

Чистота и святость принадлежатъ дому Божію преимущественно предъ всякимъ другимъ мѣстомъ, хотя впрочемъ не лишеннымъ своей чистоты. Напротивъ того темница, и особенно темница осужденныхъ, не есть ли такое мѣсто, куда общество человѣческое повергаетъ отъ себя нравственную нечистоту? Итакъ сохранится ли чистота, не оскорбится ли святость дома Божія, когда мы поставляемъ его въ соприкосновености съ темницею осужденныхъ?

Правила Святыхъ удаляютъ отъ святыхъ Христовыхъ Таинъ, и едва допускаютъ переступать чрезъ прагъ святаго храма, людей, обремененныхъ тяжкими грѣхами, доколѣ не очистятъ ихъ совѣсти покаяніе, слезы и время, иногда довольно продолжительное. И не удивительна сія строгость, когда и человѣческій законъ тѣхъ же людей, за тѣ же грѣхи, которые онъ, обнаруживъ, называетъ преступленіями, удаляетъ отъ домовъ и селеній непорочныхъ гражданъ, даже навсегда. Какъ же теперь святый храмъ, со святыми Тайнами, самъ пришелъ къ симъ людямъ, которымъ строгость священныхъ правилъ не даетъ права приступать къ святымъ Тайнамъ, и едва позволяетъ входить во храмъ?

Милостивъ буди къ немощнымъ служителямъ Твоея святыни, Единый Святый, Единый Господь, Іисусъ Христосъ, если мы не довольно строго удаляемъ отъ святыни Твоея то, что ея недостойно; если, научась отъ Апостола Твоего, *поминать узники, аки съ ними связани* (Евр. XIII. 3.), мы хотимъ раздѣлить съ ними, что только знаемъ утѣ-

шительнѣйшаго для себя,—именно, благодать святаго храма, и спасительное общеніе, или по крайней мѣрѣ, благотворную близость животворящихъ таинъ. Не въ темницу ли, не къ осужденнымъ ли, не къ изгнанникамъ ли, не къ узникамъ ли пришелъ и Самъ Ты на землю, чтобы основать Твой живый храмъ, Твою святую Церковь! Ибо, что такое вся земля, послѣ рая, какъ не пространная темница? Что человѣкъ вообще, какъ не осужденный преступникъ райскаго закона, изгнанникъ рая, плѣнникъ грѣха, узникъ бренной плоти, отягощающей душу? И не гнушалась чистота Твоя; не чуждалась святыня Твоя. Ты пришелъ; и въ сей темницѣ, для сего преступника, изгнанника, плѣнника, узника, поставилъ Твой Голгоѳскій крестный жертвенникъ; Твоимъ страданіемъ и смертію совершилъ на немъ Твою вселенскую Божественную литургію; принесъ Твою вѣчную жертву, которая одна и та же, и здѣсь, и нынѣ, совершается. И кто были ближайшіе къ сему Твоему жертвеннику?—Разбойникъ одесную; разбойникъ ошуюю. Если сія близость шуяго возбуждаетъ негодованіе: то какое утѣшеніе подаетъ близость деснаго, который и крестныя жертвы Твоея вѣрою пріобщился, и Тебя прославилъ, и самъ спасся, и самымъ безнадежнымъ грѣшникамъ подалъ примѣръ и надежду спасенія! И нынѣ, Господи Іисусе Христе Боже нашъ! Святый и освящающій, Архіерей, и Жертва, Спаситель грѣшныхъ, Взыскатель погибшихъ, Датель благодати и славы! Да не удалится и отъ здѣшняго жертвенника святыня Твоя; да почиваетъ на немъ благодать Твоя. И если меж-

ду приближающимися къ нему, предъ зрящимъ на сердца окомъ Твоимъ, явятся и разбойники, или такіе, которые не лучше разбойниковъ: взыскуй и обрѣтай между ими подобныхъ благоразумному распятому съ Тобою разбойнику. Пронзай души ихъ взоромъ Твоего всевѣдѣнія и правосудія, да уязвятся сердца ихъ спасительною скорбію покаянія. И когда отъ сокрушеннаго сердца возопіютъ къ Тебѣ: *помяни ихъ во царствіи Твоемъ* памятію милосердія; даруй имъ благую надежду; и скоро начни отверзать имъ тайную дверь *рая*—въ умиротворенной совѣсти.

А вы, которыхъ законъ и правосудіе сдѣлали чуждыми для насъ, но которыхъ еще братіями называть побуждаетъ насъ любовь Христіанская! Поймите любовь сію, въ ея опытахъ, которые передъ вами.

За чѣмъ пришли къ вамъ, узникамъ, сіи люди свободные, обилующіе, люди почетныхъ званій? Какъ вы съ удовольствіемъ исторглись бы изъ вашей темницы: такъ они съ удовольствіемъ отторглись отъ своихъ дѣлъ и занятій, и поспѣшили къ вамъ, въ темницу. Не имѣютъ ли они въ васъ какой нужды? — Безъ сомнѣнія, никакой. Какая же сила привлекла ихъ сюда? — Сила любви Христіанской. Видно, могущественна сія сила; видно, пріятно слѣдовать ея влеченію. По любви Христіанской, они находятъ приращеніе своего благополучія въ томъ, чтобы сострадать вашему несчастію, чтобы трудиться для вашихъ нуждъ, чтобы по возможности, облегчать ваши тягости, наипаче же, чтобы указать

вамъ единственное вѣрное средство для вашего примиренія съ вашимъ жребіемъ, —въ вашемъ внутреннемъ примиреніи съ самими собою и съ Человѣколюбцемъ Богомъ.

Для чего такъ торжественно явился среди васъ и Церковный Соборъ, и такъ близко къ вамъ водворилъ святыню храма Христіанскаго? Почему правосудіе Церковное не такъ для васъ рѣшительно и неумолимо, какъ гражданское, хотя Церковь требуетъ не только непорочности во внѣшнихъ отношеніяхъ, но и во внутренней святости, и потому, могла бы строже судить виновныхъ? Почему тогда, какъ гражданское общество изгоняетъ васъ, Церковь какъ-бы гонится за вами? Одно изъясненіе сихъ неожиданностей — любовь Христіанская. Даже и грозною строгостію церковныхъ правилъ не иной кто вооружилъ служителей вѣры, какъ любовь, по реченному Апостоломъ: *страхомъ спасайте отъ огня восхищающе*: любовь же повелѣла и умягчать строгость правилъ: *милуйте разсуждающе* (Іуд. I. 22.). Любовь во Христѣ избрала и провозгласила сей неожиданный образъ дѣйствованія: *не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Мат. IX. 13.). *Пріиде сынъ человѣческій взыскати и спасти погибшаго* (Мат. XVIII. 11.). Та же любовь и нынѣ, отъ девятидесяти девяти овецъ незаблуждшихъ, идетъ искать одной заблуждшей.

Братія, и въ семъ уничиженномъ состояніи вашемъ, намъ ради Христа возлюбленные! Не будьте къ сей любви невнимательны и холодны. Если есть въ васъ нѣкоторое расположеніе къ благодар-

пости, какъ оно есть въ общей природѣ нашей: не ужели вы попустите себѣ оказаться не добрыми для тѣхъ, которые такъ дѣятельно добры для васъ? Не ужели не захотите доставить нѣкоторое утѣшеніе тѣмъ, которые заботятся о вашемъ утѣшеніи? Заботьтесь же сколько нибудь и вы, чтобы доставить имъ утѣшеніе, котораго они ищутъ, — въ вашемъ нравственномъ и духовномъ улучшеніи.

Когда примѣчаете близъ себя, что Христіанство раскрываетъ въ людяхъ способность находить благополучіе въ томъ, чтобъ итти въ темницу, заботливо заниматься осужденными; догадайтесь изъ сего, что есть въ Христіанствѣ сила, и въ самихъ осужденныхъ, и въ самихъ заключенныхъ въ темницѣ, или странствующихъ въ изгнаніе или заточеніе, открыть способность къ благополучію, котораго и темница не помрачитъ, которое и на пути въ изгнаніе, назади не останется. Источникъ сей побѣдоносно благотворной силы есть благодать Божія; хранилища благодати суть Слово Божіе, Церковь и ея Таинства; средства привлекать и пріобрѣтать оную суть сердечная молитва, поученіе Слова Божія, благоговѣйное участіе въ церковномъ Богослуженіи и, въ установленномъ порядкѣ, общеніе таинствъ, съ вѣрою и любовію.

Не удивился бы я, если бы вы стали жаловаться, какъ трудно вамъ возвышать духъ вашъ, изъ-подъ тяжести бѣдствія. Не оспориваю сей трудности: но утверждаю, что есть вѣрная возможность преодолѣть ее; и чтобы доказать сіе несомнѣнными опытами, указываю вамъ на темницу, или, если угодно,

и на нѣсколько темницъ и изгнаній, или заточеній, которыя несравненно тяжеле вашей темницы и вашего изгнанія, но которыя не препятствовали возвышаться духу, когда онъ того желаетъ.

Апостолы Павелъ и Сила, въ городѣ Филиппахъ, за проповѣдь Евангелія, и за изгнаніе духа пытливаго, возмутившимся народомъ битые, израненные, отданы въ темницу подъ крѣпкую стражу. Темничный стражъ, не довольствуясь заключеніемъ ихъ во внутреннюю темницу, *ноги ихъ заби въ кладъ.* Что же они дѣлаютъ,—изнуренные біеніемъ, страждущіе отъ ранъ, не могущіе дать удобнаго положенія тѣлу, отъ стесняющей ноги обоихъ колоды, — что дѣлаютъ они тогда, какъ и не изнуренные уступаютъ немощи тѣла?—*Полунощи Павелъ и Сила молящеся пояху Бога.* Можетъ быть, вы думаете, что Апостольскій только духъ могъ быть такъ возвышенъ и не преодолѣваемъ ни бѣдствіемъ, ни немощію. Не совсѣмъ такъ. По гласу молитвы Апостольской, и прочіе заключенные въ той же темницѣ, не только не Апостолы, но, по всей вѣроятности, даже не Христіане, (потому что это было въ языческомъ городѣ), возвысились духомъ и надъ бѣдствіемъ, и надъ немощію плоти, не предались сну въ полунощи: *послушаху ихъ юзницы.* И видно, сильно ихъ объялъ восторгъ молитвы Апостольской: потому что и чудо надъ ними совершилось: *вспмъ юзы ослабьша.*

Кто не слыхалъ о юномъ, невинномъ Іосифѣ, оторгнутомъ отъ отца, проданномъ братьями въ плѣнъ и въ рабство, увлеченномъ въ дальнюю стра-

ну, къ иноплеменникамъ, оклеветанномъ, вверженномъ въ темницу? — Знаете конечно и то, что столько бѣдствій не могли унизить духа юноши, ни поколебать его добродѣтели, но и въ рабствѣ она была свободна, и въ темницѣ просіяла. Не видите ли, что и въ темницѣ, и въ заточеніи можно находиться, безъ упадка духа, не безъ надежды, и даже съ достоинствомъ и славою?

Осмотрите еще одну темницу и узы, которыя должны показать вамъ, что темница и узы не только не погубляютъ невиннаго, но еще могутъ способствовать спасенію виновнаго, если онъ благоразумно ими воспользуется. Манассію, виновнаго въ отступленіи отъ Бога, и въ другихъ тяжкихъ преступленіяхъ, *яша въ узахъ, и связаша его оковы мѣдными, и отведоша его въ Вавилонъ. И егда озлобленъ бысть, взыска лице Господа Бога Своего, и смирися зѣло предъ лицемъ Бога Отецъ своихъ, и помолися къ Нему, и послуша его* (2 Парал. XXIII. 11—13.).

И такъ, если вы не можете, какъ Іосифъ, сдѣлать свою темницу, изгнаніе, заточеніе, почтенными и славными посредствомъ невинности и непоколебимой добродѣтели: по крайней мѣрѣ, какъ Манассія, старайтесь сдѣлать ваши бѣдствія и трудности спасительными для васъ, посредствомъ покаянія, исправленія жизни и безропотной покорности закону, власти и судьбѣ Божіей.

Что скажу наконецъ соединеннымъ подвижникамъ Христіанскаго человѣколюбія, посѣтителямъ темницъ, попечителямъ ихъ обитателей и пресельниковъ? Что

въ особенности соработникамъ дѣла благочестія, которое нынѣ запечатлѣла благодать? — Не многое потребно слово тамъ, гдѣ уже довольно дѣла благонамѣренно совершилось или совершается. *Не обидлись Богъ забыти дѣла вашего и труда любве, юже показасте во имя Его* (Евр. VI. 10.). Любовь Божія да не престаетъ одушевлять и услаждать вашъ трудъ. Имя Господа Іисуса да исполняетъ силою слова и дѣйствія вашего человѣколюбія. Въ благоуспѣшномъ утѣшеніи бѣдствующихъ, въ обращеніи заблуждающихъ, въ радостномъ о семъ свидѣтельствѣ совѣсти вашей, да является вамъ и въ темницѣ Тотъ, Который отъялъ отъ нея поношеніе, и украсилъ ее, Своимъ увѣреніемъ, что Онъ въ ней былъ: *въ темницѣ бѣхъ. Аминь.*

24. СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ, ВЪ ПЕРЕРВЕНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Исполню храмъ сей славы, глаголетъ Господь Вседержитель. Мое сребро и Мое злато, глаголетъ Господь Вседержитель. Зане велія будетъ слава храма сего послѣдняя паче первыя, глаголетъ Господь Вседержитель. — Агг. II. 8. 9. 10.

Такова была проповѣдь Пророка Аггея, при возобновленіи храма Іерусалимскаго. Извѣстно, что храмъ сей, Соломономъ великолѣпно созданный, Вавилонянами разрушенный, былъ потомъ возстановленъ возвратившимися изъ плѣна Вавилонскаго Іудеями, подъ начальствомъ Іисуса и Зоровавеля, при скудныхъ средствахъ, при многихъ препятствіяхъ. Для поощренія возстановителей храма въ ихъ подвигѣ и въ награду за него, Пророкъ именемъ Божіимъ возвѣщаетъ имъ неожиданную новость, что храмъ сей не только будетъ имѣть славу, какъ прежній

Соломоновъ, но даже большую славу, нежели прежній Соломоновъ.

Храмъ, въ которомъ теперь мы находимся, имѣлъ своего рода и степени прежнюю славу, или, скромнѣе сказать, достоинство, достопамятность. Съ уваженіемъ воспоминаемъ, что его созидателемъ былъ Святѣйшій Патріархъ Адріанъ. Не враждебная рука, но время, которое раньше или позже дѣлается враждебнымъ всему, что родится и пребываетъ подъ закономъ времени, было причиною, что онъ потребовалъ возобновленія: и сіе, по благости Божіей, посильно совершилось. Отъ почтительнаго воспоминанія о прошедшемъ, отъ мгновеннаго воззрѣнія на настоящее, которое и само мгновенно, мысль почти невольно простирается въ будущее: потому что не для настоящей только минуты предпринятъ трудъ возобновленія.

Что жъ? Дерзнемъ ли уповать, что и здѣсь возглаголетъ Господь Вседержитель: *исполню храмъ сей славы?* Не только можемъ уповать, но и должны вѣровать, что Господь уже исполнилъ и здѣсь свое обѣтованіе о исполненіи Своего храма Своею невидимою славою, что, внемля молитвамъ Церкви, и пріемля предстательство добропобѣдныхъ Мучениковъ и Святыхъ, соприсутствующихъ намъ во святыхъ мощахъ своихъ, вступилъ онъ благодатнымъ своимъ присутствіемъ въ сіе святилище, и утвердилъ здѣсь пребываніе Своей Святыни.

А будетъ ли *веліи слава храма сего послѣдняя паче первыя?* Какой человѣкъ можетъ сіе провидѣть и предсказать, если не покажетъ и повелитъ

Господь Вседержитель? Даже и желать сего не было ли бы дерзновеніе чрезмѣрное?

Въ смиреніи духа и признаніи нашего недостоинства, вознесемъ ко Господу Вседержителю менѣе дерзновенныя, и болѣе умѣренныя желанія, да пребываетъ неотступно во храмѣ семъ благодать Его древняя и новая, да возвѣщается здѣсь выну слава Божія, свѣтъ Слова Божія, живаго и дѣйственнаго, да озаряетъ сердца, осѣненіе Духа Святаго да покрываетъ ихъ миромъ, да возжигается здѣсь не одинъ огнь свѣтильниковъ, но и огнь Божественнаго желанія, да исправляются молитвы вѣрныхъ, яко кадило предъ Богомъ, и да низводятъ всякій даръ совершенный свыше отъ Отца свѣтовъ, при предстательствѣ преблагословенныя Богородицы, и Святителя Николая, и Преподобнаго Сергія, призваннымъ сему храму и сей обители, благочестіемъ и вѣрою предшественниковъ нашихъ.

Но, можетъ быть, мы поспѣшили мнѣніемъ о славѣ храма первой и послѣдней, не вникнувъ предварительно, что такое слава храма первая и послѣдняя. Возвратимся къ проповѣди Пророка, и къ храму Іерусалимскому, на который можно взирать частію, какъ на образецъ храмовъ и судебъ ихъ: поелику онъ созданъ Соломономъ по образу скиніи Моисеевой, а сія по образу, показанному на горѣ Богомъ.

Поклонники храма Іерусалимскаго славу храма полагали, кажется, наиболѣе съ его великолѣпіи. Къ сему народному понятію примѣняется Пророкъ, когда говоритъ Іудеямъ: *кто отъ васъ, иже видѣ*

храмъ сей въ славѣ его прежней? И како вы видите его нынѣ, якоже несуща предъ вами? Сіе сказано потому, что храмъ, который они созидали, былъ малъ и скуденъ въ сравненіи съ прежнимъ разрушеннымъ.

Но далѣе, когда Пророкъ возвѣщаетъ пророчески провидѣнную и разумѣваемую славу храма, онъ уже не держится народнаго мнѣнія, а исправляетъ оное и возвышаетъ. Къ сему, безъ сомнѣнія, клонятся слѣдующія слова: *Мое сребро и мое злато, глаголетъ Господь Вседержитель.* То есть: не думайте, чтобы храмъ былъ славенъ только тогда, когда исполненъ сребромъ и златомъ, и напротивъ безславенъ, когда скуденъ. Не много въ семъ разности для Бога, Который обладаетъ не только сребромъ и златомъ храма, но сребромъ и златомъ всего міра. Онъ и обогащаетъ храмъ Свой, когда восхощетъ, и безъ видимаго великолѣпія можетъ дать ему славу, которая выше всякаго великолѣпія.

Но въ чемъ же, по лучшему разумѣнію, состояла слава Іерусалимскаго храма, Которую Пророкъ называетъ первою? Отвѣтъ на сіе можно найти въ повѣствованіи объ освященіи сего храма при Соломонѣ. *И бысть,* повѣствуетъ книга Царствъ, *егда изыдоша Іереи изъ Святилища, и облакъ исполни храмъ Господень. И не можаху Іереи стати служити отъ лица облака, яко исполни слава Господня храмъ* (3 Цар. VIII. 10. 11.). Очевидно, что здѣсь *славою Господнею* называется чудесный *облакъ,* осѣнившій и наполнившій храмъ, и бывшій

видимымъ знаменіемъ невидимаго, благодатнаго присутствія Божія.

Слѣдуетъ другой вопросъ: что значитъ возвѣщаемая Пророкомъ Іерусалимскому храму *велія слава послѣдняя паче первыя?* — Вопросъ не такъ легкій къ разрѣшенію, какъ первый, даже затрудняемый разрѣшеніемъ перваго. Если первую славу храма Іерусалимскаго, или важнѣйшую часть ея составлялъ чудесный облакъ, знаменующій присутствіе Божіе; но сего чудеснаго знаменія не видно во второмъ храмѣ Іерусалимскомъ, воздвигнутомъ послѣ плѣненія Вавилонскаго: то гдѣ же *велія слава послѣдняя паче первыя?* Кажется, здѣсь нѣтъ даже и равной съ первою славы. Вспомнимъ еще, что въ первомъ храмѣ Іерусалимскомъ былъ кивотъ завѣта съ Богоначертанными скрижалями, хранилась чудесная манна и жезлъ Ароновъ, чудесно прозябшій: все сіе скрылось съ разрушеніемъ перваго храма, и во второмъ уже не явилось. Гдѣ же *велія слава послѣдняя паче первыя?* Ужѣ она еще впереди? Но храмъ, на который указывалъ Пророкъ Аггей, когда говорилъ отъ имени Божія: *исполню храмъ сей славы,* давно разрушенъ язычниками, бѣдственнѣе перваго. Гдѣ же его послѣдняя слава велія паче первыя? — Вотъ не разрѣшимая загадка для невѣрующаго Іудея. Вамъ, Христіане, надобно было видѣть трудность ея для того, чтобы тѣмъ яснѣе видѣть силу Пророческаго слова, тѣмъ радостнѣе чувствовать торжество вѣры. Ключь къ разрѣшенію загадки Аггея подаетъ намъ другой, слѣдовавшій за нимъ Пророкъ, когда говоритъ. *вне-*

зану пріидетъ въ Церковь Свою Господь, Его же вы ищете, и Ангелъ завѣта, Его же вы хощете: се грядетъ, глаголетъ Господь Вседержитель (Мал. III. 1.). Не трудно понять, что сіе послѣднее пророчество указуетъ на пришествіе Господа нашего Іисуса Христа во вторый Іерусалимскій храмъ: Онъ есть *Господь*, Котораго столь долго *искали*, то есть, ожидали вѣрующіе Ветхаго Завѣта; Онъ *Ангелъ* благодатнаго *Завѣта*, Котораго желали они, какъ своего, равно какъ и нашего, Спасителя. Теперь понятно и Аггеево Пророчество о преимущественной послѣдней славѣ храма, и оказывается удивительно точнымъ. Не величайшая ли та слава храма, когда въ немъ является Самъ Господь славы съ Своимъ животворнымъ словомъ, съ Своими Божественными чудесами? И явился въ немъ Господь нашъ, точно въ послѣднее время, предъ его разрушеніемъ.

И такъ невидимое присутствіе Божіе въ видимыхъ знаменіяхъ — вотъ *первая слава* храма Іерусалимскаго! Видимое присутствіе Бога, явившагося во плоти — вотъ *послѣдняя* слава храма Іерусалимскаго, *велія паче первыя!*

Что посему должно думать о славѣ храма Христіанскаго? — Нѣчто подобное сказанному о славѣ храма Ветхозавѣтнаго, который былъ *сѣнь грядущихъ*, и котораго существенность совершеннѣе познается въ Христіанствѣ.

Мысль о славѣ храма Христіанскаго, конечно, не должно смѣшивать съ мыслію о его благолѣпіи и великолѣпіи. Благословенно и въ Христіанинѣ чув-

ство древняго любителя храма: *Господи, возлюбихъ благолѣпіе дому Твоего* (Псал. XXV. 8.). Благо душѣ, сочувствующей душѣ возлюбленнаго Давида, который говорилъ Пророку Наѳану: *се азъ живу въ дому кедровѣ, ковчегъ же Завѣта Господня подъ кожами* (1 Парал. XVII. 1.). Стыдно, думалъ онъ, жить въ прекрасномъ домѣ, и видѣть домъ Божій безъ свойственнаго ему благолѣпія и великолѣпія; если Богъ благословилъ меня обиліемъ, надобно, чтобы лучшая часть онаго посвящена была даровавшему. Такъ размышляющему не усумнюсь и я сказать съ Пророкомъ: *добрѣ сотворилъ еси, яко бысть на сердцѣ твоемъ сіе. Все, еже въ сердцы твоемъ, твори, яко Господь съ тобою есть.* Но если бы кто сказалъ, что онъ щедрыми приношеніями храму Божію составилъ славу его: то я повторилъ бы ему проповѣдь Аггея Пророка: *Мое сребро, и мое злато, глаголетъ Господь Вседержитель.* Не ты обогатилъ Бога, и прославилъ Его храмъ: Богъ даровалъ тебѣ и дары, которые ты принесъ Ему, и благую мысль посвятить ихъ. Его благодари, о Немъ радуйся, Его прославляй; а въ себѣ смиряйся. Единъ Господь Вседержитель силенъ и властенъ исполнить храмъ Свой славою. Онъ сказалъ о храмѣ Іудейскомъ: *исполню храмъ сей славы*; и дабы знали, откуда произойдетъ она не въ одномъ знаменіи, но въ существѣ и силѣ, Онъ сказалъ еще въ тоже время: *зане Азъ съ вами есмь, глаголетъ Господь Вседержитель: слово, еже завѣщахъ съ вами, егда изходисте изъ земли Египетскія, и Духъ Мой настоитъ посредѣ васъ.*

Подобно и намъ, Христіане, сказалъ Господь нашъ: *идѣже аще два или тріе собрани будетъ во имя Мое; ту есмь и Азъ посредѣ ихъ*; и въ семъ завѣтномъ словѣ, дѣйственномъ и непреходящемъ, положилъ неоскудѣвающее начало славы для храмовъ Христіанскихъ, которые для того и существуютъ, чтобы собирать вѣрующихъ во имя Его. Здѣсь Онъ, посреди насъ, въ словѣ Евангелія, въ облакѣ таинствъ, въ духѣ и пламени молитвъ единодушныхъ. И поелику, гдѣ Богъ и прославленный Богочеловѣкъ, тамъ и небо, всегда исполненное славы: то воистину, Господи, *со храмъ стояще славы Твоя на небеси стояти мнимъ*. Вотъ существенная слава храма Христіанскаго.

Но какъ слово Пророческое дало намъ мысль о славѣ храма первой и послѣдней, большей первыя: то не ожидаетъ ли чего подобнаго и Христіанскій храмъ? — Ожидаетъ и Онъ втораго славнаго пришествія Христова: но оно послѣдуетъ не для того, чтобы дать высшую степень славы земнымъ храмамъ Христіанскимъ, а для того, чтобы истинныхъ поклонниковъ сихъ храмовъ возвести въ нерукотворенный храмъ небесной славы, которая и есть *послѣдняя*, потому что ею все заключается, и вмѣстѣ никогда не будетъ *послѣднею*, потому что есть вѣчная.

Приготовляя насъ къ славѣ храма небеснаго, храмъ славы Божіей на земли ожидаетъ еще нѣкоей посредствующей славы, которая, какъ и всякая истинная слава, даруется Богомъ, но которой обрѣтеніе предоставлено нашей вѣрѣ и нашей ревности.

Какъ въ Ветхозавѣтномъ храмѣ слава знаменій, чудесъ, прообразованій должна была вести къ славѣ явленія Іисусъ Христова: такъ въ Новозавѣтномъ храмѣ слава благодатнаго присутствія Господня въ Словѣ Его, въ таинствахъ, въ молитвахъ, должна вести къ славѣ *вселенія Христа вѣрою въ сердца наша*, какъ изъясняется святый Апостолъ Павелъ (Ефес. III. 13.). Надлежитъ намъ, входящимъ въ храмъ Божій, по другому изреченію Апостола, и самимъ содѣлаться *Церквами Бога жива* (2 Кор. VI. 16.), *и Духу Божію жить въ насъ* (1 Кор. III. 16.), или, по изреченію другаго Апостола, надлежитъ приходящимъ во храмъ ко Господу, *камени живу, отъ человѣкъ убо уничижену, отъ Бога же избранну, честну, и самимъ, яко каменію живому, созидатися въ храмъ духовенъ* (1 Пет. II. 4. 5.). Еще и Ветхомъ Завѣтѣ, издалека, но уже ясно, Богъ показываетъ сіе послѣднее назначеніе Христіанъ, быть живыми храмами Божіими: *вселюся въ нихъ, и похожду, и буду имъ Богъ, и тіи будутъ мнѣ людіе* (Лев. XXVI. 15.). Подумайте, какая была бы это слава для храма, когда бы наполняющіе пространство его были вообще духовными, живыми храмами Божіими, исполненными Духа Божія. Какъ разливался бы свѣтъ Христовой истины! Какъ многоплодны были бы молитвы! Какъ ощутительна сила таинствъ! Какъ сладостны духовныя общенія! Какъ сильна взаимная духовная помощь! Какъ легки чудеса, когда только нужны! И было такъ въ Церкви: потому что Апостолъ утвердительно, и вообще говоритъ Христіанамъ сво-

его времени: *вы есте Церкви Бога жива. Егда сходится,* то есть во храмъ на Богослуженіе, *кійждо васъ псаломъ имать,* то есть, пѣснь, вдохновенную сму Духомъ Святымъ, *ученіе имать, языкъ имать,* то есть, чудесный даръ говорить неизученнымъ языкомъ, *откровеніе имать, сказаніе имать* (1 Кор. XIV. 26.), то есть, истолкованіе невразумительнаго другимъ. Такъ же ли въ Церкви нынѣ? Кажется, намъ уже не до того въ храмахъ нашихъ, чтобы домогаться *великій славы послѣдней, паче первыя.* Не должно ли оплакивать оскудѣніе *славы первыя?*

Позаботимся, братія, о душахъ нашихъ, предназначенныхъ быть храмами Божіими. Утѣшительно помыслить, что Господь отчасти, хотя сокровенно, уже обитаетъ въ насъ благодатію крещенія и другихъ таинствъ: но если мы не печемся охранять Его въ насъ жилище въ чистотѣ и святынѣ, то есть, *очищать себя отъ всякія скверны плоти и духа и творить святыню въ страхъ Божіи* (2 Кор. VII. 1.); если небрежемъ оглашать внутренно нашъ душевный храмъ Словомъ Божіимъ, возжигать въ немъ свѣтильникъ вѣры и любви, облагоухать его молитвою: опасно, братія, чтобы Святый, и во Святыхъ почивающій, не возгнушался недостойною обителію, и не изрекъ, подобно какъ на древній храмъ и Іерусалимъ, рѣшительнаго суда: *се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ* (Матѳ. XXIII. 38.). Неослабными усиліями да отражаемъ приражающихся Вавилонянъ, то есть, лукавые помыслы, нечистыя страсти, плотскія похоти, чтобы не возобладали на-

ми, и не разорили въ насъ храма Божія; если же по несчастію и сіе случилось, да возстанемъ, какъ Іисусъ и Зоровавель, и да возставимъ въ себѣ храмъ Божій невозвратнымъ покаяніемъ, слезными молитвами, дѣлами человѣколюбія и милосердія, и всякаго рода благимъ духовнымъ дѣланіемъ, и да исполнитъ Господь храмъ Свой славы отъ времени до вѣчности. Аминь.

25. СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА.

Ты же сыне человѣчь, покажи дому Іизраилеву храмъ, и да престанутъ отъ грѣховъ своихъ. Іез. XLIII. 10.

Если слово сіе не даромъ лежитъ въ священныхъ книгахъ; если, какъ увѣряетъ Апостолъ, *елика преднаписана быша, въ наше наказаніе преднаписашася* (Рим. XV. 4.): то къ кому изъ насъ сіе слово? Кому дается сіе повелѣніе? Къ кому препосылается сіе увѣщаніе?

Послѣ другихъ, не простирается ли, можетъ быть, и ко мнѣ повелѣніе: показать храмъ тѣмъ, которые могутъ смотрѣть на него со вниманіемъ, особенно теперь, когда храмъ только что явился въ своемъ существѣ и дѣйствіи, потому что *слава Господня вниде во храмъ* (Іез. XLIII. 4.)?

Не должно ли, можетъ быть, и предстоящимъ въ семъ храмѣ, и видящимъ новоявленную святыню сію, напомнить древнее увѣщаніе: *да престанутъ отъ грѣховъ своихъ?*

Грѣхи народа Іудейскаго, — холодность къ истинной вѣрѣ, пристрастіе къ суевѣріямъ языческимъ, корыстолюбіе, роскошь, неправда, угнѣтеніе сильными слабыхъ, непослушаніе подчиненныхъ властямъ, возрастшія до разстройства жизни частной и общественной, послѣ безплодныхъ обличеній отъ Пророковъ, послѣ частныхъ и непродолжительныхъ наказательныхъ посѣщеній Божіихъ, привлекли наконецъ рѣшительный судъ Божій. Іерусалимъ взятъ и разрушенъ Вавилонянами. Храмъ Соломоновъ сожженъ. Іудеи отведены въ плѣнъ Вавилонскій. Прекратилось законное Богослуженіе: потому что хотя оставались священники, но не было закономъ опредѣленнаго и освященнаго мѣста для Богослуженія. Неудивительно, если горесть Іудеевъ доходила до отчаянія: потому что въ прежнихъ наказаніяхъ Божіихъ гладомъ, войною, моромъ, они имѣли утѣшеніе и надежду въ святомъ храмѣ, который показывалъ, что союзъ ихъ съ Богомъ не вовсе прерванъ, и что путь къ умилостивленію Его еще открытъ; но когда Богъ, отвергая согрѣшившій народъ, отвергъ и мѣсто Свое Святое, тогда отверженіе казалось окончательнымъ и гнѣвъ неумолимымъ. Въ сіе-то безнадежное, по видимому, время Богъ беретъ между плѣнниками Вавилонскими Пророка Іезекіиля, ведетъ его въ духѣ въ опустошенный Іерусалимъ; на развалинахъ и пепелищѣ храма показываетъ ему цѣлый храмъ, его устройство, размѣры, законы, присутствіе въ немъ славы Божіей; и повелѣваетъ тайновидцу, посредствомъ пророчествованія, показать прочимъ Іудеямъ сіе сколь вели-

чественное, столь же утѣшительное зрѣлище, котораго не могли они видѣть обыкновенными глазами. *Ты же сыне человѣчь покажи дому Израилеву храмъ.*

То есть. скажи дому Израилеву, что храмъ Божій не въ конецъ разрушенъ; что можно видѣть его въ духѣ, хотя и нѣтъ его для очей тѣлесныхъ; что надъ развалинами его носится его таинственный образъ; что тамъ дѣло идетъ о его устройствѣ, размѣрахъ, законахъ, а сіе бываетъ тогда, когда готовятся созидать новый храмъ; что слѣдственно есть надежда видѣть новый храмъ Божій, и есть надежда Іудеямъ вновь быть народомъ Божіимъ, потому что Богъ не станетъ созидать безлюдный храмъ. *Покажи дому Израилеву храмъ.*

Слышащіе сіе теперь, могутъ подумать, что сіе до нихъ не касается. Мы не Іудеи, скажутъ они, не имѣли несчастія по грѣхамъ лишиться своего храма; но имѣемъ благословеніе Божіе видѣть храмъ, благочестивымъ усердіемъ воздвигнутый, и благодатію Божіею освященный. Признаю и я надъ дѣломъ вашимъ благословеніе Божіе; сорадуюсь вамъ; призываю продолженіе благословенія Божія. Но не торопитесь съ вашими прекословными помыслами. Вы тотчасъ услышите то, что вѣрно не до однихъ Іудеевъ касается.

Покажи храмъ, глаголетъ Господь, *и да престанутъ отъ грѣховъ своихъ.* Покажи храмъ: но не просто, не для одного любопытства, не для одного утѣшенія симъ видѣніемъ, но для того, чтобы сіе видѣніе произвело въ видящихъ дѣйствіе, и дѣй-

ствіе сильное и рѣшительное : *да престанутъ отъ грѣховъ своихъ.*

О Господи, *обличаяй, и наказуяй , и научаяй, и обращаяй, яко пастырь стадо свое* (Сир. XVIII. 13). ! Развѣ можетъ видѣніе храма Твоего имѣть сію врачебную и спасительную силу? Развѣ можетъ оно способствовать согрѣшающимъ, *да престанутъ отъ грѣховъ своихъ?* О, если бы Ты научилъ насъ, какъ съ успѣхомъ употребить сіе средство къ нашему исправленію и усовершенію, — насъ, которые послѣ желанія и вознамѣренія престать отъ грѣховъ своихъ, даже и не примѣчаемъ иногда, какъ впадаемъ во грѣхи, то прежніе, то новые!

Нѣтъ сомнѣнія , что сіе размышленіе и желаніе раздѣляютъ со мною многіе, и такимъ образомъ открывается , что слово Божественнаго откровенія, которымъ теперь мы занимаемся, касается не до однихъ Іудеевъ, но съ пользою можетъ коснуться до сердца всякаго, согрѣшившаго предъ Богомъ. Будьте же внимательны. Дѣло точно до насъ касается.

Представляемое Іудеямъ чрезъ Пророка видѣніе новаго храма, по необходимости должно было привесть имъ на память прежній храмъ, созданный Соломономъ, и непремѣнную судьбу бывшаго храма, которая не можетъ измѣниться и для будущаго. Судьбу сію опредѣлилъ Богъ, когда, по совершеніи и освященіи храма, въ видѣніи Соломону сказалъ между прочимъ : *аще отвращающеся отвратитеся вы и чада ваша отъ Мене, и не сохраните заповѣдей Моихъ и повелѣній Моихъ;—и храмъ сей,*

егоже освятихъ имени Моему, отвергу отъ лица Моего (3 Цар. IX. 67.). Сколь непреложна судьба сія, Іудеи дознали печальнымъ опытомъ, въ разрушеніи сего храма Вавилонянами. На все сіе указуетъ Богъ, когда глаголетъ Іезекіилю: *покажи дому израйлеву храмъ.*

То есть: представь дому Израилеву образъ новаго храма, и тѣмъ самымъ приведи на память судьбу храма прежняго, которая, какъ основанная на правдѣ вѣчной, не можетъ не быть судьбою и новаго; и пусть помыслятъ Іудеи, что должно имъ дѣлать. Если пріятно и вожделѣнно имъ видѣніе новаго храма: то пусть позаботятся о сохраненіи храма Если заботятся о сохраненіи храма: то пусть вспомнятъ, что грѣхи разрушили храмъ. Если знаютъ, что грѣхами разрушается храмъ: то пусть перестанутъ быть разрушителями храма. *Покажи дому Іизраилеву храмъ, и да престанутъ отъ грѣховъ своихъ.*

Видите, какъ сильно увѣщевало Іудеевъ видѣніе храма, чтобы они престали отъ грѣховъ своихъ. Но не тоже ли, Христіане, и намъ говоритъ видѣніе нынѣ новаго храма?

Господь Христіанскаго храма, Господь сего храма, не есть ли тотъ самый Богъ, Который нѣкогда храмъ Іудейскій, по благоволенію Своему воздвигнулъ, благодатію Своею освятилъ, во гнѣвѣ Своемъ за грѣхи дважды отвергнулъ, и предалъ опустошенію? Правда, во храмѣ Христіанскомъ, преимущественно предъ древнимъ Іудейскимъ, Богъ является Бо-

гомъ милосердія и благодати въ Единородномъ Сынѣ Своемъ Іисусѣ Христѣ, Спасителѣ грѣшныхъ: но пересталъ ли Онъ,—можетъ ли вѣчный перестать — быть также и *Богомъ правды?* Итакъ судьба перваго храма въ мірѣ не простирается ли на всѣ храмы до послѣдняго въ мірѣ? И надъ симъ новоосвященнымъ храмомъ не изрекается ли отъ Вышняго, угрожающее вмѣстѣ и предохраняющее, опредѣленіе: *аще отвращающеся отвратитеся вы и чада саша отъ Мене, и не сохраните заповѣдей Моихъ,—и храмъ сей, его же освятихъ имени Моему, отвергу отъ лица Моего,* или видимымъ отверженіемъ осквернения и опустошенія, или невидимымъ отъятіемъ благословляющей и благодѣющей руки, сокрытіемъ благодатной силы святилища? А изъ сего не слѣдуетъ ли уже само собою и сіе увѣщаніе: *покажи храмъ, и да престанутъ отъ грѣховъ своихъ?* Пусть берегутся устроители храма, чтобы не быть его разрушителями. Утѣшающіеся благодатнымъ видѣніемъ храма да остерегаются того, что ведетъ къ лишенію сего видѣнія, сея благодати. *Да престанутъ отъ грѣховъ своихъ.*

Скажетъ ли кто: желаю престать отъ грѣховъ, но не знаю, какъ сего достигнуть?—Хорошо. Я покажу тебѣ одно изъ ближайшихъ средствъ для наученія сему. Сіе средство есть храмъ. Ибо, сверхъ прославленія Бога, во храмѣ не инымъ чѣмъ занимаются, какъ тѣмъ, чтобы отвести человѣка отъ грѣховъ, и обратить къ добродѣтели. Не сему ли учатъ Пророческія и Апостольскія писанія, которыя здѣсь читаютъ? Не сему ли учатъ священныя пѣсни, ко-

торыя здѣсь воспѣваются? Не сему ли учатъ примѣры Святыхъ, которые сдѣсь ежедневно представляются? Приходи, внимай, и научишься и умудренъ будешь. Показую тебѣ храмъ, да престанешь отъ грѣховъ своихъ.

Скажетъ ли кто еще: желаю престать отъ грѣховъ, но не имѣю силы освободиться отъ нихъ? Не спорю противъ сего признанія, и поспѣшаю показать тебѣ близкое, отверзтое хранилище силы духовной. Сіе хранилище есть храмъ. Что могущественнѣе Слова Божія, которымъ сотворено все, и которымъ возсозидается все? Здѣсь оно дѣйствуетъ. Что сильнѣе молитвы, которая проходитъ облаки и преклоняетъ къ себѣ Вышняго? Здѣсь она живетъ, какъ въ своемъ домѣ: ибо храмъ, по слову Писанія, есть *домъ молитвы* (Лук. XIX. 46.). Что благотворнѣе присутствія Господа нашего Іисуса Христа, Который для того и *пріиде въ міръ, чтобы грѣшныя спасти* (1 Тим. I. 15)? Здѣсь Онъ присутствуетъ и духовно, по Своему непреложному обѣщанію: *идѣже еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Матѳ. XVIII. 20.), и ощутительнѣе, нежели духовно, въ пречистомъ Тѣлѣ Своемъ, за насъ ломимомъ, во оставленіе грѣховъ, и въ Божественной Крови Своей, за насъ изливаемой во оставленіе грѣховъ. Что суть и всѣ совершаемыя здѣсь таинства, какъ не сосуды, въ коихъ благодатная Божественная сила, побѣдоносная надъ зломъ, благопомощная для добра, заключена и открыта — заключена видимо, открыта невидимо; заключена для испытующаго разума, открыта для

вѣрующаго сердца; заключена для невнимательнаго и некающагося грѣшника, открыта для искренно кающагося, и подвизающагося о своемъ исправленіи? Приходи, приступай, очищайся, укрѣпляйся и побѣдишь зло, и успѣешь во благѣ. Показую тебѣ храмъ; да престанешь отъ грѣховъ своихъ.

Се гласъ отъ храма глаголющаго ко мнѣ, и мужъ, то есть, Ангелъ, *стояше близъ мене*, — сказуетъ тайновидѣцъ храма. Если бъ и наши очи, братія святаго храма сего, были отверзты для видѣнія таинъ: и мы увидѣли бы въ семъ храмѣ Ангеловъ, съ нами входящихъ, съ нами служащихъ, какъ *посылаемыхъ въ служеніе за хотящихъ наслѣдовати спасеніе* (Евр. I. 14.). Что же, думаете, сіи чистые и вѣрные служители Божіи глаголютъ, когда видятъ насъ во храмѣ невнимательныхъ, неочищенныхъ, лѣностныхъ къ молитвѣ, не приступающихъ къ таинствамъ, не отложившихъ всякое житейское попеченіе, не возненавидѣвшихъ грѣха совершеннѣйшею ненавистію? Не дивятся ли они несообразности нашихъ расположеній? На что жъ, говорятъ они, — на что симъ людямъ святый храмъ, если они не пекутся о своемъ освященіи? Не ужели для того, чтобы онъ былъ только свидѣтелемъ ихъ нерадѣнія, къ горшему осужденію за то, что не пользуются столь близкимъ и удобнымъ пособіемъ ко спасенію? *Сыне человѣчь, покажи* сему новому *дому Іизраилеву храмъ, и да престанутъ отъ грѣхъ своихъ.*

Сколько дано моей мѣрности, я показалъ вамъ, братія, храмъ, какъ средство и пособіе освященія. Благодать Божія, отнынѣ здѣсь обитающая, и отсю-

да исходящая, да споспѣшествуетъ вамъ, если кто изъ васъ еще не оставилъ, оставить небрежную жизнь грѣховную, и утвердиться во благочестіи и во всякой добродѣтели, да въ Церкви Бога жива, и сами будете Церкви Бога жива, въ нихже Духъ Божій живетъ и жить будетъ во вѣки. Аминь.

26. СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА НА КЛАДБИЩѢ.

Скры мя въ селеніи въ день золъ моихъ, покры мя въ тайнѣ селенія своего. Пс. XXVI. 5.

Благодатію Всесвятаго и всеосвящающаго Духа, освященъ нынѣ храмъ сей, чтобы ему быть небоподобнымъ жилищемъ Божіимъ, святилищемъ таинствъ, прорицалищемъ Слова Божія, лѣствицею, досязающею до небесъ, для восхожденія молитвъ вѣрыхъ къ престолу Всевышняго.

Благословенъ Богъ благоволивый тако, ради споспѣшествованія спасенію душъ нашихъ. Благословенны раби Божіи, споспѣшествовавшіе сему дѣлу благодати, попеченіемъ, трудомъ, соединеніемъ доброхотныхъ даяній, изъ коихъ и малая лепта будетъ имѣть не низкую, а можетъ быть, и очень высокую цѣну предъ очами Бога, взирающаго на сердце дателя. Благословеніе Бога Отца да осѣняетъ, свѣтъ Іисуса Христа, Сына Божія, да просвѣщаетъ, крило Святаго Духа да покрываетъ, нынѣ и присно, вся-

кую душу человѣка, входящаго во святилище сіе съ вѣрою и любовію къ Богу, съ молитвою и упованіемъ на Него, съ признаніемъ своея немощи и грѣховности, съ желаніемъ Благодати Его, для исполненія заповѣдей Его. Истинный Богъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Который есть воскрешеніе, и животъ, и покой умершихъ о Господѣ, по молитвамъ вѣры, здѣсь приносимымъ, да исполняетъ до совершенія мѣру покоя, да утверждаетъ надежду блаженнаго воскресенія, душамъ, въ покаяніи и вѣрѣ скончавшихся, коихъ тѣлеса окрестъ храма сего почиваютъ на упованіи воскресенія.

Поелику же особенность освященнаго нынѣ храма есть та, что онъ созданъ на мѣстѣ погребенія усопшихъ о Господѣ: то сіе подаетъ намъ случай и побужденіе, нѣчто сказать о благочестивомъ обыкновеніи созидать храмы Божіи на мѣстахъ погребенія усопшихъ, и погребать усопшихъ при храмахъ Божіихъ.

Храмъ нуженъ не Богу, Котораго престолъ есть небо, и земля подножіе, и Котораго вселенная не вмѣщаетъ, но человѣку для прибѣжища къ Богу, чрезъ всевозможное устраненіе отъ суеты тварей, въ которой чувство присутствія Божія потеряно. Такъ опредѣляется мѣсто храма: подобнымъ образомъ опредѣлены быть могутъ и особенные часы храма. Особенно нуженъ человѣку храмъ Божій, во-первыхъ, въ часъ благоговѣнія, для принесенія славы Богу, яко Богу, Всевышнему, Всесовершенному, славословіе Котораго есть рай и блаженство даже на земли; во-вторыхъ, въ часъ радости, для прине-

сенія благодаренія Богу Творцу, Промыслителю, Спасителю; въ-третьихъ, въ часъ душевной скорби, для изліянія души предъ Богомъ, Который, въ откровеніи Своемъ, благоволилъ между прочимъ явить себя въ имени *Утѣшителя*.

На сіе послѣднее употребленіе храма Божія, то есть, на употребленіе онаго во время печали, указуетъ Святый Давидъ, когда, паче всего прося и взыскуя отъ Господа, чтобы *посѣщати храмъ святый Его* (Псал. XXVI. 4.), поставляетъ сему въ причину: — *яко скры мя въ селеніи Своемъ въ день золъ моихъ, покры мя въ тайнѣ селенія Своего.* Слова сіи, можетъ быть, относятся къ тому дню житія Давидова, когда онъ, въ смертной опасности отъ Саула, въ бѣгствѣ, одинъ, безъ оружія, безъ хлѣба, безъ помощи, пришелъ въ скинію Божію въ Номвѣ, и хотя тутъ былъ на то время Доикъ, сдѣлавшійся послѣ доносителемъ Саулу на Давида, и проливщій за него кровь многихъ невинныхъ, однако и Доикъ Давиду въ сіе время не повредилъ, и Саулу его не предалъ, и Первосвященникъ Авимелехъ, даже съ отступленіемъ отъ закона, снабдилъ Давида хлѣбомъ освященнымъ, и мечемъ Голіаѳа, для защиты въ случаѣ нападенія. Сей случай есть одинъ изъ тѣхъ, въ которыхъ Богъ вѣру и благочестивое довѣріе человѣка, прибѣгающаго ко храму Его въ труднѣйшіе часы жизни, оправдываетъ, по видимому, случайнымъ, по удивительно вѣрнымъ въ его пользу направленіемъ и обстоятельствъ, и свободныхъ расположеній другихъ человѣковъ. Впрочемъ сей ли точно случай былъ въ мысляхъ

Псалмопѣвца, или нѣтъ: но поелику онъ желаетъ всегда посѣщать храмъ Божій, и даже *жить въ дому Господнемъ*, по той причинѣ, что Господь скрылъ его въ селеніи своемъ въ день золъ: то изъ сего видно, что онъ приписываетъ храму Божію постоянное преимущество, быть прибѣжищемъ для бѣдствующихъ и печальныхъ, крѣпкою оградою безопасности, сокровищницею благодатнаго утѣшенія.

Смерть, по обыкновенному понятію, и по естественному чувствованію, не есть ли верхъ золъ? Смерть любезныхъ намъ не есть ли полнота скорбей? — Итакъ полезно и благодѣтельно, чтобы на краю могилы, гдѣ съ любезными намъ погребается наше благополучіе, наши радости, наши надежды, стоялъ храмъ Божій, куда можно принести самую горькую печаль, чтобы получить, колико сладостное, толико же вѣрное утѣшеніе. Да внидетъ сюда провождающій новопреставленнаго, или еще скорбящій о давно умершемъ, и да услышитъ сострадательное увѣщаніе Апостола: *братіе, о умершихъ да не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія* (1 Сол. IV. 13.). Да внидетъ осиротѣвшій, и падетъ въ объятія *Отца сирыхъ*. Да внидетъ вдовица, и, съ надеждою неизмѣннаго покровительства, припадетъ къ *Судіи вдовицъ* (Псал. LXVII. 6.). Да внидетъ лишившійся дѣтей, и найдетъ ихъ въ вѣрныхъ рукахъ неизреченно благаго и благодѣтельнаго Любителя дѣтей, глаголющаго и нѣкоторымъ родителямъ, какъ нѣкогда сказалъ Апостоламъ: *оставите дѣтей, и невозбраняйте имъ пріити ко Мнѣ, таковыхъ бо есть царство небесное* (Мат. XIX.

14.). Всякъ, пораженный зрѣлищемъ смерти, да внидетъ сюда, во храмъ за насъ Умершаго, и ради насъ Воскресшаго, и да воскреснетъ духомъ, внявъ слову воскресенія: *аще бо вѣруемъ, яко Іисусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершія во Іисусѣ*, то есть, съ вѣрою въ Него, *приведетъ съ Нимъ* (1 Сол. IV. 14.). Изъ сего краткаго разсужденія можете усмотрѣть, братія, какъ сообразенъ съ назначеніемъ храма, какъ нравственно полезенъ, обычай устроять храмы при мѣстахъ погребенія, и погребать при храмахъ.

Но должно признаться, что сіе изъясненіе не будетъ еще удовлетворительно для тѣхъ, которые знаютъ, что для обычая Церковнаго, дабы онъ былъ правиленъ и чистъ, не довольно того, чтобы онъ основанъ былъ на благовидныхъ соображеніяхъ и чаемой пользѣ; а надобно, чтобы онъ глубже и непоколебимѣе утвержденъ былъ на непреложномъ и прямомъ свидѣтельствѣ Слова Божія, или по закону единства Церкви, на вѣрномъ преданіи отъ первыхъ образцовыхъ временъ Христіанства. Войдемъ въ нѣкоторое изъясненіе, чтобы, по возможности, удовлетворить и сему требованію.

Обычай Іудейской Церкви въ обращеніи съ умершими, утвержденный Моисеевымъ закономъ, далеко разнится отъ обычая Церкви Христіанской. Тамъ прикоснувшійся къ умершему почитался нечистымъ, и мѣсто, гдѣ лежалъ умершій, почиталось нечистымъ. Посему тамъ, положить умершаго во дворѣ храма, значило бы осквернить храмъ. Пос-

му такъ было въ Церкви Ветхозавѣтной, а не такъ въ Церкви Новозавѣтной? — Смерть была нечиста отъ Адама, какъ нечистый плодъ грѣха его. Но Христосъ очистилъ и освятилъ смерть Своею пречистою и пресвятою смертію. Отъ Его Богопричастнаго тѣла, за насъ пострадавшаго, отъ Его Божественныя крови, за насъ пзліянныя, простерлась очистительная сила на все человѣчество, преимущественно же на тѣхъ, которые пріобщены къ таинственному тѣлу Его, чрезъ таинства святаго Крещенія и святыя Евхаристіи. Посему для насъ, Христіане, смерть можетъ быть также чиста, какъ жизнь; и умершіе, наравнѣ съ живыми, могутъ принадлежать храму Господню; потому что, наравнѣ съ живыми, принадлежатъ Господу. *Никтоже бо насъ,* по ученію Апостола, *себѣ живетъ, и никтоже себѣ умираетъ. Аще бо живемъ, Господеви живемъ, аще же умираемъ, Господеви умираемъ. Аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы* (Рим. XIV. 7. 8.). По сей принадлежности всѣхъ Единому Господу, тогда, какъ живые стоятъ во храмѣ Господнемъ, умершіе, какъ-бы продолжая пребывать въ общеніи Церковномъ, почиваютъ окрестъ храма; нѣкоторые же, которые достовѣрнѣе и совершеннѣе другихъ усвоены Господу, и.которыхъ *смерть* преимущественно *честна предъ Господемъ* (Псал. CXV. 6.), какъ то, святые мученики, по обычаю, сохраненному священнымъ преданіемъ, почиваютъ тѣлесами своими подъ самымъ олтаремъ храма. Одни упокоиваются тайнодѣйственною и молитвенною силою олтаря: другіе самому освященію олтаря

споспѣшествуютъ силою своихъ молитвъ и данныя имъ благодати.

Можемъ и въ Словѣ Божіемъ показать основаніе сего обычая, преданіемъ въ Церкви сохраненнаго. *Глаголано бысть Моисею хотящу сотворити скинію: виждь бо, рече, сотвориши вся по образу, показанному ти на горѣ* (Евр. VIII 5.). Но что показано ему на горѣ? – *образъ и тѣнь небесныхъ вещей*, какъ сказуетъ Апостолъ. Итакъ вотъ коренный законъ храма, который нѣтъ причины отмѣнить и для храма Христіанскаго: храмъ долженъ быть сотворенъ во всемъ, какъ можно, по образу вещей небесныхъ, показанныхъ достойному созерцателю. Какъ образъ небесныхъ вещей для храма Ветхозавѣтнаго созерцалъ Моисей на горѣ Синаѣ: такъ образъ небесныхъ вещей для храма Новозавѣтнаго показанъ былъ Іоанну Богослову въ откровеніи, гдѣ онъ между прочимъ сказуетъ: *видѣхъ подъ олтаремъ души избіенныхъ за слово Божіе, и за свидѣтельство, еже имѣяху*, то есть, души святыхъ мучениковъ (Апок. VI. 9.). Не намъ, и не теперь открывать тайну, для чего тамо души святыхъ мучениковъ сокрыты до времени подъ олтаремъ, а не ликуютъ окрестъ олтаря: довольно для настоящаго разсужденія замѣтить, какъ вѣрно въ видимой православной Церкви все сотворено по образу небесныхъ вещей. Тамъ, въ славномъ храмѣ небесномъ, души святыхъ мучениковъ подъ олтаремъ: и здѣсь, въ земномъ таинственномъ храмѣ, мощи Святыхъ подъ олтаремъ. Если же прилично тѣлесамъ Святыхъ почивать подъ самымъ олтаремъ святаго храма: то

не неприлично и то, чтобы тѣлеса вѣрныхъ почивали окрестъ олтаря и храма.

Примѣчай, душа Христіанская, священную и даже таинственную важность обыкновенія, тѣла усопшихъ о Господѣ полагать при храмѣ Господнемъ. Онѣ достойны сей почести потолику, поколику сами суть храмы Божіи, члены тѣла Хрістова, жилища Святаго Духа. Помышляй о семъ часто, со вниманіемъ, пока носишь земное тѣло; и со тщаніемъ очищай свое тѣло воздержаніемъ, освящай упражненіями благочестія, устрояй ему нетлѣнную одежду изъ дѣлъ вѣры и добродѣтели, дабы, когда ты отложишь свое тѣло, и его положатъ близъ святилища Господня, не возгнушалась онымъ святыня Господня, какъ неочищеннымъ отъ растлѣнія Адамова и твоего собственнаго, и не отринула отъ себя жребія твоего ко жребію тѣхъ, *ихже расточишася кости при адѣ* (Пс. CXL. 7.), но воспріяла тебя *въ наслѣдіе нетлѣнно, и нескверно, и не увядаемо, соблюдено на небесѣхъ* (1 Пет. I. 4.). Аминь.

27. СЛОВО

НА ОБНОВЛЕНІЕ ДРЕВНЯГО ХРАМА УСПЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ 1844 ГОДА, СЕНТЯБРЯ ВЪ 28 ДЕНЬ.

Ты воскресъ ущедриши Сіона: яко время ущедрити его, яко пріиде время. Яко благоволиша раби Твои каменіе его: и персть его ущедрятъ. Псал. CI: 14. 15.

Что это за камни Сіона, о которыхъ благоволятъ рабы Господни? — Что за персть, которая имъ любезна? — Это камни и персть разрушеннаго Іерусалима, и особенно разрушеннаго древняго святаго храма Іерусалимскаго. Пророкъ смотритъ на сіи развалины во времена плѣненія Вавилонскаго; смотритъ въ то же время на душевныя расположенія народа Іудейскаго: и на семъ воззрѣніи основываетъ надежду новаго благоволенія Божія къ Іерусалиму и храму.

Ты воскресъ ущедриши Сіона. То есть: Богъ умилосердится надъ Іерусалимомъ, и возстановитъ Свой храмъ.

Пророкъ дерзаетъ даже опредѣлить, что сіе должно совершиться вскорѣ. *Яко время ущедрити его, яко пріиде время.*

Но почему онъ знаетъ, что сіе будетъ, и должно быть вскорѣ? — *Яко благоволиша раби Твои камение его, и персть его ущедрятъ.* То есть: поелику Іудеи, своими душевными расположеніями, являютъ теперь себя достойными наименованія рабовъ Божіихъ; поелику они даже предъ развалинами храма Божія благоговѣютъ къ его древней святынѣ; съ любовію, съ умиленіемъ взираютъ на самые камни и персть, какъ на остатки святилища, въ которомъ обитала благодать Божія: то должно уповать, что Богъ вскорѣ умилосердится надъ Іерусалимомъ, возстановитъ храмъ Свой, и вновь будетъ обитать въ немъ Своею благодатію.

Надежда сія самымъ дѣломъ исполнилась при Первосвященникѣ Іисусѣ и Князѣ Зоровавелѣ.

Но умѣстно ли говорю я о судьбѣ столь великаго храма, когда думаю о судьбѣ столь малаго храма, какъ сей, въ которомъ теперь мы находимся? — Думаю, что не совсѣмъ неумѣстно. Тотъ и другой суть храмы Единаго истиннаго Бога: потому естественно предполагать нѣкое въ судьбѣ ихъ единство, хотя и при разности многихъ обстоятельствъ. Притомъ и малый храмъ Христіанскихъ таинствъ и Христіанской истины не слишкомъ малъ предъ [illegible]имъ храмомъ сѣней и гаданій.

Двѣсти двадцать семь лѣтъ стоялъ сей древяный храмъ, бывъ созданъ Лаврою Преподобнаго Отца нашего Сергія, въ начальствованіе Преподобнаго

Отца нашего Діонисія; и тогда еще предетавленъ въ покровительство Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, въ память славнаго Ея Успенія, дабы, по сей памяти, Она со благоволеніемъ призирала на него, какъ-бы на Свою Гефсиманію. Время, съ своимъ закономъ истлѣнія, осторожно прикасалось къ тлѣнному веществу, на которомъ положено было благословеніе Святыхъ. Но какъ человѣкъ иногда самъ не довольно бережетъ то, что бережетъ для него природа и Провидѣніе: то наконецъ храмъ сей обреченъ былъ опустѣнію, а въ слѣдъ за тѣмъ и конечному разрушенію огнемъ. Въ сіе время воспомянули мы древнихъ почитателей древняго Іерусалимскаго храма: и какъ они *благоволиша каменіе его*; такъ и намъ самое древо сего нашего храма, и нѣкоторые въ немъ останки древнихъ священныхъ изображеній, показались драгоцѣнными, достойными благоговѣйнаго сохраненія. Но какъ уже не можно было сохранить сей храмъ на прежнемъ его мѣстѣ: то здѣсь, древнее купно и новое, мы *обрѣли мѣсто Господеви, селеніе Богу Іаковлю* (Псал. CXXXI. 5.).

Боже Отецъ нашихъ! *Ты воскресъ ущедриши Сіона.* Ты *воскресишь* во храмѣ семъ древнее благословеніе, и *ущедришь* его новою благодатію. Да будетъ, Господи!

Но что далѣе будетъ съ симъ обновленнымъ храмомъ, и съ новыми окрестъ его смиренными жилищами?—Ты вѣси, Господи! Будетъ то, чему повелитъ быть Твое вседѣтельное Слово, которое нарицаетъ не сущая, яко сущая, возсозидаетъ разру-

шенное, возставляетъ падшее, возвышаетъ смиренное, воскрешаетъ умершее, спасаетъ погибшее. Будетъ то, что испросятъ молитвы Святыхъ и Преподобныхъ Отецъ нашихъ, Сергія, Никона, Михея, Іоасафа, Серапіона, Максима, Діонисія, и прочихъ сподвижниковъ ихъ и сообитателей въ земной, и въ небесныхъ обителяхъ. Будетъ то, чему не воспрепятствуютъ быть наши грѣхи, наши немощи, наше недостоинство.

Нѣкто изъ Отцевъ вопросилъ нѣкоего великаго изъ Отцевъ: какое есть доброе дѣло, которое бы мнѣ сдѣлать, такъ чтобы оно было дѣломъ моей жизни? Авва отвѣтствовалъ: не всѣ дѣла равны для всякаго. Книги говорятъ, что Авраамъ былъ странно-любивъ, и Богъ былъ съ нимъ. Илія любилъ безмолвіе, и Богъ былъ съ нимъ. Давидъ былъ смиренъ, и Богъ былъ съ нимъ. Итакъ въ чемъ душа видитъ для себя хотѣніе Божіе: то и дѣлай. Наипаче же храни сердце свое.

Кто хочетъ подражать Авраамову страннолюбію, Давидову смиренію: тотъ, какъ самые сіи примѣры показываютъ, можетъ упражняться въ сихъ добродѣтеляхъ повсюду: на пути, въ домѣ, въ деревнѣ, въ городѣ, на престолѣ. Такъ ли легко найдетъ себѣ открытое и нестѣсненное поприще тотъ, кто изберетъ дѣломъ жизни своей Иліину любовь къ безмолвію? Гдѣ теперь Иліинъ Кармилъ, или Хоривъ? Гдѣ Іоаннова пустыня? Гдѣ дикія мѣста Палестинскія и Египетскія, которыя чуднымъ образомъ угождающая благодати природа сдѣлала неспособными для обыкновенныхъ селеній человѣческихъ,

чтобы сберечь для жительства земныхъ Ангеловъ? Сонмы сихъ Ангеловъ переселились въ сродное небо; земныя жилища ихъ, едва не безъ остатка, пришли въ запустѣніе; и на поприщѣ духовнаго безмолвія вновь рыщетъ одинокій звѣрь, или скитается полудикій человѣкъ. Переселилась любовь къ безмолвію и въ наши страны, и избрала для себя пещеры, лѣса, мѣста, удаленныя не только отъ жилищъ, но и отъ путей человѣческихъ, чего близкій примѣръ имѣемъ въ Преподобномъ Сергіи: но какъ, по непреложному слову Христову, *не можетъ градъ укрытися верху горы стоя* (Мато. V. 14.); то высоко возрастшая и созрѣвшая любовь къ безмолвію, обыкновенно не оставалась сокрытою; привлекала учениковъ, почитателей, посѣтителей; и отъ самаго множества любителей или почитателей безмолвія, кромѣ другихъ причинъ, почти по необходимости, стало тѣсно безмолвію. Между тѣмъ и пустыни нашихъ странъ, по самой природѣ, менѣе южныхъ удобныя для безустройственнаго пустынножительства, съ теченіемъ времени сдѣлались для него менѣе прежняго пространными и свободными, по дѣйствію распространившагося народонаселенія.

Чего же по сему ожидать? Путь Иліи, путь Іоанна Крестителя, путь Антонія Великаго, долженъ ли увидѣть себя оставленнымъ, и возрыдать, подобно какъ нѣкогда, по сказанію Іереміи, *путіе Сіони рыдали, яко нѣсть ходящихъ по нихъ въ праздникъ* (Плачь Іерем. I. 4.)? Міръ, вѣроятно, не почелъ бы сей потери тяжкою: но не такъ думать поучаетъ опытъ вѣковъ. Никто въ городахъ и селе-

ніяхъ Израилевыхъ не нашелъ столько силы, — одинъ Илія въ пустынѣ нашелъ столько силы, — чтобы одному, одною силою духа, побѣдоносно сражаться съ господствовавшимъ въ его время идолопоклонствомъ. Пустыня, а не вселенная, должна была уготовать Іоанна, чтобы онъ сдѣлался способнымъ уготовать путь Господень для спасенія вселенной. Глубокая пустыня и совершенное безмолвіе воспитали Антонія, до возраста великаго, чтобы онъ могъ потомъ духовно родить, такъ сказать, племя и поколѣніе земныхъ Ангеловъ, пустынножительствовавшихъ, общежительствовавшихъ, священноначальствовавшихъ въ Церкви. Сказанное теперь о Святомъ Антоніи можемъ сказать въ другой разъ, если на мѣсто его имени поставимъ имя Святаго Сергія

Итакъ, если для любви къ совершенному безмолвію и въ обителяхъ часто бываетъ тѣсно, и въ дикихъ пустыняхъ не совсѣмъ свободно, а доставить ей благопріятное для нея убѣжище должно быть полезно и нынѣ, какъ полезно было прежде: то гдѣ мы поселимъ ее нынѣ, въ семъ вѣкѣ молвы многія? Не будетъ ли, можетъ быть, ей пріятно поселиться въ малой, простой, уединенной, отъ молвы по возможности огражденной обители, подъ тѣнію обители великой, подобно какъ нѣкогда безмолствующій Варсанофій Великій обиталъ въ совершенномъ уединеніи, подъ тѣнью обители аввы Серида?

Пріиди благословенная любовь къ безмолвію Иліина, Іоаннова, Антоніева, Сергіева! Скрывайся отъ молвы: но не скрывайся отъ ищущихъ [illegible]

твоихъ и слѣдовъ твоихъ, — твоихъ правилъ и твоихъ примѣровъ. Являйся иногда и нещущимъ, способнымъ принять тебя. Ты устраняешь человѣка отъ видѣнія другихъ, и тѣмъ удобнѣе даешь ему увидѣть самого себя; а *сподобившійся увидѣти себе*, по слову одного изъ твоихъ таинниковъ, *лучшій есть сподобльшагося увидѣти Ангеловъ* (Исаак. Сир. сл. 41.). Ты пресѣкаешь бесѣды съ человѣками, и тѣмъ искреннѣе вводишь въ бесѣду со Христомъ. Ты затворяешь дверь внѣшнія храмины, и отверзаешь внутреннюю храмину сердца. Ты подаешь, и научаешь употреблять оружіе противъ страстей. Ты собираешь разсѣянные помыслы. Ты погружаешь умъ во глубину писаній, и почерпаешь свѣтъ. Ты совершенствуешь покаяніе. Ты обрѣтаешь источникъ слезъ. Ты возводишь къ чистой молитвѣ. Ты учишь *молчанію*, которое *есть таинство будущаго вѣка* (Исаак. Сир. сл. 42.).

Не для всѣхъ равно призываю любовь къ безмолвію. Жизнь безмолвія не для многихъ. Но посѣщеніе безмолвія для всякаго должно быть вожделѣнно. Кто не упраздняетъ себя, хотя однажды въ день, хотя на непродолжительное время, отъ всякаго внѣшняго земнаго занятія, попеченія, пристрастія; и не вводитъ своей души въ благоговѣйное безмолвіе предъ Богомъ: тотъ еще не познялъ пути мира для души своей. Ибо тако глаголетъ Господь: *упразднитеся, и разумѣйте, яко Азъ есмь Богъ* (Псал. XLV. 11.). Аминь.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

СЛОВА

ВО ВРЕМЯ ГУБИТЕЛЬНОЙ БОЛѢЗНИ.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

СЛОВА

ВО ВРЕМЯ ГУБИТЕЛЬНОЙ БОЛѢЗНИ.

1. СЛОВО

ПО ОСВЯЩЕНІИ ХРАМА И ПО ПРИНЕСЕНІИ ГОСПОДУ БОГУ МОЛИТВЪ О ПРЕДОХРАНЕНІИ ОТЪ ГУБИТЕЛЬНЫЯ БОЛЬЗНИ, ГОВОРЕННОЕ СЕНТЯБРЯ 18 ДНЯ, 1830 ГОДА.

Вкратцѣ буду бесѣдовать съ вами, братія; хотя не мало сказать надобно. Продолжившіяся молитвы не позволяютъ быть долгому слову. Послушайте не долго, но внимательно.

Въ молитвахъ упоминалось о губительной язвѣ во дни Давида, и о чудесномъ ея прекращеніи (2 Цар. XXIV.). Воспоминаніе сіе здѣсь къ мѣсту, теперь ко времени.

Царь Давидъ впалъ въ искушеніе тщеславія: хотѣлъ показать силу своего царства, и повелѣлъ ис-

числить всѣхъ способныхъ носить оружіе, тогда какъ такое исчисленіе совсѣмъ не было въ употребленіи у Евреевъ. И праведникъ не безопасенъ отъ паденія, если вознерадитъ.

Еще не кончилось исчисленіе народа, какъ Царь почувствовалъ въ совѣсти своей обличеніе грѣха и страхъ наказанія отъ Бога. Въ самомъ дѣлѣ явился Пророкъ, и, по повелѣнію Божію, предложилъ Давиду на выборъ одно изъ трехъ наказаній: войну, голодъ, моръ. Примѣчайте изъ сего примѣра, что война, голодъ, моръ, и подобныя бѣдствія, хотя кажутся приключеніями случайными; хотя происходятъ частію отъ извѣстныхъ причинъ естественныхъ: тѣмъ не менѣе однако суть орудія правосудія Божія, употребляемыя для наказанія согрѣшившихъ человѣковъ.

Давидъ смирился предъ Богомъ; безропотно покорился суду Его, и совершенно предался въ волю Его. *Да впаду убо въ руцѣ Господни*, сказалъ онъ. *И даде Господь смерть во Израили отъ утра до часа обѣдняго.* Здѣсь примѣтьте скорый плодъ смиренной покорности судьбамъ Божіимъ. Не три мѣсяца несчастной войны послалъ Богъ, не три года голода, и моръ не на три дни, какъ угрожалъ Пророкъ сначала, но уже только *отъ утра, до часа обѣдняго.*

Открылось наказаніе грѣха, и совершилось покаяніе Давида. *И рече Давидъ ко Господу, егда видѣ Ангела біюща люди, и рече: се азъ есмь согрѣшивый.* Давидъ совершенно покаялся во злѣ грѣха, и

тотчасъ *раскаялся Господь о злѣ* наказанія. *И рече Ангелу погубляющему люди: довольно нынѣ, отъими руку твою.* Примѣчайте спасительное дѣйствіе покаянія.

Чтобы довершить дѣйствіе помилованія, избавленія и спасенія, Пророкъ, по наставленію Ангела, побудилъ Давида поставить Господеви олтарь, на гумнѣ Орны Іевусеанина, тамъ, гдѣ въ послѣдствіи времени созданъ и храмъ Соломоновъ. *И созда тамо Давидъ олтарь Господеви, и вознесе всесожженія и мирныя. И послуша Господь земли, и отъятъ язву отъ Израиля.* Примѣчайте необходимость молитвы во время общественныхъ бѣдствій, и въ особенности пользу молитвы, приносимой торжественно предъ олтаремъ, по наставленію духовному и небесному, по установленію Божественному.

Братія! не видится ли намъ нѣчто подобное грозному видѣнію Давида? Не видимъ ли и мы *Ангела Господня стояща между землею и небомъ, и мечь его извлеченъ въ руку его, простертъ на Іерусалимъ* (1 Пар. XXI. 16.)? Не смотрите большими глазами страха, которые обыкновенно видятъ то, чего нѣтъ, и не видятъ того, что есть: взирайте острымъ и мужественнымъ окомъ пропитанія и благоразумной предосторожности. Губительная болѣзнь, нѣсколько лѣтъ опустошавшая не Христіанскія страны Азіи, простерлась и на Христіанскія страны Европы. Въ прошедшемъ году показалась она въ предѣлахъ отечества нашего: уступила предохранительнымъ средствамъ попечительнаго Правительства: но въ нынѣшнее лѣто явилась вновь. Мы,

до сего дня пощаленные, благословимъ долготерпѣливаго къ намъ Бога! Но *Ангелъ погубляющій* видѣнъ; *мечь его извлеченъ*; онъ угрожаетъ.

Что же намъ дѣлать? Я думаю, тоже, что сдѣлали Давидъ и жители Іерусалима при видѣ Ангела погубляющаго. *Паде Давидъ и старѣйшины Израилевы, облеченніи во вретище, на лице свое.* Тоже должно намъ дѣлать, чѣмъ Неневитяне отвратили не по догадкамъ и опасеніямъ ожиданную бѣду, но опредѣлительно предсказанную погибель. *Вѣроваша мужіе Ниневійстіи Богови, и заповѣдаша постъ. И возопиша прилѣжно къ Богу, и возвратися кійждо отъ пути своего лукаваго, и отъ неправды сущія въ рукахъ ихъ* (Іон. III. 5—8.).

Повергнемъ, братія, сердца наши предъ Богомъ во смиреніи, въ покорности неисповѣдимымъ судьбамъ Его. Признаемъ не только правосудіе Бога, готоваго карать грѣхи наши, обличающаго наше житіе, недостойное имени Христіанскаго, но и Его милосердіе и долготерпѣніе, которое не вдругъ, не прежде другихъ, поражаетъ насъ, а показуетъ поразившее другихъ, намъ же только грозящее наказаніе, и, какъ-бы предохраняя, говоритъ: *аще не покаетеся, вси такожде погибнете* (Лук. XIII. 5.). Покаемся, братія, и принесемъ плодъ достойный покаянія, то есть, исправленіе житія. Отложимъ гордость, тщеславіе и самонадѣяніе. Возбудимъ вѣру нашу. Утвердимся въ надеждѣ на Бога и на имя Іисуса Христа, Ходатая Бога и человѣковъ, Спасителя грѣшныхъ и погибающихъ. Исторгнемъ изъ

сердецъ нашихъ корень золъ, сребролюбіе. Возрастимъ милостыню, правду, человѣколюбіе. Прекратимъ роскошь. Откажемъ чувственнымъ желаніямъ, требующимъ ненужнаго. Возлюбимъ воздержаніе и постъ. Облечемся, если не *во вретище*, то въ простоту. Отвергнемъ украшенія изысканныя, ознаменованныя легкомысліемъ и непостоянствомъ. Презримъ забавы суетныя, убивающія время, данное для дѣланія добра. Умножимъ моленія, тайныя на всякомъ мѣстѣ, и во всякое время, общественныя, по руководству Святыя Церкви. Употребимъ внимательно, благовременно, благонадежно, всегда благотворное и всецѣлебное врачество, мирную, безкровную жертву, пріобщеніемъ Пресвятаго Тѣла и Крови Христовы.

Хотя ни Ангелъ, ни Пророкъ не приходилъ побудить насъ къ созданію благопріятнаго Богу, а для насъ благодатнаго олтаря: но, благодареніе Богу, Христолюбивое усердіе не престаетъ созидать олтари и храмы; и на одной недѣлѣ, не одинъ олтарь освященъ, и еще не одинъ готовится къ освященію (*).

Господи! *послушай земли*, смиренно призывающей Твое пренебесное Имя, и *отъими язву* отъ

(*) 14 Сентября сего 1830 года освященъ храмъ Св Великомученицы Екатерины, въ Екатерининскомъ Институтѣ; 18 дня храмъ Св. Василія Великаго, на Тверской, 19 дня храмъ Св Чудотворцевъ Черниговскихъ, за Москвою рѣкою, 20 олтарь Св. Священномучениковъ Херсонскихъ, на Даниловскомъ кладбищѣ.

Россіи. Сохрани градъ сей, и вѣрою живущихъ въ немъ. Благослови плодоносящихъ и добродѣющихъ во Святыхъ храмахъ Твоихъ!

Буди, Господи, милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя! Аминь.

2. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СВЯТЫХЪ ТРІЕХЪ СВЯТИТЕЛЕЙ МОСКОВСКИХЪ, ПРИ ПРОДОЛЖЕНІИ МОЛИТВЪ О ИЗБАВЛЕНІИ ОТЪ ГУБИТЕЛЬНЫЯ БОЛѢЗНИ, ГОВОРЕННОЕ ВЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ, ОКТЯБРЯ 5 ДНЯ, 1830 ГОДА.

И въ праздникъ теперь не время торжествовать: потому что исполняется надъ нами слово Господне: *превращу праздники ваша въ жалость* (Амос. VIII. 10.). И въ день Господень, въ домѣ Божіемъ несвободно Богословствовать: потому что свѣтъ созерцанія закрывается туманомъ скорби, и заботливые помыслы прерываютъ нить размышленія и слова. Должно нести то, что раждаетъ находящій день; надобно, безъ попеченія о чинѣ слова, говорить то, что внушаетъ, и чего требуетъ настоящее время.

И гнѣвъ, и милость, и наказаніе, и пощада, и грозное прещеніе противу грѣховъ нашихъ, и долготерпѣливое ожиданіе нашего покаянія, ежедневно и ежечасно предъ очами нашими. Ангелъ погубляющій ходитъ по стогнамъ и по домамъ;

большую часть обитателей оставляетъ неприкосновенными; не многихъ касается; нѣкоторыхъ поражаетъ. Видите, что мѣра грѣховъ нашихъ полна: ибо начинается необычайное наказаніе. Но видите и то, что бездна милосердія Божія неисчерпана и не заключена: ибо не *вскорѣ возгарается ярость Его* (Псал. II. 12.).

Помыслимъ, братія, о важности для насъ настоящаго времени. Важно и всякое время; и нѣтъ времени, которое безопасно можно было бы пренебрегать: ибо во всякое время можно спастися или погибнуть. Но особенно и необыкновенно важно для насъ сіе время, когда Богъ уже положилъ насъ на вѣсы правосудія Своего, такъ что одна пылинка, прибавленная къ тяжести грѣховъ нашихъ, одна минута, не употребленная для облегченія сей тяжести, могутъ низринуть насъ; когда путь житія нашего стѣснился такъ, что съ каждымъ шагомъ мы поставляемъ ногу между жизнію и смертію, между надеждою спасенія и страхомъ погибели; когда *Богъ Судитель праведенъ и крѣпокъ, и долготерпѣливъ, и не гнѣвъ наводяй на всякъ день*, по неисповѣдимымъ, но, безъ сомнѣнія, премудрымъ и праведнымъ судьбамъ Своимъ, въ сіи дни, особенно, близко, прямо на насъ навелъ гнѣвъ, и, *аще не обратитеся, оружіе Свое очистилъ, лукъ Свой напряже и уготова и, и въ немъ уготова сосуды смертныя, стрѣлы Своя палящими содѣла* (Псал. VII. 12—14.).

Когда тутъ медлить? Куда откладывать спасительныя намѣренія? У мѣста ли дремать безпечно

на краю пропасти? Надобно каждому изъ насъ немедленно и ревностно попещись, какъ бы облегчить тяжесть прежнихъ грѣховъ своихъ, покаяніемъ и дѣлами человѣколюбія; какъ бы отъ умноженія сей гибельной тяжести предохранить себя чрезъ пресѣченіе дѣлъ неправедныхъ рѣшительнымъ и твердымъ намѣреніемъ исправленія; какъ бы чрезъ живую вѣру и непрестанную молитву *открыть ко Господу путь* свой духовный (Псал. XXXVI. 5.), и утвердиться въ немъ, дабы и сомнительною стезею жизни временной могли мы проходить съ бодростію, и на темный путь смерти тѣлесной вступать безъ боязни; какъ бы возгарающійся гнѣвъ Божій угасить слезами умиленія; какъ бы отъ стрѣлъ правосудія Божія укрыться подъ непроницаемымъ щитомъ креста Христова.

Повторяю, и не могу довольно повторять: покаяніе, исправленіе житія, молитва, вѣра во Христа Спасителя, и какія кому по состоянію и дару возможны добродѣтели Христіанскія и плоды духовные, — вотъ истинныя потребности наши во всякое, и наипаче въ настоящее время! Вотъ вѣрныя средства нашей безопасности во всякой видимой опасности, и благонадежные залоги неотъемлемой жизни въ самой смерти! По благодати Божіей спасительныя средства сіи всегда готовы для насъ; никогда не удалены отъ насъ: войди только каждый въ себя; взирай умомъ, обращайся сердцемъ, воздыхай духомъ къ Богу крѣпкому, живому, многомилостивому.

Господи! Ты единъ *вѣси сущихъ Твоихъ* (2 Тим.

II. 19.), также и начинающихъ быти Твоими; однако, поелику Ты показалъ намъ возможность познавать древо по плодамъ, и духовное состояніе человѣка по явленіямъ онаго; дерзаемъ утѣшать себя мыслію, что есть между нами такіе, которыхъ настоящій гнѣвъ Твой обратилъ къ милосердію Твоему, и страхъ близкой погибели приближилъ ко спасенію. Сего ради буди благословенъ и во гнѣвѣ Твоемъ, якоже и въ милосердіи Твоемъ! Но, Господи, обѣщавшій нѣкогда не погубить цѣлаго града десяти ради въ немъ праведниковъ, и ради покаянія единаго Давида повелѣвшій Ангелу погубляющему отъяти руку свою отъ Іерусалима, пощади и спаси градъ сей ради извѣстнаго Тебѣ въ немъ числа покаявшихся отъ грѣховъ своихъ!

Много должно утѣшать и ободрять насъ, братія, и то, что творитъ среди насъ Помазанникъ Божій, Благочестивѣйшій Государь нашъ. Онъ не причиною нашего бѣдствія, какъ нѣкогда былъ первою причиною бѣдствія Іерусалима и Израиля Давидъ (хотя конечно по грѣхамъ и всего народа): однако съ Давидовымъ самопожертвованіемъ пріемлетъ Онъ участіе въ нашемъ бѣдствіи. Видитъ нашу опасность: и не думаетъ о Своей безопасности; устремляется къ намъ въ ту самую минуту, какъ примѣчаетъ опасность. Государь! Тебѣ нѣтъ нужды подвергать Себя нашей опасности; наши грѣхи привлекли на насъ бѣдствіе; облегчай оное, поколику можешь, но не приближайся къ мѣстамъ, кои посѣщаетъ гнѣвъ Божій. Нѣтъ, говоритъ Онъ, *да впаду въ руцѣ Господни*; иду туда, гдѣ вознесена грозная рука

Господня, чтобы какъ можно болѣе раздѣлять скорбь, какъ можно дѣятельнѣе облегчать бѣдствіе возлюбленнаго Мнѣ народа. Государь! мы знаемъ, какъ близка къ сердцу Твоему Твоя древняя Столица: но Россія на раменахъ Твоихъ; Европа предлежитъ заботливымъ очамъ Твоимъ, — Европа, зараженная, гораздо болѣе смертоноснымъ, повѣтріемъ безвѣрнаго и буйнаго мудрованія; противъ сей язвы нужно Тебѣ укрѣпить преграду; для сего потребно бдительное наблюденіе происшествій, многіе совѣты, дополненіе рядовъ Твоего воинства. Такъ, говоритъ Онъ, Мой долгъ предупреждать и ту опасность; но непреодолимая сила отеческой любви и состраданія влечетъ Меня къ сердцу Россіи, болѣзненно трепещущему.

Защитниче нашъ, виждь, Боже, и призри на лице Христа Твоего (Псал. LXXXIII. 10.); пріими жертву Его человѣколюбія, и умилосердися надъ народомъ Его!

О какъ, братія, желалъ бы я совсѣмъ успокоить себя таковыми утѣшеніями, и почить на упованіи. Но еще страшусь, чтобы предъ очами Всевидящаго и нелицепріятнаго Судіи число кающихся и смиряющихся не оказалось слишкомъ малымъ, и покаяніе слишкомъ несовершеннымъ; чтобы множество не поболѣвшихъ и не сокрушившихся, когда бичь Божій поразилъ не многихъ, не низвело на себя умноженныхъ ударовъ, чтобы на непріемлющихъ наказанія Божія сильнѣе не возгорѣлась ярость Божія.

Къ вамъ обращаюсь и мысленно припадаю, Богоутвержденные столпы здѣшняго Священноначалія,

Петре, Алексіе, Іоно, Филиппе! Чего не можетъ сдѣлать сіе скудное и безсильное слово; чего недостаетъ въ моемъ собственномъ немощномъ и неплодотворномъ покаяніи: да сотворитъ то, да восполнитъ ваша благопристуная къ Богу молитва, и обиліе данныя вамъ благодати. Да не упасетъ смерть стада вашего Да сохранится оно, и почіетъ въ мирѣ, въ безопасности жизни временной, въ надеждѣ жизни вѣчной, не сокрушаемое, но руководимое и ограждаемое жезломъ Верховнаго Пастыре-Начальника, Іисуса Христа, Начальника жизни, прославленнаго во Святыхъ, во вѣки. Аминь.

5. СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ДВАДЕСЯТУЮ ПО ПЯТДЕСЯТНИЦѢ, ПРИ ВОСПОМИНАНІИ ОСВОБОЖДЕНІЯ МОСКВЫ ОТЪ НАШЕСТВІЯ ГАЛЛОВЪ, И ПРИ ПРОДОЛЖЕНІИ МОЛИТВЪ О ИЗБАВЛЕНІИ ОТЪ ГУБИТЕЛЬНЫЯ БОЛѢЗНИ, ВЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ ГОВОРЕННОЕ ОКТЯБРЯ 12 ДНЯ, 1830 ГОДА.

Еще праздникъ; и еще слышится мнѣ грозное слово Господне: *превращу праздники ваша въ жалость, и вся пѣсни ваша въ плачь* (Амос. VIII. 10.).

Мы воспоминаемъ нынѣ, и хотѣли бы праздновать освобожденіе сего града отъ четыредесятидневнаго одержанія жестокими врагами. Хотимъ торжественными пѣснями славословить Бога избавителя. *Востани, слава моя; исповѣмся Тебѣ въ людехъ, Господи* (Псал. CVII. 3. 4.).

Но что градъ? Что тамъ люди? Не новое ли трудное поприще времени проходятъ? Нѣсколько сотъ болящихъ страждутъ; многіе здравые сострадутъ болящимъ; нѣкоторые оплакиваютъ умер-

шихъ; малодушные связаны страхомъ; благоразумные не столько, какъ обыкновенно, свободны, по причинѣ осторожности; человѣколюбивые носятъ въ сердцѣ чувствованіе общаго бѣдствія; благоговѣйные поникли предъ грозящимъ перстомъ Вышняго.

Что же превозможетъ? *Праздникъ*, или *жалость*? *Пѣсни* торжественныя, или *плачь*? — Ибо трудно согласить и соединить сіи противоположности. Почему премудрый Соломонъ и распредѣляетъ оныя на разныя времена. *Время*, говоритъ, *рыдати, и время ликовати* (Еккл. III. 4.).

Видно, не славу пробуждать, и не торжественныя пѣсни воспѣвать намъ нынѣ. И сіе не потому, чтобы позволительно было во время прещенія Божія прекратить благодареніе Богу за Его прежнія благодѣянія. Нѣтъ! должно и во дни гнѣва Божія съ благодареніемъ воспоминать прежнія по гнѣвѣ милости Божіи, какъ потому, что сего требуетъ справедливость, такъ и потому, что сіе должно подавать намъ надежду возобновленія милости къ намъ Божіей и по настоящемъ гнѣвѣ Его. И не только за прежнія благодѣянія Божіи, но и за настоящее скорбное посѣщеніе Божіе должно благословлять Бога, по примѣру Іова: *яко Господеви изволися, тако бысть; буди имя Господне благословено во вѣки* (Іов. I. 21.). Но какъ и праведный Іовъ, при столь благодатномъ чувствованіи сердца, уступилъ немощи естества человѣческаго, и съ самымъ посѣщеніемъ Божіимъ, которое было скорбное, а не радостное, сообразовался, тѣмъ, что *вставъ растерза ризы своя, и остриже власы главы своея, и*

посыпа перстію главу свою, въ знаменіе печали: то и намъ приличнѣе нынѣ образъ печали, нежели радости, и по духовной немощи нашей, и по смиренію предъ грознымъ посѣщеніемъ Божіимъ, и наипаче по грѣховности нашей. Ибо какъ посѣщаетъ нынѣ насъ Богъ, безъ сомнѣнія, по грѣхамъ нашимъ: то всего паче потребно для насъ покаяніе: а съ покаяніемъ сообразнѣе печаль, нежели радость, только бы печаль была по Богѣ, Котораго мы оскорбили грѣхами нашими. *Печаль бо*, говоритъ Апостолъ, *яже по Бозѣ, покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ* (2 Кор. VII. 10.).

Покоримся судьбѣ Божіей во всемъ; послѣдуемъ всякому мановенію Провидѣнія. Примемъ, какъ часть наказанія Божія и то, что во славу Божію совершаемое нами служеніе не можетъ нынѣ совершиться съ подобною прежней радостію, торжественностію и пространствомъ общенія (*).

Переймемъ **приличное настоящему времени слово** и гласъ, отъ болѣвшаго до смерти, но потомъ чудесно исцѣлившагося Езекіи: *яко ластовица, тако возопію, и яко голубь, тако поучуся*; *исчезостѣ бо очи мои, еже взирати на высоту небес-*

(*) Въ прежніе годы въ сей день собиралось въ Успенскій Соборъ все Духовенство Столицы. Нынѣ все приходское Духовенство оставлено при своихъ мѣстахъ, дабы находилось въ близости и готовности для подаванія пособій Вѣры внезапно занемогающимъ. Въ Успенскій Соборъ созвано было только Духовенство Соборовъ и мужескихъ Монастырей.

воп ко Господу (Исаіи XXXVIII. 14.). Не для того извлекаю изъ Священныхъ книгъ сіи давніе жалобные звуки, чтобы сдѣлать болѣе горькою нашу настоящую печаль, но чтобы показать образъ печали спасительной. Тяжкая болѣзнь и преждевременная близость смерти опечалила Езекію: однако печалился онъ безъ ропота на Бога, безъ нетерпѣливости, не теряя надежды. Онъ вопіялъ къ Богу со страхомъ Божіимъ: въ семъ разумѣ уподобляетъ онъ себя робкой *ластовицѣ*. Онъ молился съ кротостію и смиреніемъ: сіе изображаетъ онъ подобіемъ *голубя*, тихо стенающаго. И когда первыя молитвенныя взыванія его казались не услышанными: онъ не предался отчаянію, но продолжалъ возносить прилѣжную и непрестанную молитву, и даже тогда, какъ молитвенный гласъ оскудѣвалъ въ устахъ его, не преставалъ *исчезающими*, но еще умоляющими *очами взирати на высоту небесную ко Господу*. И что же наконецъ? — Милосердый Господь не презрѣлъ печали благочестивой, не отвергъ молитвы усердной и постоянной. *Избиви мя*, сказуетъ Езекія, *и отъя болѣзнь души моея; и Той сотвори путеводство во вся лѣта моя.*

Да вопіемъ, братія, и мы въ настоящей печали нашей къ Богу со страхомъ и смиреніемъ, съ вѣрою и упованіемъ, съ усердіемъ и постоянствомъ: *яко у Господа милость, и многое у Него избавленіе* (Псал. CXXIX. 6.). *Господь мертвитъ, и живитъ; низводитъ во адъ, и возводитъ* (1 Цар. II. 6.).

Господи Іисусе Христе! въ Тебѣ *животъ бѣ* отъ

вѣка; въ Тебѣ *животъ явися* во времени; Ты *имаши ключи ада и смерти.* Ты во днехъ плоти Твоея многими и различными образы подавалъ человѣкамъ жизнь и исцѣленіе, дабы никто, ни въ какихъ обстоятельствахъ, не оставался безъ надежды Твоея помощи. Ты не только возложеніемъ рукъ и прикосновеніемъ ризъ исцѣлялъ болящихъ, но и ставшимъ издалеча прокаженнымъ, безъ прикосновенія цѣлебную силу преподалъ; и сыну мужа царева, не являя лица Твоего, заочно не менѣе дѣйствительное слово исцѣленія послалъ. Ты и языческой жены Хананейской докучливую молитву не отвергъ, и исповѣдуемую отцемъ отрока бѣснуемаго скудость вѣры благодатію Твоею дополнилъ. Ты для воскрешенія дщери Іаировой на призываніе отца ея склонился; для воскрешенія Лазаря, не призванный, пришелъ, и сына вдовицы Наинской, ни кѣмъ кромѣ Твоего милосердія, не умоляемый воскресилъ. *Гдѣ суть милости Твоя древнія, Господи* (Псал. LXXXVIII. 50.)? Ибо хотя не обитаеши съ нами видимо: но, по непреложному Твоему обѣтованію, *се съ нами еси во вся дни до скончанія сѣка.* Если по грѣхамъ нашимъ такъ сильно возмогаетъ смерть: да не престанетъ *являться и животъ Твой въ мертвенней плоти нашей*, славы ради Твоего имени. Не отвергни нашихъ моленій несовершенныхъ и недостойныхъ; не умножи гнѣва Твоего за наше маловѣріе, и нечувствіе или нетерпѣніе; пріими исповѣданіе нашего маловѣрія, какъ вѣру, и печаль нашу, какъ молитву; и когда очи наши, къ Тебѣ взирающія, исчезаютъ отъ немощи,

да ходатайствуетъ предъ Тобою за насъ само Твое безпредѣльное милосердіе. Виждь вдовицъ, угрожаемыхъ безчадіемъ; виждь младенцевъ, *иже не познаша десницы своея, ниже шуйцы своея*, не понимающихъ также ни вины, ни бѣдствія сиротства, имъ предстоящаго. Виждь, и милосердуй, и невидимо посли въ насъ слово Твое утѣшающее, исцѣляющее, животворящее, и *глаголъ Твой* да *не возвратится къ тебѣ тощь*. Аминь.

4. СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ДВАДЕСЯТЬ ВТОРУЮ ПО ПЯТДЕСЯТНИЦѢ, ПРИ ПРОДОЛЖЕНІИ МОЛИТВЪ О ИЗБАВЛЕНІИ ОТЪ ГУБИТЕЛЬНЫЯ БОЛѢЗНИ, ВЪ ТРОИЦКОЙ ЦЕРКВИ СТРАННОПРІЕМНАГО ГРАФА ШЕРЕМЕТЕВА ДОМА, ПО СЛУЧАЮ ВОЗОБНОВЛЕНІЯ ОНЫЯ, ГОВОРЕННОЕ ОКТЯБРЯ 26 ДНЯ, 1830 ГОДА.

Читанная нынѣ изъ Евангелія притча, или повѣствованіе о богатомъ и Лазарѣ такъ извѣстно, что, при вступленіи въ поученіе, не нужно вновь читать или пересказывать написанное въ Евангеліи, а можно прямо приступить къ размышленіямъ, какія оно внушаетъ.

Но прежде всего, сіе мѣсто приводитъ мнѣ на память *человѣка богатаго*, который не потерялъ своего имени въ дѣлахъ ничтожныхъ, который не оставилъ безъ вниманія бѣднаго и больнаго *Лазаря* у воротъ своего великолѣпнаго дома, но заботливо искалъ его по чужимъ домамъ, и бѣдному и больному Лазарю построилъ сей пространный домъ,

приготовилъ неистощимыя пособія для жизни и врачеванія, и сіе великолѣпное дѣло человѣколюбія довершилъ устроеніемъ сего величественнаго Храма, чтобы Лазарь имѣлъ удобность не однимъ терпѣніемъ до конца, но и другими упражненіями благочестія готовиться *къ лону Авраамову. Отче Аврааме,* отче вѣрующихъ и человѣколюбивыхъ! обыми, если можно, и за насъ въ блаженныхъ нѣдрахъ твоихъ, вмѣстѣ съ душею, терпѣніемъ спасавшагося Лазаря, душу человѣколюбіемъ спасавшагося раба Божія Боярина Графа Николая; и да почіетъ она въ свѣтлыхъ обителяхъ вѣчно благословеннаго и благословляющаго твоего сѣмени, Господа нашего Іисуса Христа, Которому ты берегъ души древнія, и Который, для душъ древнихъ и новыхъ, Единъ есть воскресеніе и жизнь и покой!

Обратимся, братія, къ себѣ. — Кто богатъ, и любитъ свое богатство; кто склоненъ къ роскоши; кто чувствуетъ въ себѣ порывъ возноситься преимуществами своего имени и состоянія: тотъ пусть поставитъ себя предъ Евангельскою притчею, какъ предъ зеркаломъ, и пусть посмотрится, не походитъ ли онъ на богатаго Евангельскаго, и такое сходство нравственнаго лицепачертанія не предвѣщаетъ ли съ вѣроятностію той же участи, какая постигла богатаго Евангельскаго по его смерти?

Быть богатъ: это походитъ на многихъ изъ насъ; и это, кажется, не есть несчастная черта, потому что ее видѣли въ лицѣ самого Авраама, который однако не только себѣ обрѣлъ по смерти утѣшеніе, но и котораго лоно представляется хранилищемъ

вѣчнаго утѣшенія для другихъ. *Облачашеся въ порфиру и виссонъ,* то есть, въ самыя изящныя и драгоцѣнныя ткани, какія въ древнія времена употребляемы были людьми знатными и богатыми: и это на многихъ изъ насъ походитъ; и также, кажется, не бѣда, что человѣкъ богатый носитъ одежду, по приличію своего состоянія, чистую, тонкую, отличную отъ простонародной. *Веселяся по вся дни свѣтло*: кажется, и это не тяжкое преступленіе, что живущій въ изобиліи живетъ весело, и законно купленныя удовольствія раздѣляетъ съ людьми, ему пріятными.

Въ семъ состоитъ все Евангельское изображеніе жизни богатаго. Прибавимъ изображеніе и смерти его: *умре же и богатый; и погребоша его.* Тутъ еще менѣе можно примѣтить что-либо, на чемъ бы основаться могло худое предвѣщаніе.

Что же потомъ? Блаженъ ли умершій богатый? по крайней мѣрѣ, свободенъ ли отъ наказанія? — Нѣтъ! *во адѣ,— сый въ мукахъ.*

О Боже! — подумаетъ кто нибудь, — какъ легко погибнуть, и слѣдственно, какъ трудно спастися! Евангельскій богатый, кажется, ничего не сдѣлалъ, за что бы осудить его на погибель. — Такъ, возлюбленный! подлинно легко погибнуть. Кто рѣшительнымъ направленіемъ своей воли, склонностію, страстію, совратился и двигнулся на путь неправый, — на путь богатолюбія, роскоши, тщеславія: тотъ легко и непримѣтно катится по наклонности сего пути, не примѣчая, что наклонность сія простирается до самаго ада. Впрочемъ примѣръ бога-

таго Евангельскаго не показываетъ того, сколько трудно спастися: ибо какъ совсѣмъ не видно, чтобы онъ дѣлалъ что нибудь для своего спасенія, то изъ сего примѣра совсѣмъ не льзя заключить, сколько труда для сего потребно. Ты думаешь извинить его тѣмъ, что онъ ничего не сдѣлалъ для своей погибели: но не слишкомъ ли много безумія требуешь ты отъ каждаго погибающаго, чтобы онъ самъ дѣйствовалъ прямо для своей погибели? Погибаютъ обыкновенно не потому, чтобы старались погибнуть, но потому, что не стараются спастися. Ничего не сдѣлалъ? Въ томъ-то и преступленіе, отъ того-то и бѣда, что ничего не сдѣлалъ. Если кто ничего не дѣлаетъ для временнаго благополучія, для земной выгоды: не признаешь ли ты справедливымъ, когда таковый ничего не получаетъ? Какъ же можно требовать, чтобы праведный, свободно свободными владычествующій Богъ, такъ сказать, насильно далъ небесное, вѣчное блаженство человѣку, который ничего не дѣлаетъ для полученія сего блаженства, и не имѣетъ къ оному дѣятельнаго желанія и стремленія свободной воли?

И такъ, вотъ нѣкоторыя изъ наставленій, какія внушаетъ Евангельская притча о богатомъ. Не должно слишкомъ много успокоивать себя внѣшнею непорочностію своей жизни: не дѣлать грубыхъ, явныхъ преступленій, не убивать, не грабить, не притѣснять, не значитъ еще быть добродѣтельнымъ и достойнымъ блаженства; въ нѣкоторыхъ людяхъ это есть только внѣшняя благовидность жизни, еще не означающая души, въ добрѣ утвержденной; это

есть только преддверіе, которымъ входятъ въ храмъ непорочности, только подножіе, которымъ восходятъ къ добродѣтели, стоящей гораздо выше. Благами вѣка сего должно пользоваться съ умѣренностію, даже съ нѣкоторою недовѣрчивостію, съ опасеніемъ, чтобы *не воспріять благая своя въ животѣ своемъ*, безъ остатка утѣшенія для жизни будущей. Вести жизнь *по вся дни веселую*, по вся дни блистательную, въ которой дни работные не отличаются отъ праздниковъ ни трудомъ, ни простотою, въ которой праздники не имѣютъ покоя отъ увеселеній, есть *путь*, по самому снисходительному сужденію, рѣже невинный, чаще сомнительный, очевидно *широкій*: а потому если видимая широта его не стѣсняется тайнымъ отчужденіемъ сердца отъ мірскихъ прелестей, сокровенными духовными подвигами и препобѣждающими суету добродѣтелями, то конецъ сего пути не иной можетъ быть, какъ указанный Христовымъ изреченіемъ: *широкій путь вводяй въ пагубу* (Матѳ. VII. 13.).

Дабы лучше усмотрѣть, чего не доставало въ лицѣ Евангельскаго богатаго, для благопріятныхъ предзнаменованій будущей участи, поставимъ противъ него лице Лазаря. *Нищь же бѣ нѣкто именемъ Лазарь.* Видите ли, чего не доставало богатому, противъ Лазаря? — Ему не доставало самаго имени. *Человѣкъ нѣкій бѣ богатъ*, говоритъ Евангеліе. О, какъ стремглавъ превращается здѣсь образъ міра сего! Кому была нужда узнавать и дѣлать извѣстнымъ имя больнаго нищаго, поверженнаго на землѣ, на котораго никто не обращалъ вни-

манія? Единственные собесѣдники его, псы, лизавшіе гной его, вѣрно не называли его по имени. Но имя Лазаря написано въ Евангеліи; извѣстно Аврааму; слышно на небесахъ. А имя богатаго, на пиршествахъ и въ собраніяхъ переходившее изъ устъ въ уста его многочисленныхъ друзей, почитателей и знакомыхъ, пропало безъ вѣсти. *Человѣкъ нѣкій:* и только! Что же сіе значитъ?- Безъ сомнѣнія, надлежитъ сіе изъяснить, какъ послѣдствіе обыкновеннаго начала, что имя человѣка является и скрывается, помнится и забывается, по роду и достоинству дѣлъ его. Предметами жизни и дѣятельности богатаго были вещи тлѣнныя, удовольствія скоропреходящія, слава суетная: все поглощено суетою, временемъ, тлѣніемъ; не на чемъ было устоять праздному имени празднаго человѣка.

Да помыслятъ посему человѣки, болѣе пристрастные къ чести и славѣ своего имени, нежели ревностные къ дѣламъ достойнымъ чести и славы;—да помыслятъ, что будетъ и съ ихъ именемъ? Если они стараются только какъ нибудь распространить и возвысить имя свое на земли, между человѣками; а не дѣлаютъ ничего такого, по чему бы ихъ узнали, почтили и приняли на небесахъ: то чего можно имъ ожидать для своего имени, развѣ что оно умретъ со смертными, исчезнетъ въ земномъ воздухѣ, или наконецъ промелькнетъ, можетъ быть, нѣкогда предъ ними сквозь пламя преисподнее, для увеличенія наказанія ихъ неукрощеннаго самолюбія и ложнаго славолюбія? Но на небесахъ или не будутъ знать ихъ именъ, или не осмѣлятся произне-

сти, чтобы не осквернить святыхъ устъ и слуха небожителей, и чистаго воздуха небеснаго. Сюда принадлежатъ слова Пророческія: *ни помяну же имене ихъ устнама моима* (Псал. XV. 4.).

Станемъ еще на краткое время между богатымъ и Лазаремъ.— *Лежаше предъ враты его гноенъ, и желаше насытитися отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы богатаго; но и пси приходяще облизаху гной его.* Теперь открываются въ лицѣ богатаго черты, которыя обнажаютъ его нищую внутреннимъ добромъ душу, и обнаруживаютъ тайну его погибели. Лазарь *предъ вратами*: хозяину дома не льзя не примѣтить его при каждомъ своемъ выходѣ и входѣ: но богатый какъ будто не примѣчаетъ его. Лазарь не только бѣденъ, но и болѣнъ: и сіе не трогаетъ жестокой души богатаго. Больному немного надобно; слишкомъ довольно было бы для Лазаря остатка отъ лоитя хлѣба, котораго богатый мало ѣстъ, сберегая остатки голода для снѣдей болѣе лакомыхъ: и сего бѣдный Лазарь тщетно *желаетъ*. Псы, по непонимаемому ими внушенію благодѣтельной природы, приходятъ отправлять должность врачей надъ ранами Лазаря: богатый все не хочетъ догадаться, что въ немъ нѣтъ и столько состраданія, сколько есть въ безсловесныхъ. *О человѣкъ*, чуждый человѣчества! — Но удержимся. Мы стоимъ здѣсь, братія, не для того, чтобы негодовать на пороки другихъ, но чтобы учиться предохранять себя отъ пороковъ, или исправлять себя отъ нихъ, и уклоняться отъ пропасти, въ которую другіе по небрежности низринулись.

Вотъ еще очень нужное наставительное размышленіе, которое мы должны почерпнуть изъ Евангельскаго сказанія о несчастномъ богатомъ. Жизнь чувственная, если небрежно предаются ей, занимая душу плотскими и суетными удовольствіями, неприметно разслабляетъ ея внутреннюю силу, и притупляетъ нравственное и духовное чувство, такъ что человѣкъ наконецъ дѣлается тупъ, тяжелъ и почти неспособенъ къ возвышеннымъ побужденіямъ и чистымъ удовольствіямъ истинной добродѣтели. А какъ, напротивъ, легко было бы то самое богатство, которое обыкновенно служитъ пищею жизни чувственной и плотской, обратить на то, чтобы питать побужденія возвышенныя, чтобы достигать удовольствій чистыхъ, посредствомъ благотворенія нуждающимся и бѣдствующимъ ближнимъ!

Братія! какъ много въ сіи дни *Лазарей!* Одни больны; другіе бѣдны; нѣкоторые и то и другое. Благодареніе человѣколюбію Благочестивѣйшаго Государя, и имъ одушевляемаго и движимаго Правительства! Благодареніе и человѣколюбію народа! Никто не остается не только *предъ вратами*, на улицѣ, но не оставляется и въ жилищѣ, неудобномъ или небезопасномъ; врачующіе и пекущіеся охотно приближаются къ больнымъ такою болѣзнію, о которой одна мысль въ иныхъ возбуждаетъ отвращеніе или страхъ; *крупицы отъ трапезъ богатыхъ*, довольно часто падаютъ въ уста бѣдныхъ; даже бѣдные своими лептами дѣлятся съ другими бѣдными, или отдаютъ въ милостыню свой трудъ, и себя въ служеніе болящимъ; служители чистоты и Святыни

всюду текутъ очищать, умягчать и заживлять душевныя раны страждущихъ, и еще не страждущихъ тѣлесно. Кажется, и Самъ Врачь душъ и тѣлесъ преклоняется къ молитвамъ Вѣры и къ подвигамъ человѣколюбія, и простираетъ милующую руку. Смерть уже не распространяетъ власти, ей попущенной; и болѣзнь начинаетъ уступать здравію.

Однако дерзнемъ ли мы подумать, что у насъ происходитъ уже нѣчто лучшее, нежели что видимъ въ Евангеліи? — Тамъ одинъ больный и бѣдный; одинъ богатый, осужденный, и у сего пять братьевъ, подобныхъ ему въ томъ, что жили только для себя, а не для Бога и ближняго. Богъ да помилуетъ насъ, братія, чтобы не нашлось и у насъ, противъ одного требующаго милости, шесть немилостивыхъ! Раздѣлимъ по возможности, каждый съ которымъ нибудь, а всѣ со всякимъ злострадущимъ Лазаремъ, *благая наша, восприемлемая въ животъ нашемъ* временномъ, дабы принятыя прежде насъ на лоно Авраамле не отреклись раздѣлить съ нами благая Божія, въ жизни вѣчной. Аминь.

5. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ВСЕ-РОССІЙСКІЙ ПРЕСТОЛЪ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, ГОВОРЕННОЕ ВЪ КАѲЕДРАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ, НОЯБРЯ 20 ДНЯ, 1830 ГОДА.

Вси путіе Господни милость и истина взыскающимъ завѣта Его и свидѣнія Его. Псал. XXIV. 10.

Настоящій день Господь сотворилъ намъ, сынове Россіи, да возрадуемся о Царѣ, намъ дарованномъ: и, благодареніе Богу, что сему радостному дню довольно почтительно уступаютъ дни скорби, внезапно нашедшіе на градъ сей. Градъ Царевъ выздоравливаетъ, чтобы не проводить дня Царева въ неблаговременномъ унынiи

Предоставляю испытателямъ природы, по должности, или по охотѣ, потрудиться надъ изысканіемъ причинъ сей благопріятной перемѣны: они найдутъ, вѣроятно, болѣе одной, и будутъ имѣть

случай состязаться о томъ, которая изъ нихъ истинная, или которая сильнѣе другой. Что касается до меня, безъ труда нахожу одну причину, которая удовлетворительнѣе и пріятнѣе многихъ изысканныхъ изъясняетъ происходящее. Сія благотворная причина есть милость Божія къ Царю и Царству.

Такъ, по выраженію Пророка, *день дни отрыгаетъ глаголъ* (Псал. XVIII. 3.), одинъ день говоритъ другому, всѣ происшествія каждый день говорятъ людямъ то, что написано у Пророка: *вси путіе Господни милость и истина взыскающимъ завѣта Его и свидѣнія Его.*

Что такое *путіе Господни?* Неограниченному не льзя опредѣлять путей; Вездѣсущему некуда шествовать: Онъ уже вездѣ присутствуетъ. Соединеніе понятій *милости* и *истины* съ понятіемъ *путей* даетъ разумѣть, что Пророкъ сіе послѣднее слово употребилъ въ значеніи нравственномъ.

Путіе Господни **суть дѣйствія Провидѣнія Божія въ отношеніи къ нравственнымъ существамъ,** направленіе управляемыхъ Богомъ средствъ къ достойнымъ Божества цѣлямъ.

На какихъ же *путяхъ Господнихъ*, или въ какихъ дѣйствіяхъ Провидѣнія, указуетъ намъ Пророкъ *милость и истину?* Добрый благополученъ: очевидно, что тутъ есть истина взыскающимъ завѣта Божія. И грѣшный не лишенъ временнаго благополучія: очевидно, что это милость. Но милость и истина въ сихъ случаяхъ такъ видимы, что, кажется, Пророку не стоило бы труда указывать на сіи явленія, довольно понятныя и безъ Пророка.

Пророкъ говоритъ выразительно: *вси путіе Господни милость и истина.* Здѣсь примѣтно опасеніе, чтобы нѣкоторые непроницательные люди не усомнились о нѣкоторыхъ путяхъ Господнихъ. О какихъ же дѣйствіяхъ Провидѣнія могутъ усомниться непроницательные? Приходитъ на людей бѣдность, болѣзнь, голодъ, смерть: путь ли это Господень? Гдѣ тутъ милость? Бѣдствія сіи постигаютъ многихъ, злыхъ и добрыхъ, безъ примѣтнаго разбора: путь ли это Господень? Гдѣ тутъ истина? Зло естественное отъ естественныхъ причинъ раждается, естественными же средствами не рѣдко и отвращается: гдѣ же тутъ путь Божій? Не примѣчаемъ ли, какъ недоумѣнія сего рода охотно выдумываются и проповѣдуются людьми вѣка сего, какъ будто новыя открытія, какъ будто познанія законовъ естества? Подлинно, здѣсь не излишенъ чистый, возвышенный взоръ Пророка, чтобы усмотрѣть путь Божій въ дѣлахъ природы, чтобы открыть милость и истину Господню сквозь смѣшеніе невинности и виновности человѣческой. И Давидъ сіе видитъ; и задолго предупреждаетъ нашихъ поздныхъ мудрователей, чтобы они не дѣлали неумѣстныхъ исключеній изъ законовъ и власти, сколько всеблагаго, столько же и всеобъемлющаго Провидѣнія. *Вси путіе Господни милость и истина.*

Поелику Богъ безконеченъ, вездѣсущь и всемогущь: то нѣтъ во вселенной никакого состоянія тварей, которое было бы Ему недоступно, чрезъ которое бы не лежалъ какой нибудь путь Господень; нѣтъ происшествія, которое бы не было ведено ну-

темъ Господнимъ, впрочемъ такъ, что путь Господень никогда не стѣсняетъ путей свободы для существъ нравственныхъ. Поелику Богъ вездѣсущій и всемъ управляющій есть также Богъ премудрый, праведный и всеблагій: то всѣ дѣйствія Провидѣнія Его, всѣ происшествія міра, касающіяся существъ нравственныхъ, ведутся такъ, чтобы все было средствомъ къ добру и противу зла; чтобы то, что называютъ зломъ по непріятному ощущенію и разрушительнымъ дѣйствіямъ въ видимой природѣ, сіе, такъ сказать, поверхностное явленіе зла, было врачевствомъ или противуядіемъ противъ зла болѣе глубокаго и подлиннаго, которое, раждаясь изъ злоупотребленія свободы существъ нравственныхъ, повреждаетъ ихъ внутренно и дѣлается источникомъ безчисленныхъ и безконечныхъ злыхъ послѣдствій, внутреннихъ и внѣшнихъ, если пути оныго не пресѣкаются путями Господними. *Вси путіе Господни*, въ семъ числѣ и, такъ названныя, *стези гнѣва* (Псал. LXXVII. 50.), или карательныя дѣйствія Провидѣнія, и бѣдствія, по видимому, случайно находящія, по видимому, безъ разбора поражающія, суть *милость и истина*, относящаяся преимущественно ко *взыскающимъ завѣта Его и свидѣнія Его*; — истина, когда поражается грѣшникъ, и предупреждается умноженіе грѣховъ и распространеніе грѣховной заразы; — истина, когда въ общемъ бѣдствіи спасается праведникъ; — милость, когда пощаженъ бываетъ грѣшникъ, въ которомъ или уже возбуждено, или предусматривается имѣющее возбудиться покаяніе; — милость и истина вмѣс-

тѣ, когда бѣдствіемъ, которое угрожало многимъ, и постигло не многихъ, многіе приведены въ познаніе своего грѣховнаго состоянія и возбуждены къ исправленію.

Еще Іовомъ *слышанные*, и еще и нынѣ слышимые *утѣшителіе золъ* (Іов. XVI. 2.), (то есть, такіе утѣшители, которые, думая утѣшить во злѣ, ложнымъ утѣшеніемъ производятъ новое зло) говорятъ: будьте спокойны; истребительная болѣзнь совсѣмъ не есть гнѣвъ и наказаніе Божіе. Такъ что же она, други мои? Развѣ благоволеніе и награда отъ Бога? вѣроятно, что такой награды не пожелалъ бы себѣ такой утѣшитель: а то вѣрно, что намъ не позволитъ человѣколюбіе пожелать оной для него.

Когда въ храминѣ добраго отца покажется розга: увидѣвшій ее тотчасъ подумаетъ: видно, между дѣтьми есть провинившіяся. Вселенная есть домъ Отца небеснаго. Человѣковъ, особенно дѣтей вѣры, бережетъ Онъ болѣе, нежели мать дѣтей своихъ (Иса. XLIX. 15.). Общественное бѣдствіе, безъ сомнѣнія, не вѣнокъ, а розга. И такъ когда вижу сію розгу: не умѣю думать иначе, какъ что земныя чада, видно, заслужили наказаніе отъ Отца небеснаго.

Возражаютъ: какъ можетъ быть наказаніемъ, напримѣръ, болѣзнь, отъ которой въ числѣ прочихъ и невинный младенецъ умираетъ? — Уже много вѣковъ прошло, какъ сіе возраженіе рѣшилъ Премудрый: *восхищенъ бысть, да не злоба измѣнитъ разумъ его, или лесть прельститъ душу его* (Прем. IV. 11.). Иное умертвить невиннаго; — не льзя

довольно ужасаться жестокой несправедливости человѣка, отъемлющаго у безвиннаго ближняго даръ Божій, коего отъемлющій ни возвратить, ни замѣнить не въ силахъ;—иное умереть безвинно, подъ владычествомъ Провидѣнія, которое путемъ жизни временной, краткимъ или долгимъ, ведетъ къ блаженному покою жизни вѣчной; безвинно умирающій ничего не теряетъ, а пріобрѣтаетъ жизнь безопасную и лучшую, и въ ней блаженство, или приготовленіе къ блаженству, по способности, награду по достоинству; слѣдственно человѣкъ не обиженъ; Провидѣніе право. Такимъ образомъ, поздняя или ранняя, легкая или тяжкая, всегда *честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его* (Псал. CXV. 6.), и спасительна: но также всегда *смерть грѣшниковъ люта* (Псал. XXXIII. 22.) и наказательна. И поелику отъ начала міра *грѣхомъ смерть во всѣ человѣки вниде* (Рим. V. 12.), какъ наказаніе: то и нынѣ увеличеніе власти ея надъ человѣками вообще означаетъ увеличеніе ихъ наказанія. И Владычествующій жизнію обыкновенно угрожаетъ смертію, какъ наказаніемъ за грѣхи и беззаконія: *беззаконія сотвори; смертію умретъ* (Iезек. XVIII. 13.)! Посему какъ смерть *не согрѣшившихъ по подобію преступленія Адамова* не препятствовала всеобщей смерти человѣковъ быть слѣдствіемъ всеобщаго осужденія (Рим. V. 14 — 18.): такъ смерть невиннаго младенца отъ истребительной болѣзни не препятствуетъ сей болѣзни оставаться общественнымъ наказаніемъ Божіимъ, и, можетъ быть, сверхъ того въ частности, наказаніемъ, или средствомъ

духовнаго возбужденія, для тѣхъ, которые лишились сего младенца, и его будутъ оплакивать.

Если думаютъ, что бѣдствіе пришло не путемъ истины и милости Господней, наказующей зло, и обращающей къ добру: то спрашиваю: какъ же пришло въ міръ бѣдствіе? Украдкою? — Не льзя. Богъ всевѣдущъ. Насильственно? — Не льзя. Богъ всемогущъ. По слѣпому движенію силъ природы? — Не льзя. Ими управляетъ Богъ премудрый и всеблагій. Куда ни обращайся съ догадками, отвсюда принужденъ будешь возвратиться къ одной неоспоримой истинѣ, что, если какъ нибудь допущено въ міръ бѣдствіе, то допущено не иначе, развѣ какъ средство Провидѣнія, наказательное и исправительное, а иногда испытательное и усовершительное, — какъ истина и милость путей Господнихъ.

Но еще говорятъ: если бы болѣзнь была наказаніемъ Божіимъ; то непозволительно было бы избавляться отъ нея врачеваніемъ: ибо когда Государь опредѣляетъ преступнику наказаніе, тогда покушеніе избавиться отъ сего наказанія почитается новымъ преступленіемъ. Невѣрное уподобленіе, и отъ того ложное заключеніе! Въ томъ самомъ случаѣ, когда болѣзнь дѣйствительно есть наказаніе Божіе, врачеванія отъ болѣзни однюдь не должно сравнивать съ побѣгомъ отъ наказанія. Можно виновному избѣжать отъ рукъ правосудія человѣческаго; и тѣмъ сдѣлать новое преступленіе, тѣмъ болѣе тяжкое, что имъ пролагается путь къ другимъ преступленіямъ: побѣгъ отъ правосудія всевидящаго и всемогущаго Бога невозможенъ; симъ правосудіемъ можно толь-

ко быть прощену и отпущену; а о семъ стараться не есть преступленіе. Убѣгающій отъ опредѣленнаго ему наказанія человѣческаго есть мятежникъ: совсѣмъ не то врачующійся отъ болѣзни; онъ дѣлаетъ сіе по дару и власти Тогоже Господа, Который наказуетъ его: ибо *Господь созда отъ земли врачеванія* (Сир. XXXVIII. 4.); *отъ Вышняго есть исцѣленіе.* (2) Убѣгающій отъ опредѣленнаго человѣческою властію наказанія нарушаетъ опредѣленіе сея власти; сего никакъ не дѣлаетъ врачующійся отъ болѣзни; успѣхомъ врачеванія открывается только то, что ему опредѣлена была болѣзнь не смертная. Исправимъ уподобленіе, и окончимъ споръ. Оковы суть одно изъ такихъ орудій правосудія человѣческаго, которыя не для невинныхъ назначены, хотя впрочемъ пребываніе въ оныхъ Іосифа не виною его должно быть изъясняемо. Подобно сему болѣзнь тѣлесная есть одно изъ орудій правосудія Божія, хотя болѣзнь Іова, Езекіи и многихъ другихъ, приходила и приходитъ особенными путями Господними, въ которыхъ впрочемъ, при внимательномъ разсмотрѣніи, всегда открывается милость и истина.

Случаи сыновъ человѣческихъ, которые многоразличная премудрость Божія ведетъ путями праведнаго и благаго Провидѣнія, такъ многочисленны, такъ разнообразны, такъ сплетены взаимными отношеніями, такъ глубоко сокрыты своими началами въ сердцахъ, которыя единъ Сердцевѣдецъ испытуетъ, такъ далеко простерты своими послѣдствіями по смертному и безсмертному бытію человѣковъ, что

желать все темное въ оныхъ понять, все трудное изъяснить, значило бы хотѣть пересчитать песокъ, или горстью вычерпать море.

Умѣй же и мудрствовать, и добровольно мудрованію своему полагать границу, по необходимости ограниченный человѣкъ! Повѣрь здравымъ понятіямъ о Богѣ всепромыслителѣ, которыя согласно тебѣ внушаютъ и разумъ и откровеніе; удовлетворись несомнительными примѣрами людей, надъ которыми, и естественно, и чудесно, не надъ всѣми одинаково, надъ каждымъ вѣрно, явилась правда и благость Божія; согласись, не только умомъ, но и сердцемъ, съ словомъ Пророка, и съ неисчислимыми свидѣтельствами слова Божія, что *вси путіе Господни милость и истина взыскающимъ завѣта Его и свидѣнія Его.* Увѣренность, сколь удовлетворительная для ума, столь же отрадная для сердца, и благотворная для жизни!

Мудрствующій по стихіямъ міра скажетъ: «воздухъ былъ зараженъ; — воздухъ освобождается отъ заразы.»—Первое горько, да и во второмъ не много вкуса. Но когда говорятъ, что Отецъ Небесный умилосердился надъ нами, и когда слушаютъ сіе съ вѣрою: человѣкъ получаетъ такія чувствованія, по которымъ онъ становится къ одно время и счастливѣе и нравственно лучше прежняго.

Благо есть исповѣдатися Господеви, и пѣти имени Твоему, Вышній, возвѣщати заутра милость Твою и истину Твою, на всяку нощь (Псал. XCI. 2. 3.).

Да неизмѣнимъ никогда сей, сколько священной,

столько же блаженной обязанности. Исповѣдаемъ истину Божію, наказующую бѣдствіями грѣшниковъ, и освящающую оными праведниковъ; исповѣдаемъ милость Божію, являемую намъ нынѣ; призовемъ благоподательную милость и истину Господню на дни грядущіе, Благочестивѣйшему Государю нашему и Августѣйшему Дому Его, царствующему Граду сему, Россіи, и наконецъ всякой душѣ, по вѣрѣ и взысканію завѣта Божія способной къ причастію милости Божіей. Аминь.

6. СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА БЛАГОЧЕСТИВЪЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, ПО ПОЛУЧЕНИИ ВЫСОЧАЙШАГО ПОВЕЛѢНІЯ О ВОЗСТАНОВЛЕНІИ СООБЩЕНІЙ МОСКВЫ, ПРЕРВАННЫХЪ ПО ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ ПРСТИВЪ ГУБИТЕЛЬНЫЯ БОЛѢЗНИ, ГОВОРЕННОЕ ВЪ КАѲЕДРАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ, ДЕКАБРЯ 6 ДНЯ, 1830 ГОДА.

Утомились мы, такъ долго и часто, говоря и слыша, все о болѣзни, все о смерти. Но кто можетъ прекословить волѣ Владѣющаго жизнію, Который сіи уже малые, только что примѣтные остатки сѣни смертной не спѣшитъ совсѣмъ удалить отъ глазъ нашихъ, можетъ быть, для того, чтобы, обезпечась скорымъ помилованіемъ, не поспѣшили мы забыть праведнаго наказанія? Благословенъ Онъ и за то, что наказалъ, и за то, что милуетъ, и за то, что милуетъ постепенно, дабы тѣмъ болѣе упрочить намъ Свою милость.

Мнѣ представляется, что, какъ Лазарь изъ гроба,

востаетъ въ сіе время сей градъ, правда не многими своими членами дѣйствительно умершій, однако весь всецѣло воскресшій отъ страха смерти. Но чего еще недостаетъ сему воскресшему, чтобы пользоваться обновленною жизнію? — Да! еще нужно для него тоже владычественное повелѣніе, которое дано было для воскресшаго Лазаря: *разрѣшите его и оставите ити* (Іоан. XI. 44.). Внемли же, воскресшій градъ! Се и для тебя исходитъ отъ Престола Царева разрѣшающій гласъ: *разрѣшите его, и оставите ити*; разрѣшите его отъ обязаній, которыми любящая рука принуждена была связать его предохранительно, чтобы область смерти не распространилась; оставьте его безпрепятственно, незаключенными вратами, непреграженными путями, идти въ села и окрестные грады, и принимать приходящихъ, чтобы жизнь естественная не затруднялась въ своихъ потребностяхъ, чтобы жизнь общественная не стѣснялась въ своихъ движеніяхъ. Благословенна благость Царева, и за намѣреніе связать смерть, и за поспѣшность разрѣшить жизнь.

Поздравляю тебя, отъ страха смертнаго воскресшій, отъ болѣзни смертной исцѣлѣвшій, отъ трудностей жизни разрѣшенный градъ! Но послушай, что еще, при сихъ благопріятныхъ для тебя событіяхъ, тебѣ сказать внушаетъ истина, что совѣтовать тебѣ, побуждаетъ желаніе твоего блага. *Взыскахъ благая тебѣ* (Псал. CXXI. 9.). Если ты воскресъ: то умѣй беречь безопасность жизни, тебѣ возвращенную. Если ты исцѣлѣлъ: то вспомни слово Исцѣлителя, сказанное *въ Церкви: се здравъ еси,*

ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ (Іоан. V. 14.). Если ты разрѣшенъ: то умѣренно и осторожно приводи въ движеніе члены твои, дабы чадолюбивая мать не увидѣла необходимости вновь спеленать дитя, во вредъ себѣ употребляющее разрѣшенные члены.

Кажется, кому бы лучше понимать высокую цѣну жизни и безопасности, какъ не тому, кто только выходитъ изъ смертной опасности? Кому свойственнѣе быть осторожну въ употребленіи здравія, какъ не тому, кто недавно видѣлъ окрестъ себя, или даже испыталъ надъ собою, жестокость болѣзни? Разрѣшенный отъ узъ, или отпущенный изъ-подъ стражи, не больше ли другаго знаетъ непріятность неволи; а потому не больше ли другаго долженъ беречься, чтобы вновь не заслужить оную? Грѣшникъ, наказанный и помилованный, къ удаленію отъ грѣха, не сугубое ли побужденіе, не два ли крыла имѣетъ, — въ воспоминаніи наказанія, и въ благодарности за помилованіе?

Подлинно такъ бы надлежало быть: но какъ часто бываетъ совсѣмъ иначе! Едва не потонувшій подлѣ берега, вскорѣ безъ нужды пускается въ глубину. Готъ, надъ кѣмъ уже сбылось врачебное предвѣщаніе мудраго: *во многъхъ брашнахъ недугъ будетъ, и пресыщеніе приближитъ даже до холеры* (Сир. XXXVII. 33.),—какъ скоро чувство глада является вѣстникомъ возвращающагося здравія, опять по прежнему *разливается на различіе брашна* (32). Готъ, который вчера, какъ милостыну, получилъ свободу, сего дня не хочетъ положить предѣловъ

своему своеволію. Сколько людей, городовъ, народовъ, временъ, въ которыхъ повторялось то, въ чемъ пѣвецъ Израилевъ такъ давно, такъ горько, упрекалъ своихъ соотечественниковъ! *Егда*, говоритъ, *убиваше я, тогда взыскаху Его, и обращахуся, и утреневаху къ Богу; и помянуша, яко Богъ помощникъ имъ есть, и Богъ вышній избавитель имъ есть.* — Но что далѣе? — *И возлюбиша Его усты своими* — только, *и языкомъ своимъ солгаша Ему; сердце же ихъ не бѣ право съ Нимъ* (Псал. LXXVII. 34 — 37.).

Какіе несчастные опыты! Какая неблагодарность и несправедливость! Какое отсутствіе благоразумія! Послѣ такого поведенія, чего добраго ждать, и по естественному дѣйствію не добрыхъ началъ, и по правосудію земному, а гдѣ сего не достанетъ, по правосудію небесному, котораго ни избѣжать, ни обмануть невозможно? — *Горше что будетъ!*

Градъ возлюбленный! Горько тебѣ было; но много услаждена чаша твоя: благодарно сохрани дарованное; благоразумно заслужи лучшее; берегись грѣховъ и погрѣшностей, *да не горше ти что будетъ.* Утвердимъ себе, братія, и не престанемъ исполнять благіе обѣты, которые вдохнуло намъ спасительное время скорби. Не съ ропотомъ воспомянемъ трудности, насъ постигшія, но съ утѣшеніемъ, трудности перенесенныя. Благодушно перенесемъ нѣкоторыя неудобства, которыя еще перенести остаются. Употребимъ дарованныя облегченія и вспоможенія въ пользу, а не въ удовлетвореніе страстей и прихотей. Со вниманіемъ и чистосердечною

вѣрностію да ходимъ въ послушаніи заповѣдямъ Божіимъ и повелѣніямъ власти, отъ Бога поставленной. Такъ будемъ благодарны Богу, насъ милующему. Такъ будемъ достойны Царя, о насъ пекущагося.

Господи, спаси Царя (Псал. XIX. 10.)! Господи! *на людехъ Твоихъ благословеніе Твое* (Псал. III. 9.). Аминь.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

Конецъ втораго тома.